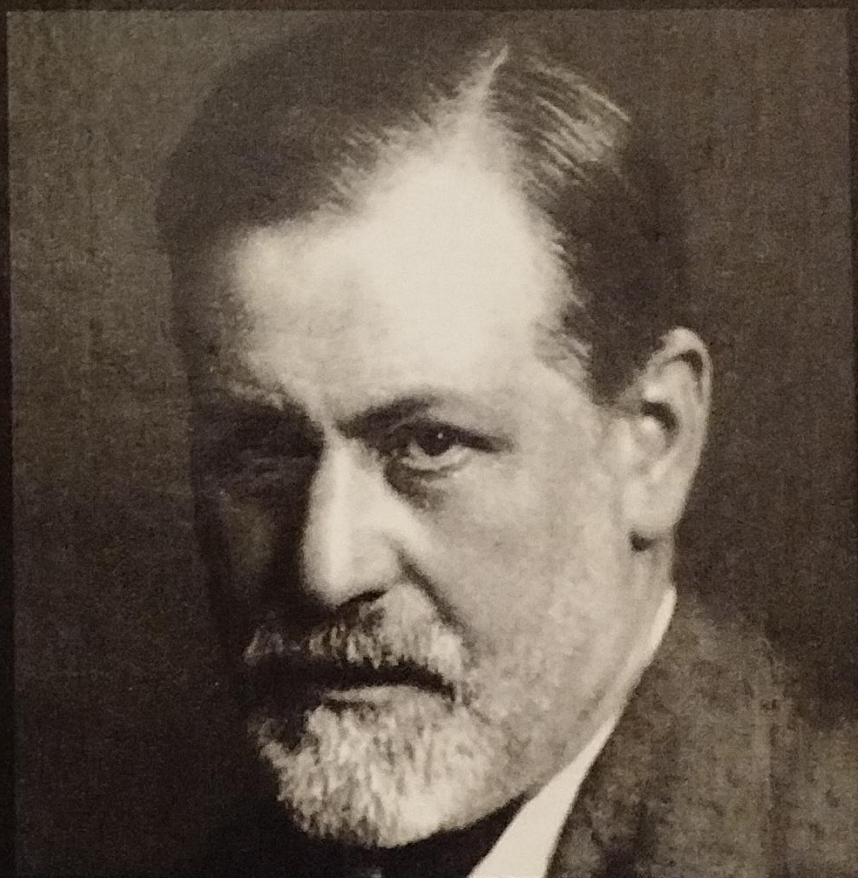

Зигмунд ФРЕЙД

Пол ФЕРРИС

*«Я зол
на
человечество»*

УДК 929Ф
ББК 63.3(4)
Ф43

Перевод с английского сделан по изданию: DR FREUD.
A LIFE by Paul Ferris.— London: «Pimlico», 1998.
На русском языке публикуется впервые.

Художник обложки *М. В. Драко*

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений,
накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой её
части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Феррис П.

Ф43 Зигмунд Фрейд / Пер. с англ. Е. А. Мартинкевич;
Худ. обл. М. В. Драко.— Мн.: ООО «Попурри», 2001.—
432 с. + 16 с. вкл.

ISBN 985-438-526-4.

Подробно описан весь жизненный путь знаменитого учёного.
Для широкого круга читателей.

УДК 929Ф
ББК 63.3(4)

ISBN 985-438-526-4 (рус.) © Перевод. Оформление. Издание на
русском языке. ООО «Попурри», 2001
ISBN 0-7126-6698-2 (англ.) © Paul Ferris 1997

Пол Феррис

Зигмунд Фрейд

Посвящается Брину и Грифу Феррисам

Введение

Столетие тому назад немецкие поэты, журналисты и другие начитанные люди, не имевшие отношения к медицинской профессии, узнали о существовании одного психотерапевта. Это был человек среднего возраста, «старый, немного жалкий на вид еврей», по его собственному сардоническому определению. С выходом книги «Толкование сновидений» (1900) его популярность начала постепенно расти, и еще задолго до смерти (которая последовала в 1939 году в Лондоне) Фрейда знали или думали, что знают, практически все.

Утверждения о том, что Фрейд наилучшим образом «определил, в чем основная причина проблем человека», звучат не более и не менее убедительно, чем идеи современных ревизионистов, объявляющих его шарлатаном, который искусно манипулировал имеющимися данными. Промежуточную позицию занимают те, кто согласен со многими мыслями Фрейда, часто выраженными как бы между прочим: так иногда находишь в романе или стихотворении строчку, которую написал бы сам, если бы мог выразить это словами.

Я, сторонний наблюдатель, ближе к тем, кто не идеализирует Фрейда, но видит в нем интересную и правдоподобную фигуру. «Шарлатан» – это, на мой взгляд, сказано слишком сильно. Его скорее можно назвать «хитрым» и «жестоким» – не пытаюсь представить его в невыгодном свете, а, напротив, для того, чтобы стало понятно, какие усилия он прилагал к объяснению человеческой природы. Он считал, что эта цель оправдывает любые средства. Несмотря на то что общая психологическая теория Фрейда в настоящее время многими считается неверной, этот человек был чрезвычайно выдающейся личностью.

Психоанализ настолько категоричен, что многие его сторонники с трудом воспринимают любые возражения, и он подвергался нападкам с самого своего появления. Яростная оппозиция, вполне возможно, и помогла психоанализу оформиться, а Фрейду позволила играть роль мессии, преследуемого за свою веру. Европейские психиатры яростно нападали на «выскочек», которые, как те опасались, хотят переманить у них пациентов (в отличие от американских врачей, скорее склонявшихся к тому, чтобы стать такими «выскачками» самим). По мере распространения «фрейдизм» становился все более заметной мишенью. Еще до первой мировой войны иконоборец Карл Краус, владелец венского журнала «Факел», сочинял по поводу психоанализа едкие эпиграммы, иногда довольно грубые: «Если человечество со всеми своими отвратительными недостатками – это единый организм, то психоаналитик – его экскременты».

Фрейд и представители его движения в целом в ответ на подобную враждебность провозгласили, что лишь «посвященные» способны понять систему психоанализа. Отклонения в поведении пациента они называли «сопротивлением» и причисляли к ошибкам, которые можно исправить лишь хорошей дозой все того же психоанализа. Этот прекрасный трюк используется по сей день.

Если говорить о жизнеописании самого Фрейда, многие факторы, мягко говоря, не способствуют его созданию. До семидесятых годов ни одному человеку не хватило решимости заново исследовать подробности его жизни, описанные двадцать лет назад в официальном трехтомнике Эрнеста Джонса. Те же, кто имел возможность с научной точки зрения исследовать жизнь Фрейда с другой стороны, обычно на это не отваживались. Подобное нелепое «благоговение» привело к стремлению исключить «альтернативные» точки зрения, до сих пор присущему некоторым специалистам. Кое-что об этом вы найдете в

главе 32.

Но куда более опасным, чем ограничения, навязываемые архивом Зигмунда Фрейда, можно считать явное игнорирование исторических фактов. Сейчас запоздалое внимание стали уделять исследованию общей цельности методов Фрейда. Заново анализируют и его подход к известнейшим случаям и историям болезни – в том числе «теорию соращения», а также случаи Анны О. (которая не была его пациенткой) и Волчьего Человека. Тщательному исследованию подвергаются и менее известные случаи – австрийка Эмма Экштейн, американец Гарольд Фринк, – а также сексуальная сторона жизни ранних психоаналитиков, в том числе самого Фрейда. По словам профессора Эдварда Тиммса на лондонской конференции в 1993 году, «история психоанализа тщательно выхолощена», ее «пишут те, кто лично заинтересован в укреплении репутации Фрейда». В общем, интерес к Фрейду возрос, хотя главным образом не в профессиональной среде.

Хотя я и не подвергался психоанализу, написать биографию Фрейда мне помог здоровый (или нездоровый) интерес к причудливым изгибам человеческой психики, в том числе собственной. В детстве я решил, что если написать латинскую букву "P", с которой начинается мое имя, под буквой "D", это обозначает смерть (англ. «death») и, значит, этого сочетания нужно избегать. Проблема решалась просто: небольшой пробел, и смерть побеждена. Такие алогичные страхи и тайные ритуалы – напоминание о таинственном «ином мире», который стал предметом исследования этого венского врача. Многие годы Фрейд видел во всем вокруг себя знаки смерти – даже в номере телефона или комнаты. Бывали периоды, когда он верил в телепатию. Даже став знаменитым, он не избавился от привычной неуверенности.

Работа над книгой дала мне возможность понять, насколько необъятна эта тема. Фрейд именно таков, каким вы хотите его видеть.

Бауруд и Лондон, 1993-1997

Благодарности

Я хотел бы выразить благодарность сотрудникам архивов Британского психоаналитического общества, в частности Джилл Дункан; Томасу Робертсу, служащему архива «Зигмунд Фрейд копирайтс» в Уавенхоу в Эссексе; Эрике Дэйвис и Майклу Молнару из Музея Фрейда; Ингрид Шольц-Штрассер и Дорис Фрицше из дома Зигмунда Фрейда на Берггассе, 19, в Вене; Дэвиду У. С. Стюарту и Роберту Гринвуду из библиотеки Королевского медицинского общества в Лондоне. Энтони Стэдлен и Энтони Сторр, аналитики и авторы книг на самые разные темы, давали мне продолжительные консультации, как и Хью Фримен, Эрик Рейнер и Эдвард Тиммс. Ганс У. Лэндж, педантичный генеалог Фрейдов, предоставил мне их генеалогическое древо и семейные истории. Идею книги подал Кристофер Синклер-Стивенсон, чем я ему чрезвычайно обязан.

Я также хотел бы поблагодарить следующих людей: Стивена Барлей, Фреда У. Баумана-мл. (библиотека конгресса), Джона Белофф, Вольфганга Бернера, Джулию Кейв, Кристофера Кордесса, Райана Дэйвиса, Розину Дэйвис, Т. Дж. Дэйвиса, Уолфорда Дэйвиса, Эсмонда Деваса, Элис Айслер, Георга Айслера, Аллена Эстерсона, Элис Фельдман, Джона Ффорде, Армонда Филдса, Софи Форрестер, Джоан Фримен, Софи Фрейд, Джона И. Гидо, Марлен Хобсбоум, Хэна Израэльса, Мервина Джонса, Андреаса Кафку (Австрийская телевизионная корпорация), Хайнца Качнига, Кроуфорда Кинена (Медицинский институт Джона Хопкинса), Перла Кинга, Сью Кинг (библиотека Полицейского колледжа, Брамсхилл, Хэмпшир), Харальда Леопольда-Левенталя, Карен Левеллин, Джона Мак-Гэрри, Джеффри Мэссона, Питера Натана, Тома Филби, Дайлис Рейнер, Дж. Рассела Риса, Пола Риса, Глорию Роберте (Федерация планируемой рождаемости Америки), Чарльза Райкрофта, Вильгельма Шлага, Тома Скотта, Рикардо Штайнера, Питера Суэйлза, Эдит Вольцль, Джона Риддингтона Янга.

Миссис Хелен Фринк Крафт позволила мне воспользоваться бумагами Горация У. Фринка и Дорис Бест Фринк, а также корреспонденцией Горация У. Фринка в собрании бумаг Адольфа Мейера; находящемся в медицинских архивах Чесни Медицинского института Джона Хопкинса в Балтиморе (штат Мэриленд), попечителям которых, я тоже выражаю благодарность.

Еще не были упомянуты некоторые библиотеки и архивы, сотрудникам которых я также выражаю свою признательность: архивы Британской медицинской ассоциации. Институт Лео Бека, Институт истории медицины «Wellcome», библиотека Винера в Лондоне; библиотека университета Джона Райлендса в Манчестере; а также публичные библиотеки городов Саутпорт и Кросби.

Я благодарен следующим лицам за разрешение воспользоваться материалом, защищенным авторскими правами: «Faber Faber Ltd» за разрешение процитировать девять строк из стихотворения Одена «В память о Зигмунде Фрейде» из «Собрания коротких стихотворений», «Estate of W. H. Auden», 1966; издательству «Harvard University Press» за разрешение использовать цитаты из «Полного собрания писем Зигмунда Фрейда Вильгельму Флису за 1887-1904 гг.», переведенного и отредактированного Джеффри Муссаефф Мэссоном, «Belknap Press», «Harvard University Press», 1985; из «Переписки Зигмунда Фрейда и Шандора Ференци», тома 1, под ред. Эвы Брабант, Эрнста Фальзедера и Патриции Джампери-Дейч, перевод Питера Т. Хоффера, и тома 2, под ред. Эрнста Фальзедера и Эвы Брабант, перевод Питера Т. Хоффера, «Belknap Press», «Harvard University Press», 1993; из «Полной переписки Зигмунда Фрейда и Эрнеста Джонса за 1908-1939 гг.», под ред. Р. Эндрю Паскаускаса, «Belknap Press», «Harvard University Press», 1993 и 1996; и из «Писем Зигмунда Фрейда Эдуарду Зильберштейну за 1871-1881 гг.», под ред. Уолтера Белича, перевод Арнольда Дж. Померанса, «Belknap Press», «Harvard University Press», 1990; «Estate of Karl Jung», издательства «Hogart Press» и «Routledge Kegan Paul» за разрешение использовать цитаты из сборника «Письма Фрейда и Юнга: переписка между Зигмундом Фрейдом и К. Г. Юнгом» под ред. Уильяма Макгира, перевод Ральфа Манхайма и Р. Ф. С. Халла, «Hogart Press» и «Routledge Kegan Paul», 1974; «Mark Paterson Associates» за цитаты из «Стандартного издания всех работ по психологии Зигмунда Фрейда» («Hogart Press», Лондон, и «W. W. Norton Co.», Нью-Йорк, 1953-1974); из неопубликованных материалов Зигмунда Фрейда, А. У. Фрейда и др., по договоренности с «Mark Paterson Associates».

Для определения владельцев авторских прав на материал были приложены все усилия. Я глубоко сожалею, если произошли какие-либо неумышленные опущения. В этом случае будут внесены исправления в следующих изданиях.

Глава 1. Сказки Венского леса

Девятое издание путеводителя по Австрии Бедекера 1900 года, написанное в эпоху, когда люди были гораздо увереннее в себе, рассказывает об этих местах авторитетно и даже категорично. Одна из страниц содержит описание краткой экскурсии из столицы к вершине находящейся неподалеку горы под названием Каленберг. Автор одним махом разделяется с описанием троп, таверн, виноградников и пейзажей. С высоты четырехсот восьмидесяти метров в ясную погоду на востоке видны вершины Карпат, а на юго-западе – Альпы.

И наконец, в центре обширного вида (900 кв. м) вы видите столицу, Вену, с новым Дунайским каналом и пятью мостами.

Подняться наверх можно по-разному: например, подъехать паровозом до Нуссдорфа в Девятнадцатом округе и отправиться вдоль аллеи «по тенистой тропе под названием Бетховенганг (аллея Бетховена) с бронзовым бюстом великого композитора, который часто проводил тут время». Тенистая тропа и бюст остались там по сей день – потемневший от непогоды памятник возвышается над кустами с багряными ягодами, падающими на постамент. Мимо проносятся мальчишки на велосипедах. Слышен запах жареного мяса – где-то на лужайке перед домом делают барбекю.

Должно быть, десятки тысяч людей прошли этим путем, чтобы отдать дань уважения композитору. В то время люди считали, что и статуи, и портретные фотографии могут о многом рассказать. Среди них не раз бывал молодой Зигмунд Фрейд, который любил прогулки по пригороду Вены, потому что не мог позволить себе никаких других. До нас дошел его рассказ об одной из таких прогулок в 1882 году, когда он водил по знакомым местам свою немецкую возлюбленную, Марту (она была родом из Гамбурга). Их сопровождала сестра Марты, Минна. В этот летний день они отправились вверх по аллее Бетховена, где, без сомнения, любовались бюстом, установленным два десятилетия тому назад, и говорили о жизни композитора в Вене. Но Зигмунд, двадцатилетний врач без гроша в кармане, думал о другом. Его влюбленный взгляд не мог не направляться в сторону Марты, когда та отворачивалась и подтягивала чулки. Похоже, она делала это слишком часто. Фрейд даже год спустя упоминал о чулках в письме к Марте, извиняясь за свою дерзость, причем воспоминания ему были явно приятны. Даже в то пуританское время подобное действие едва ли заслуживало внимания, но половое развитие Фрейда никак нельзя было назвать ранним.

Вокруг Каленберга и холмов в его окрестностях раскинулся буковый Венский лес. Когда-то он служил для охоты императора, а теперь является пристанищем любителей пикников, хотя многие считают подобные леса «ненастоящими» – слишком уж близко к городу они расположены. Доктор Фрейд с детьми собирал там грибы. На той девушке из Гамбурга он все-таки женился. Сначала они жили в квартире на бульваре, и он удачно начал карьеру частного врача – впрочем, судя по снам, подобная карьера едва ли казалась ему удачной. Когда тайны воображения Фрейда (по крайней мере, частично) стали достоянием читателей, оказалось, что в его снах содержатся воспоминания о бедном отце семейства Фрейдов, жившего то в одной, то в другой квартире в еврейском квартале. Присутствует там и собственное желание Фрейда преуспеть в жизни.

Долгие летние каникулы, которым венцы придают большое значение, Зигмунд и Марта вскоре смогли проводить всей семьей в Земмеринге, горном районе в восьмидесяти километрах к юго-западу от столицы. Обычно они останавливались в Рейхенау, деревушке на высоте пятисот метров над уровнем моря, где когда-то добывали железо. Фрейд поднимался на пустынные горные плато в твидовом костюме, воротничке и галстук – так ходили все мужчины даже во время отдыха. Одним из его излюбленных мест была «Снежная гора», Шнееберг, самая высокая вершина в Нижней Австрии (более двух тысяч метров). Эта удивительная пустыня, взмывшая в небо, – та часть Альп, которая видна в ясную погоду с венской горы Каленберг.

Гористая местность нравилась Фрейду. Австрийцы, как и швейцарцы, относятся к

горам приблизительно так же, как британцы к побережью. В Вене говорят с оптимизмом: «В горах нет греха». Во время очередного летнего отдыха в Земмеринге, в 1893 году, с Фрейдом произошло одно событие на горе Ракс, что рядом со Шнеебергом. Это событие было в истинном духе психологии Фрейда: яркое, немного странное, без свидетелей. К нему подошла дочь хозяина таверны, мрачный подросток, и попросила совета по поводу приступов тревоги. Фрейд быстро разобрался, в чем ее проблема. У нее был «дядя» (на самом деле отец), который занимался сексуальными домогательствами по отношению к ней и ее кузине. Симптомы девушки, решил Фрейд, невротичны. Они воспроизводят ту тревогу, которую она чувствовала, если получала удары от отца-дяди. Фрейд использовал эту историю в одной из своих книг, и «Катарина -» стала известной фигурой в психологической литературе.

Возможно, Фрейд немного изменил события, чтобы повествование походило на литературный рассказ (а оно воспринимается именно так), но Катарина действительно существовала. Ее звали Аурелия Кроних, и есть даже ее фотография вместе со злым отцом Юлиусом, человеком с небольшими усами, вызывающими ассоциацию с Гитлером. Личность девушки и фотографии были обнаружены век спустя Питером Суэйлзом «Питер Дж. Суэйлз, родился в 1948 году в Хейверфордвесте (Уэльс), закончил местную среднюю классическую школу, а позже, после „духовного кризиса“, оказался в Нью-Йорке и превратился в лабораторию по изучению Фрейда, состоящую из одного человека.», самостоятельным исследователем-фрейдистом, который прослеживает развитие мысли Фрейда от одной истории к другой, проверяя их правдивость с такой же беспощадной изобретательностью, с которой работал сам Фрейд.

Фрейдисты уделяют огромное внимание этим ранним годам, времени становления идей психоанализа. Сложно отделить человека, который встретился на горной вершине с Катариной и наблюдал на аллее Бетховена, как Марта Бернейс поправляет одежду, от многократно описанного устоявшегося образа. Немного помогают биографу места, где он бывал: природа, комната с сохранившейся обстановкой – хотя зачастую эта помощь лишь мнимая.

Фрейд хотел изменить мир, дав ему универсальную теорию человеческого поведения, и нельзя рассматривать этого ученого вне его веры в то, что это возможно и что именно он в состоянии это сделать. Любой человек подобными амбициозными заявлениями вызывает скептическую реакцию. А попытка Фрейда была поистине грандиозна. Возможно, в конце концов оказалось, что вся человеческая природа ему не по плечу, но его комментарии по поводу нашей жизни полны остроумных догадок и ответов на многие вопросы. Некоторые вопросы в его книгах превращаются в новые загадки, и все же они помогают нам больше узнать о себе. Если он и пользовался любыми средствами – обманом, хитростью – для достижения своих целей, то не больше, чем остальные изобретатели. Лишь неординарный человек мог со всем этим справиться – некий Эдип (которым он себя представлял), знающий ответ на загадку Сфинкса. Фрейд не тот, каким кажется.

Среди лугов и виноградников ниже по склону горы Каленберг и на окрестных холмах находились первоклассные имения. Одно из них – «Шлосс Бельвю», дом, расположенный на высоте почти пятисот метров над уровнем моря. Он связан с именем Фрейда. В путеводителе Бедекера об этом здании ничего не сказано. Там можно прочитать лишь о Гринцинге, деревне в полутора километрах от этого места (ресторан «Бергер», тенистый сад и хорошее вино), а также найти упоминание о «многочисленных виллах». Теперь в этом месте заканчивается трамвайная линия Вены, а в тенистых садах туристы поглощают «хойригер», молодое вино местного производства. Аллея Бетховена находится всего в восьмистах метрах к востоку.

Сразу под Гринцингом находится публичный парк. Именно в этих местах располагалась турецкая армия, которая многие месяцы держала осаду Вены в 1683 году. В одно осеннее утро имперская армия с польскими союзниками вышла из-за Каленберга и разбила турок. Несмотря на это, два последующих столетия Вена по-прежнему опасалась

вторжения с востока и не убирала крепостных стен, строясь преимущественно под их защитой. Когда Фрейд был ребенком, военные как раз уступили городу участки земли за стенами и Вена была охвачена манией строительства. Но к концу его жизни, в 1937 году, когда нацисты были практически у ворот Вены, Фрейд проводил параллель с 1683 годом, с грустью констатируя, что на этот раз из-за Каленберга никакие союзники не появятся.

В 1896 году Фрейду не хватало средств для семейного отдыха, поэтому он решил отказаться от Альп и провести лето в районе Каленберга. «Бельвю», принадлежавший семье Шлагов, не был ни гостиницей, ни рестораном, и владельцы считали его пансионом, «домом для гостей». Конечно, гости платили, но это тщательно маскировалось. Здание было необычным, приземистым, почти в итальянском стиле с фасада, а верхний этаж с обеих сторон венчали тонкие башни. Оно было построено в начале века для развлечений – приемов, балов, азартных игр, – и поэтому комнаты были необычайно просторными. В задней части было два крыла, прятавшихся за плохо гармонизировавшим со всем зданием фасадом. Бросались в глаза три больших окна наверху с видом на Вену. В этих комнатах жили наиболее почетные гости. Фрейды имели хорошую репутацию, но в то время их имя значило немного, и в семействе Шлагов сохранились лишь крайне незначительные воспоминания об этих постояльцах. Над окнами красовалась надпись крупными и не слишком изящными буквами: «Belle Vue» («Бельвю»).

Фрейды отправились туда рано, в конце мая. Без сомнения, они наняли повозку для служанки и багажа и закрытый экипаж для себя и пятерых детей. Марта носила с марта шестого ребенка, чему они были не особо рады. «В понедельник мы переезжаем на Небеса», писал Фрейд другу. Химмельштрассе, или «Небесная улица», – это дорога, ведущая из Гринцинга в имение «Химмель» («Небеса»), расположенное выше на холме. «Бельвю» находилось как раз на этой дороге. Впрочем, Фрейд был в то время далек от «небесной жизни». Пока не началось лето, он постоянно ездил оттуда в городскую квартиру (в то время на Берггассе, или «Горной улице»). Там его ждали пациенты, а значит, и деньги.

Фрейд чувствовал себя этой весной не слишком уверенно. У него уменьшилось желание работать обычным врачом, но деньги были тем не менее нужны. А у него уже появлялись идеи, над которыми вскоре начнут смеяться жестокие венские коллеги. За несколько дней до отъезда семейства в «Бельвю» он признался другу, берлинскому врачу Вильгельму Флису, что «такой человек, как я», не может жить без всепоглощающей страсти. Он утверждал, что нашел эту страсть в психологии. Изучение «мыслительных функций», сказал он, нормальных и аномальных, превратилось для него в вечного тирана.

Похоже, эта страсть не подпитывалась никакими особыми внешними обстоятельствами. Ее растил в себе сам Фрейд, как и все, что с нею связано: поиск мельчайших подробностей о том, как работает человеческий разум и как можно лечить его расстройства. Клинический материал доктора Фрейда был невелик. Он состоял из разрозненных случаев невротических венцев среднего класса, которыми он занимался в течение девяти лет. Именно такие клиенты давали основную работу подобным врачебным практикам. Их проблемы были достаточно реальны, но лечение проводилось наугад.

Настоящих умалишенных обычные врачи не лечили. Состоятельные душевнобольные оказывались в частных клиниках, а бедные – в неприглядных больничных палатах. Считалось, что они наследовали «дурную кровь» от родителей, и о них благополучно забывали. Невротики, «легкораненые» психиатрии, чаще подвергались лечению, потому что были «более нормальны». К ним относились люди, страдающие от приступов страха и фобий – те, кто боится лошадей или темноты, считает себя неполноценным, страдает от необъяснимого несварения желудка, болей в спине и слабости ног. Для них не существовало конкретного диагноза, кроме малопонятного популярного слова «неврастения» или, в тяжелых случаях, «истерия». Это заболевание тоже было не очень понятно медицине. В девятнадцатом веке оно встречалось часто, особенно среди женщин среднего класса, и многое связывают его с образом жизни, который они вели.

Транквилизаторов или антидепрессантов не было. Для большинства врачей пациенты с

«больными нервами» почти не относились к настоящей медицине, хотя, что немаловажно, приносили неплохой доход. Фрейд тоже брал с них деньги, но обращал внимание и на то, что они ему говорили. Наблюдения вызвали в нем интерес к личностям пациентов, которые были «не в себе». Природа человеческого сознания была предметом многих философских дебатов в девятнадцатом столетии. К тому времени когда Фрейд начал работать, у психологов и психиатров появилась профессиональная заинтересованность в этом вопросе; многие были уверены в существовании подсознательной, или бессознательной, части мозга. Почти все люди принимали идею о делимости сознания как должное. Когда Томас Харди написал в книге «Возвращение на родину», что «людей что-то уводит от выполнения намерений даже тогда, когда они их выполняют», он выразил прописную истину, известную его читателям викторианской эпохи, 1878 года. Что же сделал Фрейд? Он воспользовался этим развивающимся понятием о существовании некоего сознания внутри сознания и с помощью интуиции и наблюдений стал создавать всеобъемлющую систему, построенную на исследовании невротиков, но призванную объяснить человеческое поведение в целом.

Задача оказалась не из легких. Нужно было разобраться хотя бы со своим собственным разумом, который представлял собой всего лишь часть общей тайны. «Внутреннее восприятие нельзя считать 'доказательством'», – писал он своему другу Флису. Ему часто бывало не по себе. Впрочем, это его не останавливало.

Его заявления не становились более правдоподобными от убеждения, что это «второе я» в основном сосредоточено на сексе. Первая книга Фрейда, «Этюды по истерии», написанная вместе со старшим коллегой, имя которого стояло на титульном листе первым, была опубликована в том же месяце, в мае 1895 года, и содержала странное примечание курсивом: «Истерии в основном страдают от воспоминаний». (Одной из пациенток, описанных в книге, стала Катарина, та девушка с горы.) Размышления Фрейда о природе этих воспоминаний не были выражены в этой книге достаточно четко, но, очевидно, он уже тогда считал, что они связаны с сексуальными вопросами.

Секс, с его точки зрения, занимал основное место и в менее серьезных психических расстройствах, таких как неврастения, при которой люди «имели проблемы с нервами». Либо рассказы пациентов, либо собственные идеи – Фрейд намекал на первое, факты же говорят о втором – приводят его к осуждению мастурбации и использования презервативов и утверждению, что это опасно, портит людям нервы и расстраивает их рассудок. Врачи и священники часто осуждали все, что делало из секса не обязанность, а удовольствие. Фрейд не считал (а если и считал, то не выражал этого открыто) подобные вещи аморальными. Он просто утверждал, что они вредны и вызывают неврастению. Поскольку в Вене было достаточно много процветающих горожан среднего класса, которые страдали от нервных расстройств и делали в прошлом массу запретных вещей, этот вывод можно было применить к очень многим пациентам. Но не стоит утверждать, что Фрейд – это врач, изобретающий лечение на пустом месте. Он верил, что у него в руках истинный ответ, ключ ко всем загадкам.

Этот вопрос интересовал его и с личной стороны. Сам он был отцом пятерых, уже почти шестерых детей, а его жена страдала от постоянных беременностей. Это наводило его на мрачные мысли о контрацепции. Вспышки оптимизма (он «дики и нетерпеливо» ждал прихода весны, как он писал берлинскому другу в апреле) чередовались с приступами уныния. Нервный пульс и жжение в груди сделали из него ипохондрика. Он принимал кокаин и много курил. Ему было тридцать девять, а он был уверен, что умрет в пятьдесят один, потому что эта дата имела для него некое таинственное значение. Фрейд понимал, что сам страдает от невроза.

«Бельвю» летом позволяло ему отдохнуть от города. Городская пыль не достигала этих лугов и садов. Северо-восточный ветер приносил с собой слабые звуки музыки – это по четвергам и воскресеньям играл военный оркестр в гостинице «Каленберг». Кроме этого, едва ли что-то нарушало покой в имении. На тех, кто сворачивал в их сторону с Химмельштрассе без разрешения, громко кричал в рупор господин Шлаг.

В июле Фрейд бывал там чаще. В перерывах между прогулками и сбором ягод он размышлял об историях о сексуальных впечатлениях детства, услышанных от пациентов (или угаданных в их разговорах). Его беспокоило и другое. Во время предыдущей беременности у его жены появились тромбы в венах ног, и Фрейд боялся повторения. По сегодняшним меркам, это была все еще молодая женщина, которой 26 июля исполнялось тридцать четыре года. В «Бельвю» по этому поводу устраивали праздник. 23 июля один друг и молодой коллега Фрейда, Оскар Рие, навестил их и заметил, что одна из пациенток Фрейда, Ирма, не получает правильного лечения.

Беременность Марты, приближающийся день рождения, посещение коллеги, беспокойство о размере залов в «Бельвю» и профессиональные проблемы – все это уже готово было вылиться в сон, который Фрейд сделал знаменитым. Он утверждал, что смог разгадать его значение, и использовал это как первое подтверждение тому, что сны – серьезная область научных исследований. Вскоре сны станут необходимыми для его новой, еще никому неизвестной психологии. Фрейд считал, что сны отнюдь не так неразборчивы, как кажется, и позволяют узнать многое о том, кто их видит, если знать их язык. Фрейд считал, что его знает.

Сон в «Бельвю» был очень драматичным, а драматичность всегда была частью успеха теорий Фрейда. Фрейд увидел его рано утром 24 июля. Он стоял в большом зале, таком как в «Бельвю», и принимал гостей, среди которых была пациентка, которой он дал вымышленное имя Ирма. Ее состояние беспокоило его. Он посмотрел на ее горло и увидел странные язвы. Там были другие врачи, с которыми он обсуждал этот случай. Они решили, что инфекция у Ирмы вызвана недавней, инъекцией, которую, вероятно, сделал доктор Рие грязным шприцом.

Вот и все. Спустя четыре года, в конце века, стремясь завоевать внимание читателей немедицинских профессий, Фрейд опубликовал этот сон в книге «Толкование сновидений». Сон описывался несколькими сотнями слов. Фрейд назвал его «сном-образцом» и тщательно исследовал, в то же время посвящая читателей в «мельчайшие подробности» своей жизни.

Мысли, вызванные сном, были связаны с компетентностью Фрейда как врача. Мнимый тромбоз Марты – с подкожным уколом, сделанным Ирме. Все эти ассоциации занимают много страниц, причем фрейдисты добавляют к ним все новые. Для Фрейда это был сон о его профессиональном мастерстве, о сравнении с коллегами, который позволил ему сделать вывод, что не он виноват в состоянии Ирмы. «Сон представлял собой определенное положение вещей, которое я бы предпочел иметь. Таким образом, его содержание было исполнением желания, а его мотив – самим желанием». Фрейд сделал это одной из аксиом своей теории. Он был убежден, что нет снов без целей, что они всегда представляют собой попытку исполнить желание, пусть и не всегда явное. Это давало ему конкретные знания, которые можно было использовать для оценки снов, рассказываемых ему пациентами.

Действительно ли связаны сны с исполнением желаний или нет (большинство ученых в настоящее время несогласны с Фрейдом), эти «мельчайшие подробности» открыли о том, кто видел этот сон, больше, чем он намеревался открыть. Фрейд был скрытным человеком, но постоянно оставлял какие-то подсказки, которые позволяют узнать что-то его жизни: в снах, в письмах, в объемных трудах. Друзья отговаривали его от этого, но он не мог избавиться от автобиографичности, и многие «научные» работы, которыми он хотел покорить весь мир, полны намеков и иносказаний. Жизни большинства людей видны через внешние события. Почти вся жизнь Фрейда происходила внутри него, и, возможно, именно это бессознательное желание, открыть побольше – если остального биографам покажется мало – заставляло его сообщать о себе то, что не всегда характеризовало его с лучшей стороны.

Сон об Ирме и комментарий говорят о том, что он испытывал чувство вины. Беспокоила ли его склонность Марты к тромбозу? Или то, что, воздерживаясь от половых сношений после рождения пятого ребенка в 1893 году (он не хотел использовать контрацепцию), он снова зачал ребенка в марте 1895 года? «Я снова человек с человеческими чувствами», – торжествующе пишет он доктору Флису 15 марта, день или два

спустя после той ночи, когда, скорее всего, был зачат шестой ребенок.

Были и другие моменты, которые могли вызвать чувство вины. Под именем Ирмы скрывалась Эмма Экштейн, пациентка с нарушениями менструации. Фрейд подверг ее анализу и, возможно, подумал, что ее проблемы вызваны мастурбацией. Ранее в том же году он отослал ее к доктору Флису, который был не менее изобретателен, чем сам Фрейд, и считал, что между носом и половыми органами есть «симпатизирующая» связь (медицина в то время была странной наукой). Флис провел операцию на носе Экштейн, но сделал ее плохо. По возвращении в Вену у нее несколько раз были кровотечения, от которых она чуть не умерла. На людях Фрейд не хотел и слышать ни одного слова осуждения в адрес Флиса, этого коллеги-новатора, в дружбе которого он так нуждался. Но сон – совсем иное дело.

«Инъекция Ирмы» была поворотной точкой для Фрейда. Это был сон, как мы уже говорили, человека средних лет с творческими наклонностями, отчаянно пытавшегося в одиночку разгадать человеческую природу. Этот сон продемонстрировал ему, что может рассказать бессознательное. Возможно, он увидел его как бы «специально». У пациентов часто бывают именно такие сны, которые нужны аналитику. В течение нескольких лет после 1895 года мозг Фрейда услужливо предоставлял ему все новые сны, необходимые для понимания самого важного пациента – себя самого.

В июне 1900 года в письме Флису (снова из «Бельвю») Фрейд размышляет о том, будет ли там «однажды» мраморная табличка с надписью:

*В этом доме 24 июля 1895 года
доктору Зигмунду Фрейду
открылась тайна снов*

На это потребовалось много времени, но мечта Фрейда почти в точности сбылась в 1977 году, на сто двадцать первую годовщину его рождения. На краю места, которое когда-то было лугом «Бельвю», на склоне со стороны Вены, была установлена табличка на пьедестале. На ней написана именно та фраза из письма Флису. Но она стоит посреди пустоты – имения «Бельвю» больше нет.

Семья Шлагов оставила поместье очень давно. После них там размещался детский санаторий, а в 1945 году были расквартированы русские солдаты. Некоторое время там жили беженцы с востока. Позднее кто-то пытался восстановить развалины и сделать из них ресторан, но безуспешно. В конце концов здание снесли. Теперь «Бельвю» – это лишь название места между двумя долинами. Там, где стоял дом, осталась лишь неровная земля да несколько деревьев.

Глава 2. Дорога с востока

Представьте себе дорогу. По ней едет телега с двумя бедно одетыми мужчинами. Они возят крашенные ткани в самый холодный уголок Европы, а в обмен – шерсть и мед. Эта картина – мир, откуда Фрейд был родом. Сороковые года девятнадцатого века. Лошадь еле идет, погода ужасная. Перед ними пятьсот-шестьсот километров пути. Карпаты стоят на пути теплых южных ветров. Где-то вдали, похоже, воет волк. Достоверных случаев гибели путешественников от зубов волков мало, но, несомненно, в далекой Галиции сто пятьдесят лет назад «Wanderjuden», странствующие евреи, очень рисковали. С волками или без них, это мероприятие представлялось достаточно унылым.

Телега ехала по землям, принадлежавшим Австрийской империи. Ее власть простиралась на восток от Вены по всей Богемии, Моравии, Силезии, Венгрии и даже Галиции, которую империя купила у Польши в восемнадцатом веке. По сравнению с Веной, городом дворцов и скрипок, Галиция была грязным глухим захолустьем. Правительство посылало туда солдат, чтобы поддерживать порядок, и чиновников, чтобы собирать налоги, особенно с евреев, двести тысяч которых перешли к империи вместе с Галицией. Их

«приобретение» удвоило общее количество еврейского населения империи. В Вене к людям с востока относились с подозрением, евреи же вызывали неприязнь в любом месте, потому что были не такими, как все. Евреи из Галиции встретились с суровыми законами и налогами, призванными сделать их «приобретение» выгодным, а также по возможности сдерживать их рост. Были введены налоги на свадьбы, свечи и кошерное мясо. Веру объявили подчиненной государственной религии, римскому католицизму. Платить приходилось даже за фамилии: в 1787 году галицийским евреям было приказано сменить фамилии на немецкие, и за хорошую фамилию – Блументаль («долина цветов») или Шенберг («прекрасная гора») – стоило дать чиновнику взятку.

Путешественники в телеге – старик по имени Сискинд Хофман и молодой человек Якоб Фрайт, или Фрейд, – старались не поднимать глаз на всех людей в форме, и не потому, что они нарушали закон (их временные паспорта, готовые к проверке, лежали в непромокаемой тонкой клеенке), а потому, что старались выглядеть как можно более незаметно. У евреев было еще меньше прав, чем у польских крестьян. До нас дошли сведения о путешествиях Сискинды и Якоба лишь потому, что австрийские бюрократы питали сильную привязанность к всевозможным разрешениям и паспортам и не расставались со своими записями даже после исчезновения самой империи.

Фамилия Фрейд (Freud) в переводе с немецкого означает «радость» – возможно, тот, кто ее себе придумал, вложил в нее свою надежду на лучшее будущее. Якоб Фрейд жил в трудное время, хотя этого, возможно, и не понимал. На протяжении целой тысячи лет Восточная Европа была заполнена самыми разными народами, постоянно перемещающимися внутри автократических империй – турецкой, русской, австрийской. Национальные различия порождали массу предрассудков, а евреи, всегда заметные и легко отличимые, страдали больше остальных. С древних времен христиане преследовали их как народ, распявший Христа. Евреям не давали учиться, принуждая их к самодостаточности. Они научились торговле и финансам, но этот мудрый поступок вызывал зависть. Зависть пробуждал и острый еврейский ум, прививавшийся культурой, в которой учение уважалось, а способные мальчики изучали религию, получая деньги от более состоятельных евреев.

Чем «восточнее» был еврей, тем больше подозрений он вызывал. Эта тенденция сохранялась в течение девятнадцатого и даже двадцатого столетия, когда население стало передвигаться с востока на запад, и «ассимилированные» – западные – евреи решили, что от восточных евреев («Ostjuden») нужно держаться подальше. Среди всех евреев империи галицийские вызывали наибольшую неприязнь. Даже в 1840-х годах в Вене были евреи, которые считали своих галицийских собратьев дикарями с жирными волосами, которые говорили на странном диалекте, идише, а не на порядочном немецком языке. Эти мысли влияли и на Зигмунда Фрейда. Его родителям в конце концов удалось немного выбиться в люди, еще до его рождения поселившись в Моравии, далеко к западу от Галиции. Будучи подростком, равнодушным к политике, он не раз уничижительно отзывался в адрес евреев, не принадлежавших к его группе.

Путеводитель Бедекера 1900 года отмечает, что почти все магазины и таверны в Галиции содержатся евреями: «Они отличаются одеждой и прическами от других жителей, а те презирают их, но в финансовом отношении зависят от них». В том же путеводителе упоминается северная железная дорога по Галиции, проходящая через Тарнополь (на территории современной Украины) в Освенцим (на территории Польши). Сорок лет спустя нацисты оккупировали Польшу и «онемечили» географические названия. Освенцим стал Аушвицем. Зигмунд Фрейд родился неподалеку от границы Моравии и Силезии, в часе-двух езды на современном транспорте от Освенцима и разрушенных крематориев. Четыре его сестры, которым к тому времени было больше восьмидесяти, были убиты в газовой камере в 1942 году – три года спустя после того, как он умер в Лондоне в собственной постели. Некоторые утверждают, что Розу убили в Аушвице, а Паулу, Митци и Дольфи – в концлагерях севернее. История жизни Фрейда сопровождается зловещим стуком костей.

Якоб, 1815 года рождения, стал отцом Зигмунда. Иначе едва ли кто-то вспомнил бы о

той телеге. Старик Сискинд Хофман был дедушкой Якоба по материнской линии, старше его лет на сорок. Отец Якоба, Соломон, тоже помогал Сискинду. Соломон оставил слабый след в истории, но мы знаем, что у его сына был спокойный, решительный и оптимистичный характер. Скорее всего, торговлей занимались Хофманы, а не Фрейды. В 1844 году Сискинд подал заявление о снижении налогов, утверждая, что ему семьдесят шесть (для большего эффекта накинув пару лет), он «согбен старостью» и едва может работать, У Якоба были свои поводы просить снижения налогов. Он был «всего лишь начинающим», торговля у него была «незначительная». Чиновники слышали подобные вещи не раз, и на прошение был дан отрицательный ответ.

Фрейды были родом из Галиции, и их происхождение прослеживается до восемнадцатого столетия. Галицийский Тизмениц (теперь польская Тисменица) был местом рождения Якоба. Это маленький торговый городок в шестидесяти километрах от русской границы, находившийся на дороге, ведущей с севера на юг (а в этой стране главные имперские дороги шли с востока на запад). Якоб (у которого было два брата и сестра) был грамотным человеком. Тизмениц являлся чем-то вроде центра еврейского образования. Образование Якоба, скорее всего, было религиозным (у евреев это было тщательным изучением Библии и Талмуда). К концу обучения Якоб мог читать на иврите, но в работе использовал немецкий.

В 1832 году, еще до того, как ему исполнилось семнадцать, Якоба женили на некоей Салли Каннер. В то время евреи часто устраивали женитьбу детей в раннем возрасте. Ему не было и восемнадцати, когда у него появился сын, Эммануил, а через год еще один, Филипп. Еще два ребенка, похоже, умерли в младенчестве.

Двадцать лет, пока его сыновья росли, Якоб путешествовал и торговал – по крайней мере, так предполагают. Его дед жил на западе в другом торговом местечке, моравийском Фрейбурге (теперь город Пршибор в Чехии), но официальным местом жительства оставался Тизмениц. Во Фрейбурге им нельзя было жить без временного разрешения. В Моравии евреев было меньше, а население в основном говорило на немецком или чешском. Западная культура была ближе – всего в двухстах километрах к юго-западу по имперской дороге находилась Вена. По данным одного документа, написанного в апреле 1844 года, Сискинд в течение нескольких десятилетий постоянно посещал Фрейбург. Для ведения дел он снимал комнату и два подвала, а сам жил в городской гостинице. Без сомнения, так же поступал и Якоб. По галицийским меркам это были вполне процветающие почтенные люди.

Личная жизнь Якоба остается загадкой. Была ли Салли жива, и растила ли она детей в Тизменице? Возвращался ли Якоб каждую осень домой с подарками и рассказами-небылицами о своих путешествиях? Как бы то ни было, в середине века его жизнь коренным образом изменилась, как и жизнь многих других людей. В 1848 году по Европе прошли давно предвиденные революции и повлекли за собой реформы. Австрия уже пережила немало неприятных дней во время крестьянского бунта в Галиции в 1846 году. Теперь революция захлестнула и Вену, а в октябре имперский суд и правительство бежали из столицы. Через три недели они вернулись и казнили бунтовщиков; но все-таки стали немного покладистее.

Австрия начала двигаться к индустриальному обществу, и побочным продуктом этого изменения стало улучшение положения евреев. В 1848 году Якобу все еще нужно было подавать новое заявление на то, чтобы провести некоторое время во Фрейбурге, но четыре года спустя он переехал туда на постоянное жительство. С ним поехали его сыновья Эммануил (уже к тому времени женатый) и Филипп, а также (и это очень странно) жена Ребекка. Это остается загадкой: умерла ли Салли? Существовала ли эта Ребекка, или просто имена перепутали? Что ж, в любом случае к 1855 году и Салли, и Ребекка (если она была) уже были мертвы (или разведены), а Якоб, записанный вдовцом с 1852 года, летом этого года снова женился, на этот раз в Вене.

Якобу было сорок лет, и он вот-вот должен был стать дедом первого ребенка Эммануила. Его невесте было девятнадцать. Это была хорошенькая галицийская еврейка по

имени Амалия Натансон, которая жила в Вене с родителями. Натансоны, должно быть, считали Якоба состоятельным, иначе они не выдали бы ее за человека его возраста. Видимо, Якоб обладал чрезвычайно представительной внешностью, раз он смог произвести на них благоприятное впечатление. Возможно, впоследствии им пришлось разочароваться.

Их обвенчал раввин-реформист. Муж Амалии, который взял ее с собой во Фрейбург, уже становился, если еще не стал, эмансипированным евреем, стремившимся жить на западе и вести западный образ жизни. Этот стройный светловолосый человек наконец начинает преуспевать. Кафтан – длинный жакет с поясом, традиционная одежда евреев в Галиции, – сменяется европейским костюмом. Идиш уступает место немецкому. Натансоны, которые, несомненно, оказались прекрасной поддержкой для бизнеса Фрейда, жили в самой Вене. Якоб начинает новую жизнь с женщиной моложе своих сыновей, и у него появляется вторая семья.

Якоб и Амалия снимали комнату над кузницей. Этот дом все еще стоит. Амалия сразу же забеременела, и 6 мая 1856 года родился ребенок-мальчик, покрытый темными волосами, в «сорочке», приставшей к голове. По поверью это означало, что ему не суждено утонуть. Неделью спустя ему сделали обрезание и дали два имени: Соломон (в честь отца Якоба) и Сигизмунд (по неизвестной причине). Выбор второго имени нельзя назвать удачным – именно оно фигурировало в большинстве немецких анекдотов про евреев. Мать Фрейда называла его Зиги. Когда ему исполнилось шестнадцать, он сменил имя Сигизмунд на более «приличное» – Зигмунд.

Амалия была женщиной с сильной волей и тяжелым характером. Эту настоящую галичанку один из внуков, сын Фрейда Мартин «Мартин Фрейд, который закончил жизнь в качестве англичанина и владел табачным магазином напротив Британского музея, плохо отзывался о галицийских евреях, „особой расе“, „совершенно отличавшейся от евреев, которые жили на западе на протяжении нескольких поколений“. Этот расизм живет и по сей день. Один из немногих психоаналитиков, все еще работающих в Вене, сказал мне с полной уверенностью, что „торговцы“ звучит слишком сильно для Якоба Фрейда и Сискинда Хофмана. Это были „Ostjuden“, восточные евреи, а значит, оборванцы.», впоследствии назвал «торнадо». В ней было «мало изящества и совсем не было манер». На фотографиях ее муж кажется мягким, а она почти жестокой – у нее мелкие черты лица, глаза глубоко посажены. Она родилась в Броди, дальше к востоку, чем Тизмениц, а молодость частично провела в Одессе на Черном море. На протяжении всей своей долгой жизни она продолжала говорить на идише и ломаном немецком.

Самыми ранними воспоминаниями первенца Амалии, ее «золотого Зиги», были искры, летающие над узкой лестницей в доме Заджика, кузнеца. Восемь месяцев спустя после рождения Зигмунда Амалия снова забеременела, и в октябре 1857 года у нее родился второй сын, Юлиус. Зигмунд ревновал мать к нему, и смерть Юлиуса полгода спустя вызвала в нем раскаяние, которое постоянно проявлялось впоследствии в его снах. В этом отношении детство Фрейда было необычным: он утверждал, что помнит о нем больше, чем большинство людей.

«Детская амнезия», явление, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения, – это исчезновение памяти практически обо всем, что происходило с человеком до пяти-шести лет. Очень немногие взрослые могут вспомнить хотя бы столько моментов из раннего детства, сколько хватило бы на полчаса реальной жизни. Фрейда очень интересовала эта «странная загадка», и он пытался преодолеть собственную амнезию, надеясь, что это поможет ему больше узнать о своей природе, а значит, и природе всех остальных людей. Самым многообещающим источником представлялись сны – если их должным образом истолковывать. Любые воспоминания не возвращаются в готовом виде (если это так, то они обманчивы). Их нужно восстанавливать. Фрейд считал, что эту пустоту можно заполнить и что именно он в состоянии это сделать. Специалисты сомневаются в том, что Фрейд действительно мог узнавать о раннем детстве пациентов. Но, без сомнения, он очень стремился завоевать эту таинственную территорию.

Еще до того, как сын умер, Амалия забеременела в третий раз. У Фрейдов была служанка "или сиделка – точно неизвестно), которую, видимо, звали Рези. Фрейд в своих воспоминаниях называл ее «няней». Она «очень много рассказывала мне о всемогущем Господе и аде», так что, вероятно, она была католичкой. Когда Фрейд подрос, мать сказала ему: «Та женщина постоянно стремилась завлечь тебя в какую-то церковь». То, что эта служанка не была еврейкой, им, очевидно, не мешало. Возможно, она работала только для Фрейдов или же помогала и Эммануилу с женой, которые жили неподалеку. У тех уже было двое детей: Джон, который был всего на пару месяцев старше дяди Сигизмунда, и Полина, немного младше его. Возможно, Рези была и кормилицей Зигмунда, и няней детей Эммануила, а женщины семейства помогали мужчинам в подвале, магазине или где-то еще.

Сорок лет спустя, пытаясь восстановить в памяти события тех лет, Фрейд заключил на основании нескольких снов, что эта служанка была «моей наставницей в области секса», но не объяснил, что он имеет в виду.

Детская сексуальность занимала центральное место в его теории, и поэтому исследователи стремятся найти ее следы в биографии самого Фрейда. Возможно, он видел, как его родители занимаются сексом в однокомнатном жилье. Фрейд, впрочем, никогда не упоминал об этом, но как психоаналитик очень интересовался «первичной сценой», фантазией, которую, как утверждают, младенец выстраивает вокруг занятий взрослых в кровати, которые он воспринимает очень нечетко. Знаменитый анализ Сержа Панкеева, Волчьего Человека, включает в себя реальный или вымышленный эпизод, когда пациент видел совокупляющихся родителей в возрасте восемнадцати месяцев. Панкеев этого не помнил, да и маловероятно, что его родители, богатые русские, держали кроватку малыша в своей спальне. Фрейд утверждал, что это было, опираясь на толкование сна о вояках. А может его собственные воспоминания о комнате над кузницей проникли в анализ?

Психология того времени отнюдь не изобиловала сведениями, по которым можно было ориентироваться. Фрейд полагался на собственную интуицию и убедил себя, что полученные результаты универсальны. Иногда это подтверждалось.

Он часто вспоминал жизнь во Фрейбурге. Ему приснилось, что служанка воровала, и мать подтвердила это. Он вспомнил день, когда он играл на лугу одуванчиков с Джоном и Полиной. Мальчишки-хулиганы украли цветы у племянницы, но, как казалось Фрейду, его память скрывает что-то и менее невинное. Он приписал это воспоминание безымянному пациенту в своей работе «Покрывающие воспоминания», написанной в 1899 году. Запретные фантазии об изнасиловании и первой брачной ночи, скрытые в подсознании, «ускользают в детские воспоминания», воспоминания об играх на цветочном лугу, и тем самым становятся приемлемыми. Этим пациентом был сам Фрейд, как выяснил после его смерти догадливый последователь Зигфрид Бернфельд.

Жизнь Фрейда полна загадок. История с цветами куда более подробна, чем вы думаете, но гораздо запутаннее, чем хотелось бы. В основе мышления Фрейда лежали воспоминания и их следствия. В течение четырех-пяти лет, когда ему было под сорок или чуть больше, Фрейд тщательнейшим образом искал в своих детских воспоминаниях какие-то значительные детали. Некоторые результаты были опубликованы, в частности, в «Толковании сновидений» (эта книга вышла вскоре после «Покрывающих воспоминаний»), но часто эти воспоминания подвергались серьезной переработке, объединялись в целые рассказы со скрытыми мотивами. Некоторые воспоминания можно найти в письмах, которые он не намеревался опубликовать, или же приписывались кому-то другому. Даже там, где Фрейд кажется совершенно откровенным, на самом деле он скрывает или изменяет информацию о себе. Кажущаяся открытость удачно маскирует его сдержанность.

Воспоминание на одуванчиковом лугу содержало сведения, которые Фрейд не хотел делать достоянием общественности. Одни биографы отказываются от анализа этого периода его жизни и занимаются более поздними годами. Есть и такие, которые сочиняют свои собственные истории со скрытыми мотивами, стремясь, например, показать, какая личная жизнь была у создателя психоанализа. Правда такова, какой вы ее хотите видеть.

Фрейд жил во Фрейбурге три года. За это время у него успела родиться сестра Анна – на Новый год 1858 года – и была зачата еще одна. В 1859 году Фрейды решили переехать. Почему – неизвестно. Одно из предположений заключается в том, что мануфактурное дело было в упадке, а чехи, составлявшие большинство населения, были недовольны евреями. Возможно (есть и такая идея), Эммануил и Филипп вложили семейные деньги в разведение южноафриканских страусов и обанкротились. Или же братья опасались, что их заберут в имперскую армию, потому что Австрия в то время участвовала в кратковременной войне с Италией.

Оставив Фрейбург, Фрейды переехали в немецкий город Лейпциг. Избегали ли они призыва или нет, но сводные братья Зигмунда вполне могли быть инициаторами этого переезда. Дружелюбный Якоб тем не менее не достиг большого успеха в жизни, и нет никаких оснований предполагать, что во Фрейбурге его жизнь значительно изменилась. Более того, он уже старел, а детей появлялось все больше. Взрослым сыновьям еще не было тридцати; по крайней мере один из них, Эммануил, впоследствии стал преуспевать. Фрейд любил Эммануила и восхищался им всю свою жизнь. Образ Филиппа более смутен и темен. Фрейд его игнорировал, а возможно, и активно не любил. Существуют предположения, основанные на очень шатких доказательствах, что Филипп (который во Фрейбурге еще не был женат) и Амалия, его молодая мачеха, имели тайную связь. Есть предположение и о том, что именно это стало причиной переезда.

В начале 1859 года Амалии было двадцать три, Филиппу двадцать четыре, а Якобу сорок четыре. Эта связь вполне возможна, хотя, учитывая постоянные беременности, Амалия вполне могла считать, что с нее достаточно и одного способного зачать потомство мужчины. Защитники этой идеи не особо кричат о ней, но и не замолкают. Поскольку у Якоба было две (или три) жены и дети от обеих, разница между которыми составляла больше двадцати лет, Фрейда в детстве могли смущать семейные отношения. Однажды он сказал, что считает, будто его сводный брат имеет отношение к рождению сестры, которая появилась на свет в декабре 1858 года. Это всего лишь предположение, но он описывает и один кошмар, который приснился ему в девять лет. Этот сон анализировали его последователи и пришли к выводу, что он и тридцать лет спустя относился к Филиппу не очень хорошо.

В его сне мать уносили мужчины с птичьими клювами и клали ее на кровать. После этого Фрейд проснулся с криком. Он утверждал, что это был страх перед смертью матери. «Ассоциации» со сном, мысли, которые к нему привели, включали в себя одного товарища по играм. Мальчик научил его разговорному слову «vogeln», означавшему совокупление. Оно происходит от «Vogel» – птица. Мальчика звали Филипп, но Фрейд не упоминает о своем сводном брате. Поскольку связь очевидна, вполне возможно, что Фрейд что-то скрывал: либо от себя самого, либо от своих читателей.

Это вполне правдоподобно, хотя, возможно, и несколько «притянута за уши». Эрнест Джойс, друг и коллега Фрейда, оговорился в официальной биографии о том, что тоже считает этот факт странным. Часто оказывалось, что Джонс знает больше, чем говорит. Он умалчивал о многих вещах, хотя в то же время старался дать людям понять, что он доверенное лицо Фрейда, его последний истинный последователь. Возможно, он подозревал, что во Фрейбурге произошел семейный скандал.

Что бы ни явилось этому причиной, оба старших брата ушли из семьи. Они переехали из Лейпцига в Манчестер, центр текстильной торговли Англии, и стали, присылать семье деньги, которые помогали держаться на плаву.

Фрейбург стал местом, которое Фрейд часто вспоминал с ностальгией, его «Эдемом». Уже в старости он писал в ответ на почести, оказанные ему этим городом: «В глубине моей души все еще живет счастливый фрейбургский мальчишка». Первая часть пути в Лейпциг была проделана в телеге. Фрейд вспоминает станцию Бреслау, через которую ночью прошел поезд. Газовое пламя напомнило ему души, горящие в аду, о которых ему рассказывала служанка.

Вскоре после того, как Эммануил и Филипп начали свою собственную жизнь, Якоб и

Амалия снова оказались в Австрии с двумя младшими детьми, Зигмундом и Анной. Теперь они жили в Вене. Возможно, им помогала семья Амалии, Натансоны. Их первое жилье, где они поселились, скорее всего, в 1860 году, находилось на другом берегу Дунайского канала, напротив Леопольдштадта, еврейского квартала к северо-востоку от центра Вены. Они жили у Фрейда-однофамильца, винокура. Вскоре они переехали на противоположный берег, в сам Леопольдштадт, и стали жить между каналом и рекой, где душные пары мастерских на первых этажах заполняли улицы и тесные жилища. В этом районе, от которого было рукой подать до центра города, были и красивые дома, а на одном его конце, за железнодорожной станцией и сортировочной, находился Пратер, венский парк. Но Леопольдштадт становился все более перенаселенным с каждым поездом, привозившим с востока людей, полных новых надежд.

Самые бедные снимали часть комнаты, отделенную меловой чертой, а иногда и просто право спать в кровати, когда та была свободна. Фрейды находились не в столь плачевном положении, но были все же ближе к низам, чем к верхам.

Они приехали в Вену навсегда. Фрейд прожил в этом городе восемьдесят лет, практически до конца жизни. Часто он проклинал Вену, насмехался над ней, ненавидел ее. Однажды он писал невесте о «гротескных, звериных лицах» жителей города, их «деформированных черепах и носах картошкой». Но в разлуке с Веной он тоже долго прожить не мог. Мы имеем в виду особую Вену, в которой молодые дамы-буржуа, подчиненные своим мужьям, поверяли свои сны и страхи задумчивому врачу-еврею, Вену, где под толстым слоем обмана и лицемерия (впрочем, так ли она отличалась от Нью-Йорка или Лондона?) он нашел почву для своих фантазий и материал для экспериментов на людях.

Глава 3. Одуванчиковый луг

Якоб и Амалия наверняка хотели для детей самого лучшего, но нет доказательств тому, что они как родители обладали воображением или прозорливостью. Предполагают, что в роду Амалии был ученый. Со стороны Якоба в семье были лишь торговцы. Его амбиции были велики, но весьма туманны. Будучи оптимистом, возможно, он видел в розовом свете будущее мальчиков – точнее, мальчика, поскольку его жена после Зигмунда (и вскоре умершего Юлиуса) рожала только девочек. Он думал об удачном ремесле или даже профессии. Едва ли он имел в виду еврейский образ жизни. Будущее было за эмансипацией, за подражанием австрийцам, которые, в свою очередь, стремились быть ближе к Германии.

И родители, и сестры (если им не повезет найти мужей) были заинтересованы в том, чтобы Зигмунд преуспел. У Якоба не было явных источников дохода, и как ему удавалось создавать впечатление неплохого уровня жизни, до сих пор остается загадкой. В городской документации записано, что у него не было облагаемых налогом доходов. Семье помогали сыновья из Манчестера и, наверное, Натансоны, пока их глава, тоже Якоб, в 1865 году не скончался. Зигмунд-торговец, банкир или врач с накрахмаленным воротничком и цилиндром стал бы ценным подспорьем в системе выживания отца.

Самые ранние фотографии семьи создают впечатление респектабельности. Важно уже одно то, что их делали. На паре снимков 1864 года, когда Зигмунду было восемь лет, видна обычная обстановка студии. На портрет попали изображения всех европейских столиц. На обоих снимках мы видим Зигмунда – уверенного в себе, с головой, возможно, поддерживаемой специальным зажимом, с блестящими, тщательно причесанными волосами, с послушно размещенными по указанию фотографа немного неуклюжими руками. На одном из снимков изображен Якоб, мелкий торговец с коротко подстриженной бородкой, на втором – Амалия в темной одежде. Рядом с ней две дочери и сын. Вид у нее довольно властный.

Несколько лет спустя родители семейства даже заказали их общий портрет маслом: Зигмунда, пятерых сестер и брата Александра, который наконец родился в 1866 году. Головы непропорциональны туловищу: художник явно был неопытен. И все же сам факт заказа картины говорит о многом.

Наверняка Зигмунд был родительским любимчиком, и его сестрам это казалось естественным. Многие вспоминали о нем как о мальчике, которому легко давалось учение, серьезном не по годам, вызывавшем одобрительные взгляды взрослых. Когда ему было одиннадцать-двенадцать, родители часто брали его по вечерам в кафе в Пратере – еще одна роскошь, которую Якоб по идее не мог себе позволить, но позволял. Однажды в кафе появился странствующий поэт, который на ходу писал для посетителей стихи. Он сочинил стихотворение и для Фрейдов, сказав при том, что их сын станет министром. Перед мальчиком как будто простиралась дорога юриста, и несколько лет Зигмунд собирался пойти именно по ней.

В старости его сестра Анна писала, что, когда ей было восемь лет, брат жаловался, что не может жить с ними в одной квартире из-за ее игры на фортепиано. У него был собственный кабинет, узкий, отделенный от остальных комнат, с окном, выходившим на улицу. Ему в то время было десять лет. Что ж, с уроками игры на фортепиано ей пришлось распрощаться.

Анна часто приукрашивала семейные обстоятельства, но, без сомнения, она права, говоря о том, каким уважением пользовался Зигмунд. Она рассказывала о старшем брате и многое другое. Когда ей было пятнадцать, он запретил ей читать Бальзака и Дюма, потому что считал это неподобающим. Год спустя из России приехал богатый дядя матери, вдовец, и изъявил желание на ней жениться. Он обещал девушке лошадь, новые платья и любовь своих шестерых женатых и замужних детей. Дядюшке было пятьдесят девять лет. По словам Анны, Амалия не сразу отвергла его предложение, а сначала посоветовалась с Зиги. Можно предположить, что Якоб был вполне доволен такой финансовой возможностью. Зигмунд же сказал, что этот добрый дядюшка – старый греховодник – может убраться к себе в Россию. Тогда он учился на первом курсе университета.

Якоб любил гулять с сыном по Вене. Однажды он рассказал ему, как в молодости шапку во Фрейбурге одел в субботу новую меховую. Какой-то христианин сбросил с него шапку в грязь и приказал убраться с тротуара. Зигмунд: «Что же ты сделал?» Отец: «Вышел на дорогу и подобрал шапку». Мальчик был шокирован этой историей, ярким свидетельством того, как католики помыкали евреями, в том числе его любимым отцом.

В 1900 году Фрейд вспоминал о детской фантазии, в которой выразилось его стремление отомстить католикам. Он представлял себя Ганнибалом, воином карфагенян, семитов, отец которого, Гамилькара, взял с него клятву отомстить римлянам. Даже спустя годы он не забыл эту фантазию. Он знал, как Ганнибал, с триумфом перейдя Альпы с армией и слонами в 218 году до нашей эры, заколебался перед Римом и так и не дошел до него. Фрейд тоже колебался, стоит ли ему ехать в Рим, и сделал это лишь много лет спустя после первого посещения Италии. Описывая упорство, с которым он исполнял свое детское желание, Фрейд неоднократно подчеркивал важность своих детских лет. Ему нравилось видеть в своей жизни деяния судьбы. Однажды, как он вспоминал, когда ему было шесть лет, мать сказала ему: все мы из пыли и в пыль обратимся. Зигмунд не поверил. Тогда она потерла ладони друг о друга и показала ему серые отшелушившиеся кусочки кожи. Зигмунд сразу все понял.

Возможно, еще в юности многие великие люди начинают чувствовать необходимость собирать сведения для биографов. Когда Фрейду, безызвестному и бесперспективному врачу, еще не было тридцати, он объявил невесте, той самой немецкой девушке Марте, которая подтягивала свои чулки, что он уничтожил все свои записи за последние четырнадцать лет. «Что до биографов, – добавил он, – не стоит слишком упрощать их жизнь». Это было сардоническим заявлением. Впрочем, про биографию он говорил совершенно серьезно. Позднее, в старости, лишенный иллюзий, он утверждал, что составление биографии – это полнейшая чепуха. Биографы скрывают факты, лицемерят, льстят. Классическое образование, в частности Плутарх и его «Жизнеописания», позволяло ему сделать вывод, что цель биографа – описать то, что достойно восхищения, и дать читателям образец для подражания. Все это чепуха, считал Фрейд, потому что человек

оказывался слишком «хорошим» и от этого неправдоподобным. Правда, он едва ли догадывался, что многие биографы в нем и в его семье будут стремиться найти именно недостатки. О детстве Фрейда нам известно так же мало, как и о детстве любого другого человека.

В последнее время исследователи много занимались вопросом злого дяди Иосифа. Версия Фрейда представлялась довольно неинтересной. Иосиф, на десять лет младше Якоба, фигурировал в не очень важном сне Фрейда. Это был человек с рыжей бородой, который, «стремясь сделать побольше денег», нарушил закон и был за это наказан. «Мой отец, – писал Фрейд, – который за несколько дней поседел от горя, всегда говорил, что дядя Иосиф был не плохим человеком, а просто глупым». Были обнаружены новые факты, дополняющие историю. Иосиф, брат Якоба, первым из семейства попал в газеты. В 1866 году его судили в Вене за производство фальшивых денег. За то, что он напечатал целое небольшое состояние в русских рублях, его посадили в тюрьму на десять лет. На суде упоминались и братья, жившие в Манчестере. В то время Зигмунду было девять лет, и он наверняка знал, что происходило в семье.

Сначала Иосиф торговал английскими скобяными изделиями. Он тоже переехав на запад и в 1861 году, вскоре после Якоба, поселился в Вене. Когда в июне 1865 года его арестовали при попытке сбыть стопятидесятирублевые банкноты, при нем было 17 959 фальшивых рублей. Иосиф и его сообщник Вайх посещали Англию, и полиция решила, что рубли были напечатаны там с медных шаблонов. На суде в феврале 1866 года упоминались компрометирующие письма от братьев из Манчестера, но они не были открыты. Перевозили фальшивые деньги, по утверждению обвинения, «израэлиты польского происхождения» (то есть галицийские евреи, как и сами Фрейды). Предполагалось, что эти средства использовались для финансирования политических целей антиавстрийских революционеров в Польше.

Стучала ли полиция в двери Якоба в Леопольдштадте и только ли от братней любви поседела его голова, нам неизвестно. Однако это был крупный семейный скандал, который чрезвычайно опечалил Фрейдов, стремившихся избавиться от отождествления с восточными евреями-обманщиками. Возможно, именно это вызвало в молодом Фрейде такую ядовитую ненависть к восточным евреям (хотя те из них, кто уехал на запад, часто имели такую же точку зрения). Еще одно последствие – беспокойство по поводу денег. Он часто говорил о бедности своей семьи. «С юных лет, – писал он в сорок три года, – я познал беспомощность бедности и постоянно боюсь ее». Но эта бедность была относительной: имеющиеся данные указывают скорее на некоторые неудобства, чем на отчаянное положение. Возможно, эти воспоминания питались несколько иными знаниями или опасениями, что семья получала из Манчестера деньги, заработанные нечестным путем.

Это подозрение по поводу братьев в Манчестере основывается на неподтвержденном заявлении, сделанном в венском суде и не имевшем законной силы в Англии. Все остальное – только догадки. Если связь с Манчестером существовала, скорее всего, это был Филипп. По сравнению с Эммануилом, который начал со скупки и продажи комиссионной одежды, образцовым евреем-семьянином, воспитавшим детей настоящими англичанами, Филипп – это таинственная фигура. Он торговал дешевой бижутерией и женился на дочери мастера игрушек из Бирмингема.

Образование Фрейда было достаточно серьезным. Сначала его учил сам Якоб, потом он пошел в частную еврейскую школу, а в девять лет – в государственную школу Леопольдштадта, в которой евреи учились наряду с остальными. Начал он нерешительно, но впоследствии все восемь лет до поступления в университет завоевывал первые места и был одним из лучших учеников класса.

Патриот, как и большинство мальчишек, он видел героическое будущее за Германией. Австрия теряла свое влияние, империя была в упадке. Ее основным языком был немецкий. Австрия все чаще подчинялась в политическом и военном смысле Германии. Когда в августе 1870 года между Германией и Францией началась война, четырнадцатилетний Зигмунд

следил за ее ходом и отступлением французов. В следующую зиму Париж был осажден. У Зигмунда была карта с приколотыми флажками, отмечавшими продвижение немецких войск, а также восхищенные слушательницы-сестры, которым можно было все это объяснять.

Это действительно было волнующее время и для победителей, и для их союзников. Впечатляющее поражение Франции продемонстрировало Европе, как высоко поднялась Германия. В Лондоне правительство Гладстона увеличило военный бюджет. В Вене эмансипированные евреи еще более четко увидели, что их будущее – с великой Германией.

Первое дошедшее до нас письмо Фрейда было написано примерно в это же время. Оно адресовано школьному приятелю, Эдуарду Зильберштейну. Отец Зильберштейна, делец из Румынии, расположенной дальше к востоку, послал сына в Вену, чтобы дать ему образование. Вот письмо без даты, приблизительно 1870 года, написанное в юмористически-напыщенном стиле, который использовали мальчики:

Г– н и г-жа Фрейд примут его у себя с братом Карлом, а также предоставят им комнату в новых апартаментах, в кои они переедут по истечении двух месяцев; кроме того, они обязуются подписывать его школьные записки о болезни.

Зигмунд и Эдуард обменивались витиеватыми письмами о выдуманной Испанской академии, иногда переходя на фальшивый испанский язык, чтобы защитить информацию от глаз взрослых. Это была игра с известными только им шутками и романтическими секретами, в которой девочек называли «принципами». Когда Зигмунд серьезно заинтересовался девочкой по имени Гизела Флюс (сестрой еще одного школьного друга, Эмиля), для переписки ей было дано секретное имя Ихтиозавра. «Fluss» в переводе с немецкого означает «река», и вот она стала «ихтиозавром», доисторической рыбой.

Гизела – единственное известное романтическое увлечение Фрейда, кроме женщины, на которой он женился, эта дружба не вылилась ни во что серьезное. Она жила во Фрейбурге, откуда когда-то уехали Фрейды. Там ее отец, Игнац Флюс, был текстильным фабрикантом – как раз таким, каким не удалось стать Якобу. Эмиля, как и Эдуарда Зильберштейна, послали учиться в Вену. Фрейды и Флюсы были в дружеских отношениях, и Зигмунд навещал их во Фрейбурге по меньшей мере два раза, летом 1871 и 1872 года. Во время первого посещения Зигмунду было шестнадцать, а Гизеле – двенадцать. Во время второго он уже был в нее влюблен.

В 1871 году до поездки во Фрейбург он провел некоторое время на курорте Рознау, расположенном в горах в двадцати пяти километрах к югу. Там его мать и почти все ее дети жили в гостинице все лето. У Амалии были слабые легкие, и она часто отправлялась в Рознау после суровой зимы. Это была еще одна статья расходов, которые Якоб каким-то образом ухитрялся себе позволить и о которых Фрейд впоследствии забыл, вспоминая о своем «тяжелом детстве». На следующий год, будучи опять во Фрейбурге, он рассказал Эдуарду, что влюбился в Гизелу, хотя, «зная мой характер, ваша честь совершенно справедливо может предположить, что я не приближаюсь к ней, а сдерживаюсь». Его застенчивость, «бессмысленный Гамлет внутри меня», мешает этому.

Он говорил о том, как прекрасен ее орлиный нос, длинные черные волосы, четко очерченный рот и темная кожа – но лишь тогда, когда ее не было рядом. И даже это звучало скорее как выражение вежливости, чем страсти. Единственные чувственные слова о ней были написаны лишь три года спустя, в 1875 году, когда она уже давно была для него потеряна, и он подтрунивал над Эдуардом, переживавшим что-то подобное. «Только летом расцветает восхищение принципами», пишет он, вспоминая «так называемый розовый сад, сотни георгинов» и то, как манили его «прогулки, неосознанный поиск и нежеланные и в то же время такие желанные открытия».

Страсть уступила место хладнокровию. Юному Зигмунду с глубоко посаженными глазами над пухлыми щеками, с часовой цепочкой на жилете, нужно было думать о будущем. В марте 1873 года, когда он должен был заканчивать школу, он писал брату Гизелы, Эмилю, что в его «несчастной жизни» происходит процесс принятия очень важного решения. В мае он объяснил, что это было: он решил стать ученым-естествоведом, а не

юристом.

Это еще не означало, что он должен заниматься медициной. Дарвин, в то время находившийся на гребне славы, тоже был естествоведом. Зигмунд мог стать, например, зоологом или химиком и провести жизнь в лаборатории. Он писал Флюсу, что больше всего боится стать посредственностью, кроме того, он советовал ему хранить письма – «мало ли что!».

Всемирная венская ярмарка, которая в тот год проводилась в Пратере, оживила город и отвлекла школьников от экзаменов. В дождливый майский день ее открыл император Франц Иосиф. Вдали раздавались артиллерийские залпы, а коронованные особы Европы прятались под зонтами. Зигмунд с иронией писал Флюсу о «радующейся толпе» из газетных репортажей, которая, по его словам, в действительности так страдала от дождя, что никто и не приподнял шляпы. А его величество, добавил он, выглядел не более «величественно», чем дворник.

Кроме шлемов с плюмажем там было кое-что посерьезнее: промышленные павильоны, полные всевозможных машин и приспособлений. Одно из них – керосиновая лампа с цепями, позволявшими поднимать и опускать ее над обеденным столом, так понравилась Фрейдам, что они ее купили. Австрия стремилась показать, что становится современным государством. Некоторые страны даже чувствовали себя неловко по сравнению с «прогрессивными» хозяевами. Британцы жаловались, что их продукция «алогичным образом задерживается» на дорогах континента, и прикрывали пустые места флагами, надеясь, что никто этого не заметит.

Ярмарка 1873 года стала для венцев поводом показать, как перестроен город. Вена изменилась в соответствии с либеральными тенденциями. Перед открытием иностранных репортеров отвели ночью на крыши и показали извилистые аллеи, ярко освещенные тысячами газовых фонарей. Центральная часть города ранее представляла собой путаницу улочек в поясе зеленых полей. Это облегчало задачу защиты города от турок или их современных коллег. Пригород находился вне защитной зоны. Едва ли это расположение подобало современному городу. Наконец был издан императорский указ, который разорвал замкнутый круг. Армия была вынуждена отказаться от своей земли, и вокруг старого города был создан большой бульвар, Рингштрассе (или просто Ринг, «Кольцо»), полный общественных зданий. Ринг и его триумфальный стиль стали символом новой Вены.

Зигмунд с отцом во время прогулок видели, как бульвар постепенно строится. Это был символ всего прогрессивного, и его широкие линии с равной эффектностью исчезали вдали при солнечном свете, снеге или дожде. Армия постаралась добиться своего хотя бы в том, чтобы ширина дороги была как можно больше. Это усложнило создание баррикад и дало возможность хорошо просматривать позиции врагов и осыпать их картечью.

Зигмунд, который в июне сдавал экзамены, тем не менее находил время и для посещения выставки. «Это выставка мира эстета, – пишет он Эмилю Флюсу, – сложный и ветреный мир, который во многом лепит своих собственных посетителей». На него произвели большое впечатление письма Авраама Линкольна, выставленные в факсимиле, и он читал их своим слушательницам-сестрам.

К середине июля он уже получил результаты экзаменов – выпускной аттестат с отличием. Он сдал письменно греческий, латынь и математику, а также сочинение на тему «Размышления о выборе профессии». Его мать была снова в Рознау, но он остался в Вене и в одиночестве гулял по холмам. «Мой отец против, – рассказывал он Зильберштейну, – и хотя я каждый день по часу мечтаю [о Рознау], я не могу в действительности намереваться сделать то, что он по серьезным причинам не одобряет». Не мог он и поехать в Англию, посетить которую впервые намеревался в этом году. Почему – он не говорил. О Гизеле в письмах ничего нет, кроме строчки, адресованной Эдуарду, где он утверждает, что отказался от «привязанности» к ней.

Эта история практически не оставила следа в биографии Фрейда, если не считать рассказа в «Покрывающих воспоминаниях» о пациенте, «человеке с университетским

образованием», в котором Фрейд, так любивший самоанализ, изобразил как раз самого себя. Он сделал довольно общее заключение о том, что детские воспоминания изменяются силами подсознательного. Он предложил термин «покрывающие воспоминания» для ранних воспоминаний, которые – возможно, незаметно от человека – являются экраном для предшествующих или последующих событий, которые связаны через личные ассоциации с самим воспоминанием. Покрывающие воспоминания – это иллюзия, но за ней скрывается реальность.

В этой работе 1899 года покрывающие воспоминания – так называемого «образованного человека», то есть Фрейда – посвящены одуванчиковому лугу, где он с другим мальчиком крадет цветы у его сестры. Они выбрасывают свои собственные цветы и подбегают к крестьянке, которая угощает их ломтями незабываемо вкусного хлеба. Мы знаем, что этими детьми были сам Фрейд и его племянник Джон, девочка – это сестра Джона, Полина, а происходило все это во Фрейбурге.

С этим воспоминанием связано второе, о том, как герой рассказа посещает город своего детства. Это в действительности Фрейд, который в юности возвращается во Фрейбург. Как говорит «образованный человек», его семья уехала оттуда из-за «катастрофы» в делах. После отъезда он мечтал вернуться в ту же сельскую местность возле города, где он родился. В шестнадцать лет он возвращается туда же с друзьями и влюбляется пятнадцатилетнюю девочку. Это была Гизела Флюс, которой на самом деле было тринадцать. Когда она вернулась в школу, оставив изнемогающего от любовных томлений парня в доме своих родителей, тот «проводил долгие часы в одиноких прогулках по прекрасным лесам, которые я открыл заново и заполнил своими воздушными замками». Это были фантазии, начинавшиеся со слов «если бы». Вот если бы он остался там, где родился, вырос в деревне, стал торговцем, как отец, и женился на ней! После этого все желтое напоминало ему о желтом платье, которое она носила в тот день, когда он впервые ее увидел.

Приводится и еще один цикл воспоминаний, связанный с посещением «дяди» три года спустя. Этот «дядя» процветал в «далеком городе» – на самом деле это был сводный брат Фрейда Эммануил в Манчестере. Там он встретился с детьми, с которыми тогда играл на лугу. Фрейд, или «образованный человек», считал, что отец и сводный брат планировали, чтобы он «сменил невразумительный предмет приложения усилий на нечто более практичное», то есть на переезд в Манчестер и женитьбу на Полине.

Эти воспоминания сочетались друг с другом: желтые цветы, желтое платье Гизелы, хлеб во сне, который был так приятен на вкус, потому что олицетворял прелесть деревенской жизни с Гизелой, обмен цветов на хлеб, который выражал идею Якоба об отказе от эфемерных целей в пользу практических занятий. Воровство цветов у Полины – это дефлорация, ее или – поскольку прошлое и настоящее взаимозаменяемы – Гизелы, потому что именно это, как признает «образованный человек», он хотел сделать в юности. Любой мужчина считает привлекательным при мыслях о браке, – пишет Фрейд в виде диалога между собой и этим несуществующим пациентом, – именно первую брачную ночь. Разве он заботится о последствиях? Фантазия о «самой серьезной сексуальной агрессии» так груба, предполагает он, что была выражена в невинной сцене детских шалостей на цветочном лугу. Эта сцена наверняка происходила в действительности, но сохранилась в памяти лишь потому, что содержала в себе другие воспоминания.

За фактическим содержанием статьи можно увидеть биографические сведения, которые рассказывают нам о том, каким Фрейд был в юности, что он мечтал о женщинах и о том, что хотел бы сделать с ними. В этом нет ничего необычного для подростка, равно как и в смутных намеках на мастурбацию. Но этим подростком был Фрейд. Как психолог он стремился найти мотивы человеческого поведения в половых инстинктах. Это было смелым и прогрессивным шагом. Даже если Фрейд и немного преувеличил, его идеи помогли людям признать правду о самих себе, чем они и занимались на протяжении всего двадцатого века. Но когда Фрейд исследовал свою собственную сексуальность, он как бы отгораживался от «обычных» людей. Разрабатывая методы, ставшие основой психоанализа, он утверждал, что

вопросы пола были замечены им в свое время лишь с большой неохотой, и люди безропотно приняли эту легенду.

Фрейд любил казаться строгим и непорочным, недоступным для обычных искушений. В этом было достаточно правды, чтобы это было правдоподобным. Он стремился быть воплощением благородного рационализма, но в нем всегда присутствовала тень более уязвимого человека. Этим вторым Фрейдом был, среди многих других образов, и юноша, который чувствовал себя неловко и неуверенно с женщинами. Если бы его характер позволил ему быть смелее с Гизелой и не быть «бессмысленным Гамлетом», трепещущим и бездействующим, возможно, секс не был бы для него причиной стольких тайных страданий. Без сомнения, насладившись одной-двумя Гизелами, он все равно создал бы психоанализ, потому что он видел смысл своей жизни в объяснении человеческой природы, но, возможно, система, построенная им, выглядела бы по-иному.

Глава 4. Анатомические изыскания

Осенью 1873 года Фрейд стал студентом Венского университета. Позже он говорил, что выбрал медицину из-за «некоего любопытства». Сначала он просто остановился на естественных науках, точно не зная, что из этого выйдет. Он говорил другу Эмилю Флюсу, что надеется «заглянуть в вековые тома природы и даже подслушать, как все в ней происходит». Его университетское образование стоило дорого, но он не спешил. Позже были и благотворительные стипендии, о которых Фрейд не говорил. В семнадцать лет у него был «довольно большой счет» в книжной лавке, который отцу приходилось оплачивать. Если в семье появлялись лишние деньги, все тратилось на него.

Письма Зильберштейну на втором курсе выявляют его неуверенность и беспокойство. Тогда, в январе 1875 года, он посещает лекции по анатомии, физиологии, зоологии, физике, математике и «дарвинизму».

Если о бедном обеспокоенном студенте-медики говорят, что у него свои мысли, это несправедливо. Он скорее капля жидкости, которую сложные механизмы перекачивают от одного лекционного зала в другой, и по законам механики он вынужден проходить этот путь с минимальным трением и минимальными временными затратами.

Он был «полуночником», учился с десяти вечера до двух ночи или позже. В феврале он сказал, что слишком много работал и несколько дней пропускал лекции, «вместо этого гуляя по улицам Вены и изучая массы». Добавил ли он слово «Вена» как литературный штрих, чтобы создать образ молодого ученого, одиноко и таинственно скитающегося по городу? К марту он посещал лекции по философии профессора Франца Brentano, бывшего священника, связанного с литературой, и решил, что ему нужна докторская степень по философии и зоологии. Он дополнил свой список дисциплин логикой и в апреле проинформировал Зильберштейна о том, что впервые испытывает «академическую радость... близость к чистейшим родникам науки».

К середине июня 1875 года, когда ему было уже девятнадцать, он собирался провести долгие каникулы дома, в Вене, с микроскопом и горой книг, занимаясь зоологией и гистологией. Эта картина учебного усердия две недели спустя была нарушена его собственным признанием: «Меня не зря упрекают, что я распыляю свои незначительные силы на совершенно разнородные предметы».

В конце того учебного года его манила другая жизнь в виде карьеры в бизнесе. Он собрался в Англию к Фрейдам, жившим в Манчестере (сведения об этом зашифрованы в «Покрывающих воспоминаниях»). Это решение было либо принято быстро, либо утаивалось от Зигмунда до последнего момента. В конце июня он все еще планировал учиться на каникулах, а к середине июля уже сообщил Зильберштейну, что уезжает.

Фрейд только намекнул, что Эммануил и его отец прочат его в бизнесмены, так что, возможно, на него не оказывали большого давления. Вероятно, что эту идею Эммануилу подбросил Якоб, таинственных денежных доходов которого едва хватало на сына: тому

нужны были микроскопы, книги, плата за обучение, но становиться знаменитым врачом он не спешил. Возможно, Эммануил надеялся на то, что лишний смысленный паренек в деле будет способствовать его процветанию. Когда же он сам увидел зрелого Зигмунда, то понял, что ему нужно что-нибудь получше. Об этом можно прочесть в письме, которое он отправляет Якову во время посещения Зигмунда. Его слова похожи на упрек:

Это великолепный образчик человека, и если бы я имел перо Диккенса, я бы сделал из него героя... Всем твоим описаниям грош цена. Только теперь, когда он у нас, мы видим, каков он на самом деле.

Это признание Эммануила и то, что он, скорее всего, поддерживал намерение Зигмунда продолжать образование, могут объяснить, почему Фрейд всю жизнь восхищался сводным братом: тот увидел то, чего не заметил Яков.

Это посещение, продлившееся почти семь недель, не прибавило ему знаний по зоологии, но предоставило новый контекст для видения самого себя. Во время путешествия на побережье он провел несколько часов на пляже, собирая морских животных, выброшенных на берег волнами Ирландского моря. Маленькая девочка увидела у него в руках морскую звезду и спросила: «Она живая?» Он ответил: «Да, она живая». Эта грамматическая ошибка иностранца так смутила его, что приснилась ему двадцать пять лет спустя. В доме Эммануила в Ардвике, пригороде Манчестера, он жил вместе с Джоном, Полиной и их братом Сэмом, родившимся в Англии. Полина (как он сообщил Зильберштейну) оказалась «красива», Джон – «англичанин во всех отношениях, со знанием языков и техники, значительно превосходящим обычное образование бизнесмена». Оба его сводных брата были уважаемыми владельцами магазинов, хоть и не богатыми, а Филипп за три года до того женился на «умной и приятной женщине».

Англия для Зигмунда была вне всякой критики. Манчестер был городом иммигрантов, в который на протяжении всего девятнадцатого столетия съезжались немцы и евреи: наборщики, портные, простые рабочие, ростовщики, врачи. Этот задымленный рай очаровал Зигмунда. Перед ним появилась одна из дорог, которую он мог бы выбрать. По возвращении в Вену в сентябре он писал Зильберштейну при свете «этой ужасной и вредной для глаз керосиновой лампы» (в то время как в Англии любой нищий пользуется газом), что он «предпочел бы жить там, а не здесь, несмотря на дождь, туманы, пьянство и консерватизм». Благоприятный ветер мог бы занести его в Англию для «практической деятельности» после окончания учебы:

Если бы я хотел повлиять на большое количество людей, а не на малое число читателей или коллег-ученых, Англия была бы самым подходящим для этого местом... Уважаемый человек, пользующийся поддержкой прессы и богачей, мог бы совершать чудеса, избавляя людей от физических недугов, если бы в нем было достаточно стремления открыть новые терапевтические пути.

Наконец он видел перед собой возможный вариант будущего: занятия частной врачебной практикой среди торговцев и фабрикантов Северной Англии. Предложил ли ему это Эммануил в залитой газовым светом гостиной в Ардвике, подчеркнув, как репутация и солидные доходы могут сочетаться друг с другом и как хорошо было бы, чтобы новое поколение Фрейденов росло уже там? Но на этом все рассуждения закончились. Зигмунд снова взялся за изучение многочисленных дисциплин.

Гизела Флюс не сразу исчезла из его жизни. В сочельник 1874 года она была с сестрой в Вене. Очевидно, их принимали Фрейды. На следующий месяц две девушки брали уроки танцев, и Зигмунд упоминает о «удовольствии 'прикоснуться' к Гизеле, то, для чего у меня меньше поводов и возможностей». Вскоре после этого он советует Зильберштейну, как вести себя с шестнадцатилетней девушкой, которой тот заинтересовался. Он предостерегает его, говоря, что нельзя поощрять «безрассудную страсть» в представительницах пола, лишённого «врожденного этического стандарта. [Женщина] может поступать правильно лишь тогда, когда она не выходит за рамки привычного, подчиняясь тому, что общество считает правильным». Зигмунд принял популярную в то время идею врожденной аморальности

женщины и считал сдержанность в половых вопросах хорошим поступком по отношению к женщинам. «Приучая бедняжек к лести и галантности, мы наносим им вред», – пылает он добродетельным негодованием. Но Гизела по-прежнему в его мыслях и, без сомнения, снах.

В начале октября, вскоре после возвращения из Манчестера, Зигмунд послал Зильберштейну стихотворение в форме «свадебной песни» по поводу того, что Ихтиозавра вышла замуж за человека по имени Розенцвейг. Это довольно странно, потому что она вышла замуж только шесть лет спустя (причем за некоего Поппера). В то время Гизеле было шестнадцать. Возможно, юный Гамлет хотел избавиться от мыслей о ней (и о молодых женщинах вообще, которые вызывали в нем сладострастные грезы) раз и навсегда и выбрал для этого форму сатирических стихов. Воображаемый Розенцвейг высмеивался как скряга, Гизела представала не очень умной, но хорошей хозяйкой («Ловко режет она селедку»). В черновом варианте стихотворения есть ироничные строки о его печальной судьбе и боли, разрывающей сердце, а также о цианиде, бритвенных лезвиях и револьверах. Зигмунд хотел продемонстрировать, как его сердце закаляется и становится неуязвимым для эротики. За иронией скрывались истинные чувства. Однако, по всей видимости, стихотворение помогло. Постскрипtum к письму выразил его новое настроение языком, который вызвал бы улыбку у любого последователя Фрейда, если бы в то время уже был изобретен сексуальный символизм:

Теперь я похоронил магический жезл, способствовавший ее обучению, и пусть начнется новая эра, без тайных сил, без потребности в поэзии и фантазии!

Больше о Гизеле ничего не говорилось. Какие бы сны она ни вызывала, все это было забыто.

В марте следующего, 1876 года Фрейд снова отправился в путешествие, на этот раз связанное с его изучением зоологии. Он получил стипендию, которая позволила ему провести месяц в лаборатории в Триесте, на Адриатическом побережье. Впервые он попал на юг. В то время Триест принадлежал Австрии и служил главным морским портом империи, но по духу и происхождению этот город был итальянским.

Этот проект был организован Карлом Клаусом, профессором сравнительной анатомии университета, который в прошлом году учредил в Триесте небольшой институт для проведения зоологических экспериментов. Клаус, крупный авторитет в области гермафродитизма у низших животных, дал Фрейду задание исследовать половую жизнь угря, в частности, определить, есть ли у самца угря семенники, что науке еще не было известно.

Институт находился в маленьком доме с садом на побережье, «в пяти секундах от последней волны Адриатики», и Фрейд часами склонялся над останками угрей, а темно-синяя гавань блестела за окном. Каждый день, когда приходили рыбацьи лодки, зоологи спешили во двор, чтобы набрать полные корзины свежей морской живности. Фрейд с удовольствием препарировал акул и скатов, но главным предметом его поисков были самцы угря. «Все угри, которых я разрезаю, оказываются представительницами слабого пола», – пишет он Зильберштейну, отмечая, что с этой же проблемой столкнулся Аристотель, что и привело того к выводу, что угри не имеют самцов и рождаются из грязи.

Он очень подробно описывает Зильберштейну свой кабинет: наконец-то он стал настоящим ученым. Его рабочий стол расположен напротив окна, втором стол заполнен книгами, еще есть три стула, полки с двадцатью пробирками, микроскоп в левом углу рабочего стола, анатомическое блюдо справа, четыре карандаша и бумага для зарисовок посередине, а впереди целый ряд стеклянных сосудов и мисок с мелкими существами или частями более крупных в морской воде. Вокруг них инструменты, иглы, предметные стекла. На стол негде положить руку. Каждый день он сидел за ним с восьми до двенадцати и с часу до шести, занимаясь этой мясниковской наукой... руки вымазаны белой и красной кровью морских животных, перед глазами плавают cell detritus и не оставляют меня даже во сне. В моих мыслях только великие проблемы, связанные со словами «протоки», «семенники» и «яичники» – этими всемирно известными словами.

Он жил на улице, названной в честь итальянского святого, как и большинство

остальных улиц города. Дух римского католицизма ощущался гораздо сильнее, чем в Вене. Он заметил мемориальную доску в соседнем городке, увековечившую память мэра шестнадцатого столетия, который «выгнал всех евреев и избавил город от грязи». Он заметил и женщин-южанок и один день находился под впечатлением от очарования этих стройных, высоких существ, которых потом описал Зильберштейну, их тонких лиц, темных бровей и маленьких пухлых верхних губ, делавших их «великолепными образчиками». Триест, как решил Фрейд, населен «итальянскими богинями». Но они вызывали в нем «чувство страха» и через день как будто исчезли. Теперь он замечал женщин с красивыми волосами, которые выпускали один локон над глазом – так причесывались «более сомнительные слои общества». Очевидно, богини оказались проститутками.

Когда они с коллегой отправились в одно воскресенье на пароходе в рыбацкий порт Маггия, он увидел три доски с объявлениями об акушерских услугах, «удивительно много для такого маленького городка». Посетив таверну и кафе, он заметил, что обе хозяйки беременны, и даже пошутил по этому поводу в письме Зильберштейну, говоря, что поленился проверить, «может, на местных женщин так действует морская фауна, что они плодоносят круглый год, или же они делают это лишь в определенное время и все вместе».

В Вене тоже хватало беременных (и проституток). Но здесь, в южном городе, они производили другое впечатление. Он провел в Триесте месяц и вернулся туда в сентябре с новым грантом, чтобы продолжать успешно начатую работу. Возможно, женская плоть снова его томила. На этот раз писем Зильберштейну нет.

По моему мнению, именно воспоминания о Триесте нашли свое выражение в очерке, который он написал тридцать девять лет спустя. Этот очерк назывался «Сверхъестественное» и был опубликован осенью 1919 года. В нем Фрейд описывает, как одним жарким летним днем он шел «по пустынным улицам провинциального городка в Италии, мне незнакомого», и оказался в районе борделей, где «раскрашенные женщины» сидели в окнах маленьких домиков. Он поспешил прочь, но потерял дорогу и снова оказался на той же улице, «где мое присутствие уже начало привлекать к себе внимание». И снова он пошел прочь, и опять оказался там же.

Но теперь, однако, меня охватило чувство, которое я могу назвать только сверхъестественным, и я был рад наконец очутиться на площади, на которой был совсем недавно, и уже не пошел ни на какие исследовательские прогулки.

Фрейд любил играть с неизвестным, а потом выводить на свет «привидение» с помощью психоаналитического объяснения. Именно это он сделал в «Сверхъестественном», где рассматривались неизвестные человеку события и их способность вызывать ощущение неловкости. Но он проигнорировал истинно фрейдовское значение эпизода: он постоянно возвращался на эту улицу, потому что хотел посетить бордель.

Это могло происходить в любом из нескольких итальянских городов, которые он посетил за эти годы, но, похоже, история не об опытном путешественнике. Квартал борделей очень подходит для Триеста, который, как и все морские порты, не мог без него обойтись. Хотя в 1876 году город принадлежал Австрии, во время написания очерка в 1919 году его как раз отобрали у Австрии, потерпевшей поражение в первой мировой войне, и отдали Италии, одной из победительниц. Это болезненное напоминание об австрийском поражении, вероятно, вызвало в нем память о Триесте и заставило добавить к уже существующей рукописи историю о «жарком летнем дне». Предполагают, что черновик был готов раньше, а весной 1919 года переписан. Эта история, часть личной жизни Фрейда, плохо сочетается с основным текстом.

В 1919 году Фрейд был так же опечален политическими событиями, как и большая часть венского среднего класса. Он наверняка прочитал о Триесте в газетах и вспомнил этот город таким, каким он его видел. В статье в «Нойе фрайе прессе» в апреле журналист жаловался на безразличие правительства и утверждал, что без порта Австрия сдается на милость Италии. В мае Фрейд нашел у себя в ящике стола неопубликованный очерк и переработал его.

Он считал, что ни одна наша мысль не является случайной, что человечество подвержено «строгой определенности, которая правит нашей психикой». Забыть имя или оговориться – это знак внутреннего конфликта. Поэтому постоянное возвращение к улице раскрашенных женщин говорит о конфликте между добрыми намерениями, которые заставляли его двигаться дальше, и низменной реальностью, которая тянула его назад.

Если Фрейду в 1919 году пришло в голову, что читатели-психоаналитики обнаружат эту связь, он тем не менее понимал, что они увидят в нем человека, не поддающегося искушениям, стоящего выше всего этого. Для образованного молодого человека с парой флоринов в кармане посещение проститутки было достаточно обычным делом, так что, противостоя этому искушению, Фрейд продемонстрировал свою прекрасную самодисциплину. Я думаю, что он гордился этим достижением в тот душный летний день, когда солнце стояло над крышами, а на лестнице виднелась женская тень. И все-таки он хотел бы поступить иначе.

Глава 5. Призвание

Во второй половине девятнадцатого столетия в европейских лабораториях под невидимый аккомпанемент дыма, изрыгаемого трубами фабрик и заводов, создавались все новые знания. Большая часть открытий относилась к биологии и медицине. Люди стали считать человеческий организм неким подобием машины, в которой сжигается газ, циркулирует энергия и действуют те же законы природы, что и в локомотиве. В конце концов человек будет знать, а значит, и понимать все. Нет тайн, нет неразрешимых загадок – есть только отсутствие верной информации.

Человеческое тело исследовали в живом и мертвом состоянии, особенно в мертвом, потому что лечить человека от болезней гораздо сложнее, чем разрезать его и посмотреть, что у него внутри. В Вене целые бригады врачей и студентов спешили в прозекторскую, пока трупы не остыли, чтобы подтвердить свои диагнозы. Карл Рокитанский, профессор патологической анатомии Венского университета, как утверждали, изучил сотню тысяч трупов. Эрнст Брюкке, профессор физиологии, советовал своим студентам рассматривать ткани в микроскоп и учил их, что «в организме действуют только обычные силы физики и химии». Такова доктрина «позитивистской» школы, учеником которой был Зигмунд. Он узнал, что жизнь заключается в управлении этими нескончаемыми потоками энергии. В то же время появился дарвинизм, который объяснил, как эти биологические механизмы были созданы в процессе эволюции. И стар и млад исследовали птичьи крылья и кроличьи нервы (а при возможности – семенники угрей), чтобы увидеть, как работает эта великолепная задумка природы.

Эрнст Вильгельм фон Брюкке (1819-1892) стал учителем Зигмунда. Он побуждал его к написанию научных работ, иногда выражал сдержанную похвалу и, как потом стали говорить, был для Фрейда чем-то вроде «образа отца», когда этот фрейдовский термин завоевал популярность. Эта фигура была несколько пугающа – протестант с севера Германии, с рыжими волосами и опасной улыбкой, не терпевший слабых венских законов. Студенты ежились под его взглядом.

Брюкке занимался со студентами в столь же мрачной обстановке – на старой военной фабрике. Посещение его занятий было обязательным. Фрейд занимался исследованиями и в других областях, но в 1876 году остановился именно на кафедре Брюкке. Там он сосредоточился на центральной нервной системе, и это определило основное направление его исследований. Со временем Фрейд стал заниматься неврологией, а позже – проблемными вопросами психологии.

Фрейд пользовался расположением Брюкке, если кто-то мог пользоваться расположением этого человека, но учился преодолевая большие сложности. Главной проблемой была его бедность, а также национальность. В это просвещенное время средние классы пользовались уважением, но можно ли то же сказать о евреях среднего класса? Хотя

в новой просвещенной Австрии было достаточно много еврейских врачей и ученых, они часто сталкивались с осложнениями, и чем выше они поднимались по академической лестнице, тем больше становились преграды. Как и многие другие представители поколения, Фрейд не был приверженцем иудаизма. Всю свою жизнь он был атеистом и занимался социальными и психологическими аспектами религии, которую считал следствием человеческого отчаяния и неврозов.

Насколько религиозна была его семья, точно неизвестно. Некоторые исследователи утверждают, что родители Зигмунда были очень религиозными людьми; другие бросаются в другую крайность и считают их «просвещенными» евреями, распрощавшимися со всеми пережитками прошлого. Обе точки зрения маловероятны. Якоб относился к своей национальности с некоторой сентиментальностью. Амалия была старомодной галичанкой, хотя ее внучка (старшая дочь Фрейда Матильда, родившаяся в 1887 году) писала: «Не думаю, что вопросы религии ее очень волновали». Она «небрежно» отмечала самые главные религиозные праздники и не придавала им особого значения.

Очевидно, еще меньше значения придавал им восемнадцатилетний Зигмунд. В сентябре 1874 года, когда начался второй год его обучения в университете, он пишет Эдуарду Зидьберштейну о Рош Ашана, еврейском Новом годе. Фрейды отмечали этот праздник, и «даже атеист, семья которого, к счастью, не слишком благочестива, не может отказать себе в соблюдении этой традиции, поднося к губам новогоднее лакомство». Зигмунд высмеивал еврейские праздники и их связь «между религией и желудком». Пасха «способствует запорам, вызванным пресным тестом и крутыми яйцами». Что же до Йом Киппура, Дня искупления, он так «печален не из-за гнева Божия, а из-за сливового джема и его действия на кишечник». О приближении этого праздника он мог знать по «шуму двух умирающих рыбин и гусыни», доносившемуся из кухни.

Еще до окончания школы Фрейд понял, что значит быть евреем в нееврейской среде. Вена была самым антисемитским городом в Европе. Туда съезжалась еврейская беднота с востока, гонимая либо тяжелой жизнью, либо любопытством, и местные жители отнюдь не были от этого в восторге. Фрейд был обрезан, жил в Леопольдштадте, его родители приехали издалека. «Впервые я стал понимать, что значит принадлежать к чуждой расе, и антисемитские настроения среди остальных подсказали мне, что нужно занимать твердую позицию». Это было написано уже в зрелом возрасте, как и его воспоминания о том, как он появился в университете и был разочарован, когда обнаружил, что «от меня ожидают, что я должен чувствовать себя ниже их, чужаком, поскольку я еврей. Я отказался унижаться».

Фрейд старался предотвратить проблемы где только мог. Он вступил в студенческое общество, выступавшее за политический союз с Германией (но позже никогда не упоминал об этом), чтобы отдалиться от наиболее ненавидимых евреев, выходцев из восточных провинций. Считалось, что еврей-уроженец Вены лучше готов к жизни – как в социальном, так и в академическом смысле. Фрейда отделяло от Галиции только одно поколение.

Так считали не только евреи, но и все остальные. В университете лучше было не считаться одним из «Ostjuden», восточных евреев. В июне 1875 года Фрейд познакомился со студентом, знавшим четыре языка и писавшим литературные эссе, и объявил, что он, без сомнения, «очень умен, но, к сожалению, польский еврей». Если бы он заменил слово «польский» на менее неприятное «моравский», он бы фактически говорил про самого себя.

В молодости Зигмунд не раз замечал в поездах евреев, которые недостойно себя вели. Поезда представляли собой новую свободу. Кроме того, в них люди находились друг с другом в замкнутом пространстве, и им было нечего делать, кроме как наблюдать друг за другом. В сентябре 1872 года, за год до поступления в университет, возвращаясь в Вену из Фрейбурга, где он как раз влюбился в Гизелу, Фрейд столкнулся с еврейским семейством и решил, что их стоит описать Эмилию Флюсу.

Они были из Моравии, и глава семьи говорил «таким же языком, какой я слышал от многих других, даже во Фрейбурге». Фрейд не распространялся слишком много. Было достаточно сказать, что это были «не те» евреи. Сын был «слеплен из того теста, которое

судьба использует для обманщиков: хитрый, лживый». Из их разговора Зигмунд узнал, что «мадам еврейка и ее семья были родом из Мезерича [город на пути из Фрейбурга в Вену]; подходящая компостная куча для таких сорняков».

Подобная точка зрения не случайна. Ее можно назвать жизненно важной. Фрейд проучился в университете сравнительно недолго, когда один из тамошних светил, Теодор Бильрот, прогрессивный немецкий хирург и всесторонний человек (он к тому же писал музыку и был знаком с Брамсом), заявил, что слишком много евреев с востока – в частности, из Венгрии и Галиции – приезжает учиться на медиков в Вену. Он предложил ввести квоту, чтобы спасти университет от этих культурно недоразвитых иммигрантов, которые, «даже если говорят и думают на более богатом немецком языке, чем многие чистокровные тевтонцы», не могут считаться настоящими немцами. Шестьдесят лет спустя выводы Бильрота получили бы более теплый прием в Берлине. Он много думал над этой проблемой и не смог не признать, что «между чистой немецкой и еврейской кровью – огромная разница».

До нас не дошло, говорили ли что-нибудь подобное другие профессора Фрейда, да и сам Бильрот впоследствии взял свои слова обратно, потому что это вызвало студенческие бунты, во время которых евреев выгоняли из лекционных залов и били «Студенты кричали „Долой евреев!“ Они все еще кричали это в Венском медицинском университете перед второй мировой войной, „а после нее, конечно“, как пишет еврейский писатель Эммануил Райс, „там не осталось евреев, которым можно было это кричать“..». Еврейские члены радикального студенческого общества, похоже, всеми силами поддерживали Бильрота. Фрейд об этом эпизоде никогда не упоминал.

«Дурная кровь», которая передается из поколения в поколение, имела силу научного диагноза. У этого диагноза был национальный подтекст: евреев обвиняли в умственной нестабильности. Одна из причин, по которой Фрейд начал поиск корней невроза в детстве человека, а не в его наследственности, возможно, была вызвана его стремлением доказать, что у евреев и у неевреев одни и те же психологические механизмы. В молодости он считал, что со стороны Якоба унаследовал «дурную кровь». Семья, за которой он наблюдал, была «лживой» и склонной к совершению преступлений. Его замечание о том, что они могут быть обманщиками, напоминает о дяде Иосифе, фальшивомонетчике, скромном семейном скелете в шкафу. Семья еще одного брата Якоба, Абрама, который жил в Бреслау и произвел на свет слабоумных детей, в глазах Фрейда тоже была подозрительна. Он знал о бытовавшем мнении, что евреи как нация больны и аморальны. И эти дядя слишком хорошо соответствовали данной точке зрения.

Будучи малообеспеченным евреем, он мог обратиться в благотворительные организации за помощью для покупки книг и оплаты обучения. Для этого нужно было пройти допрос в полиции и получить удостоверение нуждающегося. Но Фрейд решил избежать этого унижения и с помощью Брюкке получил две стипендии от частных еврейских фондов в 1878 и 1879 годах, составивших вместе чуть больше тысячи современных фунтов в год и не требовавших никакого удостоверения. Впоследствии Фрейд никогда не упоминал об этом.

Студенческие годы продолжались. Фрейд все еще не принимал решения о том, становиться врачом или исследователем. Вена стремительно менялась, Рингштрассе застраивалась общественными и частными зданиями. Фрейд каждый день видел их, выходя из тесной квартиры в еврейском квартале и перебираясь через канал в новую Вену. Улицы заполняла строительная пыль от зданий, гранитных покрытий дорог, сухого лошадиного навоза. Фрейда окружала грубость и вульгарность. В один жаркий день, 15 августа 1877 года, вид людей показался ему настолько неприятным, что он писал Зильберштейну: «Хотел бы я, чтобы всю эту толпу поразил небесный гром и мир стал бы настолько просторным,

чтобы можно было встретить не больше одного человека на три мили».

В плохо освещенных, пропахших газом лабораториях он исследовал нервные клетки спинного мозга рыб и продемонстрировал, что они близки к клеткам нервной системы высших животных. Когда он представлял свою статью, слушатели аплодировали. В июле 1878 года профессор Рокитанский умер, и Фрейд побывал на его похоронах, а потом отправился в Пратер с однокашником, Иосифом Беттельгеймом. Там они встретили гуляющую семью Беттельгейма, но Фрейд к досаде обнаружил, что отец семейства – «неправильный» еврей, потому что тот издевался над горбатой женщиной.

Этим летом для разнообразия он изучал нервы в слюнных железах и планировал провести опыты на собаках. В августе он шутливо рассуждает, в чем же его истинное призвание: в свежевании животных или пытках над людьми – то есть зоология это или медицина.

В число его друзей входил один старший ассистент Брюкке, Эрнст Флейшль фон Марксов, молодой еврей с изысканными манерами и отличными связями, вызывавший восхищение Фрейда. Флейшль знал всех. По выражению Фрейда, не пользовавшегося такими привилегиями, он «часто бывает в самом исключительном обществе». Через Флейшля он познакомился со многими людьми искусства и науки. Он узнал Теодора фон Гомперца, академика, издававшего работы умершего незадолго до того Джона Стюарта Милля, и получил от него книгу на перевод. Это позволило ему заработать немного денег. Кроме того, он одалживал деньги у Флейшля, главного в отделе, и у Иосифа Панета, его подчиненного. Еще одним влиятельным другом, связанным с Брюкке и Флейшлем, стал Йозеф Брейер. Брейер, модный врач с репутацией ученого, был семейным человеком, который познакомил Фрейда с прелестями буржуазного семейного быта. Этот человек был на четырнадцать лет старше Фрейда и стал его самым важным другом в этот период жизни.

Где– то в 1879 году, когда Фрейду было двадцать три, он начал служить в армии, хотя для студента-медика это означало всего лишь пребывание в больнице на дежурстве в течение года. На следующий год он сдал первый и второй выпускные экзамены на степень врача, а в марте 1881 года -последнюю часть и, таким образом, после семи лет обучения стал доктором медицины Зигмундом Фрейдом. Хотя он имел разрешение на практику, но почти ничего не знал о клинической медицине, да и, наверное, ему это было не нужно. Он продолжал работать в лаборатории Брюкке. Это был спокойный и ясно выражающий свои мысли человек, явно готовый работать за гроши, который в конце концов в далеком будущем должен был стать ассистентом, а может, и старшим ученым.

Среди тех, кто был с ним во время получения степени в марте 1881 года, оказались и родители Гизелы Флюс. Та за месяц до того вышла замуж за своего господина Поппера. После скромной истории с этой девушкой, когда Фрейду было шестнадцать лет, в его жизни до брака не было никаких женщин. В 1881 году ему было двадцать пять: здоровый, хорошо сложенный, приятной наружности молодой человек, который, насколько известно, все еще был девственником. Возможно, он оставался таковым до тридцати лет. Это не так уж необычно и сегодня, но довольно странно в случае Фрейда, поскольку психологическая теория, которую он разрабатывал на протяжении почти всей жизни, вращалась вокруг секса. Внутреннее внимание к этому предмету и внешняя сдержанность, возможно, заставили Фрейда придать ему такое значение.

Есть не совсем обоснованные рассказы о том, что у Фрейда были внебрачные связи. Согласно одному из них, он говорил своей пациентке, Марии Бонапарт, что не был девственником, когда женился. Ее дневники, где могло бы быть какое-то упоминание об этом, практически не опубликованы и доступ к ним закрыт. По словам одного американского писателя и аналитика Джона Е. Гедо, покойный Бруно Беттельгейм ему «лично сообщил», что его венский дядя «говорит, что ходил в бордели» с Фрейдом. Рассказы Беттельгейма не всегда достоверны. У него действительно были дядья в Вене, хотя упомянутый выше однокашник Фрейда Иосиф Беттельгейм едва ли был одним из них. Эта история была рассказана на вечеринке, и Гедо не довел исследование до конца «В Вене заниматься

легкомысленным сексом было достаточно легко. Один венский писатель, пользовавшийся большим уважением Фрейда и отвечавший ему взаимным уважением, Артур Шницлер, профессионально занимался невротической страстью и ее мрачными последствиями – почти как Фрейд. Но он принимал в исследованиях непосредственное участие. На шесть лет моложе Фрейда, сын врача, врач-самоучка, он еще до двадцати лет начал преследовать продавщиц. Его работы – это то, что мог бы написать Фрейд, имея более свободный нрав.»

Неважно, что Фрейд делал – или не делал, – но в своих работах он считает половое влечение или его последствия унижительными для человека. Карьера – куда более безопасное занятие. По его выражению, можно «сублимировать» половое влечение, направляя его в другое русло. Аутоэротизм – совсем другое дело. «Нужно знать, как это делать правильно», – якобы слышали, что он так отзывался о мастурбации. Как врач он придерживался распространенной в то время точки зрения, что мастурбация – серьезная проблема, и много писал о ней в своих ранних работах.

Неуверенный и сдержанный в сексуальном плане, Фрейд нашел подходящую партнершу лишь в апреле 1882 года. Их скромные отношения закончились браком. Ее звали Марта Бернейс. Она родилась в июле 1861 года (и была на пять лет моложе Зигмунда). Это была покладистая темноволосая девушка, которая жила в строгости в Вене со своей матерью-вдовой, сестрой Минной и братом Эли. Ее семья принадлежала к евреям-ортодоксам. Их семьи дружили, возможно, через дочерей – это еще один намек на то, что Фрейды не забыли свое еврейское прошлое. Впервые Зигмунд увидел Марту, придя однажды вечером домой и застав ее и, возможно, ее сестру за столом с его семьей. Поскольку семья Марты придерживалась строгой религиозной диеты, вероятно, Фрейды тоже соблюдали ее.

Марта чистила яблоко. Зигмунд влюбился в нее с первого взгляда (по крайней мере, так рассказывают). В ее семье были ученые, и, возможно, это тоже нравилось человеку, у которого не было настоящей научной родословной. Бернейсы были более развитой семьей как в социальном, так и в интеллектуальном плане. Дедушка Марты по отцовской линии, Исаак Бернейс, был главным раввином Гамбурга. Двое из его сыновей стали достойными преподавателями университета, но третий сын нарушил традицию. Это был отец Марты, Берман, которого оптимистически называли «торговцем». Он переехал в Вену в 1869 году с женой и тремя детьми. Там он прожил в стесненных обстоятельствах десять лет, а потом умер на улице от сердечного приступа как раз перед Рождеством 1879 года. Марта и Зигмунд встретились спустя два года.

«Свежая» и «милая» – вот какой он ее увидел. Именно эти качества должен был искать в женщине мужчина. Вскоре он уже присылал ей каждый день красную розу. Они гуляли вместе, посещали красивые места в округе, в том числе Гринцинг под Каленбергом. Она испекла ему пирог, а он прислал ей «Давида Копперфильда». Они пожали друг другу руки под столом, а 15 июня Зигмунд написал свое первое любовное письмо. «Вы так изменили мою жизнь», – писал он, добавив, как прекрасно было у нее в гостях. Эли на минуту оставил их одних, но Зигмунд сдержался и не стал подчиняться искушению. То, что он хотел сделать – обнять ее, поцеловать, – было бы «низко по отношению к гостеприимству и радушию этого дома, и я не сделал бы ничего низкого возле вас». Через два дня он тайно сделал ей предложение и получил тайное согласие.

Религиозные наклонности семьи Бернейсов едва ли нравились Фрейду больше, чем им мог понравиться атеист. По субботам Марта вынуждена была прятаться в саду, чтобы писать ему письма. Позднее он старался убедить ее не поститься в День искупления, потому что она и так слишком худая. Возможно, ему было приятно спасти эту послушную и понятливую молодую девушку, какой он ее считал, от неправильной жизни. Еще во время ухаживания он не раз ссорился с ее семьей.

В семье Марты, как и Зигмунда, скрывался скандал. Ее покойный отец был кем-то вроде дяди Иосифа – хотя в ином масштабе. Он сидел в тюрьме за злостное банкротство. В Гамбурге он в основном занимался продажей акций и рекламой курортов. У него пропали

деньги, и весь 1868 год он просидел в тюрьме. Когда он освободился, рекламное агентство, на которое он работал, предложило ему работу в Вене, и именно поэтому он переехал туда с семьей. Его жена, Эмелин, которая, как большинство северных немцев, считала Вену слишком ветреным местом, так и не полюбила этот город. Если Зигмунд знал о несчастьях мистера Бернейса, возможно, именно это заставило его вести себя так покровительственно по отношению к Марте.

Фрейд рассчитал, что сможет жениться на Марте лишь через девять лет. К этому времени ему будет тридцать пять, а ей тридцать. Они принялись ждать, как это часто бывало в то время, но Фрейд начал задумываться о своей карьере. Той весной, когда он познакомился с Мартой, он занимал в лаборатории должность демонстратора, самую низкооплачиваемую, за которую государство платило ему около двух тысяч фунтов на современные деньги. Перспективы продвижения не было, пока не ушли Флейшль и второй ассистент. Фрейд тут же сообщил о своей помолвке профессору, как и следовало делать младшим сотрудникам. Брюкке реалистично смотрел на молодых людей, получавших мало денег. Он порекомендовал Фрейда на пост ассистента в провинции, описав его как «очень бедного еврея, которому придется жить на зарплату, но это он сможет делать с легкостью, потому что живет просто и прилично». Когда он услышал слово «брак», то посоветовал своему демонстратору отказаться от исследовательской работы.

Возможно, это совпадало с намерениями самого Фрейда, а его любовь к Марте тоже стала частью стратегии перестройки жизни, способом уйти в мир, более похожий на тот, в котором жил его друг Брейер. В любом случае, исследования вскоре перестали его интересовать.

Началась оживленная переписка. Почти все письма сохранились, но доступны для публикации лишь немногие. Он стал общаться с ней покровительственным тоном, как мужчина с послушной девочкой. Он считал себя обязанным сказать ей, что она некрасива с точки зрения художника, но добавил утешительные слова о «волшебной душе». Когда Марта упрекнула его в том, что он послал ей подарок, он погрозил ей пальцем: «Марта, ты не должна говорить так категорично: нельзя так делать». Иногда был слышен и другой голос, будто говоривший: «У меня бывают такие бурные сны». Его страсть не вызывает сомнений, и он не пытался ее скрывать. Когда Марта отправилась в Вандсбек, что под Гамбургом, чтобы провести в доме дяди остаток лета 1882 года (возможно, ее отправили для большей безопасности), Фрейд одолжил денег и поехал за ней, ревнуя к мужчинам из прошлого, реальным или воображаемым.

Нужно было сделать это незаметно от ее дяди. Эли достал ему билет до немецкой границы, и он уехал со словами Шекспира «Что есть любовь? Не за горами...» «Шекспир У. Собр. соч. в 5-ти т., т. 2 СПб., 1902-1903, с 523. – Прим. перев.» на устах, железнодорожным расписанием в голове и ее фотографией в бумажнике. Похоже, что им удалось незаметно встретиться, а может даже и не раз. Они сидели в парке, она в коричневом платье и шляпке, он в потрепанном пиджаке, с черными волосами, разделенными аккуратным пробором, и солидной бородой. Он сравнил это место с Эдемом: там не было ангелов с пылающими мечами, писал он ей позже, но «был один маленький нежный ангел с изумрудными глазами и сладкими губами». С тех пор, предостерегал он ее, она должна смириться с неизбежным. Она «только гость» в своей семье, сокровище, на которое он заявил свои права и заберет его, когда разбогатеет.

Его планы относительно карьеры сбылись. Сразу же после поездки в Гамбург он устраивается в общую венскую больницу врачом и начинает зарабатывать деньги. Клиническая медицина была выходом из состояния бедности. Он не сразу отказался от исследований и продолжал проводить опыты в лаборатории Брюкке.

Больница стада новым хомутом, который Фрейд надел себе на шею. Мрачные палаты, нехватка сестер (многие пациенты принимали лекарства сами), старания старших врачей сделать жизнь младших такой же тяжелой, какой она была у них самих. Один из начальников Фрейда радостно сообщил ему, что когда-то его обед состоял из двух яиц вкрутую. Фрейда

это не очень удивило. Он и так с иронической гордостью сообщал Марте, что потратил шесть пенсов на сигары или два пенса на шоколад. Несколько месяцев он вообще не получал никакой зарплаты, а когда получил, сумма оказалась крайне незначительной.

Он держался на плаву, одалживая деньги у Флейшля и Панета, которые оба имели частные источники дохода. Он называл это «паразитическим существованием». К тому же у него был Брейер, по-отечески предлагавший ему деньги взаймы, горячие обеды и даже ванну. В жаркую погоду он действительно позволял ему пользоваться своей ванной с водопроводом – это было роскошью в городе, где даже люди с приличным достатком заказывали себе чаны нагретой воды, которые им приносили на дом, или нанимали комнату в ближайшей бане. Фрейд описал ванную Брейера Марте и сказал, что у них тоже будет такая «и неважно, сколько на это понадобится лет».

Брейер был уважаемым человеком, довольно властным, но дружелюбным. Его лысеющая голова была похожа на птичье яйцо в гнезде из бороды. Его отец, религиозный наставник, был восточным евреем, приехавшим в Вену. Одно время, не оставляя врачебной практики, Брейер работал в качестве ученого вне университета. С университетом у него были сложные отношения, так как он считал, что его там недооценивают. Он открыл механизм рефлексов, управляющих дыханием, и узнал много важного о вестибулярном аппарате и его функции поддержания равновесия человеческого тела. Как терапевт он пользовался популярностью среди профессоров университета и их семей, а также у богатей. В нем было что-то мягкое и дружелюбное, на что Фрейд не мог не откликнуться. Долгое время Брейер одалживал ему значительные суммы денег.

Иногда Фрейд ходил вместе с ним к больным, и они обсуждали различные случаи. Одной из пациенток Брейера была молодая женщина по имени Берта Паппенгейм. Ее история болезни была закрыта к тому времени, как Фрейд о ней узнал (в конце 1882 года), и он так и не встретился с ней, но врачи часто ее упоминали. Эта пациентка сыграла огромную роль в создании Фрейдом психоанализа. Это была несчастная дочь богатых родителей, которую мучили видения и кошмары. Метод лечения Брейера заключался в основном в том, чтобы дать ей выговориться. Этот несколько театральный случай в настоящее время вызывает сомнения исследователей, но тем не менее считается важным в истории развития психоанализа. Это легенда, от которой нельзя отказаться. В литературе эта пациентка носит имя Анна О. Позже мы остановимся на ней более подробно.

Отношения Фрейда с Мартой по-прежнему были сопряжены с трудностями. После его поездки в Гамбург в июле 1882 года она с матерью вернулась в сентябре в Вену. Она пробыла там всего месяц, когда госпожа Бернейс объявила, что в 1883 году они переезжают в Гамбург навсегда. На Рождество Зигмунд и Марта официально сообщили о своей помолвке. Госпожа Бернейс не была в восторге. Эта новость, если ее можно было считать новостью после полугода тайной переписки и встреч, не повлияла на ее решение, и в июне 1883 года семейство Бернейсов покинуло Вену. Зигмунд остался и мог выражать свой гнев только на расстоянии. Он выместил досаду на Марте, обвинив ее в малодушии и угрожая прервать переписку. А в таком случае «мое бурное и жаждущее сердце разорвется».

Все его любовные письма содержат самые точные сведения о его внутреннем мире. Он пишет не только о Марте, но и о загадках природы, и о своей ненависти к бедности, и о презрении к серой человеческой массе. Остаться ли им после женитьбы в Австрии? Его беспокоила мысль о могиле на центральном кладбище. Ему неожиданно стало приятно английское «трезвое трудолюбие». Начав сомневаться в чувствах Марты, он утешает себя строками из «Потерянного рая» Мильтона:

Обсудим, как нам...

В надежде – силу или, наконец,

В отчаянье – решимость почерпнуть!

(Перевод Арк. Штейнберга)

Что им нужно для счастья, спрашивает он и тут же отвечает: три комнаты, негаснущая плита и маленькая кладовка на случай, если они проголодаются или придут гости. Что он чувствует по отношению к ней? Неопишное желание. Фрейд немного досадует, зная, что ему так долго ждать. Но брак в тридцать или даже позже был вполне нормален для мужчин среднего класса, которые должны были сначала достигнуть финансовой стабильности. В Вене хватало таких, как Шницлер, которые в двадцать лет жили в свое удовольствие, но было достаточно и таких людей, как Фрейд.

Все это время он беспокоится о приличиях. Он запретил Марте оставаться у подруги, которая «вышла замуж до свадьбы», что было совершенно непозволительно. Он не позволял ей кататься на коньках, если была вероятность, что она будет кататься держа за руку мужчину. Подарив ей «Дон Кихота», он решил, что зашел слишком далеко. «Ты совершенно права, моя принцесса, – пишет он, – это чтение не для девушек». Он забыл, «когда отсылал ее тебе, что там много грубых и отвратительных мест». Фрейд-психоаналитик сказал бы, что не существует невинного «забыл». Если он подарил ей эту книгу, значит, он хотел, чтобы она ее прочитала.

С госпожой Бернейс у него были натянутые отношения, перераставшие иногда даже в откровенную вражду. Она была догматичной и умной женщиной из скандинавской семьи. Она любила продемонстрировать свое превосходство над людьми и не собиралась отдавать дочь этому атеисту без борьбы. С другой стороны, она понимала, что Фрейд, невзирая на происхождение, очень неординарный человек. Он не ладил и с Эли Бернейсом, начинающим бизнесменом. Фрейд не очень-то одобрял его прожекты, а женитьба Эли на старшей из его сестер Анне в октябре 1883 года усугубила положение. В Гамбурге состоялась традиционная еврейская свадьба, но Фрейд на нее не поехал.

В его письмах, очень интроспективных, виден образ человека, сжигаемого тайным огнем. «Я едва сдерживаю в себе дикие порывы», – говорит он Марте в одном письме; «во мне заключены всевозможные дьяволы, которые не могут вырваться на свободу и делают меня неистовым и страстным». Он добавляет, что если бы ему удалось найти объект приложения усилий, где он мог бы «рисковать и победить», он стал бы спокойнее, но вместо этого он «вынужден (и тут просто слышно, как ручка с досадой втыкается в бумагу) умерять и контролировать себя».

Мир разочаровывал его. Человечество тоже не возрождало в нем веры. Когда Марта описала ярмарку в Гамбурге и толпы народа на ней, в ответ он послал ей целую проповедь о печальном спектакле бездумной бедноты «с толстой шкурой и легкомысленными привычками», которая пользуется моментом удовольствия, потому что ей больше нечего ждать. «Бедные слишком беспомощны, слишком беззащитны, чтобы вести себя подобно нам». Так что он выводит, что существует «психология простого человека, которая значительно отличается от нашей».

Фрейд пишет об аскетичных «Мы», которые не могут быть подобными бездумным «Им», и в то же время как бы занимает позицию стороннего наблюдателя. Его «дьяволы» никуда не исчезли, а только получили новое название – «природные инстинкты». Признание того, что «неудовольствие» – это обратная сторона «удовольствия», указало на конфликт между желанием и потребностью подавлять его, на котором построена вся его психологическая система.

Толпа удовлетворяет свои аппетиты, а мы лишаем себя этого. Мы ограничиваем себя, чтобы сохранить целостность, мы сохраняем здоровье, способность к наслаждению, эмоции. Мы сохраняем себя для какой-то неизвестной нам цели. И эта привычка постоянно подавлять в себе природные инстинкты делает нас более утонченными. Наши чувства более глубоки, и поэтому мы не требуем от себя слишком многого. Почему мы не напиваемся допьяна? Потому что неудобство и унижение последствий дают нам больше «неудовольствия», чем удовольствия, которое мы получим, употребляя спиртное. Почему мы не влюбляемся в нового человека каждый месяц? Потому что при каждом расставании

мы лишились бы части нашего сердца. Почему мы не делаем своими друзьями всех? Потому что потеря друга или несчастье, которое с ним может произойти, очень сильно скажется на нас. Поэтому мы скорее стремимся избежать боли, чем получить удовольствие.

Фрейд умел рассуждать, но мог и наблюдать. В 1883 году коллега по больнице Натан Вейс повесился в публичной бане десять дней спустя после возвращения с молодой женой с медового месяца. Вейс, невролог, был приват-доцентом, неоплачиваемым университетским лектором. Этот этап был обязательным для любого врача, который хочет иметь частную практику. Фрейд вернулся с похорон, размышляя об умершем. Это был беспокойный и эгоцентричный человек, сын жестокого отца, тесно связанный с больницей, называвший себя «скомпрометированный центральный европеец». Он напоминал Брейеру (по словам Фрейда) историю о еврее, который спрашивает у сына: «Кем ты хочешь стать?» и слышит ответ: «Купоросом. Он проедает все».

Вейс насильно добился руки женщины, которая его не любила, и вернулся после медового месяца несчастным. «Я думаю, что он слишком рано отбросил сдержанность, и физическое отвращение и моральное осуждение быстро уничтожили все теплые чувства в девушке, которая оставалась холодной и стыдливой».

Люди обвиняли вдову. А Фрейд с ними не соглашался:

Я считаю, что осознание огромного неуспеха, гнев, вызванный отвергнутой страстью, ярость от того, что он принес всю научную карьеру, всю судьбу в жертву неудавшейся семье, возможно, и раздражение от того, что он не получит обещанное приданое, а также неспособность обратиться к людям и признаться во всем этом – я думаю, что именно это после нескольких сцен, открывших ему истинное положение вещей, привело безумного в своем тщеславии человека (а он в любом случае был склонен к сильному эмоциональному возбуждению) к пределу отчаяния. Он умер из-за собственного характера.

На могиле человек, говоривший от имени семьи Вейса, выступал «с жаром дикого и беспощадного еврея» и публично заявил, что семья вдовы – убийцы. Смерть Вейса, писал Фрейд, была подобна его жизни: «по особому плану; просто просится под перо романиста, чтобы сохранилась в памяти человечества». Во Фрейде всегда скрывался писатель.

Глава 6. Невролог

Общая больница Вены находилась за пределами внутреннего города и занимала около десяти гектаров в Девятом округе, как раз за северо-западным углом Рингштрассе. Эта крупнейшая общественная больница Европы находилась в огромных, но полуразрушенных зданиях. Она относилась к университету, и там работали знаменитейшие врачи. Правда, в то время медицина была менее полезной наукой, и для многих из двух тысяч пациентов главный смысл пребывания в больнице заключался в том, чтобы служить наглядным пособием для студентов. Они лежали в скудно освещенных палатах, давая взятки сестрам, если хотели особого внимания, и с опасением ждали очередной группы студентов, которые приходили и начинали их ощупывать.

Фрейд, спешивший туда-обратно по длинным коридорам и переходам, относился к пациентам так же отстраненно и равнодушно, как и остальные врачи. Когда в январе 1884 года он перешел к «нервным расстройствам», то быстро нашел материал для первой клинической публикации: это был ученик портного с кровоизлиянием в мозг «с интересными симптомами». Он рассказал Марте, как часами сидел у его кровати, «и до его смерти в восемь часов вечера ничто не ускользнуло от моего внимания». Небольшая статья была тут же напечатана, и это стало «по крайней мере началом, благодаря которому меня должны заметить». Комната, где он спал в больнице, ранее принадлежала повесившемуся доктору Вейсу. Но его призрак, как сказал Фрейд, неопасен. Дрова для печи ему выдавали бесплатно. Он получал и зарплату – приблизительно такую же, как фонарщик.

Вскоре после ученика портного Фрейд заметил владельца таверны – алкоголика из Гамбурга. «Он к тому же страдает больными нервами, и если он продержится достаточно

долго, я смогу написать статью и о нем». Он считал себя реалистом и не задумывался о том, «хороший» он врач или «плохой». Фрейд-психоаналитик пойдет еще дальше и сделает вывод, что в «настоящем смысле слова» он никогда не был врачом, человеком, который видел свое призвание в том, чтобы «облегчить страдания человечества». По его словам, для этого требуется «внутренний садизм», которого ему не доставало. Он имел в виду, что очевидное желание помогать больным – это способ скрыть от себя подсознательное желание делать обратное. В упрощенном виде это звучит так (Фрейд не возражал против такого толкования): за каждым добрым врачом прячется садист, за каждым героем – трус. То есть все хорошие поступки представляются в отрицательном свете. В 1884 году эта печальная мудрость двадцатого столетия была еще далеко.

Фрейд заинтересовался в первую очередь «нервными заболеваниями». Под этим он и его коллеги подразумевали проблемы как разума, так и мозга, но в особенности мозга, поскольку он представлял собой физическую реальность умственных процессов. Мозгом и нервами занималась неврология и, как ни странно, психиатрия. (К Великобритании и Америке это не относится. Там психиатрию с самого начала считали отдельной специальностью.) Профессор Теодор Мейнерт, один из учителей и покровителей Фрейда в больнице, в 1884 году опубликовал учебник по психиатрии под названием «Трактат о болезнях переднего мозга». В этой дисциплине анатомия мозга занимала центральное место. В лаборатории Брюкке Фрейд работал над центральной нервной системой рыб, а в общей больнице начал заниматься людьми. В лаборатории церебральной анатомии Мейнерта он препарировал мозговую ткань и изучал *medulla oblongata*, где спинной мозг переходит в головной. Впоследствии он разработал способ окрашивания нервных путей хлоридом золота, который привлек к себе внимание. В то же время он работал и в палатах, изучая пациентов с повреждениями мозга, воздействовавшими на их речь или движения. Он становился неврологом (по-немецки «Nervenarzt», или «врач для нервов»).

Мозг, нервы и мыслительные процессы были экзотическим и непонятным объектом исследования. Некоторые специалисты, несогласные с тем, что мозг начинают рассматривать как механизм, пытались описать его работу художественным языком, изобретая «мифологию мозга», которая только множила неточности. Мейнерт был одним из таких людей. Поэт, умный, но сложный человек, переживший пристрастие к хлороформу, он в свое время начал в качестве хобби заниматься анатомией мозга и утверждал, что видит странные вещи, скрытые от других. Фрейд восхищался им, но держался на расстоянии.

«Врач для нервов» должен был заниматься и пациентами с небольшими психическими расстройствами, странными привычками и «беспокоящими мыслями», но о таких вещах в немецкоязычных странах заботились очень немногие серьезные врачи. Пионерами в этой области стали англичане, которые в 1830-х годах открыли синдром «жизненного износа», с гордостью объявив, что он связан с психологическим давлением промышленной революции, начавшейся в той же стране. Американцы, в свою очередь, создали термин «неврастения», более точное название, которое вскоре стало основной жалобой пациентов этого рода и диагнозом неопределенного плохого самочувствия, особенно у тех, кто подавлен «современной жизнью».

Маловероятно, что в общей больнице были места для нервных больных. Что касается более серьезных психических расстройств, обычно пациенты с ними отправлялись дальше по улице, в современный дом для умалишенных Нижней Австрии, по адресу Лазаретгассе, дом 14. Там было семьсот кроватей и большие парки для прогулок. В основном там содержались хронические сумасшедшие и сифилитики последней стадии. Психические расстройства всегда с трудом поддавались классификации. Если в 1880-х годах людей с нестабильным психическим состоянием или небольшими нарушениями психики отправляли куда-то на лечение, то лишь в частную клинику или на курорт. Без терпения Брейера и денег семьи состояние Берты Паппенгейм, «Анны О.», оставалось бы неважным с точки зрения медицины, разве что она окончательно сошла бы с ума и оказалась в доме 14 на Лазаретгассе.

Возможно, Фрейду как ученому нравилась лаборатория Мейнерта, как и Брюкке, но там всегда оставалась вероятность, что ему всю жизнь придется просто лечить больных. У него возник план: получить больше знаний и добиться более высокого положения, стать невропатологом, повесить медную табличку на модной венской улице и надеяться на лучшее. Работа с микроскопами и заспиртованными мозгами или медленное карабкание вверх по служебной лестнице в больнице – это казалось менее привлекательным по сравнению с более практичной альтернативой.

Он объяснил Марте, как важно, чтобы о нем говорили. Этого нужно добиваться постоянно. Не успел Мейнерт поздравить его с проведенной лекцией, как он уже начал искать что-то новое, чтобы «заинтересовать мир». Он «гнал» за деньгами, положением и репутацией». Но его решимость колебалась. В одном или двух письмах Минне Бернейс, младшей сестре Мирты, есть намеки на сомнения в себе. Жених Минны, Игнац Шенберг, друг Фрейда, в то время умирал от туберкулеза, и она не хотела больше выходить замуж. У нее с Зигмундом были свободные и откровенные отношения. В августе 1884 года он послал ей свою фотографию, сделанную после того, как он временно возглавлял отдел – «это снимок бывшего важного лица – а сегодня я снова бедный парень».

Жизнь Фрейда в Вене была «битвой за будущее». Годы спустя, на свой пятидесятый день рождения, он очень разволновался, когда друзья преподнесли ему сюрприз: медальон с изображением Эдипа, отвечающего на загадку Сфинкса, и строкой из Софокла: «Тот, кто разгадал знаменитую загадку и был велик». «Сдавленным голосом» он вспомнил, как мечтал в молодости, стоя перед бюстами профессоров университета, что среди них будет и его собственный именно с этими строками. Это совпадение сделало его «бледным и взволнованным». Так значит, его фантазии обладают силой предсказания! Впрочем, то, что им владели честолюбивые амбиции, неудивительно. Странно другое – он совершенно отрицал это, старался представить свое положение обычным. Он не хотел выглядеть интриганом-карьеристом, который посвятил жизнь погоне за славой.

В медицине происходили все новые открытия, все новые неизвестные врачи становились знаменитыми, так почему не Фрейд? Он следил за успехами других. Он знал о том, что профессор Кох из Берлина утверждает, что выделил патоген туберкулеза. «Прав ли господин Кох из Берлина?» – рассуждает он в письме к Марте. Он злился, когда видел, что исследователи направляются «прямо в неисследованную область нервных расстройств», в область, где намеревался работать он сам.

Он постоянно думал о своей судьбе и в то же время хотел поскорее заполучить Марту. «Я утолю жажду твоими поцелуями», – писал он. Похоже, некоторое время им руководили не только мечты о славе, но и мысли о семейном счастье. С июня 1883 года, когда Марту с сестрой отвезли в Гамбург, Зигмунд с ней не виделся. Другие люди, говорил он Брейеру, как бы отгораживаясь от простых смертных, «истекли бы кровью от травматических событий моей жизни». Какие события он имел в виду, если не считать разлуки с любимой? Сырые стены квартиры в Леопольдштадте, юную Гизелу Флюс или «плохого» дядю Иосифа? Но он не мог не представлять свою биографию богатой событиями и значительной.

В апреле 1884 года, в возрасте двадцати семи лет, он пришел к мысли, которая могла изменить его жизнь как в сексуальном, так и в профессиональном смысле. Он начал экспериментировать с кокаином. Дело не в том, что у него были какие-то особые сведения или идеи, связанные с этим веществом. О кокаине врачи и фармакологи спорили к тому времени уже четверть века. Он был широко доступен в Европе как главная составная часть популярного «напитка здоровья», вина «Мариани» (вскоре он некоторое время будет продаваться и в Америке в составе нового сладкого напитка, кока-колы). Фрейд видел доклад немецкого военного врача, который давал воду с кокаином уставшим солдатам во время маневров, не говоря им, что это такое, и в тех вливались новые силы. Фрейд начал изучать литературу по кокаину и заказал его у производителей. Одной из причин его интереса, возможно, являлось то, что южноамериканские индейцы считали листья куста кока – из которого в начале века был получен кокаин – средством, усиливающим половое чувство.

Кроме того, он прочел в американской литературе, что кокаин можно использовать в качестве безвредного заместителя морфия и таким образом лечить зависимость от морфия. Это предположение было выдвинуто за четыре года до того одним врачом из Кентукки. У Фрейда был материал для экспериментов: его друг и благодетель Флейшль фон Марксов, безупречный ученый, кладезь добродетели. В прошлом во время вскрытия Флейшль занес в ранку на пальце инфекцию. Палец ампутировали, но постоянные образования и операции на руке вызывали хронические боли, и он был вынужден принимать морфий, к которому в конце концов пристрастился. Он сказал Фрейду в 1883 году, что, когда его родители умрут, он застрелится.

В письме Марте от 22 апреля 1884 года Фрейд сообщает, что намеревается испытать кокаин на Флейшле. Возможно, эффекта не будет, но кто знает? По его выражению, «нам нужна всего одна подобная удача, и мы наконец сможем начать семейную жизнь». Итак, Фрейд отправился на поиски счастья с граммом белого порошка производства дармштадтской компании "Merk

Co."

Это мероприятие явилось аферой, из которой Фрейд мог извлечь урок. По сути он был врачом, маскирующимся под ученого, но это, похоже, никого не волновало. Кокаин вызывал интерес многих, и на нем Фрейд мог опробовать свои способности в написании статей и представлении материала. Его метод по получению продукта заключался в проведении «опытов», которые были призваны подтвердить его исходную гипотезу: кокаин – вещество, обладающее чудодейственными свойствами. Эксперименты состояли из раздачи небольших доз вещества друзьям и себе. Первые сообщения полны энтузиазма, хотя на Брейера они не произвели впечатления. Фрейд считал, что с помощью кокаина он сможет лечить нервное истощение, невралгию, сердечные болезни, бешенство и диабет. Он даже хотел вызвать искусственную морскую болезнь на каруселях в Пратере, чтобы и ее добавить к указанному списку.

Марта тоже становится участницей «опытов». Зигмунд рассказал ей о пациенте, который вылечился с помощью кокаина от болей в желудке. 25 мая 1884 года он пишет, что он сам вскоре после двадцать восьмого дня рождения начал принимать «очень маленькие дозы» от депрессии и несварения желудка «и добился прекрасных результатов». Он шлет кокаин и Марте, чтобы «она стала крепче и румянее».

В его письмах содержатся намеки и на способность этого вещества усиливать половое чувство. Летом 1884 года Фрейд планировал посетить Вандсбек. В начале июня он пишет:

Горе тебе, моя принцесса! Когда я приеду, я зацелую тебя и закормлю. И если ты будешь непослушной, посмотрим, кто сильнее: маленькая девочка, которая ест слишком мало, или большой страстный мужчина с кокаином в крови.

Когда он мечтает о том, что кокаин может для него сделать, на поверхность выходят фантазии о женщине, взятой силой. Многие годы наркотик будет выручать Фрейда, хотя не столько в силу своих сексуальных свойств, сколько в качестве психологической поддержки.

Наряду с проведением «опытов» он исследовал литературу и готовил статью. Вскоре она была написана, отослана в один венский медицинский журнал и в июле опубликована под названием «О коке». Он посвятил статью невесте как «гимн во славу этого магического вещества» – посвящение показывало, что читатель должен был найти в этой статье.

Статья в основном состояла из обзора литературы на эту тему. От истории использования растения кока в Перу Фрейд переходит к современным данным. Весь материал представлен пристрастно – автор подбирал данные, чтобы доказать эффективность кокаина. По словам Фрейда, он изменяет метаболизм в организме, позволяя провести большую работу при приеме меньшего количества пищи. В некотором смысле это действительно так (потому что кокаин стимулирует выработку адреналина), но Фрейд, похоже, считал, что кокаин может стать заменителем пищи, воздействуя неизвестным способом на центральную нервную систему. Он верил в чудеса.

Вот некоторые данные из статьи. Одна двадцатая грамма, растворенная в воде,

вызывает «приятное возбуждение и длительную эйфорию, ничем не отличающуюся от нормальной эйфории здорового человека». Возможно, Фрейд сам был в состоянии кокаиновой эйфории, когда писал эти строки. Улучшается контроль над собой. Увеличивается трудоспособность и «энергичность» – эвфемизм, заменяющий в рекламе патентных средств слово «потенция». Фрейд сообщает о том, что ему известно три человека, которые чувствовали половое возбуждение от приема этого средства. Вероятно, одним из них был он сам. Кокаин, уверял он своих читателей, не вызывает привыкания и «абсолютно никакого пристрастия». Это значило лишь то, что пока у него не было данных, доказывающих обратное.

Все это не помогло Фрейду завоевать авторитет, хотя и не повредило. Кокаин в то время был в моде. Писатель Конан-Дойль, который, вероятно, сам принимал его, к 1887 году заставил своего Шерлока Холмса регулярно добиваться с его помощью «умственного возбуждения». Доктор Ватсон с неодобрением смотрел, как великий детектив три раза в день закатывал рукав и обнажал жилистую руку с отметинами от уколов, делая себе инъекцию семипроцентного раствора кокаина. Фрейд просто присоединился к общему мнению.

Лечение его друга Флейшля началось в мае 1884 года, еще до написания статьи «О коке». Сначала Флейшль решил, что кокаин избавил его от пристрастия к морфию, как Фрейд и обещал, но к 1885 году он пристрастился к новому наркотику и стал принимать его в огромных дозах. Случай Флейшля с самого начала был безнадежен, тут любое лечение потерпело бы неудачу. В противном случае такие люди, как Брюкке и Брейер, не согласились бы на это лечение, да и Фрейд не стал бы проводить «эксперимент» в таких масштабах. Но даже когда польза кокаина стала вызывать серьезные сомнения, Фрейд был непоколебим в своей вере.

Еще год или два он продолжал восхвалять кокаин, пока в 1887 году не вышла его последняя статья на эту тему, где он признает, что использование кокаина морфинистами может быть опасным. К этому времени его уже обвинили (это сделал Альбрехт Эрленмейер, известный психиатр) в том, что он помог выпустить на свободу «бич человечества».

Волшебный порошок подвел Фрейда. Ему пришлось это признать. В статье от 1885 года, посланной в Венское психиатрическое общество, он рекомендовал делать подкожные инъекции кокаина «безо всяких ограничений». В 1887 году его взгляды изменились, и в другой статье он делает предположение, что во всем виноват способ применения лекарства, инъекции (в то время в пользу инъекций как метода введения лекарства многие сомневались). После этого ему нужно было как-то замять статью 1885 года, в которой он высказывается за инъекции, и он предпринимал для этого всевозможные усилия. Эрнест Джонс отмечает, что в «Толковании сновидений» Фрейд пишет, будто впервые порекомендовал людям кокаин в 1885-м, а не в 1884 году, как было на самом деле. Джонс делает анализ по Фрейду и говорит, что его подвело собственное подсознание, которое понимало, что он виноват, и вызвало эту опisku.

Произошла и еще одна неприятность. Летом 1884 года, когда Фрейд еще был полон энтузиазма по поводу кокаина, его более молодой коллега по больнице, офтальмолог Карл Коллер, открыл свойство этого вещества, которое Фрейд упустил из виду. Все, кто принимал кокаин орально, знали, что от него немеют рот и губы. Думая о том, где кокаин может найти применение, Фрейд просто добавил в список болезни глаз. Но в разговоре с Коллером, который уже искал вещество для местной анестезии, он упомянул о способности кокаина вызывать онемение ткани.

В сентябре Фрейд поехал в Гамбург, как и планировал, чтобы увидеться с Мартой, хотя ему пришлось сделать это немного позже, так как в отделе не хватало работников. По возвращении он узнал, что Коллер с помощью кокаина проводил анестезию глаз – у лягушки, кролика, собаки и самого себя – и уже написал статью, закреплявшую за ним открытие. Он признавал роль Фрейда, привлечшего его внимание к кокаину, но местная анестезия была открыта именно Коллером. В своей автобиографии 1925 года Фрейд обвиняет во всем Марту, утверждая, что внезапно прекратил работу над кокаином, чтобы

встретиться с ней. Но это было не так.

Долгое время после смерти Фрейда его дочь Анна, хранительница памяти о нем, просила друзей не говорить об истории с кокаином. Эрнест Джонс писал об этой привычке Фрейда, но преуменьшил ее масштабы. В личном письме Джеймсу Стречи, переводчику Фрейда, он писал в 1952 году: «То, как Фрейд навязывал всем кокаин, должно быть, делало его настоящей угрозой для здоровья людей... Его интересовали только чудесные свойства вещества, которое он сам принимал в слишком больших количествах». Кокаин даже снился Фрейду. В его снах был и призрак Флейшля (он умер в 1891 году). Фотография этого красивого чернобородого мужчины висела на стене приемной Фрейда. Она все еще там, в венском доме Зигмунда Фрейда.

Весна 1885 года стала для Фрейда временем перемен. В начале того же года он послал заявление на звание приват-доцента, успех которого зависел от покровительства Брюкке и Мейнерта, а также его собственных способностей. Постепенно оформлялся план организовать свою собственную практику как невропатолога. Он подал заявление на командировочную стипендию, которая позволила бы ему жить в Париже и работать под началом знаменитого невролога Шарко. 10 марта он прочитал последнюю из курса лекций и сообщил Марте, что этот день «проводит четкую черту в моей жизни; все старое завершено, и я попадаю в совершенно новую ситуацию».

За десять лет до того он говорил другу Зильберштейну: «Пусть начнется новая эра!», когда (ошибочно) сообщал ему о том, что Гизела Флюс собирается выйти замуж – еще один драматический штрих. В апреле 1885 года он пишет Марте, что уничтожил все личные бумаги за последние четырнадцать лет, в том числе «письма, научные рефераты и рукописи статей». Он сохранил только письма от нее и от семьи. Суэйлз предположил, что он в это время находился под воздействием кокаина; возможно, достаточно было и этой драматической жилки. Марте он написал, что его биографы будут, теперь уже без помощи его ранних бумаг, писать историю под названием «Рождение героя». Итак, он определил свое будущее. Возможно, это было сказано в шутку, но здесь есть и доля истины.

С нынешней точки зрения в некоторых словах Фрейда можно увидеть пророчества. Когда Брейер в 1880 году отлучался и Фрейд лечил одного из его пациентов, он писал Марте, что некоторые случаи лучше лечить человеком, а не инструментами. Еще один факт: он услышал, как группа молодых врачей смеется над будущей акушеркой. Ее спросили, почему в водах иногда бывает меконий – экскременты. Врачи считали, что ее наивный ответ («Потому что ребенок испуган») смешон. Но Фрейд был на ее стороне и считал, «что эта бедная женщина из низших слоев безошибочно заметила очень важную связь».

Все эти странности ничего не меняли. Фрейд по-прежнему оставался человеком, вполне способным продолжить карьеру обычного медика. Когда летом 1885 года коллеги проголосовали за то, чтобы выдвинуть его кандидатуру на должность приват-доцента и после некоторых бюрократических задержек согласие государства было получено, ему было тридцать лет.

Подчинение общим правилам означало безопасность. Благодаря поддержке своих покровителей врачи были во многом защищены от критики. Даже авантюра с кокаином не выходила за рамки, очерченные медициной для себя в то время. Во всех европейских столицах медики старались сохранить корпоративность медицины с некоторыми вариациями, и Фрейд одобрял эту игру, как и большинство его коллег.

Среди правил, которым нужно было подчиняться, была и одежда. Для устного экзамена, который тоже был обязательным для кандидата в приват-доценты, нужен был фрак, белые перчатки и шелковый цилиндр. Фрейду понравилась идея красивой одежды, и он не стал одалживать фрак, а пошел к дорожному портному, чего в принципе не мог себе

позволить. Ему пришлось не раз надевать фрак тем летом, когда он принял предложение работы на отпуск в клинике Генриха Оберштейнера, друга Брейера и Флейшля.

Работа в частной клинике была еще одним вариантом развития событий для бедного молодого врача, каким был Фрейд, если он хотел преуспеть. Клиника Оберштейнера была старейшим из шести частных психиатрических заведений в Вене, предназначенных для пациентов среднего класса. В этих стенах встречались самые разные заболевания: неврастения, алкоголизм и наркомания, депрессия и иногда даже буйное помешательство (такие больные были закрыты в отдельных палатах и не подлежали обсуждению). Клиника Оберштейнера находилась в сельской местности. Там держали пять коров, чтобы у пациентов всегда было свежее молоко – их лечили согласно модному американскому методу усиленного питания. Клиника стояла на маленьком холме в парке по пути в Гринцинг и к Каленбергу. Часто мимо нее в облаке пыли проезжала карета легкомысленного Артура Шницлера с друзьями и женщинами – они направлялись в казино «Цогернитц». Пути Фрейда и Шницлера не пересекались.

По словам Фрейда, все «менее серьезные» случаи в клинике, неврастеники, относились к обанкротившейся знати. Он отметил, что и «менее», и «более серьезные» больные получают очень незначительную медицинскую помощь. Он провел в клинике всего две недели июня и тут же написал Марте, какую идиллическую жизнь там можно вести «с женой и ребенком», работать без особого напряжения, как на государственной службе. Если «во внешнем мире» что-то не получится, он мог бы «спросить у моей маленькой женщины, понравится ли ей такая жизнь, когда ей не придется беспокоиться даже о кухне. Здесь есть свои за и против».

Но при любых обстоятельствах уход за баронами в упадке едва ли бы его удовлетворил. В это время он стал университетским лектором и получил небольшую стипендию, которой было достаточно на поездку в Париж. Он был совершенно прав: его жизнь изменилась. В конце августа Фрейд навсегда покидает больницу, проводит шесть недель в Гамбурге с Мартой и семьей Бернейсов, наконец примирившись с ее матерью, а в середине октября 1885 года приезжает в Париж. Он взял с собой рекомендательное письмо к Шарко, стипендию в шестьсот гульденов, а также запас кокаина для поддержания духа.

Глава 7. Франция

В Париже, этом загадочном и полном искушений городе, Фрейд чувствовал себя одиноко и беспокойно. Популярность Шарко, под началом которого он собирался учиться, наглядно показала ему, насколько теперь далеко от него скромное окружение венских учителей. Жану Мартену Шарко, известнейшему (и самому высокооплачиваемому) неврологу Европы, было шестьдесят лет. Его лекции и демонстрации в клинике «Сальпетриер» были достоянием общественности и посещались не только врачами, но и журналистами. Он выглядел внушительно, как римский император на монете – или Наполеон (это сравнение было ему особенно по душе), – а его манеру обращения с людьми можно было описать как нечто среднее между демократической приветливостью и террором. Он напоминал Фрейду священника, который, правда, занимается делами земными, а не небесными.

С 1860–х годов Шарко занимался классификацией неврологических заболеваний. Его работа над такими недугами, как рассеянный склероз, афазия и осложнения сифилиса, принесла ему известность. Симптомы этих заболеваний очень разнообразны – паралич, конвульсии, перепады настроения, – и поэтому врачи часто решали, что пациент просто притворяется. (Возможно, в том же заподозрил бы Берту Паппенгейм менее благожелательный врач, чем Брейер.) Шарко не поддерживал эту точку зрения. Он считал, что физические признаки истерии совершенно реальны и возникают вне зависимости от желания или характера больного. Их причина – психические явления, оказывающие влияние на физиологию. Шарко проводил исследования с помощью гипноза, к которому относился

очень серьезно и использовал на открытых лекциях, заставляя женщин, страдающих истерией, биться в конвульсиях или ходить во сне. Так он демонстрировал связь между разумом и материей.

Наверняка Фрейд слышал об этом, равно как и профессора, которые выделили ему стипендию и знали, что он едет в Париж. Если до Вены и доходили какие-то странные слухи, репутация Шарко спасала его от подозрений. Однако Фрейд, невзирая на все, что ему было известно ранее, стал считать Шарко чем-то вроде фокусника от неврологии.

Сначала все вызывало недовольство Фрейда. Он представил Шарко свое рекомендательное письмо, и тот вежливо взял его на работу, которой тот и планировал заняться: исследование анатомических изменений детского мозга. Такую науку венская школа одобряла. Но лаборатория была переполнена, и Фрейд вскоре устал от таких условий. Он регулярно посещал лекции только одного лектора (кроме Шарко) – Бруарделя, специалиста по судебной психиатрии. Они проводились в парижском морге и были посвящены убийствам, изнасилованию детей и incestу. Интерес к проблемам секса и детей вроде бы говорит о многом, но это прослеживается лишь в свете его последующих работ. Возможно, эти посещения морга и не имели большого значения. Впрочем, Фрейд запомнил одно выражение Бруарделя. «Грязные колени – признак приличной девушки».

Снова Фрейду было не по себе. Он скучал по Марте, стеснялся своего французского, а на улице так страдал от одиночества, что в первый день, по его собственным словам, заплакал бы, если бы не борода и шелковый цилиндр. Французы показались ему эгоцентричными и враждебными, их столица – «огромным безвкусно наряженным сфинксом, который поедает всех чужеземцев, не сумевших разгадать его загадки». Французы – странный народ, «подверженный психическим эпидемиям, массовым историческим потрясениям, и они не изменились с тех пор, как Гюго написал свой 'Собор Парижской Богоматери'». Противники яростно спорили, яркие афиши сообщали о сенсационных романах. Мужчины и женщины бесстыдно толпились, обозревая наготу, за границей тема секса снова стала беспокоить Фрейда. Это наблюдения он высказывает в письме от 3 декабря, но не Марте, своему объекту поклонения, а ее сестре Минне. Он сообщает Минне и радостную новость о том, что сумел сказать официанту слово «croissants» (фр. «рогалики»).

В это же время в Париже были родственники Марты и даже несколько коллег Фрейда из Вены, так что у него была компания. Он посещал музеи и театры. Однажды он видел Сару Бернар в мелодраме, после чего вернулся в гостиницу с мигренью. Правда, он предпочитал одиночество (во всяком случае, в этот период жизни). Он, как обычно, отгородился от всего, что его окружало. Толпа «вульгарна» – неважно, в Вене, Гамбурге или Париже. Иногда кажется, что это недовольство раздражало его самого. Он видел в неисследованном городе некую «магическую притягательность», но не мог заставить себя понять его.

Англия не вызывала в нем подобных чувств. Пуританство ему импонировало, а Кромвеля он считал героем. В Париже он дышал более экзотическим воздухом, и это его беспокоило. Иногда он упоминает о женщинах. Один родственник Марты спрашивал его, держит ли он в Париже любовницу. Однажды он пришел в ресторан с другом и его женой, а это оказался бордель. «Я ни в чем себе не отказываю», – заявляет он Марте, но, похоже, имеет в виду только еду и сигареты (а может, и кокаин).

В его письмах то и дело встречаются упоминания о фантазиях несексуального характера. Когда он рассказывая Минне о Париже, называя его «просто одним длинным и запутанным сном», была ли это только фигура речи, или за этим стояло нечто более конкретное? Когда, переехав в новую гостиницу и обнаружив, что полог над кроватью сделан из зеленой материи, он провел химический анализ, чтобы определить, нет ли в составе красителя мышьяка, было ли это обычной предосторожностью знающего человека или воздействием невротической фантазии?

Значительно позже Фрейд вспоминал, что, будучи в Париже, часто слышал, как его зовет по имени «единственный и любимый голос». Он записывал время, в которое происходили эти галлюцинации (так он их сам называл) и посылал срочные телеграммы в

Вену, чтобы узнать, не случилось ли чего. Все было в порядке. Известна и еще одна парижская фантазия, в которой он останавливает понесшую лошадь, запряженную в экипаж, и спасает очень важного седока, который говорит ему: «Вы спасли меня. Чем я могу отплатить вам?» Четырнадцать лет спустя Фрейд косвенным образом упоминает об этой фантазии. Он писал «Толкование сновидений» и привел ее в качестве примера, говоря о фантазиях. Он решил, что эта фантазия берет начало из романа Доде «Набоб» и относится к бедному счетоводу Жоклину, который бродит по Парижу и мечтает. Он попытался найти в романе этот эпизод, но безуспешно. Он только узнал, что счетовода звали не Жоклин, а Жос (французский эквивалент фамилии Фрейда). Исходя из этого Фрейд заключил (и был совершенно прав), что эта фантазия о лошади принадлежит ему самому и была придумана в Париже, когда он бродил по улицам «в одиночестве, полный страстных желаний, нуждающийся в помощнике и покровителе, пока великий Шарко не принял меня в свой круг».

В статье, написанной в 1916 году, он утверждает, что мечты – это то, с помощью чего и дети, и взрослые удовлетворяют свою потребность во власти или любви. «[Фантазии] продолжают до тех пор, пока человек не достигнет зрелости, а потом он либо отказывается от них, либо живет с ними до конца жизни». Если это верно, фантазии Фрейда относили его ко второму типу людей. В Париже в течение первых нескольких месяцев, когда ему было особенно плохо, они просто проявлялись ярче, чем обычно.

Фрейд совершенно разочаровался в Париже, но тут Шарко сделал его своим другом. Он собрался провести Рождество 1885 года с семьей Бернейсов в Гамбурге, а на Новый год решил не возвращаться в Париж, а поехать в Берлин. Однако во время второй недели декабря ему пришла в голову «глупая идея» предложить Шарко перевести собрание его лекций, которые еще не были изданы на немецком языке (он понимал французский лучше, чем говорил на нем). Шарко удалось убедить, и Фрейд изменил свое мнение насчет Парижа и вернулся туда в начале января 1886 года. На этот раз он стал ближе к своему покровителю.

Фрейд восхищался тем, что Шарко видел в истерии нечто большее, чем обычное физиологическое расстройство. На самом деле в Париже Фрейда интересовала именно истерия, а не неврология. Рекомендательное письмо, которое он привез в октябре из Вены, было написано Морицем Бенедиктом, профессором неврологии, который также занимался гипнозом и считал, что истерия связана с сексом (в научных кругах эту идею считали устаревшей). Имена Мейнерта или Брюкке имели большой вес, так что, возможно, Фрейд обратился к Бенедикту потому, что хотел повлиять на мнение Шарко-гипнотизера. Или Фрейд сам в то время начал интересоваться гипнозом? В Вене многие годы избегали обсуждения этого вопроса, но в 1880-х годах он стал вызывать новый интерес. Друг Фрейда Брейер испытывая гипноз на Берте Паппенгейм и рассказал Фрейду о своем успехе. Ему удалось заставить ее вспомнить всю историю своей болезни.

Если Фрейд с самого начала собирался в Париже изучать гипноз и «умственные» аспекты истерии, не было ли исследование детского мозга способом скрыть его намерения от венских профессоров? Он хотел разобраться со случаем Паппенгейм – Анны О. Фрейд пытался заинтересовать в ее болезни Шарко, но невролог, «похоже, думал о чем-то другом». Шарко считал гипноз средством исследования истерического поведения, а не истории жизни больных.

К тому времени как Фрейд оказался в Париже, Шарко был очень увлечен темой истерии. Если неврологи хотели добиться успеха и известности в общей медицине, в то время как в области лечения инфекционных заболеваний делались все новые открытия, им нужно было найти объяснение этому заболеванию и как-то его классифицировать.

В конце девятнадцатого века истерия сопровождалась удивительно яркими симптомами, которые после 1900 года исчезли, как будто болезнь адаптировалась к более рациональному столетию. Во время первой мировой войны она, правда, вернулась в новой ипостаси: в сложных ситуациях у солдат появлялись симптомы, которые могли вызвать демобилизацию. Но в период расцвета истерии паралич был поразительно сильным, слепота

или глухота полными, а конвульсии ужасными. Все это давало такому веселому тирану, как Шарко, прекрасный драматический фон для достижения еще большего успеха. Одна серия исследований убедила его, что с помощью гипноза можно вызывать истерический паралич у восприимчивых к этому методу пациентов (такowymi он считал всех страдающих истерией). В конце концов он заявил (как впоследствии и Фрейд), что паралич вызывают идеи, скрытые в мозгу пациента. Таким образом, он доказал, что у истерика по психологическим причинам может (как часто и бывало) развиться паралич и другие симптомы. В 1890-х годах эта идея приобрела для Фрейда огромное значение, поскольку доказывала, что за повседневным сознанием скрываются мощные умственные процессы.

Деятельность Шарко как лектора и преподавателя до сих пор вызывает восхищение. Его работа с загипнотизированными истериками, которая так завораживала Фрейда и остальных, сегодня уже не имеет большого значения. Лекции, на которые приходили не только врачи и студенты, но и политики и актеры, были скорее медицинскими театральными представлениями. Его пациентки (а большинство истериков принадлежало к слабому полу) вели себя настолько экстравагантно, что есть подозрения, что по крайней мере некоторые из них знали, чего от них ожидают. В «Сальпетриере» для истеричек выделяли специальные палаты. Некоторые из них были довольно молоды и гордились своей известностью.

Женевьева любила демонстрировать свои ноги в шелковых чулках. Ее фотографии часто появлялись в журналах. Бланш, «королева истеричек», стала героиней не одной картины. Эти представления ставились Шарко и его ассистентами. Прикосновения к руке или ноге было достаточно, чтобы пациентки погружались в транс. При звуках гонга они впадали в каталепсию и не могли двигаться (однажды в гонг случайно ударили во время бала для пациентов, и те застыли на месте). От прикосновения к мышце конечности шевелились. Одно слово, и женщина падала на пол, исходя криками. Писатель и врач Аксель Мунте, который в 1880-х годах учился под руководством Шарко, считал представления в «Сальпетриере» фарсом, «безнадежной смесью правды и обмана». Но Фрейд видел в этом то, что хотел увидеть, и считал Шарко одним из своих героев.

По возвращении в Париж после Рождества Фрейд стал частью окружения своего руководителя. Он был в «волшебном замке» Шарко, доме на бульваре Сен-Жермен, чтобы обсудить перевод, а вскоре удостоился приглашения в гости вечером. Он надел новую рубашку и новый фрак, подровнял бороду и успокоил нервы с помощью кокаина. «Я пил пиво, – сообщает он Марте, – дымил как паровоз и чувствовал себя совершенно свободно, причем не произошло никаких неприятных неожиданностей». Он рассказал Шарко медицинский анекдот и ушел довольный своими достижениями – или, скорее, как он сказал, достижениями наркотика.

Последовали новые визиты. Кокаин помогал ему общаться с богатыми и знаменитыми людьми, а возможно, и с Мартой. Одним февральским вечером, перед тем как отправиться к Шарко, он пишет ей о своих мыслях, о том, будто он боится, что люди видят в нем «что-то чуждое». Он сожалеет, что он не гений, и объясняет свое опасливое отношение к незнакомцам тем, что «простые иди плохие люди плохо ко мне относятся». Было ли это признание под воздействием кокаина правдой или просто выражением настроения? В тот вечер что-то его беспокоило: может, то, что он был евреем, хотя не показывал этого антисемитски настроенному Шарко. Брейер, как он писал, однажды сказал ему, что под внешней скромностью во мне скрывается очень отважное, бесстрашное существо. Я сам всегда так думал, но не решался никому об этом сказать. Мне всегда казалось, что я унаследовал весь бунтарский дух и всю ярость, с которой наши предки защищали Храм, и с радостью принес бы свою жизнь в жертву ради великого момента истории. И в то же время я всегда ощущал себя чрезвычайно беспомощным и неспособным выразить все эти чувства даже в словах или стихах. Поэтому я всегда сдерживал себя, и именно это, по-моему, должны видеть во мне люди.

Фрейд и Шарко могли обсуждать секс, но никогда этого не делали. Шарко наверняка знал бытующее мнение о том, что причина истерии – это половая неудовлетворенность.

(Происхождение слова «истерия» от греческого «матка» говорило о том же.) Некоторые даже считали, что половое сношение может иметь терапевтический эффект. Это «народное средство» было не так уж далеко от взглядов традиционной медицины, но Шарко, хотя и признавал, что у истериков бывают сексуальные галлюцинации, этим не интересовался.

Однажды Фрейд все же услышал от него кое-что о сексе. Это произошло во время приема на бульваре Сен-Жермен. Хозяин дома рассказывал Бруарделю, судебному психиатру, о молодой супружеской паре. Мужчина оказался импотентом, и в результате у жены расстроились нервы. Шарко сказал мужу: «Продолжайте стараться! Я обещаю, у вас все получится». Фрейд не расслышал, что ответил Бруардель, но тот, похоже, удивился, что на женщину это так подействовало. И тут Шарко закричал: «Но в таких случаях это всегда зависит от гениталий – всегда, всегда, всегда!» Описывая этот эпизод в 1914 году, Фрейд продолжает:

Он сложил руки на животе, охватив себя и несколько раз подпрыгнув на носках в своей особой манере... На какое-то мгновение я был просто поражен я сказал себе: «Но если он это знает, то почему никогда об этом не говорит?» Однако это впечатление вскоре стерлось.

В феврале 1886 года Фрейд навсегда попрощался с Шарко. Он провел несколько недель в Берлине, изучая детские болезни в качестве подготовки к частной практике, а к весне вернулся в Вену. Брейер посоветовал ему не спешить. И вот он кисло шутил, что эмигрирует и устроится работать официантом, считал свои тающие денежные ресурсы и подыскивал кабинет и электрическую аппаратуру, необходимую для модной в то время «электротерапии» пациентов с расстроенными нервами.

Какие бы уроки Фрейд ни извлек из пребывания в Париже, он как ни в чем не бывало продолжал осуществлять свой первоначальный план – заработать денег и жениться на Марте. Неясно, когда впервые начали оформляться его новые идеи об истерии и психологии. Самое важное было обобщено в его замечании, что симптомы истерии соответствуют представлению людей о нервной системе, а не тому, как она действует на самом деле. Пациент, сам того не подозревая, волочит ногу так, как в его представлении должны волочить больную ногу, хотя по законам физиологии он делал бы это совершенно по-другому. Из этого следовало, что истерия не зависит от «обычного 'я'» человека и задействует другой, некий внутренний механизм. За этими идеями (о которых размышлял не только Фрейд) скрывалась новая психология, которую еще предстояло открыть.

Позднее Фрейд утверждал, что еще до отъезда из Парижа он предложил Шарко статью на эту тему, в которой говорилось, что при истерии «параличи и исчезновение болевых ощущений... происходят так, как представляют их обычные люди, а не в соответствии с анатомическими фактами». Единственное свидетельство – слова самого Фрейда, а в то время он стремился доказать свое первенство в этой области, в частности, по сравнению с другим психологом, французом Пьером Жане. Тот написал статью в 1893 году, до Фрейда. Однако Фрейд действительно всего три года спустя после возвращения из Парижа в статье от 1888 года высказывался, пусть и не так решительно, об истерии и ее симптомах, противоречащих физиологии.

Эта статья, что интересно, представляла собой анонимный текст для энциклопедии. Если предположить, что Фрейд активно занимался развитием этой идеи с 1885 года, похоже, что он эти занятия не афишировал. Он был невропатологом, ищущим пациентов в городе, полном конкурентов, и не хотел портить свою карьеру пропагандой странных теорий. Пока он держал рот на замке.

К середине апреля 1886 года он нашел две комнаты для жилья и работы. Они находились в подходящем для врача месте, возле венской ратуши. Госпожа Брейер помогла ему вывесить таблички у входа в квартиру и на улице. 25 апреля, в пасхальное воскресенье (возможно, еще одна демонстрация атеизма), в газете «Ноне фрайе прессе» появилось скромное объявление о том, что доктор Фрейд, университетский лектор по невропатологии, проведя полгода в Париже, вернулся в Вену и проживает в доме номер 7 по улице

Ратхаусштрассе. Всего через неделю ему исполнилось тридцать лет.

Фрейд нашел первых пациентов через коллег. Он консультировал посла Португалии. Он применял гипноз на итальянке, которая билась в конвульсиях, слышав слово «яблоки». Пытался ли он определить, что она помнит о начале болезни? Он рассказывал Марте о «деликатном» случае, за который он не брал платы. Он лечил американского врача, «жалобы на нервы» которого усугублялись проблемами с его привлекательной женой. Фрейд дважды виделся с ней, и каждый раз фотография Марты падала со стола, чего раньше никогда не бывало. Двадцать лет спустя его друг Карл Юнг будет вызывать раздражение Фрейда, утверждая, что работает с паранормальными явлениями. Но в 1886 году Фрейд с интересом воспринимал подобные сверхъестественные моменты. «Мне не нравятся такие намеки, – пишет он. – Если бы я нуждался в предостережении – но это излишне».

Теперь, когда он завел свою практику и зарабатывал деньги, женитьба стала более реальной. В начале лета произошла краткая и бурная ссора с семейством Бернейсов. Марта передала часть приданого своему хитрому брату Эли, который тут же вложил его в какое-то дело. Узнав об этом, Фрейд потребовал, чтобы она забрала свои деньги, и вел себя не очень красиво. Он никогда не любил Эли, умного и смекалистого, когда речь шла о денежной выгоде. Он знал почти наверняка, что его отец сидел в тюрьме, а также то, что сам Эли за год до того провел два месяца за решеткой за уклонение от воинских обязанностей. Деньги тот вернул. Марта была шокирована поведением Зигмунда. Впрочем, они помирились и стали готовиться к свадьбе в конце лета.

Месяц неожиданной воинской службы в августе-сентябре заставил их отложить свадьбу. Фрейд писал Брейеру из «грязной дыры» в Моравии, неподалеку от места, где он родился. Там он был врачом батальона и выдавал справки солдатам о том, что они были ранены холостыми патронами. Он посмеивался, слушая генерала на коне, кричащего: «Солдаты! Солдаты, где бы вы были, если бы это все было заряжено?» Но он добавил, что военная жизнь излечила его неврастению. Он впервые упомянул о неврастении в письме. Возможно, он надеялся, что брак избавит его от этого недуга навсегда.

Бракосочетание проходило в два этапа: гражданская церемония 13 сентября 1886 года в вандсбекской ратуше и еврейская религиозная на следующий день, на которой настояли родственники Марты. Дядя Марты Элиас, присматривавший за ней (однажды он спросил: «Что это еще за Фрейд?»), научил его необходимым молитвам.

Медовый месяц они начали в Любеке, древнем порту в сорока пяти километрах от Вандсбека. Питер Суэйлз проследил его жизнь в то время по описанию снов. За два года до свадьбы Фрейд рассказал Марте о сне, который был вызван еще одним препаратом из листьев коки – эгонином. Ему снилось, что он долго-долго шел и «наконец пришел к гавани, окруженной прекрасными садами, и Хольстентору и вскричал: Любек!».

В то время они уже планировали начать там свой медовый месяц. Хольстентор – это две готические башни у ворот Хольстен. Если идти из Гамбурга, до моста в Любеке взгляду открываются два остроконечных купола над округлыми воротами. Фрейдист может увидеть в этом сексуальные символы, и именно так истолковывает этот сон Суэйлз. Хольстентор – это женщина, которая готова принять в свое лоно любимого. Фрейд мечтал о дефлорации невесты.

В этом толковании речь идет о строении, уже хорошо знакомом Фрейду. Раз он видел во сне Любек, почему бы ему не увидеть то, что он видел в этом городе раньше? Почему пара башен обязательно должна олицетворять груди Марты? Фрейдисты возразят, что здания и пейзажи довольно часто оказываются сексуальными символами. Фрейд сделал вывод, что двери и ворота представляют собой женские наружные половые органы, как и сады (те же «прекрасные сады» из его сна). Конечно, башни можно было причислить к символам женской груди, хотя яблоки и персики – более традиционные образы.

Эти загадки неразрешимы. Психоанализ во многом основывается на вере, а не на научных доказательствах. Подход Суэйлза к этому сну интересен, и даже нефрейдисту хочется представить себе Фрейда, мечтающего о первой брачной ночи в символах, которые

ему только предстояло разгадать. Сложности символизма снов стали причиной появления целой мифологии. Фрейд всю свою жизнь строил предположения о символах женской груди и прочем. Фрейдистское толкование этого сна интереснее, хотя сам он не истолковывал этот сон. Оно как бы позволяет нам глубже заглянуть в душу этого странного человека.

Фрейд наверняка не понравилось бы такое вторжение в его личную жизнь. Еще большее негодование в нем бы вызвало то, что в последние годы он постепенно превратился из ученого и безупречного теоретика в старый памятник, побитый непогодой и шатающийся на своем постаменте. В ту ночь в Любеке, когда сон сбылся, он едва ли представлял себе, что его ждет и первое, и второе.

Глава 8. Тайная жизнь

Семейная жизнь Фрейдов началась в четырехкомнатной квартире на Рингштрассе, улице, которая кольцом окружала город. На ней располагались всевозможные учреждения – музеи, галереи, опера, правительство, – и иметь такой адрес считалось престижным. Квартира, которую Фрейд выбрал летом до свадьбы, находилась в новом доме в северо-восточной части улицы, возле биржи и старого портняжного квартала с внутренней стороны и довольно близко от медицинских институтов и городской больницы с внешней стороны авеню. Это был не самый модный, но очень приличный район. Сегодня на этом месте стоит полицейское управление. Когда я обратился к дежурному, тот ответил: «Зигмунд Фрейд? Не знаю, кто это такой».

В дом входили с параллельной улицы, Мария-Терезиенштрассе. Официально он назывался «Kaiserliches Stiftungshaus», Императорский мемориальный дом, и стоял на месте театра, который за пять лет до того загорелся во время представления и стал могилой для нескольких сотен человек «Многие утверждали, что купили билеты на это трагическое представление, но по какой-то причине не смогли прийти, а значит, их спасло чудо. Марта, ее брат Эли и сестра Фрейда Анна предположительно были среди этих немногих, избежавших смерти.». Этот дом называли Домом искупления, и такое прошлое отпугивало некоторых желающих там жить. Если поэтому квартирная плата была низкой, становится понятным, как Фрейд мог позволить себе такую квартиру. Сначала он едва сводил концы с концами. Ему пришлось заложить свои золотые часы, подарок от Эммануила, и даже золотые часы, которые он подарил Марте на свадьбу.

Главное было выжить, но до того, как окунуться в борьбу за существование, он вернулся к идеям, которые привез с собой из Парижа и надеялся развить в будущем. Поскольку за его поездку платил университет, Фрейд должен был представить доклад о своей работе. В октябре 1887 года Венское общество врачей встречалось в первый раз после летнего перерыва, и именно тогда Фрейд выступил с рассказом о мужской истерии.

Фрейд поступил не очень дипломатично. Он с энтузиазмом рассказал о работе Шарко и сообщил слушателям, что истерия – это заболевание, а не уловка симулянтов, а истерики встречаются гораздо чаще, чем полагает медицина. Венские врачи без восторга отнеслись к тому, что им приходится слушать какого-то посланца Шарко, и им уже было неважно, каких результатов он добился в Париже.

Фрейду был оказан холодный прием, хотя и не настолько, как он пишет в своей автобиографии. По его словам, на молодого новатора ополчились реакционеры от медицины. Так, он упоминает «старого хирурга» из Вены, который тогда упрекнул его, что Фрейд проигнорировал происхождение слова «истерия» от греческого «матка» и то, что эта болезнь может относиться только к женщинам. Если этот старец существовал на самом деле, его едва ли можно назвать типичным представителем венской медицины. Впрочем, чем сильнее Фрейд представлял оппозицию, тем легче ему было чувствовать себя героем, противостоящим обществу.

У него был и другой повод вспоминать то собрание с горечью. Париж вызвал у него новые идеи, в частности, то, что симптомы истерии соответствуют представлениям

пациентов о строении их тела, а не действительным анатомическим фактам. В такой обстановке высказывать подобные эксцентричные гипотезы было невозможно, и Фрейду пришлось молчать об этом долгие годы. Возможно, он думал о том, что все это началось с того собрания, когда ему пришлось вместо настоящей гипотезы высказать более безопасную и неуклюжую историю. Конечно, гораздо приятнее винить в этом венских врачей, чем самого себя.

Итак, Фрейд снова приступил к работе. Но на этот раз она отличалась от «научной» медицины, которой он занимался под началом Брюкке и Мейнерта. Он все еще мог стать неврологом, специалистом по физическим болезням мозга и нервной системы. Для этого ему требовалось назначение в психиатрическо-неврологическую клинику университета, куда евреев брали неохотно. Ему предложили работать неполный рабочий день в институте детских заболеваний, и он согласился. Эта работа не была связана с университетом, не давала возможностей для проведения исследований и престижа, а это было необходимо для удачной частной практики по специальности. Несмотря на это, еще десять лет Фрейд занимался анатомией мозга и неврологическими заболеваниями и стал благодаря своим публикациям ведущим авторитетом по детским параличам. Он мог добиться успеха и в неврологии «Фрейд оставался неврологом даже после изобретения психоанализа. В молодости дирижер Бруно Вальтер обратился к нему с жалобой на судороги в правой руке. Он ожидал, что Фрейд начнет задавать ему вопросы о детских сексуальных отклонениях, но тот просто осмотрел его руку.». Но независимая практика в нечетко определенной области предоставляла больше возможностей для роста человеку с нетрадиционными идеями, чем место в центральном отделении университетской больницы.

Фрейда привлекала неопределенность «жалоб на нервы». В то время (как и сейчас) можно было неплохо заработать на заболеваниях такого рода. «Нервы» были в моде, в них видели причину любого незначительного расстройства с неизвестной причиной: усталости, головных болей, дрожания рук и других частей тела, запоров, бессонницы, потери аппетита. В своей автобиографии Фрейд вспоминает этих больных: «толпы невротиков, которые казались еще многочисленнее от того, что в отчаянии бросались от одного врача к другому, не находя облегчения». Он занимался ими со всей серьезностью – достойный молодой врач в темном, с аккуратной бородой, не лишенный чувства юмора.

Медицина относилась к невротикам практически как к малым детям. В учебниках типичные пациенты описывались довольно ненаучно: вот, например, нервная женщина, «страдающая худобой и малокровием... Чтение утомляет ее, игра на фортепиано утомляет ее. Она устает даже от еды и разговора. В такой сонной монотонности проходит вся ее жизнь».

О первых пациентах Фрейда известно очень мало. «Сброда», который он не любил, у него практически не было. Они ведь, кроме всего прочего, не могли оплачивать счета. Позже он стал брать на лечение только образованных людей, «заслуживающих доверия», по его собственному выражению, но пока ему приходилось довольствоваться тем, что он имел. Предполагают, что большую часть пациентов к нему направляли коллеги, особенно Брейер, единственный источник связей с богатыми пациентами для Фрейда. В основном это были женщины. В письме, написанном в ноябре 1887 года новому приятелю Фрейда, доктору Вильгельму Флису из Берлина, впервые появляется неизвестная «госпожа А.». Флис, немецкий отоларинголог, на два года моложе Фрейда, в 1887 году учился в Вене в аспирантуре. Тогда они и познакомились – через вездесущего Брейера. Вскоре Фрейд уже писал: «Я до сих пор не понимаю, как мне удалось завоевать твою дружбу». Это восхищение чувствуется во всей их переписке. Фрейд в письмах открывал свою душу умному и чуткому другу. Эти письма, говорящие о большем, чем Фрейд хотел, были

полностью опубликованы лишь в 1980-х годах. В течение жизни он безуспешно пытался их выкупить.

Госпожа А. жаловалась на головокружение и слабость в коленях. Фрейд решил, что она страдает от неврастения, модного заболевания, связанного с разнообразными незначительными болями. Он лечил ее слабым электрошоком, гидротерапией и гипнозом.

В том же письме Фрейд рассказывает о своей практике, причем без энтузиазма. «Экипаж стоит дорого», – пишет он, имея в виду небольшой фиакр, в котором должен был ездить врач. А «посещение людей, убеждение их что-то делать или не делать – в чем, собственно, и состоит моя практика – отнимает лучшее время, которое можно было бы посвятить работе». Под «работой» он подразумевает статьи.

К февралю 1888 года, когда писалось письмо, госпожа А. была беременна. Фрейд делает странное замечание:

Возможно, я частично содействовал появлению этого нового гражданина. Однажды я достаточно убедительно и сознательно высказался при этой пациентке о вреде прерванного полового сношения.

Это первое свидетельство сильных чувств, обуревавших Фрейда по отношению к предотвращению беременности. Теперь на это редко обращают внимание. Фрейд считая, что все методы контрацепции вызывают неврозы и вредны для человека. Возможно, он считал, что это вредно для него самого. Прерванное половое сношение – это сношение без оргазма мужчины, что для него скорее сложно, чем вредно. Фрейд, который хотел, чтобы госпожа А. знала о его мнении, не был вторым Брейером или Шарко в вопросах супружеского ложа.

Неврастения была впервые выделена в Англии в 1831 году и получила название «синдрома жизненного износа». Своим современным названием она обязана американцу доктору Джорджу М. Бирду (1869). Бирд утверждал, что все зависит от «нервной силы», которой у некоторых людей очень мало, как в истощившихся батарейках. Он считал, что у мужчин это состояние встречается чаще, чем у женщин, что противоречило самой идее истерии и мнению многих врачей. Эти разногласия только способствовали увеличению количества научных трудов о неврастении.

Триумф Бирда состоял в том, что он создал болезнь современной жизни, невроз, являющийся характеристикой эпохи «Неврастения в более слабой форме дожила и до двадцатого века. Именно неврастеников посылали в морские круизы „для укрепления тонуса“, если они были достаточно обеспечены, а в противном случае прописывали им „тонизирующие микстуры“. В современных международных медицинских справочниках эта болезнь фигурирует под названием „синдром хронической усталости“..». Сначала к группе риска относили людей интеллектуального труда, а впоследствии врачам пришлось признать, что к неврастению склонны и представители рабочего класса. Последователям Бирда не составило труда вывести зависимость неврастения от валового национального продукта. В учебнике по медицине 1895 года приводятся угрожающие сравнения. В 1840 году в Англии было написано 595 миллионов писем. В 1891 году эта цифра возросла почти в три раза. Больше почты, больше газет, больше поездок по железной дороге – а значит, больше «нагрузки на нервы». Неизбежное следствие – растущая неврастения.

Фрейд– невропатолог присоединился к общему мнению. В январе 1887 года в рецензии на книгу о неврастении, написанную по просьбе одного медицинского журнала, он называет неврастению «самым распространенным заболеванием в нашем обществе», которое «усложняет и усугубляет клиническую картину почти всех пациентов высших классов». Он также критикует «врачей с научным образованием», которые никогда не слышали о неврастении, а также «так называемое клиническое образование» которое они вследствие своего невежества дают студентам-медикам в больницах.

Нервные заболевания лечили самыми разнообразными и дорогостоящими способами. Один американский врач, С. Вейр Митчелл из штата Филадельфия, получил известность тем, что лечил слабые нервы месяцами строгого постельного режима, обильного питания и массажа. Это означало отправку пациента в санаторий. Как однажды отметил Фрейд, врач

широкого профиля не сможет заработать себе на жизнь, если будет после первого же визита отсылать пациента к другим врачам. Еще одним популярным методом в то время была гидротерапия – лечение ваннами и душами. Обычно это тоже делалось в санаториях (которые, правда, слыли местами с распущенными нравами). В Вене даже был свой собственный профессор гидротерапии.

Фрейд отдавал предпочтение электротерапии, которую он уже применял на больничных пациентах. Электричество все еще было чем-то необычным. Артур Шницлер впервые останавливался в комнате с электрическим освещением в берлинском отеле «Континенталь» в 1888 году. Как и большинство врачей, Фрейд с энтузиазмом воспринял новую явно научную терапию, которой можно было заниматься у себя в кабинете. Сначала, вероятно, это был его любимый метод. Пациенты чувствовали, что о них хорошо заботятся, когда видели всю внушительную аппаратуру пульты с переключателями и лампочками, провода, электроды со щетками на конце и деревянные ванны, в которых можно было лежать и чувствовать щекочущие электрические разряды. У новой специальности был впечатляющий технический словарь и свой пророк в виде доктора Вильгельма Эрба, известного невропатолога из Лейпцига, который утверждал, что получил «восхитительные результаты» при лечении «тысячи замечательных форм» неврастений.

Фрейд год или два упорно работал с электричеством, повторяя сложные ритуалы Эрба. «К несчастью, – заключил Фрейд, – то, что я счел изложением точных наблюдений, оказалось плодом воображения». «Учебник по электротерапии» Эрба оказался не лучше «какой-нибудь 'Египетской книги снов', продающейся в дешевых книжных лавках».

Первый ребенок Фрейдов, девочка, родился 16 октября 1887 года, приблизительно в то время, когда Фрейд познакомился с Флисом. Девочку назвали Матильдой в честь госпожи Брейер. Марта вела себя «храбро и мило», по словам Фрейда, «и когда ей нужно было кричать, каждый раз извинялась перед врачом и акушеркой».

Расходы резко возросли. В мае 1888 года Фрейд пишет Флису, что «передо мной в гипнотическом трансе лежит дама, и поэтому я могу спокойно продолжать писать» – неплохая экономия времени «Это предложение было вырезано из первого англоязычного издания переписки Фрейда и Флиса, одобренного семьей и опубликованного в 1954 году. Цензоры тайно исключили многие строки. Более полное издание было сделано лишь в 1985 году, когда всю переписку смог опубликовать предприимчивый Дж. М. Мэссон, когда-то работавший в архиве Зигмунда Фрейда, а затем попавший в опалу. См. главу 32.». Его семья, как он пишет, живет довольно счастливо и все более скромно. Короче говоря, справляемся. А жизнь, как все знают, вообще очень сложна, и, как мы говорим в Вене, на центральное кладбище ведет много дорог.

Ему были нужны деньги, и неврастения позволяла их зарабатывать, но Фрейду было недостаточно видеть в ней модное расстройство, которое лечат успокаивающими микстурами. Он не только считал, что господин А. не должен проводить половое сношение без оргазма, но и создавал догматические теории о том, что вредный секс ведет к неврастению и связанному с ней состоянию, которое он называл «тревожностью невроза».

Эти теории не имели ничего общего с теми, на основе которых возник психоанализ. Секс занимал важнейшее место и в психоаналитической теории, но там он принимал вид «воспоминаний», части целого мира событий прошлого. Эти события создавали во взрослом человеке конфликты, которые вызывали то, что Фрейд определял как «психоневроз», то есть истерию и навязчивые неврозы: серьезные и опасные заболевания.

Под вредным сексом, который предположительно портил жизнь господину и госпоже А., Фрейд имел в виду постоянное прерывание полового сношения до мужского оргазма и использование презервативов. Мастурбации тоже следовало избегать. Многие врачи часто

говорили то же самое, но Фрейд сделал эту точку зрения частью своей всеобъемлющей теории, объясняющей причины неврастения и «невроза тревожности». Он называл это состояние «актуальными невротами» «По-немецки „Aktualneurose“, что в буквальном переводе означает „современный невроз“». К 1892-93 годам в письмах к Флису начинает проскальзывать его уверенность в том, что эти неврозы вызывает «аномальная половая жизнь». Вот главная причина, а не ускоряющийся темп жизни.

Вспоминая об этом периоде жизни, Фрейд подчеркивал, что он уже тогда задумывался над проблемой «воспоминаний» о сексе, центральной идеей психоанализа. «Актуальные неврозы» не имели такого значения и были благополучно забыты, хотя Фрейд продолжая о них говорить. Его поздние воспоминания не объясняют, почему вначале эта идея была так важна.

Параллельно Фрейд продолжая заниматься психоневрозом, в частности истерией. В 1888 году он написал анонимную статью для медицинского учебника, посвященную истерии. В ней описывается «метод, который впервые применил Йозеф Брейер из Вены», при котором «[мы] под гипнозом заставляем пациента вспомнить психическую предысторию заболевания и определить, в какой момент оно возникло». Слово «предыстория» – типично фрейдовское. Он имел в виду, что, проследив травматическое воспоминание до его источника, можно каким-то образом избавить пациента от вредных эмоций. Позже этот процесс стал называться «катарсисом» – слово общего значения приобрело терминологический характер. Исследования проводились на Берте Паппенгейм. В то время о ее случае ничего не было написано. Брейер не стал использовать «катартический метод» с другими пациентами. Это сделал Фрейд, начиная очень осторожно, иногда с помощью гипноза, а иногда и без.

Никто не мог сказать, что представляет собой гипноз, и Фрейд в том числе. С времен венского Антона Месмера, жившего в конце восемнадцатого века и утверждавшего, что от гипнотизера гипнотизируемому передаются невидимые флюиды («животный магнетизм»), «магнетический сон» периодически вызывал интерес науки. Название «гипноз» было изобретено в 1842 году шотландским врачом Джеймсом Брейдом. Шарлатанов-гипнотизеров хватало. Сам Месмер был хитрым артистом с весьма странными взглядами.

Медицинское сообщество скептически относилось к методу, используемому на сцене и для развлечения домашних гостей. Брейер, который нашел серьезное применение гипнозу в случае Берты Паппенгейм, считал, что можно гипнотизировать даже птиц. Животные вообще были популярными объектами гипноза. До своей болезни Флейшль на дружеской вечеринке усыпил цыпленка и заставил краба встать на голову. Увлечшись гипнозом, доктор Артур Шницлер предложил пациенту убить себя, и тот на следующий день послушно набросился на врача с ножом для разрезания конвертов.

Трудно определить, кто кого дурачил. Шарко верил в гипноз, но только для слабоумных и истериков, например, тех жаждущих известности женщин из «Сальпетриера», которые иногда, без сомнения, дурачили его самого. Фрейд, однако, считал, что с помощью гипноза можно проникнуть в «психическую предысторию», и его особенно интересовали истерики как более экзотические пациенты, особенно женщины с сильным характером, оказавшиеся под властью болезни.

Для Фрейда истерия стала основным неврозом, который он исследовал, анализируя прошлое пациентов. Его не беспокоило то, что это может быть связано с ущемлением прав женщин – в то время эта проблема не существовала ни для невропатологов, ни для кого другого. Он стремился разгадать потаенные мысли пациентов.

Теперь все это нас не удивляет – психотерапия в том или ином виде используется очень широко, и все мы верим в существование тайной жизни человека. Но в то время для подобных заявлений нужны были смелость и богатое воображение. Фрейду было интересно знать, что происходит в мозгу его пациентов, и он внимательно слушал, что они ему рассказывают, как это делал Брейер с Анной О., а потом задавал новые вопросы.

Глава 9. Лечение разговорами

История Берты Паппенгейм, рассказанная Фрейдом Брейером еще до женитьбы первого, произвела на него очень большое впечатление. Именно Фрейд убедил Брейера опубликовать этот случай – это произошло значительно позже, в 1895 году, – когда они совместно писали книгу «Этюды по истерии», с которой началась карьера Фрейда. Паппенгейм упоминалась там под вымышленным именем «Анна О.», вскоре приобретшим известность. Предполагают, что Брейер ее вылечил и тем самым навел Фрейда на мысль о создании психоанализа.

Ее настоящее имя стало известно лишь тогда, когда Эрнест Джонс написал биографию Фрейда в 1950-х годах. Это вызвало негодование семьи, потому что Берта Паппенгейм впоследствии стала известной феминисткой и общественным деятелем, и они хотели запомнить ее именно такой. С тех пор обнаруживаются все новые сведения об этом случае, о которых Фрейд мог знать, а мог и не подозревать. Существует целая школа, занимающаяся научным описанием жизни Анны О. В работах приверженцев этого направления показано, как Фрейд использует ее болезнь в своих целях: так он и работал.

Впервые Брейер упомянул о Берте 18 ноября 1882 года: это зафиксировано в письме Фрейда Марте, написанном на следующий день. Как ни странно, Марта была с ней знакома. После того как Берман Бернейс упал мертвым на улице в 1879 году, Зигмунд Паппенгейм – отец Берты – стал опекуном Марты.

Паппенгеймы были известным семейством евреев-ортодоксов. Берта родилась в Леопольдштадте в феврале 1859 года, приблизительно в то время, когда Фрейды приехали туда вместе с трехлетним Зигмундом. Правда, Фрейды снимали квартиру, а Паппенгеймы жили в особняке. Позднее Паппенгеймы переехали на другую сторону канала, в Девятый округ. Что знал Фрейд об их прошлом, нам неизвестно.

Берта не интересовалась религией, но активно сопротивляться решениям семьи в религиозных вопросах не могла. Наверняка она получила обычное религиозное образование, включавшее в себя подготовку к браку, в том числе правила приготовления пищи и многочисленные инструкции, касающиеся женской гигиены. Ее светское образование, которое, скорее всего, продолжалось до шестнадцати лет, включало современные языки, потому что кроме немецкого она знала английский, французский и итальянский. Она ездила верхом, играла на фортепиано, посещала концерты и театр и в общем вела светский образ жизни, про который впоследствии говорила, что он состоял из скучных пустяков, служащих для того, чтобы «убить время».

Ни лечение, которое она получала, ни психологические наблюдения, сделанные Брейером по ее поводу, похоже, ни в малейшей степени не учитывают, что она могла быть умной и своевольной женщиной, страстной натурой, которая пыталась с помощью болезни изменить ненавистную ей жизнь. Подобный диагноз мог бы быть поставлен в двадцатом веке, но никак не в девятнадцатом. Ближе всего к нему приближалось замечание Брейера о «монотонной семейной жизни», из-за которой у нее оставались излишки энергии, способствующие развитию чрезмерно сильного воображения.

Ее болезнь, описанная Брейером в книге «Этюды по истерии», выражалась довольно странно. Все началось в июле 1880 года, когда ей был двадцать один год, с усталости и галлюцинаций. Семья проводила то лето в Ишле, курорте с грязевыми и серными ваннами, которые так любил император и его семейство. Отец Берты серьезно заболел (у него была инфекция легких), и Берта как любящая дочь настояла на том, чтобы провести у его постели всю ночь.

Симптомы заболевания Берты начали проявляться в то же время, что и болезнь ее отца. Одна из ее галлюцинаций заключалась в том, что вместо его головы она увидела череп. Когда к ним должен был приехать хирург из Вены и Берта поздним вечером ждала его возле отца, она увидела, как ее пальцы превращаются в змей, и ее руку парализовало. Галлюцинация исчезла, когда раздался гудок поезда, на котором приехал хирург.

Она рассказывала Брейеру об этих галлюцинациях, и попытки их вспомнить стали

частью лечения. Ее история осложняется тем, что почти все события в ней относятся к личной жизни Берты. Она испытывала все новые перепады настроения, видела грезы, которые, в свою очередь, становились частью истории болезни. В 1380 роду у Берты появился заметный симптом – тяжелый кашель, – и именно поэтому в ноябре этого года семья обратилась к Брейеру.

С 11 декабря по 1 апреля 1881 года она лежала в постели с головными болями, нарушениями зрения, параличом и странными периодами изменения сознания, когда она не могла выражаться грамматически правильно и объяснялась на смеси из нескольких языков. Брейеру пришло в голову, что причиной может являться какое-то органическое заболевание, и он предположил, что это может быть туберкулезный менингит. Этот диагноз он не смог подтвердить и предпочел отнести случай к универсальной истерии. Некоторые ученые все еще утверждают, что она могла страдать от физического заболевания, возможно, заразившись от отца.

Брейер посещал пациентку каждый день и обнаружил, что после обеда она становится сонной и впадает в некое подобие транса, который он назвал самогипнозом. В этом состоянии она рассказывала ему о своих фантазиях – «печальных историях», часто о больной девушке. Она называла эти встречи «прочисткой дымовой трубы» и утверждала, что это ее «лечение разговорами». Состояние Берты улучшалось.

Мы не знаем, почему Брейер не занимался своими многочисленными пациентами, а проводил долгие часы у кровати Берты и слушал ее, или почему он решил, что ей необходимо уделить так много внимания. Один исследователь рассчитал, что Брейер провел с Бертой тысячу часов. В 1880-х годах, когда царило научное мировоззрение, к психическим болезням обычно относились гораздо пренебрежительнее. Подобный неторопливый «психологический» подход был чужд западной медицине, согласно которой человек может быть либо сумасшедшим, либо нормальным. Паппенгейм побывала не в одной частной клинике, но эти бесконечные разговоры оказались самым главным терапевтическим средством. Если бы ее родители не могли оплачивать лечение и Брейер не был заинтересован в проведении эксперимента, ее болезнь выглядела бы совсем по-другому. Течение болезни Берты зависело от лечения, которое она получала.

1 апреля 1881 года (в день дураков – совпадение или важная деталь) она встала с постели, но 5 апреля, после смерти отца, состояние Берты резко ухудшилось. Наступил очередной кризис с новыми галлюцинациями в виде черепов и скелетов. Берта не могла говорить по-немецки (вместо этого она использовала английский) и в течение периодов «отсутствия» не узнавала никого, кроме Брейера. В какой-то момент ему даже пришлось кормить ее. Анорексия, приступы гнева и галлюцинации усугубились, к ним добавились попытки самоубийства. Дважды Брейер отправлял Берту в санаторий «Инценсдорф» под Веной. Метод лечения разговорами применял только Брейер, и когда тот на время уезжал, она отказывалась слушаться других врачей.

Берта получала явное облегчение от рассказов обо всем, что с ней происходило, но Брейер заметил, что можно добиться более явного терапевтического воздействия. Одним из многочисленных симптомов ее заболевания была затрудненность глотания воды. Под самогипнозом Берта вспомнила, что видела, как ее «спутница», англичанка, позволяла своей собаке («отвратительному существу!») пить из стакана. Рассказав про это Брейеру, Берта избавилась от симптома. Это заинтересовало Брейера, и он стал уделять больше внимания ее воспоминаниям.

Зимой 1881-1882 годов болезнь перешла в критическое состояние. Берта страдала от психического расстройства, при котором она как будто существовала в двух измерениях: в настоящем и в прошлом. В «прошлом» она могла заново со всеми подробностями переживать события, происходившие с ней за год до того. Предположительно, ее мать находила подтверждения этих воспоминаний в своем дневнике. Брейер целые месяцы разбирался в нагромождении историй и прослеживал каждый симптом в обратном хронологическом порядке. Это означало, что он шел от каждого проявления симптома к

предыдущему, пока не достигал момента, когда симптом появился в первый раз. После этого симптом исчезал. Все они были связаны с отцом Берты. По-видимому, его болезнь или отношения с Бертой были первопричиной заболевания. Объяснение этому так и не было найдено. Возможно, истерия Берты была способом избежать неприятной обязанности ухода за отцом.

«Симптомы» нельзя назвать очень разнообразными. Один из них – «глухота, вызванная испугом от шума». Брейер обнаружил тридцать семь повторений симптома, который, как выяснилось, был вызван приступом удушья у отца Берты. «Пациентка не слышит, как кто-то входит, будучи поглощена своими мыслями» – этот симптом встретился сто восемь раз, а появился тогда, когда ее отец вошел в комнату, а Берта этого не услышала. Какое бы подтверждение ни давал дневник матери, едва ли в нем содержалось сто восемь записей об этом симптоме.

Лечение продолжалось до июня 1882 года, когда Берта достигла момента появления болезни, видения черепа. После этого (как сообщает Брейер в подробном описании случая, вошедшем тринадцать лет спустя в книгу «Этюды по истерии», написанную совместно с Фрейдом) она освободилась от «многочисленных проблем», хотя «полное психическое равновесие восстановилось значительно позже. Но после этого она стала совершенно здорова».

Если бы не Фрейд, Брейер мог бы и не рассказать об этом случае. Он не имел привычки публиковать психологические истории болезни. Именно Фрейд убедил его сделать это, потому что видел в болезни Берты Паппенгейм важную тему: влияние памяти и возможность ее использования для понимания и лечения истерии. Его фраза из книги «Этюды по истерии» стала знаменитой и то и дело встречалась в других его работах, пусть и рядом с более подробными выкладками: истерики преимущественно страдают от воспоминаний.

Случай Паппенгейм можно назвать очень необычным, у него нет аналогов. Ни у одного человека ни до этого, ни после не наблюдалось подобных симптомов. И тем не менее историю Анны О. считали классическим случаем истерии, а ее саму невротичкой, управляемой бессознательными силами, которые манипулировали ею и всеми, кто ее окружал (именно она потребовала назначения «лечения разговорами», а не Брейер). Этот случай явно уникален во всей литературе по истерии. Почему-то очень немногие задумываются о том, что эта исключительность сводит на нет его полезность для теории «Миккель Борч-Якобсен (1996) отрицает истинность всей этой истории, считая ее частью „обширной антологии небылиц“, созданных психоаналитиками. Источником идей он считает Карла Гансена, популярного артиста-гипнотизера, который выступал в Вене в 1880 году. Паппенгейм и Брейер использовали эти идеи для болезни Берты и ее лечения. Фрейд же со своим богатым воображением использовал эту запутанную историю в собственных целях.»

Без сомнения, оба исследователя, но особенно Фрейд, видели в этом случае то, что хотели видеть. В 1882 году, когда лечение якобы подошло к концу, Фрейд знал от Брейера, что Паппенгейм далеко не в хорошем состоянии. В августе 1883 года он писал невесте, что, по словам Брейера, та «совсем плоха» и Брейер надеется, что она умрет и «бедняжка избавится от страданий».

Говоря о том, что ее выздоровление заняло «значительное время», Брейер в какой-то степени прикрывает себя и в то же время создает впечатление устойчивого улучшения. На самом деле у Паппенгейм образовалась зависимость от лекарств, которые использовались немецкими психиатрами в 1860-х годах, – хлоралгидрата и морфия. Их Брейер изначально прописал пациентке для лечения невралгии. Этот факт, равно как и многие другие, не был опубликован.

После того как в июне 1882 года Берта была избавлена от «многочисленных проблем», как писал Брейер, она «уехала из Вены и некоторое время путешествовала». В действительности она просто была в Швейцарии, в клинике «Бельвю» в Кройцлингене, куда устроил ее Брейер. Она пробыла там до октября, почти все время страдая от невралгии и почти тех же психологических проблем – перепадов настроения, неспособности говорить

по-немецки, периодов «отсутствия». Все это начало открываться после 1970-х годов, когда на одной фотографии Берты были найдены остатки адреса фотографа и определили город, рядом с которым была расположена клиника в Кройцлингене.

Главный врач клиники, Роберт Бинсвангер, подозревал, что Паппенгейм притворяется. Брейер настаивал, что это не так, «даже если отдельные моменты неверны». В объемной (хотя и очевидно незаконченной) истории болезни, которую он приготовил для Бинсвангера, нет ни слова о воспоминаниях Берты годичной давности. Он рассказал об этом Бинсвангеру на отдельной бумаге («ее поведение изо дня в день зависело от событий, происходивших в тот же день ровно год назад»), не придавая этому особого значения. Возможно, именно Фрейд с его всепоглощающим интересом к памяти, подтолкнул Брейера к тому, чтобы подчеркнуть важность этого явления в «Этюдах по истерии» двенадцать лет спустя.

После Кройцлингена в течение следующих пяти лет Паппенгейм не менее трех раз была в санатории «Инценсдорф». Каждый раз ее выписывали с одним и тем же диагнозом: «истерия».

Брейер явно был очень увлечен процессом лечения Берты. Позднее Фрейд в частных беседах говорил, что Брейер был равнодушен к своей пациентке. Его жена начала ревновать, и Брейер решил завершить лечение. Еще до этого, как предполагают, у Паппенгейм начались воображаемые «истерические» схватки, что вызвало у Брейера панику, и тот повез жену в Венецию на второй медовый месяц, где была зачата их дочь Дора.

Несомненно, Брейер нравился Паппенгейм. Фрейд писал Марте в октябре 1883 года, что это угрожает браку Брейера, а Марта испугалась, что такое же может случиться с ней и Зигмундом. (Он успокоил ее, отвечая: «Для того чтобы такое случилось, нужно быть Брейером».) Но история о беременности жены Брейера не может быть истинной, потому что Дора родилась в марте 1882 года, за три месяца до того, как закончилось лечение Паппенгейм в Вене. Это дает некоторым исследователям возможность предположить, что вся история об «истерических родах» фальшива, а Фрейд рассказывал ее лишь для того, чтобы показать, что Брейер не мог справиться с сексуально подавленной молодой женщиной.

Брейер писал, что в сексуальном смысле Паппенгейм «удивительно неразвита» и, по его мнению, в ее галлюцинациях секс не играет никакой роли. У Фрейда была другая точка зрения. В «Этюдах по истерии» он выражает легкую досаду, что этот случай «совершенно не был рассмотрен наблюдателем [Брейером] с точки зрения сексуального невроза, и теперь его невозможно использовать в этих целях». Фрейд намекает (и это ему выгодно), что Брейер не смог достичь успеха с Анной О., потому что не хотел браться за сексуальную сторону болезни.

Без сомнения, Фрейд придерживался именно такого мнения, если не в тот момент, то позднее. Вполне вероятно и то, что некоторые проблемы в жизни Паппенгейм имели сексуальный характер. В 1895 году Фрейд ничего не мог сделать. Когда книга вышла в свет, его идеи о неразделимости секса и психики еще не оформились, и в любом случае Брейер занимал доминирующее положение, что не позволяло Фрейду углубиться в любимую тему. Впрочем, Брейер заметил, как показывают записи из Кройцлингена, что Паппенгейм «никогда не любила настолько, чтобы это могло вытеснить ее чувство к отцу. Скорее, ее чувство к отцу вытесняло все остальное».

Такая страстная привязанность к отцу сегодня кажется более значительной, чем в то время. Есть предположения, что Берта, в детстве была совращена и в результате страдала от раздвоения личности (это считают распространенным последствием). Доказательств этому не найдено.

Что касается Фрейда, болезнь Берты Паппенгейм помогла ему собрать данные, которые можно было истолковать, используя всю силу воображения. Если позже он и подгонял факты под свои идеи, так же он поступал и в любых других случаях, убедив себя, что цель оправдывает средства. Двадцать лет спустя Фрейд описал этот случай. В его описании говорилось, как «однажды [Брейер] обнаружил, что патологические симптомы некоторых

невротиков имеют смысл. На этом открытии основан метод лечения с помощью психоанализа». Это подразумевало, что лечение Анны О. было успешным. Фрейд, зная, что это не так, возможно, тем не менее возразил бы, что важно не то, вылечилась Берта Паппенгейм или нет, а то, какой это вклад внесло в изучение невроза.

У Фрейда была яркая точка зрения на человеческую природу. Его мысль постоянно озарялась вспышками интуиции, догадками о том, почему мы становимся такими, какие мы есть, и как нам лучше справиться со своими недостатками и измениться. Он не позволял никаким фактам становиться на пути своих откровений и хотел, чтобы в нем видели провидца. Он достиг своей цели. Его видение мира во многом повлияло на весь образ мысли человечества. Но данные, которые он использовал, особенно в ранний период работы, вызывают удивление. История с Анной О. довольно подозрительна.

Йозеф Брейер, осторожный и методичный, сделал не такие далеко идущие выводы из этого случая. Для него тесные отношения с пациенткой, необходимые для такого лечения, а также понимание того, что лечение не удалось, означали, что он не собирается больше повторять подобных экспериментов. Брейеру (оставившему слабый след в истории) не хватало страсти к приключениям. У Фрейда (известного большинству людей) ее было более чем достаточно. Для него и для движения, которое он намеревался создать, Анна О. стала важнейшим мифом. Ее история, свидетельство о том, в какие игры может играть с человеком его разум, стала для Фрейда подарком судьбы. Он даже мог утверждать, что она вылечилась. Это не более чем романтическая ложь, потому что Берта сама выбрала путь общественного деятеля и занималась (что, возможно, показательно) девочками-сиротами и вопросами международной проституции. И все же трогательная история об измученной молодой женщине и о чудесном излечении разговорами (предшествовавшем веку психотерапии) живет по сей день.

Глава 10. Истерички

Идеи Фрейда о сексуальном происхождении всех неврозов начали оформляться к 1890-м годам. Первые случаи истерии, с которыми он работал, приходится на период с 1888 по 1893 год. Самые яркие вошли в книгу «Этюды по истерии», опубликованную в 1895 году. В ней Фрейд написал меньше, чем знал. Он все еще считался новичком, а Брейера, соавтора, беспокоили его нетрадиционные идеи. Тем не менее он не мог не признавать, что Фрейд прекрасно умеет ставить диагнозы.

Одной из пациенток, переданных ему Брейером, стала «Эмми фон Н.», богатая дама, страдающая от фобий. Экипаж Фрейда отвозил его к ней домой, где он проводил долгие часы. Сначала он назначал теплые ванны и массаж, затем перешел к гипнозу. Вдова немногим больше сорока, мать двоих дочерей, Эмми страдала от своих фантазий не меньше, чем Берта Паппенгейм: то по ее руке пробегала огромная мышь, то ее пытались сожрать чудовище с клювом стервятника, то ей виделись окровавленные головы, плавающие в море.

Описывая этот случай в «Этюдах по истерии», Фрейд упоминает физические симптомы, включавшие в себя боли в ногах и желудке, тик лица и непроизвольный шелкающий звук, который она издавала ртом. Женщина постоянно думала о сумасшествии и домах для умалишенных. Она к тому же сама решила, что некоторые из ее страхов связаны с детскими воспоминаниями. Фрейд исследовал ее прошлое под гипнозом, и, как он утверждает, ему удалось избавить ее от многих страхов, проследив их до изначального события и «наведя ее на мысль», что эти страхи ничем не оправданы.

Ряд неприятных воспоминаний касался ее покойного мужа, промышленника, который был значительно старше ее и умер от удара в 1874 году, после чего его родственники обвинили Эмми в том, что она его отравила. Фрейд вроде бы стремился быть сдержанным, когда речь шла об истинном имени пациентов, но включил эти подробности в книгу. Любой, кто помнил события пятнадцатилетней давности, мог догадаться, о ком идет речь. Фрейд жаждал ярких примеров, чего-то подобного случаю Берты Паппенгейм. Эмми фон Н. не

стала второй Паппенгейм, но ее драматическая история пришлось к стати исследователю, который знал, что поведение истериков редко описывают с такой тщательностью. Фрейд исходил из того, что клинический материал можно найти в самых невероятных местах – и в том, что люди говорили в состоянии эмоционального возбуждения.

Ее настоящее имя, обнародованное недавно, было Фанни Мозер. Она родилась в 1848 году и в двадцать три года вышла замуж за русско-шведского промышленника шестидесяти пяти лет. Он заработал целое состояние на продаже дешевых часов в России и Центральной Азии. Вдову Мозер называли «самой богатой женщиной Европы». История об «отравлении» началась с ее пасынка, который нашел в спальне, где умер отец, крысиный яд. Сделали вскрытие, завещание было оспорено, и с тех пор вдову не принимали в аристократических кругах, куда она так стремилась попасть.

Так события выглядели со стороны (Фрейд упоминает лишь о немногих из них). Его хроника того, что происходило во внутреннем мире пациентки, отличается от этой истории, но не намного. Фрейд упоминает об «истории с ядом», но не придает ей того значения, которое она могла иметь для госпожи Мозер. Обе версии свидетельствуют об одном: у этой женщины был сильный характер. Она настаивала на том, чтобы он позволил ей рассказывать обо всем так, как она сама хочет, и не прерывал ее. Она сказала: молчите и слушайте меня, и не нужно «задавать вопросы о том, откуда взялось то или другое». Ее младшая дочь, Ментона, которая в то время была подростком (впоследствии она стала писательницей и коммунисткой, а умерла в Восточном Берлине в 1971 году в очень преклонном возрасте), вспоминала, как он приходил к ее матери. Он был «невысокого роста и худой», «с иссиня-черными волосами и большими черными глазами», застенчивый и очень молодой.

Вот такой непохожий на себя Фрейд, подчинившийся властной пациентке, позволял госпоже Мозер говорить и говорить, иногда без гипноза. Он слушал и накапливал знания, как в этом случае, так и с другими пациентами, находил в беспорядочных мыслях спонтанные воспоминания и впечатления, которые говорили ему о большем, чем подозревали пациенты, и привели к созданию метода психоанализа, «свободных ассоциаций».

Фрейд не стал утверждать, что вылечил Фанни, хотя полагал, что ее состояние улучшилось. В 1924 году, за год до ее смерти, он сделал приписку на полях книги о том, что теперь ни один аналитик не может читать эту историю без «снисходительной улыбки», но это был «первый случай, когда, я применил процедуру катарсиса». Фанни была для него экспериментом. Как и все остальные.

Фрейд видел во всех своих ранних пациентах материал для написания научных работ. Мозер-Эмми была одной из четырех пациенток, каждой из которых в «Этюдах по истерии» он посвятил одну главу. Еще одна глава была отведена на описание Брейером случая Паппенгейм под именем Анны О. Другие случаи заняли меньше места. Среди них история женщины, которую Фрейд назвал Цецилия М. Он подчеркнул, что случай очень важный, и добавил, что «соображения личного характера» не позволяют дать более подробное описание, несмотря на то, что он познакомился с ее историей «гораздо ближе», чем во всех остальных случаях этого периода.

Личность Цецилии тоже установлена «Это сделал ушедший из психоанализа Питер Суэйлз. Исследование жизни и работы Фрейда в историческом аспекте в основном проводилось не психоаналитиками.». Это Анна фон Либен, жена банкира, еще одна богатая женщина, которая могла быть узнава, если бы Фрейд сообщил слишком много подробностей. Она была не только богата и известна, но и участвовала в медицинско-социальной организации, поставившей Фрейду пациентов. Фон Либены, еврейское семейство как по линии Анны, так и со стороны ее мужа, страдали от неврозов и психической неустойчивости. Она была аристократкой – баронессой с собственным титулом, к тому же замужем за бароном – и умной, образованной женщиной. Сохранилась фотография, на которой видно ее волевое лицо с крупным носом.

Фон Либены и их окружение имели слишком большое значение для Фрейда, чтобы

рисковать их расположением. В истории фигурировала и фамилия Гомперц. С этим влиятельным семейством Фрейд имел профессиональные и личные связи, а Анна была их родственницей. Утверждают, что бывший университетский профессор Фрейда Теодор Мейнерт вылечил тетю Анны, которая устраивала модные вечера во дворце семейства. На эти вечера иногда приглашали Мейнерта с Брейером и других известных врачей.

Начиная с 1888 года Фрейд исследовал случай Анны вместе с Брейером. Самую трудоемкую работу выполнял Фрейд как младший партнер, а Брейер наблюдал за лечением. Начав лечить ее от невралгии, Фрейд обнаружил целый «букет» истерических симптомов: «галлюцинации, боли, спазмы и долгие напыщенные речи». Он прослеживал вместе с ней возникновение психологических травм, а значит, был с ней во время многочисленных приступов. Фрейд говорил, что она посылала за ним «сотни» раз. Возможно, Брейер передал эту пациентку другу, потому что боялся повторения истории с Бертой Паппенгейм. Суэйлз считает, что Анна фон Либен помогла ему в создании метода свободных ассоциаций гораздо больше, чем любые другие из его пациентов.

Фрейд явно установил с ней гораздо лучший контакт, чем с госпожой Мозер, но подробностей он не приводит. Единственная галлюцинация, которую он описывает, не связана с ее прошлым. После того как Брейер и он сам отказались выписать ей одно лекарство (возможно, морфий), она увидела, как «они оба висят рядом на двух деревьях в саду».

Фрейд нашел яркое сравнение для описания фон Либен и ее истерии. Ее поведение, сказал он, было «истерическим психозом, которым она платила за свои старые долги». Это значит, что она переживала заново травмы, которые накапливались в течение всей ее жизни, и избавлялась от них. В 1888 году ей был сорок один год, а богатство, удачный брак и дети не сделали ее счастливой. Фрейд не упоминает о ее сексуальной жизни, но он наверняка что-то об этом знал.

Многие исследователи задумываются над историей этой жительницы Вены, пытаясь найти объяснение в том, в каком городе она жила. Вену считали городом чувственности, скрытой за фасадом габсбургской бюрократии, зарабатывавшей деньги цензурой и секретностью. Могло ли вызванное этим напряжение не сказываться на частной жизни людей?

«Ярчайшим свидетельством морального разложения в столице многие считали „Мейерлингскую трагедию“ – крупный австрийский скандал того времени. Наследник престала, крон-принц Рудольф, и его любовница, семнадцатилетняя баронесса Мария Вечера, в январе 1889 были найдены застреленными в охотничьей избушке за городом. (Принц иногда останавливался в „Бельвю“, доме под Каленбергом. Если бы трагедия разыгралась там, это здание стало бы более известным, чем сейчас, когда его упоминают в связи со сном Фрейда об инъекции Ирме). Возможно, они сами покончили с собой, но есть предположения, что это было убийство.»

Аналогичные проблемы существовали и в Лондоне, где такой политической цензуры не было, но зато царило сексуальное лицемерие. О лондонских проститутках, принимавших множество обеспеченных клиентов, говорили с праведным гневом. Вена была не так добродетельна, и Артур Шницлер мог беспрепятственно описывать падших женщин в своих рассказах, что было бы невозможно в Англии.

Что касается Фрейда, он считал, что невроз не зависит от того, где человек живет. Правда, иногда говорят, что евреи особенно подвержены заболеваниям нервной системы. Поскольку многие пациенты Фрейда были евреями, равно как и он сам, возможно, это повлияло на его практику в Вене и на всю психоаналитическую теорию.

Сами евреи задумывались над этой психопатологией. Обычно ее объясняли сложной

историей народа, борьбой за существование среди всеобщей ненависти, которая во времена Фрейда в Вене означала и борьбу за то же положение в обществе, что у остальных. Упоминают в связи с этим и иудаизм. Фрейд в конце концов пришел к заключению, что религию можно назвать коллективным навязчивым неврозом. Возможно, евреи как религиозный народ действительно более подвержены неврозам.

В этих рассуждениях больше предположений, чем фактов, да и те легко поддаются искажению. Называть психоанализ «еврейской наукой» – еще не значит уничижительно о нем отзываться, но это выражение действительно можно понимать по-разному. О евреях до сих пор иногда говорят, что они больны и опасны. Такое мнение было широко распространено в Вене времен Фрейда, а позже оно оказалось очень выгодным для нацистов.

Фрейд прилагал все усилия для лечения своих еврейских и нееврейских пациентов. Сначала, кроме выслушивания их рассказов, он мог только гипнотизировать больных, если у них была к этому восприимчивость. В это время он находил «чрезвычайно приятным иметь репутацию мага». Гипноз был чем-то вроде колдовства, и Фрейд с готовностью принял его использовать, как и в случае с кокаином.

Некоторое время Фрейд был убежден, что с помощью гипноза можно не только заглянуть в прошлое пациента, но и что-то ему внушить. Хотя идею «внушаемости» он воспринял неохотно, возможно, потому, что она принадлежала другому человеку. В 1880-х годах в сельской местности под Нанси возникла школа гипноза. Деревенский врач Амброуз Либо прославился тем, что гипнотизировал людей так, как это делают до сих пор по телевидению или в театре: пристально смотрел в глаза, вводил их в транс и заставлял подчиняться своим приказам. Амброуз Либо говорил пациентам, что их симптомы исчезли. Он лечил так головную боль, артрит, туберкулез.

Этот простой врач (он не брал платы) или опасный шарлатан (он был родом из крестьянской семьи, а его объяснения были совершенно абсурдны) произвел впечатление на профессора медицины из Нанси Ипполита Бернгейма. Он использовал принцип Либо снятия симптомов с помощью внушения и поставил его на более профессиональную основу. В конце концов он отказался от гипноза и занялся внушением пациентов в состоянии бодрствования. Он назвал этот метод «психотерапией». Либо и Бернгейм были чужаками. Одно упоминание этих имен приводило Шарко, владельца роскошного особняка и врача известнейших людей Европы, в ярость. Но метод из Нанси продолжал распространяться. Это был один из неверных поворотов в развитии медицины.

В 1888 году Фрейд перевел книгу Бернгейма «О внушении» и написал Флису, что она не произвела на него большого впечатления. Он по-прежнему придерживался взглядов Шарко. На следующий год Фрейд отправился в Нанси и изменил свое мнение. Там была и Анна фон Либен. Фрейд ехал туда через Швейцарию, где навестил Фанни Мозер, у которой было имение под Цюрихом. Незадолго до того она уехала туда после курса лечения с Фрейдом, так что, возможно, визит был скорее светским, чем профессиональным. (Сколько пациентов Фрейда стали его друзьями и насколько тесна была эта дружба, никто не знает. Возможно, ему пришлось по душе только Мозер и фон Либен, но и тут не было дружбы как таковой. Он был молодым врачом, полезным им, а они были полезны ему.)

Из Цюриха Фрейд отправился в Нанси, куда поехала и Анна фон Либен. Возможно, он пригласил ее, или она сделала это сама, поскольку решила, что это будет интересно. В Нанси бывали десятки врачей, но мало кто мог так успешно добиваться своих целей, как известный нам невропатолог из Вены. Он увидел «трогательный спектакль, в котором старый Либо работает с бедными женщинами и детьми рабочих». Он увидел, как Бернгейм гипнотизирует пациента, заставляя его делать идиотские вещи, например открывать зонтик, когда врач заходит в палату (снова трюк артиста-гипнотизера). Фрейд писал, что «получил сильнейшее

впечатление о том, что в человеке могут скрываться мощные психические процессы, которые тем не менее остаются незамеченными сознанием».

Правда, он не видел, как Бернгейм гипнотизирует Анну фон Либен. Француз не смог усыпить ее. Есть сведения, что Фрейд тоже считал ее плохо поддающейся гипнозу. Во время пребывания в Нанси (неделю или две) он, по всей видимости, каждый день бывал в ее гостиничном номере для проведения лечения.

Отрывки из двух писем, которые он написал своей свояченице Минне, показывают, что ему было не менее одиноко, чем когда-то в Париже. Хотя не он один, будучи за границей, мог рисовать оставшимся дома друзьям мрачные картины, чтобы скрыть более приятную действительность. Ему становилось плохо от одной мысли о том, чтобы задержаться там, как он пишет из Нанси в конце июля 1889 года. «Да, мое утро проходит очень приятно, потому что, если я не просыпаю, я позволяю себе окунуться в чудеса внушения. Но дни здесь скучны».

По утверждению Суэйлза, которому удалось узнать содержание одного письма, Фрейд сообщил Минне Бернейс, что если она хочет знать, как он лечит фон Либен, ей следует прочитать роман американского писателя Эдварда Беллами «Процесс доктора Гайденхоффа». Эта футуристическая история, опубликованная в 1880 году, описывает «опороченную» развратителем молодую женщину которую преследует ее прошлое. У доктора Гайденхоффа из Бостона есть электрический механизм, который может искоренять неприятные воспоминания. (Оказывается, что и он, и его машина – всего лишь сон, вызванный морфием, но от этого изобретательность автора не уменьшается.) Цель «Процесса катарсиса» Фрейда была практически той же. В провидческой книге Беллами содержится даже аргумент, который впоследствии выдвигали против фрейдизма: что Гайденхофф изобрел способ «разрушения совести» и тем самым «подрывает устои общества».

После Нанси Фрейд был в Париже на летних конференциях по гипнозу и психологии. Возможно, он отправился туда в компании Бернгейма и Либо. С Шарко он не виделся. Фрейд уже начал путешествовать, хотя средства ограничивали его возможности. Вскоре он уже проводил два летних месяца в горах и у озер.

В 1890 году он встретился в Зальцбурге с Флисом, и они гуляли возле Берхтесгадена. У Фрейда начался приступ фобии путешественника, которая заставляла его приезжать на станцию задолго до отправления поезда. На следующий год он отправился в район Земмеринга, где в горах (особенно вокруг гор Ракс и Шнееберг) можно было прогуливаться бесконечно. Там есть тропинки, которые ведут через леса к пустынным плато, где каждый цветок в расщелине как будто светится на сером фоне камня. Некоторое время в 1891 году Фрейд был там с семьей и останавливался в селении Рейхенау, расположенном в долине у подножия гор.

В Вене он жил почти все время и зарабатывал деньги. Если не считать нескольких знаменитых имен или псевдонимов, почти все имена его пациентов, ходивших к нему на Мария-Терезиенштрассе, забыты. Некоторые из них попадают на глаза историкам, как, например, «Матильда С.», которую обнаружили в записях частной клиники Светлина, второго уважаемого заведения после клиники Оберштейна. Фрейд устроил ее туда в октябре 1889 года. Матильда была незамужней еврейкой двадцати семи лет. Неудачная помолвка со «слабохарактерным» мужчиной оставила ее неудовлетворенной в сексуальном плане, и она отказалась от мужчин в пользу «блестящей карьеры», что ее семья (а возможно, и Фрейд) сочла свидетельством «мании», и поэтому ее отправили в клинику. В клинике отмечали, что «она сотворила культ из своего врача, который лечил ее гипнозом во время депрессии». Это была еще одна пациентка, влюбленная во Фрейда.

История Матильды С. не вошла в «Этюды по истерии». Не стала героиней и Полина Тейлер, жена школьного друга и наперсника Фрейда Эдуарда Зильберштейна, которая пошла (или была отправлена) к нему на прием весной 1891 года из-за «меланхолии». Ей был двадцать один год, и она пробыла замужем совсем недолго. Придя в дом, она сказала своей

служанке подождать внизу, поднялась на четвертый этаж и прыгнула вниз. Еще одна несчастная женщина с тайной, так и оставшейся неразгаданной.

Позже в том же году Фрейды решили переехать из Дома искупления. К тому времени у них было уже трое детей: Матильда, Мартин (родившийся в декабре 1889 года) и Оливер (февраль 1891 года), а с лета 1891 года Марта носила уже четвертого, Эрнста, который появился на свет в апреле 1892 года. Новая квартира в доме 19 на улице Берггассе была выбрана Фрейдом. Дом был больше и лучше, чем первый, но немного дальше от центра. Марта не была довольна переездом и считала, что они опустились на ступеньку ниже. На том конце Берггассе, который выходил на канал, находились лавки старьевщиков. Впоследствии эта улица стала широкой и ничем не примечательной. На ней можно найти то самое здание восемнадцатого века, где жили Фрейды (и была расположена мясная лавка, причем мясника звали тоже Зигмунд). В верхней части улицы начинался медико-торговый район, где находилась городская общая больница и медицинские учреждения.

Говорят, Фрейд, однажды проходя мимо, увидел объявление «Сдается внаем», вошел в дом и подписал контракт. В квартиру, ничем не лучшую и не худшую, чем тысячи других пыльных квартир Вены, вела каменная лестница. На маленьком дворе росли каштаны. Ванная была одна. Возможно, Фрейд относился к Берггассе с некоторой сентиментальностью. Когда он жил с родителями в Леопольдштадте, по другую сторону канала, он наверняка часто шел этой дорогой в лабораторию Брюкке. Тогда он готовился к карьере ученого-биолога, которая так и не состоялась. Фрейды переехали туда в конце лета, и рядом с вывеской мясной лавки на стене дома появилась табличка с его именем.

Впоследствии Фрейд прославится твердостью своих взглядов, убежденностью в том, как устроен человеческий разум. Несогласие с ним казалось чем-то вроде отступления от моральной истины. Появляется искушение противопоставить эту более позднюю уверенность в себе сомнениям в начале пути. Неврология развивалась своим неспешным путем и не знала ни о каких Фрейдах.

Не только Фрейд, но и многие другие представители его поколения искали психологическое эльдорадо. Приверженцы анатомии и физиологии, которые считали, что биология способна ответить на все вопросы, постепенно теряли свои позиции, хотя бы потому, что начинали стареть. Теодор Мейнерт, который ополчился на Фрейда за увлечение гипнотизмом и работу с Шарко, умер в мае 1892 года. Фрейд посетил его дом, чтобы выразить соболезнования, и ему предложили взять что-нибудь из его библиотеки – «редкое удовольствие для человека», как писал он Флису, «похожее на то, как дикарь пьет мед из черепа врага».

Фрейд не мог не считать, что его собственные выводы справедливее, чем слова соперников, но приоритета идей у него не было. В частности, французский психолог Пьер Жане начал задумываться о скрытом сознании, живущем своей собственной жизнью. Жане был на три года моложе Фрейда. К 1891 году он пересмотрел неясную романтическую концепцию «бессознательного», существовавшую на протяжении почти всего девятнадцатого столетия, и считал ее неотъемлемой частью личности. Материалом исследования для него являлись истерики в городе Ле-Хавр, где он работал профессором. Жане использовал гипноз и утверждал, что есть научные доказательства работы «бессознательного». В 1889 году он опубликовал убедительный отчет об этом в работе «Психологический автоматизм» («L'Automatisme Psychologique»). У Фрейда на эту тему не вышло ничего значительного, даже статьи. В начале 1890-х приоритет принадлежал Жане.

Постепенно накапливались случаи женской истерии, которые Фрейд использовал для своей теории. В «Этюдах по истерии» кроме случаев Фанни-Мозер и фон Либен-Цецилии М. он описывает еще три. Мисс Люси Р. была молодой английской гувернанткой, страдавшей от

обонятельной галлюцинации подгоревшего пудинга. Ее передал Фрейду врач, скорее всего Флис, поставивший диагноз ринита, или воспаления носа, распространенного заболевания, имевшего для Флиса большое значение (позже мы расскажем об этом подробнее). Фрейд лечил гувернантку девять недель. Вместо того чтобы прибегать к гипнозу, он просил ее рассказать ему, как появилась эта обонятельная иллюзия, потом клал руку на лоб или прикрывал ей виски ладонями, утверждая, что она должна перед собой что-то увидеть и это станет искомым ответом. Он узнал от Бернгейма, что, если врач на чем-то настаивает, пациент непременно подчинится.

И действительно, Люси Р. удалось вернуться к тому случаю, после которого у нее возникла эта галлюцинация. Фрейд смог определить, что она влюблена в своего хозяина. Ее "я" считало эти чувства неприемлемыми, подавляло их и превратило в физический симптом, запах, который ассоциировался с одним случаем, когда на кухне пригорел пудинг. Когда Фрейд избавил ее от этого симптома, у нее появилась новая обонятельная галлюцинация, на этот раз запах сигар. Фрейд действовал аналогично и пришел к тому же результату.

Случай Люси Р., как и многих других ранних пациенток Фрейда, был проанализирован скептиками, а по ее симптомам поставили диагноз обонятельного припадка, связанного с эпилепсией височной доли мозга. Не исключено, что это так. Впрочем, молодая женщина, безответно влюбленная в работодателя, – лучший объект для рассказа, чем обонятельный припадок. Фрейд хорошо умел делать из простого диагноза историю.

Ученый– писатель –это было чем-то новым. Фрейд сознательно использовал свой литературный талант, когда писал эти очерки об истеричках. Рассказ о еще одной молодой женщине, Элизабет фон Р. двадцати четырех лет, которая страдала от болей в ногах и усталости, посвящен ее несчастливой жизни в семье, где она ухаживала за больным отцом (как когда-то Анна О.), присутствовала на свадьбах сестер и влюбилась в мужа одной из сестер, хотя и не хотела себе в этом признаваться.

Сестра, которая была замужем за объектом любви Элизабет, умерла при родах. Элизабет приехала домой как раз после ее смерти. В конце концов Фрейду удалось проследить источник ее болезни до мыслей у кровати сестры:

В тот момент, когда у нее появилась ужасная уверенность, что ее любимая сестра умерла, не попросившись с ними, и она не смогла облегчить ее последних дней своей заботой, – в тот самый миг в мозгу Элизабет мелькнула другая мысль, и сейчас она вернулась, яркая, как вспышка молнии в темноте: «Теперь он снова свободен, и я могу стать его женой».

Она не рассказала ему про эту мысль. Так предположил сам Фрейд. Когда Элизабет начала возражать против его диагноза, он сказал, что «мы не отвечаем за свои чувства», и добавил, что, подавляя их и даже вызвав болезнь, она продемонстрировала свою высокую мораль. Так подходили к порочным мыслям уже в двадцатом веке. Элизабет признала его правоту, и катарсис произошел.

Фрейд прекрасно понимал, что скептики, особенно коллеги, решат, что его рассказы слишком литературны, и честно заявляет, что, имея образование невропатолога, я «до сих пор удивляюсь, что эти случаи больше похожи на рассказы и, как могут сказать, выглядят несерьезно и ненаучно». Он настаивал на том, что представляет точные научные данные, таким образом стараясь расположить к себе и ученых, и остальных людей.

Последней в параде истериков выступала Катарина, дочь владельца таверны, с которой он познакомился на вершине горы и одним летним днем поставил ей диагноз. Ее история тоже представлена в виде рассказа. Эта восемнадцатилетняя девушка работала в альпийском домике на горе, где Фрейд обедал. Из его записи в книге для посетителей она узнала, что он врач, и подошла к нему, чтобы поговорить о своих больных нервах. Она страдала от приступов одышки, которые, как предположил Фрейд, были вызваны тревожностью.

Ее история была рассказана в виде диалога. Она описала «страшное лицо», которое ей постоянно видится. Как оказалось, это лицо ее дяди. Она тут же рассказала Фрейду, как застала его лежащим на ее двоюродной сестре («Может, ты видела обнаженное тело?» –

«Там было слишком темно») и как тот же самый дядя залезал в ее собственную постель, когда ей было всего четырнадцать, и сексуально ее домогался.

Фрейд поставил диагноз истерической тревожности. Девушка не могла избавиться от ощущения тревоги, вызванной злым дядей – или, как признал Фрейд в примечании к «Этюдам по истерии» в 1924 году, злым отцом. «Дядя» в первой версии рассказа был всего лишь прикрытием.

Впервые Фрейд написал о том, как повлиял на человека яркий сексуальный эпизод детства. Возможно, ему легче было добиться откровения от простой девушки, чем от баронессы или богатейшей женщины Европы.

В письме Флису (неизвестном до тех пор, пока Джеффри Мэссон не издал их переписку без сокращений в 1985 году) сообщается точное время и место этой истории – «подходящий для меня случай», как пишет Фрейд. Был август 1893 года, Фрейд был в Земмеринге, в то время как вся его семья находилась в Рейхенау. В действительности все было не так просто, как представлялось в «Этюдах по истерии». Во-первых, на горе Фрейд был не один. Его сопровождал друг-педиатр доктор Оскар Рие, который впоследствии появляется в сне об Ирме (и будущая жена которого, Мелани, была сестрой новой жены Флиса Иды). Они совершали «сложное путешествие» по горе Ракс, длившееся два дня. Был ли Рие с ним в тот момент, когда он увидел Катарину?

Они остановились в гостинице «Отто Хаус», названной в честь эрцгерцога Отто и находившееся у самого пика Якобскогель. Рейхенау осталось далеко внизу, в долине. К 19 августа он уже познакомился с Катариной и поставил диагноз. Потом, как он рассказывал в письме Флису, произошло нечто странное. Откуда ни возьмись в гостиницу на высоте тысячи семисот метров над уровнем моря явилась Марта. «Вдруг кто-то вошел, совершенно раскрасневшийся в этот жаркий день, и я некоторое время смотрел на эту фигуру, пока не узнал в ней собственную жену». Она предложила ему провести несколько дней вместе, «и я почувствовал, что не могу лишиться ее этого удовольствия».

Такое поведение было достаточно необычным для Марты, родившейся на севере Германии и не любившей горы. Хотя дорога из долины была перестроена, чтобы привлечь туристов, даже в повозке, запряженной пони, подъем требовал несколько часов. Такое путешествие сложно проделать в жаркий день, если вы не очень легко одеты. Очевидно, желание Марты увидеться с мужем было очень сильным.

Шесть лет, как он писал Флису, когда «ребенок следовал за ребенком», «в ее жизни было мало места разнообразию и отдыху». Он с радостью увидел, что «жизнь возвращается к женщине, которой пока не придется ждать ребенка, потому что теперь мы живем в воздержании, и ты прекрасно знаешь почему». Фрейды по-прежнему старались избежать появления новых детей. Пятый ребенок, Софи, родилась за четыре месяца до того. Последняя, Анна, была зачата только в марте 1895 года, девятнадцать месяцев спустя.

Возможно, такое вынужденное «безбрачие» обострило интерес Фрейда к восемнадцатилетней девушке и ее половой жизни, и Марта это почувствовала. О ней сохранилось мало биографических сведений, если не считать умения вести домашнее хозяйство и почтительного отношения к Зигмунду, и поэтому трудно строить предположения, свойственно ли это ее характеру. Но такое неприятное путешествие из Рейхенау, а затем просьба разрешить ей остаться – это явно необычный поступок.

Вполне может быть, что пуританин Рие увидел Фрейда вместе с Катариной и сделал свои выводы. В «Этюдах по истерии» описывается всего одна встреча, но, возможно, в ней было соединено несколько, для большей литературности. Рие мог воспользоваться телефоном гостиницы и послать невинное сообщение Марте по почте в Рейхенау, чтобы та приехала и сделала Зигмунду сюрприз.

Благодаря Суэйлзу мы знаем истинную биографию Катарины. Ее звали Аурелия Кроних, и до того она жила с родителями на соседней горе, Шнееберге, где ее отец, Юлиус, владел харчевней. Юлиус, родом из Вены, оставил семью и женился на двоюродной сестре Аурелии. У них родилось четверо детей. Его жена стала владелицей только что построенной

гостиницы «Отто Хаус» на горе Ракс. Именно там она жила с детьми в августе 1893 года, во время посещения Фрейда.

Возможно, Аурелия не была так невинна в сексуальном смысле, как предполагает Фрейд. Возможно, их встреча не была неожиданной. Наверняка он видел Аурелию в гостинице, где она помогала матери. Быть может, к нему обратилась сама госпожа Кроних, которая беспокоилась о здоровье дочери. Поскольку летом Фрейд жил в Рейхенау и бывал на обеих горах, он мог слышать слухи о муже и жене Кроних, которые жили буквально друг напротив друга. Таким образом, у него уже была готовая гипотеза.

Полная история семьи, появившись она в печати, раскрыла бы слишком многое, и Фрейд оставил лишь самые существенные детали, добавил немного загадочности – одинокую гору, девушку, явившуюся как привидение, – и написал очередную историю. Марта и половое воздержание относились к другой истории, которую он не писал.

Глава 11. Эротика

Фрейд считал, что половое влечение и его следствия формируют как отдельные личности, так и цивилизации. Его идеи стали частью растущего сопротивления ханжеству и невежеству в западных странах. Европу ждало пробуждение.

Знание о половых проблемах не означало для Фрейда сексуальной вседозволенности, хотя многие люди, в том числе некоторые ученики, не смогли увидеть этой разницы. Сам Фрейд жил строгим пуританином и одобрительно отзывался (в 1908 году) о немногих героях, которые могут справиться со своими животными инстинктами. Он знал, что принадлежит к этой элите.

Фрейд старался всеми силами доказать, что область половой жизни была навязана его профессиональному вниманию. О своих собственных чувствах он не упоминает. Из его идеи о том, что важна не сила страсти, а сила характера, необходимая для того, чтобы с ней справиться, вытекает, что чем человек чувственнее, тем больше его заслуга, если он ведет себя противоположно своим желаниям. Однако Фрейд редко выражал эту идею подобным образом.

Мысль о том, что неврозы имеют «сексуальную этиологию», как рассказал Фрейд в 1914 году, принадлежит совсем не ему. На него повлияли трое учителей: Брейер, который однажды сказал ему, что «тайны супружеского алькова» могут играть важнейшую роль; Рудольф Хробак, ведущий гинеколог, который сказал, что единственный полезный рецепт для женщины с больными нервами и мужем-импотентом – это «взять нормальный пенис и повторить дозу»; и Шарко со своим восклицанием: «Но в таких случаях это всегда зависит от гениталий – всегда, всегда, всегда!»

Без сомнения, со стороны Фрейда было благоразумно молчать о своих собственных наклонностях. Его последователи старались не распространяться об этом, но даже при самом поверхностном рассмотрении жизни Фрейда становится очевидно, что этот человек глубоко и лично интересовался сексом. Юнг, друг, который превратился во врага, сказал, что Фрейд потерял Бога и заменил его другим привлекательным образом – сексом, но это едва ли больше чем попытка уязвить его.

Его мысли по поводу актуальных неврозов – неврастении и тревожности, возникающих при «ненормальной» половой жизни, – были разработаны уже после женитьбы. Он не просто принимает моралистскую точку зрения, распространенную в то время и десятилетия спустя, что «контроль рождаемости» и мастурбация вредны, но приводит и факты, подтверждающие это. Он считал, что неврастения и неврозы тревожности возникают при подавлении половой функции. Фрейд был на пути к этой идее еще в 1887 году, когда рассказал Флису о своей пациентке, госпоже А. Уже к 1892 году он подробно обсуждал с другом ее случай и втайне попросил его найти для нее контрацептив, который бы ей не повредил. Многочисленные случаи из его практики свидетельствовали, что презервативы, прерванное половое сношение и сношение без оргазма мужчины являются главными виновниками. Эти случаи никогда не

были им подробно описаны или хотя бы подсчитаны.

Фрейд считал, что симптомы – несварение желудка, боль в спине, усталость, тревога и т. п. – вызываются отравляющими веществами, которые организм вырабатывает в случае подавления половой функции. Перспективы у образованных классов были мрачные, и, по мнению Фрейда, низшие слои населения вскоре должны были оказаться в плачевном состоянии. Опубликованные работы на эту тему появились у него ближе к концу века, но уже в феврале 1893 года он пишет об этом Флису в апокалиптическом настроении. Актуальные неврозы «легко предотвратить и совершенно невозможно вылечить». Одно из решений, призванных исключить мастурбацию, вело за собой риск заболеть сифилисом, потому что пришлось бы прибегать к услугам проституток. Альтернатива – «свободные половые отношения между молодыми мужчинами и несвязанными молодыми женщинами» – представлялась возможной лишь при наличии «безвредных способов контрацепции». Фрейд был против презервативов, считая, что они опасны и неприменимы для тех, кто уже страдает неврастениями.

В отсутствие такого выхода общество, похоже, осуждено на то, чтобы стать жертвой неизлечимых неврозов, сводящих на нет радость жизни, разрушающих семьи и передающих эти беды всему новому поколению. Низшие слои общества пока ничего не знают о мальтузианстве [контрацепции], но вскоре они придут к нему естественным путем и окажутся жертвой той же злой судьбы.

Навязчивая озабоченность Фрейда презервативами и мастурбацией (а также не менее вредным воздержанием) была куда менее серьезна, чем та работа, которую он проводил с истериками, пытаясь пролить свет на психические процессы и природу человеческого сознания. Это видно в каждом письме Флису: Фрейд изобилует обобщениями. «Каждый» случай неврастения связан с половыми проблемами, пишет он; «любое количество» связано с прерванными половыми сношениями.

Данные, как считал Фрейд, позволяют ему сделать такие выводы, которые он затем высказывал своим пациентам. «Они восклицают, словно громом пораженные: 'Никто раньше меня об этом не спрашивал!' – и уходят приверженцами новой веры». Нам приходится верить Фрейду на слово, что так действительно и было. Он ставил диагноз невроза, задавал пациенту вопросы о его половой жизни, обнаруживал в его прошлом мастурбацию или попытки контролировать рождаемость, и – оп-ля! – решение было готово.

Фрейд обладал более широкими взглядами, чем врачи-догматы, считавшие контрацепцию и мастурбацию извращениями, которые разлагают моральный облик человечества и становятся причиной болезней. И все же многие годы его идеи о половой жизни человека были столь же ошибочны, а может, и более опасны, потому что являлись частью сложных теоретических выкладок. Его осуждение (сначала в письмах Флису, а затем и в статьях) презервативов, прерванного полового сношения и тому подобного наводит на мысль, что он лично интересовался этой проблемой. Мрачное пророчество о «разрушении семьи», высказанное Флису в начале зимы 1893 года, шло из глубины души.

Фрейд считал себя неврастеником, о чем даже упоминал в своих письмах. Во время военных маневров он писал об этом Брейеру; сообщал он об этом и своей невесте, когда был в Париже в феврале 1886 года: «Моя усталость – это нечто вроде небольшой болезни. Ее называют неврастениями». Эрнест Джонс, который читал неопубликованные письма Фрейда, утверждает, что в те дни у Фрейда были такие симптомы, как перемены настроения и «необычное ощущение усталости». Фрейду наверняка приходило в голову, что вынужденное воздержание во время долгого периода помолвки было одной из причин – а возможно, и главной причиной. Он говорил Марте, что, когда он с ней, его усталость исчезает «как по мановению волшебной палочки».

Женитьба поправила бы положение, если бы не новая проблема – дети. Его мать, Амалия, беременела восемь раз за десять лет. К тому времени как Фрейд женился, образованные люди все чаще стали прибегать к контрацепции, но эта тенденция обошла Зигмунда и Марту стороной. Всего за восемь с лишним лет она родила шестерых детей –

почти как Амалия. Ее беременности были проблемой не только для нее, но и для самого Фрейда. Во время помолвки он упоминает в письме о «троих детях, о которых ты преждевременно начала мечтать». Трое детей – это контрацепция или сокращение половой жизни.

К 1880 году уровень рождаемости в Германии стал падать. У жен государственных служащих и интеллигентов рождалось гораздо меньше детей, чем у более бедных слоев населения. Особенно быстро начали сокращаться семьи врачей. В Австрии или любой другой стране, где государственной религией был католицизм, рождаемость снижалась не так быстро, но Фрейд не придерживался ни этой религии, ни какой-то другой.

Эрнст Саймон считает, что его принадлежность к еврейской национальности, «наследие ортодоксального иудаизма предков» повлияли на его точку зрения и он считал секс чем-то вроде обязанности перед своим народом. Трудно представить себе, что Фрейд-атеист думал об этом в таком ключе. Тот же автор отмечает, что к 1890-м годам в «среде либеральных евреев-буржуа» шестеро детей за несколько лет уже были редкостью.

Фрейд не раз высказывал надежду, что Флис откроет приемлемый способ контрацепции, и добавлял, что это принесет пользу человечеству. Впрочем, его жена продолжала беременеть, и помощь нужна была по более конкретному адресу. В июле 1893 года, три месяца спустя после рождения пятого ребенка, Фрейд писал, что считает Флиса «мессией», который найдет ответ. В мае 1895 года, когда Марта уже два месяца носила их шестого ребенка, Фрейд выражал радость по поводу того, что его друг, возможно, решил проблему контрацепции, добавляя: «Для меня спасение на пару месяцев опоздало, но, быть может, это пригодится в следующем году».

Вопрос в том, почему существующие методы предотвращения беременности не подходили Фрейдам. Все барьерные контрацептивы в то время уже существовали. В Лондоне их рекламировали в иллюстрированных брошюрках, продавали на улицах победнее и даже высылали по почте. Можно было приобрести самые разные колпачки, губки и диафрагмы. Резиновые презервативы были довольно грубыми, но те, что делались из кишок животных, использовались уже веками. Все это было доступно и в немецкоязычных странах, где производилась большая часть этой продукции.

Еще до женитьбы Фрейд исследовал проблему контрацепции. В его личной библиотеке в Музее Фрейда в Лондоне есть три брошюрки, посвященные женским методам. В первой (написанной Карлом Хассе в 1882 году) контроль рождаемости объявляется «долгом гуманности» и выражением доброго отношения к женам. В приложении содержатся практические советы по применению маточного кольца, а также цены и адрес производителя во Фленсбурге. Во второй брошюрке (1883) Карл Капельманн возражает Хассе и утверждает, что маточное кольцо неэстетично и аморально и превращает женщину в «инструмент для поллюции» и проститутку. В третьей, написанной неким доктором Отто (1884), выражена более либеральная точка зрения.

Совершая нападки на контрацепцию, Фрейд не упоминал женские приспособления, разве что косвенно. В 1898 году он пишет о необходимости найти что-то, что бы «не ранило чувства женщины». Возможно, Марта тоже находила маточные кольца и диафрагмы неэстетичными. В то же время в письмах к Флису Фрейд постоянно осуждает презервативы. Некий господин К. лишился из-за них силы, а фон Ф. пребывает в депрессии. Что касается методов, не требующих применения посторонних приспособлений, *coitus reservatus* «половой акт без копулятивных фрикций (лат.)» и *interruptus* «прерванный половой акт (лат.)», к ним Фрейд был еще более строг, чем к презервативам. Это позволяет предположить, что он предпочитает пользоваться одним из них, скорее всего, *interruptus*.

Возможно, после свадьбы он убедил Марту начать пользоваться маточным кольцом, но ей это не понравилось, и она решила, что контрацепцией должен заниматься он. Зигмунд, вероятно, пробовал разные методы и стал связывать их использование со своей постоянной неврастенией и фобией путешественника. Таким образом, две проблемы – стремление предотвратить беременность жены и неврозы, в которых он винил контрацепцию, – как бы

дополняли друг друга.

В рождении детей у Марты можно заметить некоторые закономерности. Матильда, первый ребенок, была зачата в январе 1887 года, четыре месяца спустя после свадьбы, и родилась 16 октября. Мать кормила ее всего два-три дня, после чего наняла кормилицу, которая приехала 19 октября. Та им не понравилась, и 24 октября ее место заняла новая.

Поскольку Марта не кормила ребенка, она могла забеременеть скорее раньше, чем позже – лактация имеет контрацептивное действие «Ошибочное заключение. В действительности лактация не всегда оказывает контрацептивное действие. – Прим. ред.». В таком случае женщина может зачать уже через два месяца после родов. У Марты это могло произойти в январе или феврале 1888 года. Ее второй ребенок (сын Мартин) был зачат в марте 1889 года, то есть семнадцать месяцев спустя после рождения Матильды.

Перерывы между следующими тремя родами и зачатиями составляют соответственно пять, пять и три месяца. Это означает, что у детей были кормилицы, а супруги жили регулярной половой жизнью без предохранения. Только зачатие последнего, шестого ребенка, Анны, произошло двадцать три месяца спустя после предыдущих родов. Все это время, как Фрейд говорил Флису после события на горе Ракс в августе 1893 года, они с Мартой спали раздельно.

В начале 1888 года, когда Марта снова могла забеременеть после рождения первого ребенка, Матильды, Фрейд, скорее всего, решил прибегнуть к контрацепции. Если его неврастения усугубилась как раз в это время, это вполне объясняет его эмоциональное отношение к контрацептивам. Возможно, он чувствовал себя еще более подавленным, чем обычно, и объяснял это неврозом. Нужно было найти причину, и Фрейд решил, что во всем повинна контрацепция. Он использовал ее в 1888 году, чтобы отложить появление второго ребенка, но впоследствии отказался, и третий, четвертый и пятый ребенок появились на свет один за другим.

Если это верно и Фрейд ошибочно считал контрацепцию причиной своей депрессии в 1888 году, нам все еще нужно объяснение, почему на самом деле его здоровье в этот период ухудшилось. Быть может, ответ кроется в его работе с истеричками, в частности, с фон Либен? Известно, что Фрейд был очень чувствительным человеком. В 1890-х годах его беспокойство по поводу своих теорий и карьеры привели к сердечному неврозу и постоянному страху смерти.

Нерешительный в половых вопросах, женившийся только в тридцать, возможно, он начал семейную жизнь с яркими фантазиями. Секс стал для него новым удовольствием, но он принес с собой и новые проблемы. Его пациентки были нервными, пылкими, привлекательными женщинами, которые если и не рассказывали ему прямо о сексе в своей жизни "а в этом тоже нельзя быть уверенными), то намекали на это. Было бы естественно, если бы это наводило его на мысли о сексе в своей собственной жизни.

В течение следующих десяти лет в мозгу внешне аскетичного и трудолюбивого Фрейда формируется теоретическая основа концепции эротических потребностей и расстройств человека. Когда Брейер передал ему фон Либен, потому что никто не знал, что с ней делать, этот процесс только начался. Длительная работа с такой требовательной и яркой личностью, несомненно, должна была иметь последствия. Жизнь Фрейда – дом, дети, придирчивая и аккуратная Марта с белоснежными простынями, ночное сидение за статьями при свете керосиновой лампы – была взбудоражена присутствием своенравной женщины, которую он называл (не один раз в письмах Флису) «своей примадонной» и «учительницей».

Шандор Ференци, коллега и доверенное лицо Фрейда в двадцатом веке, писал о том, как его учитель работал в ранние годы. Предположительно, эти записки были основаны на рассказах Фрейда. В мае 1932 года Ференци отмечал, что Фрейд работал со своими первыми невротиками «страстно» и «увлеченно», «если необходимо, часами лежа на полу рядом с человеком, бьющимся в невротическом припадке». Имелась ли в виду конкретная пациентка, требовавшая столько внимания, и не была ли это Анна фон Либен? Фрейд подчеркивал, что он не мог позволить ей освободиться от эмоционального гнета с другими врачами. Только с

Фрейдом у нее получались «все слезы, все выражения отчаяния», необходимые для катарсиса. Как и в случае Йозефа Брейера и Берты Паппенгейм, для «лечения разговорами» было необходимо его присутствие. Не обнаружил ли он, как Йозеф с Бертой, что за такие близкие отношения приходится платить?

Психоаналитики впоследствии признают наличие элемента эротики в отношениях пациента и аналитика и будут считать его довольно распространенным. Психоаналитик, как писал Фрейд в 1914 году, знает, что работает с мощными силами и должен «продвигаться так же осторожно и добросовестно, как химик». В 1888 году он и не подозревал о существовании этих «мощных сил». Было бы неудивительно, если бы его посещения Анны фон Либен создали бы между ними некие эмоционально-интимные отношения с оттенком эротики, с которой он не мог справиться. Возможно, именно потому в «Этюдах по истерии» об Анне написано так мало. В девятнадцатом веке люди говорили о враче – любом враче – и его пациентках-истеричках с понимающей улыбкой. Аксель Мунте, наблюдая за Шарко в «Сальпетриере», сказал, что он разделяет «судьбу всех невропатологов – его окружает толпа невротических дам».

В описании ранних случаев истерии появляется тема секса, хотя и не очень явно, потому что Фрейд, по его собственному признанию, еще сам не осознавал в полной мере ее значимости. В некоторых случаях проблема секса выходит на первый план, как, например, в истории Катарины. Еще одна – это история «Девушки с зонтом», случай которой был описан в примечании к книге. Это была дочь врача, у которой были проблемы с ногой, и для ходьбы она опиралась на зонт как на трость. Под гипнозом в присутствии отца она сказала «всего одну значительную фразу», которая намекала на сексуальную психологическую травму, связанную с ним. Отец больше не приводил дочь к Фрейду. Позже Фрейд создал теорию о сексуальном совращении (соблазнении) детей, от которой впоследствии отказался. Он не мог разобраться в сексуальности своих родителей и в своей собственной.

В этот же ранний период одна пациентка проснулась от гипнотического сна и «обняла меня за шею», причем в этот момент в комнату вошел кто-то из прислуги. Фрейд описывал этот эпизод не раз. Была ли это Анна фон Либен или же Фанни Мозер, которая за свою жизнь перевидала немало врачей и, как говорили, спала не с одним из них?

После смерти Фрейда Волчий Человек объяснил одной журналистке, почему Фрейд, которого он знал не только как психоаналитика, но и как друга, предпочитал сидеть на кушетке в голове пациента. «У него была пациентка, которая хотела его соблазнить, – насмешливо заявил Панкеев, – и она постоянно задирала юбку».

Возможно, это правда, и Фрейда преследовали соблазнительницы. Если и так, они были разочарованы. Впрочем, мы можем предположить, что некоторые из них причинили ему немало страданий.

Глава 12. Друг

В 1890–х годах Фрейд часто страдал от неуверенности и беспокойства, и его поддерживало лишь желание доказать, что он может разгадать тайну человеческого сознания. Он был как легендарный герой, который стремится выполнить задачи, непосильные для смертных. Он считал решение делом жизни и смерти, от которого действительно зависела его жизнь. Им владел суеверный страх смерти в определенном возрасте (он думал о различных годах), его здоровье оказывалось таинственным образом связанным с его мыслями. Если бы не письма Флису, мы знали бы об этом очень немного.

Внешне в жизни Фрейда ничего особенного не происходило. Он был главой растущей семьи. Пациенты, приходившие на прием, наверняка иногда слышали детские крики за стеной. Но видели они только служанку, которая провожала их в узкую комнату для ожидания (жесткие сиденья, старые журналы), а также самого Фрейда в кабинете – одетого с иголочки, темноглазого, пропахшего любимыми им сигарами. Он, бывало, выкуривал до двадцати штук в день – по его словам, это было его «щитом и мечом в битве жизни».

Светская жизнь Фрейда была достаточно скромна. Традицией стали вечера, на которых они играли в тарок, популярную в Вене карточную игру. Фрейд иронически называет субботнее времяпрепровождение «оргией тарока». Обычно тарок следовал за сытным ужином у Леопольда Кенигштейна, окулиста, и его жены. На следующее утро все страдали от несварения желудка. Оскар Рие тоже принадлежал к числу друзей, игравших в тарок, но у него дома Фрейд чувствовал себя не так комфортно. Оскар не всегда хорошо отзывался о его работе, а его жена Мелани угощала гостей цыпленком и цветной капустой, которые Фрейд терпеть не мог.

Родители Фрейда жили неподалеку, в Девятом округе, и он регулярно бывал у них в гостях. Приблизительно в 1892 году они поселились на улице под названием Грюненторштрассе, которая с одной стороны выходила на канал и была всего в квартале от Берггассе. Там квартиры стоили дороже, чем в Леопольдштадте. Фрейд присматривал за своими родителями и хотел, чтобы в старости они жили поближе к нему. В 1894 году Якобу было уже семьдесят девять и его здоровье начинало ухудшаться. Амалия, на двадцать лет моложе его, оставалась энергичной и властной и требовала почтительности от детей, особенно от своего первенца. Возможно, регулярное несварение желудка по утрам в воскресенье у Фрейда было связано не с обильным субботним ужином, а с предстоящим очередным визитом к матери.

В семье Фрейду было не с кем обсуждать свои психологические идеи. Один или два раза он говорил Флису, что «женщины» не одобряют того, что он делает. Марта никогда особенно не интересовалась его работой, хотя впоследствии он смог говорить о ней с Минной, сестрой Марты, не вышедшей замуж и оставшейся старой девой. Понимания со стороны коллег было тоже мало. У Оскара Рие были сомнения по поводу его теорий, равно как и у Брейера. Последний писал с Фрейдом книгу об истерии, но не поддерживал его выводов о сексуальных проблемах. Фрейд жаловался Флису, что в книге не появится некий «перл», «потому что... сексуальный фактор не должен быть включен».

Флису он доверял. Как и Фрейд, тот стремился достичь гораздо большего. Его работа частным отоларингологом была всего лишь началом. Первая теория Флиса была связана с носом, органом, который, как он решил, физиологически связан с гениталиями и имеет значение в половой сфере человека. Его второй проект был более общим. Как истинный последователь Дарвина он считал, что человеческое существо циклично. В его воображении появилась математическая теория «биоритмов», построенная вокруг женского двадцативосьмидневного цикла и мужского (его собственной идеи), двадцатитрехдневного. Теория была основана на научном пророчестве: периоды болезней и даты смерти определялись математическим аппаратом, который понимал разве что сам Флис. Как сексуально ориентированный нос, так и пророческие биоритмы нравились Фрейду, который всегда помнил о своем образовании физиолога и склонялся к теориям, гласившим, что сознание определяется организмом.

В каком-то смысле Фрейд и Флис были похожи. Оба они вынашивали странные идеи и искали сочувствующих слушателей. Фрейд, похоже, нуждался во Флисе больше, чем тот в нем. На протяжении многих лет его восхищение другом было безгранично. Возможно, между ними было и физическое притяжение (по крайней мере, по признанию Фрейда, оно было с его стороны). Флис был очень уверен в себе и жил в достатке. У его жены Иды из семейства Бонди из Вены, были собственные средства. В письмах Фрейда чувствуется, что он завидует уму и уверенности друга. Он даже жил в более подходящем городе. Берлин был городом современным, космополитическим, в отличие от Вены.

Позднее Фрейд решил, что его профессиональная деятельность очень ограничена тем, что он вынужден работать только с венцами, а точнее, с венцами еврейской национальности. Поэтому он познакомился с Юнгом и обратился к Швейцарии. Флис был первым шагом в этом направлении. Австрийская империя разваливалась. Немцы, занявшие лидирующее положение в Европе, строили планы о создании своей собственной мировой империи. Евреи с востока, в том числе Фрейды, всегда считали Германию страной, язык и культуру которой

стоит перенять.

Возможно, Фрейд был не так уверен в себе, как Флис, но новых идей у него было ничуть не меньше. Одной из них стала попытка представить тело и разум в виде машины, какого-то механизма из научно-фантастического романа Уэллса. Внутри этой системы, подобно электрическому току, в обоих направлениях двигалось постоянное количество «возбуждения». Он даже делал рисунки с тильдами и стрелками, показывавшими, куда энергия (в основном сексуальная) перетекает, как жидкость в трубе. Если этот гипотетический поток не находит правильного выхода, он вырабатывает токсические вещества, которые вызывают неврастению. Избравшие неверный путь мужчины и женщины, стало быть, постоянно отравляют свой организм. Попытки Фрейда подвести под свою теорию анатомический фундамент обычно объясняются тем, что он является воспитанником анатомической школы Мейнерта и Брюкке. Предположительно, какую-то роль сыграло и его навязчивое увлечение сексом. Эта внушительная машина, в которой кипит страсть, а из щелей, подобно пару, вырывается соматическое половое возбуждение, наводит на мысль о том, что Фрейд с помощью науки пытался держать секс на безопасном расстоянии от себя.

Он зачастую чувствовал себя чужаком. «Меня практически считают маньяком, – пишет он Флису в мае 1894 года, – а я совершенно точно знаю, что прикоснулся к одному из величайших секретов природы», то есть к причинам невроза. Но все, чего он мог ждать, было «почетным поражением» перед всем миром, и это вызывало у него «какое-то чувство горечи».

Едва ли это можно назвать хладнокровной реакцией исследователя, работа которого все еще не получила широкого признания. Фрейд справедливо полагал, что его идеи придется не по вкусу очень многим. Он как будто готовился к театральному дебюту, в котором истинность его заявлений будет подтверждаться яростью оппонентов.

Его товарищ в Берлине не только давал ему моральную поддержку, но и старался найти практическое применение идеям Фрейда, чтобы научиться лечить неврозы. Фрейд мог сказать о лечении актуальных неврозов только то, что людям нужно менять свою половую жизнь. Флис смог бы внести в его теорию сенсационный практический вклад (найдя биологическое средство контрацепции), если бы его система биоритмов позволяла определить дни, когда зачатие невозможно. Это открытие было сделано позже, в связи с другими теориями, и так возник всем известный несовершенный метод контрацепции на основе женского цикла. Флису не удалось этого сделать, но он утверждал, что нашел средство от актуального невроза. Будучи специалистом в области носа, он считал, что некоторые особенности половой жизни его пациентов связаны с этим органом, если не напрямую, то косвенно. С помощью операции на носу такие предположительные побочные эффекты мастурбации, как болезненная менструация, могут быть излечены, и это положительно повлияет на весь организм.

Фрейд с радостью позволил завести себя на это минное поле. «Представь, если бы такой врач, как ты, – писал он в октябре 1893 года, – мог исследовать гениталии и нос одновременно. Загадка [невроза] была бы решена моментально».

Флис утверждал, что открыл болезнь под названием «невроз назального рефлекса». В одной статье 1893 года он заявил, что на нос влияет «аномальное сексуальное удовлетворение», в связи с которым некоторые части носовой раковины воспаляются. Эти воспаления затем начинают влиять на весь организм, вызывая, например, боль в желудке, болезненные менструации у женщин, а также маточные кровотечения. Очаги воспаления можно лечить кокаином или выжигать хирургическим путем. Позднее Флис делал настоящие операции. Это не первый случай, когда врач создает свое собственное заболевание и тут же находит для него лечение. Флис даже гневно отзывался по поводу «шарлатанов», которые делают из медицины посмешище, когда неправильно лечат неврастеников. Фрейд был очарован.

Теория «назального невроза» в разработке Флиса имела множество областей для практического применения. Женщин при родах можно было избавить от боли, посредством

манипуляций с носом можно предотвратить выкидыши. Простой ринит уже говорил о том, что пациент получает «аномальное сексуальное удовлетворение». Когда Фрейд принял «господина Ф. из Будвайса», он заметил, что у того «подозрительная форма» носа, и тут же отправил его в Берлин к Флису, чтобы его опухший нос осмотрел специалист.

За этими плодами воображения скрывается зерно истины. Человечеству с давних пор – еще до того, как Флис начал делать свои фантастические выводы, – известно, что между носом и гениталиями существует биологическая связь. Гиппократ писал о «викарной менструации» – кровотечении из носа, которое бывает в начале беременности вместо обычной менструации. В 1898 году Маккензи из Балтимора высказывался насчет связи носа с половым возбуждением. В 1919 году признали существование такой болезни, как «ринит медового месяца». У девочек-подростков иногда бывают очень длительные периоды чихания, достойные занесения в «Книгу рекордов Гиннесса». Британский специалист в этой области, консультант-отоларинголог Джон Риддингтон Янг считает, что ткань носа обладает чувствительностью к воздействию гормонов и реагирует на половое возбуждение. Эта связь между носом и половыми органами, вероятно, сохранилась с древнейших времен существования человечества, хотя теперь стала не более чем физиологической странностью. И все же все эти факты никак не доказывают правоту Флиса с его воображаемым рефлексом и верой в операции и прижигания.

Идеи Фрейда мирно сосуществовали с идеями Флиса. Особенно его интересовал «невроз тревожности», который проявлялся как хроническое состояние задумчивости, подавленности и ухудшения общего состояния здоровья или как острый приступ – то, что мы сегодня назвали бы приступом паники. Если приступ сопровождался учащенным сердцебиением и одышкой, это Фрейд считал всего лишь побочным действием полового сношения, вылившегося в тревожность, потому что энергия не смогла надлежащим образом выйти из организма (опять механистическая модель). Фрейд утверждал, будто наблюдения показывают, что мужчины, использующие в качестве средства контрацепции прерванное половое сношение, часто становятся жертвами невроза. К 1894 году он включил в список и половое воздержание, записав его одной из первых причин. Это было сделано в течение того долгого периода, когда воздерживался от половой жизни он сам. Фрейд действительно страдал от тревожности, каковы бы ни были ее причины.

Приблизительно в течение года – между 1893-м и 1894-м, как раз во время воздержания, – Фрейд опасался, что у него появились более серьезные проблемы со здоровьем, а именно боли в сердце. Флис и остальные пытались отговорить его от курения, но долго прожить без сигар он не мог. Он вроде бы и хотел найти доказательства, что болен не слишком серьезно, и в то же время не мог поверить в то, что его симптомы связаны с мозгом. Невропатолог не видел, что у него больные нервы. Он писал Флису: «С каким-то неврозом было бы гораздо сложнее смириться». В апреле 1894 года, когда ему удалось провести три недели «без горящих предметов во рту», он сообщает о «серьезных проблемах с сердцем»: нерегулярном сердцебиении, повышенном давлении, ощущении жжения в области сердца, резких болях в левой руке и одышке. После этого приступа у него начали появляться «видения смерти». Он сказал Брейеру о своем опасении, что у него хронический миокардит – заболевание, которое сократит ему жизнь. Брейер не исключал такой возможности. Фрейд боялся, что Флис может скрывать от него диагноз.

Есть мнение, что у Фрейда была стенокардия, вызванная сужением малой коронарной артерии, которая в конце концов вызвала небольшой сердечный приступ. Другие полагают, что Фрейд страдал от невроза. Флис, который искал новые подтверждения существованию невроза назального рефлекса, решил, что всему причиной нос, и в 1895 году добился от Фрейда согласия на лечение. Как бы то ни было, после апреля 1894 года проблемы с сердцем у Фрейда стали менее серьезными.

Фрейда можно считать человеком, сознательно избравшим нелегкий путь и беспокойную жизнь. Он намекал именно на это, повторяя в письмах Флису слова «тайна» и «загадка». Однажды он сказал венскому журналисту о том, что человечество мечтает

«открыть все тайны одним-единственным ключом». Брейер, вспоминая об их дружбе, рассказывал коллеге, что Фрейд был «человеком, стремившимся сформулировать абсолютные правила», который имел в этом «психическую потребность». Знание, с его точки зрения, не должно накапливаться постепенно. Сверкнет молнией идея, придет откровение. Сон в «Бельвю», который появится в нашем повествовании уже довольно скоро, был как раз одной из этих вспышек – или будет представлен в таком виде самим Фрейдом. Фрейд видел в себе человека, поднявшегося на борьбу с неизвестным.

Эпизод с «сердечным приступом» выявил в нем пессимиста. Фрейд начал задумываться о приближающейся старости. «Проблема в том, – пишет он Флису в июне 1894 года, два месяца спустя после появления видений о смерти, – что [Марта и я] уже стареем, довольно-таки преждевременно для наших малышей». Ему было тридцать восемь. Когда ему было уже больше пятидесяти, он писал Эрнесту Джонсу в поезде и не преминул объяснить, что его рука трясется от движения, а не от возраста.

Интерес Фрейда к актуальному неврозу, еще больший оттого, что он понимал, что сам им страдает, продолжал занимать значительную часть его времени, но он все чаще начинал задумываться и о других видах неврозов, ближе к истерическому типу. Это были «психоневрозы», которые поддавались лечению только с помощью изменения восприятия жизни пациентом, а не избавления от привычек в половой жизни.

Еще в середине 1892 года Фрейд рассказывал Флису: «Брейер заявил, что хочет совместно опубликовать нашу подробно разработанную теорию абреакции и другие умные вещи, связанные с истерией и принадлежащие нам обоим». Под «абреакцией» он имел в виду процесс избавления от болезненных или неприятных переживаний с помощью «катарсиса», или терапевтического очищения. Фрейд начал использовать этот метод с Эмми фон Н. и Цецилией М. (точная дата неизвестна). Это действительно имело некий эффект, как исповедь перед священником. Брейер тут же провел эту аналогию, но она не нравилась Фрейду-атеисту.

Если бы Фрейд мог отказаться от соавторства Брейера в «Этюдах по истерии», без сомнения, он сделал бы это. Он начал разочаровываться в друге. Брейер был слишком осторожен, слишком дружелюбен и доволен жизнью. Он относился к идеям Фрейда без должного энтузиазма. Теперь доверенным лицом Фрейда стал прогрессивный Флис, который то и дело читал жалобы Фрейда по поводу Брейера. Истерия – «моя» истерия, как называл ее Фрейд, – «частично испарилась» в руках Брейера. Существовали и причины личного характера. Его бывший наставник теперь стал «препятствием на пути моего профессионального продвижения», а проблемы Фрейда с сердцем «не вызывают у него никакого беспокойства». Долги, которые остались у Фрейда с тех пор, когда у него не было денег, продолжали его раздражать. Теперь он мог вернуть Брейеру все, но тот лишь отмахивался. В письмах появляются уничижительные отзывы о Брейере. «Третьего февраля Брейер стал бабушкой», «Брейер как царь Давид – радуется, когда кто-то умирает».

Но история Берты Паппенгейм принадлежала Брейеру, да и в любом случае книга, написанная только малоизвестным Зигмундом Фрейдом, выглядела бы гораздо менее внушительно. Поэтому у Фрейда не было другого выхода, кроме как продолжать работать с Брейером. Первым плодом сотрудничества стала статья «Предварительное общение», подписанная обоими (имя Брейера стояло на первом месте). Эта статья появилась в медицинских журналах Берлина и Вены в январе 1893 года. Заметили ее немногие, но в Лондоне Фредерик Майерс, ученый традиционной школы, который участвовал в организации Общества физического исследования призраков и ясновидения, обратил на нее достаточно внимания, чтобы опубликовать реферат в трудах общества. В Америке психолог Уильям Джеймс написал обзор этой статьи в первом номере журнала «Психологическое обозрение» и упомянул, что нечто похожее делает Жане во Франции. Эти вопросы занимали многих.

В статье Брейера и Фрейда впервые использовался термин «абреакция». В основном статья была посвящена травматическим воспоминаниям, которые «подавляются» пациентом.

Главная идея заключалась в том, что выяснение этих воспоминаний может иметь терапевтический эффект: иными словами, истерики страдают в основном от воспоминаний (это был первый афоризм Фрейда, получивший известность у широкой публики).

В последнем абзаце статьи содержалась оговорка: авторы приблизились «к пониманию только механизма истерических симптомов, а не внутренних причин истерии». Возможно, самостоятельно Фрейд написал бы о сексуальном происхождении истерии (об этом он лишь вскользь упоминает), но, что бы он ни узнал от своих пациентов, он либо сдерживался сам, либо подчинялся Брейеру.

В 1894 году, когда они все еще собирали материал для «Этюдов по истерии», Фрейд опубликовал более открытую статью под названием «Неврозы защиты». Эта концепция защиты и сопутствующего ей подавления легла впоследствии в основу психоанализа. Под «защитой» он имел в виду сопротивление неприемлемым для человека идеям и воспоминаниям, которые вследствие этого подавлялись и уходили в «бессознательное». Разум человека уже стал разделяться на разные области.

Механизм защиты приводится в действие, скорее всего, сексуальными проблемами, потому что «именно половая жизнь приносит с собой наибольшее количество случаев, которые могут вызвать появление несовместимых идей». «Несовместимые идеи» – те, что не сочетаются с достоинством пациента. Истерия, навязчивые желания, фобии – можно обнаружить, что любое из этих расстройств имеет сексуальное происхождение. Фрейд кратко перечислял случаи, когда женщины заболели от того, что скрывали что-то в половой сфере, и утверждал, что «анализировал» их болезнь.

Ему было прекрасно известно, что медицина всегда знала о существовании связи между половой жизнью и нервными заболеваниями, но он предпочитал не обращать на это внимания. Вместо того чтобы вести себя как большинство врачей и не одобрять желания пациентов рассказывать о событиях в их сексуальной жизни, Фрейд, напротив, поощрял это. В статье о защите описывается молодая женщина, которая рассказала ему, что в общественных местах «очень боится, что не справится с желанием помочиться». Фрейд обнаружил у нее в прошлом эротическую мечту в концертном зале, которая так встревожила женщину, что она превратила ее в потребность помочиться, тем самым установив схему поведения, постепенно приведшую к возникновению фобии.

Едва ли серьезные врачи занимались такими проблемами, а если они это и делали, то удовлетворились бы объяснением о всем известной стеснительности женщин по поводу использования туалета. Фрейд, который в то время постепенно разрабатывал свои идеи о половой жизни, возможно, решил выразить их в этой статье наперекор Брейеру, не желавшему уделить им достаточно внимания в «Этюдах». Возможно, из-за проблем с сердцем он хотел опубликовать хоть что-то на случай преждевременной смерти.

После этой амбициозной статьи о защите в январе 1895 года появилась еще одна, не менее амбициозная. Она была посвящена неврозу тревожности, и в ней Фрейд впервые открыто и подробно заговорил об актуальном неврозе, хотя Флису он рассказывал все это раньше. Статья была информативной и некоторым образом даже автобиографичной. Перечисляя формы, которые могут принимать приступы тревожности, Фрейд говорил о нарушениях работы сердца и «псевдостенокардии», вероятнее всего, имея в виду себя.

Приблизительно в то же время Флис оперировал нос Фрейда (предположительно, с помощью прижигания), чтобы вылечить его сердце. Неизвестно, что именно сделал Флис, но Фрейд стал чувствовать себя «невероятно хорошо, как будто и следа от болезни не осталось». С медицинской точки зрения такая процедура не имеет никакого смысла, но для Флиса и готового слушаться его Фрейда это было большим успехом. С одной из пациенток Фрейда им повезло меньше. Это была тридцатилетняя Эмма Экштейн, семья которой дружила с Фрейдами. В ранних изданиях переписки Фрейда с Флисом упоминания о ней убраны. Экштейн лечили от истерии, но, возможно, ей нужна была помощь в проблемах с менструацией (возможно, Фрейд приписал это старому врагу, мастурбации – об этом Эмма писала в книге о воспитании детей, опубликованной в 1904 году). Фрейд отослал ее к Флису,

и тот в феврале оперировал ее. Он не использовал более щадящее прижигание, а делал настоящую операцию «проблемной зоны» на одной из носовых раковин. В результате женщина чуть не погибла. Этот случай был проверкой дружбы Фрейда. Та не пострадала, чего нельзя сказать об Экштейн.

Операция произошла в Берлине 21 февраля 1895 года. 2 марта началось кровотечение. Четыре дня спустя оно возобновилось, и хирург из Вены, обследовав рану, обнаружил, что Флис оставил в ней около полуметра марли. Когда марлю достали, кровотечение настолько усилилось, что женщина едва не умерла. Фрейд, который помогал при операции, потерял сознание, и его отпаивали бренди. 17 марта, а затем еще раз, в апреле, Экштейн была на пороге смерти и лишь потом начала выздоравливать. Говорят, что ее лицо в том месте, где была срезана кость, осталось изуродованным. Но она не жаловалась.

Наиболее близкими к критике можно считать слова Фрейда о том, что все эти проблемы были вызваны «операцией, которую провозглашали безвредной». Флис, настоящий «сумасшедший ученый» в представлении неспециалиста, как будто заколдовал Фрейда. Он был недоволен результатами операции на носу Экштейн и старался объяснить кровотечение с помощью биоритмических теорий, «периодичности», как они с Фрейдом это называли. И снова Фрейд признал его правоту. Когда они обсуждали этот случай год спустя, в 1896 году, он писал:

Я смогу доказать тебе, что ты был прав, утверждая, что эти кровотечения были истерическими, их вызывало желание и, возможно, они происходили в наиболее значимые в половом смысле дни (она из чувства противоречия еще не сообщила мне своего цикла).

Это «желание» было желанием любви. История Эммы показывает, что «она всегда страдала от кровотечений». Она рассказала Фрейду о случае, произошедшем с ней в пятнадцать лет. У нее пошла кровь из носа, потому что она хотела, чтобы ее лечил «один молодой врач» (возможно, он имел в виду себя). «Значимые в половом смысле дни» – это особые даты, которые Флис часами рассчитывал для друзей и семьи, как некий астролог от биологии, на основе реально существующего двадцативосьмидневного женского цикла и воображаемого двадцатитрехдневного мужского.

Ее инфантильная потребность в любви во время болезни каким-то образом вызвала кровотечения 20 марта и в апреле. Тогда из любви к Фрейду она едва не умерла. Он не говорит об этом подробно, но упоминает о ее «бессознательном желании» заманить его к себе, используя кровотечение как «безотказное средство вернуть мое расположение». Он писал, что у нее «было три неожиданных кровотечения, и каждое длилось четыре дня, что наверняка имеет какое-то значение».

Неудивительно, что цензоры в свое время не опубликовали этих строк, в которых фантазии личного характера пишущий превращает в научные аргументы. С Брейером такими идеями Фрейд делиться не мог. Хотя впоследствии в личных беседах Брейер критиковал многие суждения Фрейда, он тем не менее восхищался им. «Ум Фрейда парит в вышине, – пишет он Флису в июле 1895 года, – и я провожаю его взглядом, как курица ястреба». Он ничего не мог противопоставить фанатичной вере Фрейда и его способности рассказывать убедительные истории – ведь даже его теории были просто историями, основанными скорее на силе воображения, чем на научных фактах. Как именно чувства госпожи Экштейн вызвали у нее кровотечения, от которых она чуть не умерла? Доказательств нет, но рассказчик от этого не становится менее уверенным. Сочувствие к Экштейн для него излишняя роскошь.

Книга «Этюды по истерии» была опубликована весной 1895 года с предисловием авторов, датированным апрелем. Первая глава представляла собой перепечатку «Предварительного общения». Затем читателю предлагались рассказы о случаях, начиная с истории Брейера о «фрейлейн Анне О.», в которой утверждалось, что «пациентка была окончательно вылечена от истерии», которая длилась с июля 1880 по июнь 1882 года. Как мы знаем, излечение на самом деле таковым не являлось, но авторы книги стремились предоставить яркое подтверждение своей теории. Брейер успешно забыл все, что

происходило за десять лет до того – возможно, под влиянием Фрейда, который убедил его, что нужно обязательно доказать полезность катартического метода. Его не волновало, что это влекло за собой создание выдуманного счастливого конца истории для Берты Паппенгейм.

Ее жизнь действительно в конце концов пришла в норму. После тридцати она нашла себя в жизни, став писательницей и видным общественным деятелем. Она занималась проблемами сирот и защитой прав женщин и даже боролась с «белой работорговлей», которая, как полагали, заманивает девочек, в данном случае евреек из Галиции, в бордели Европы. Она так и не вышла замуж, а после ее смерти в 1936 году в возрасте семидесяти семи лет ее запомнили как убежденную и преданную высоким идеалам личность. После войны немецкие власти выпустили почтовую марку с ее портретом.

Подозрение Фрейда о том, что ее болезнь имеет сексуальный подтекст, возможно, было оправданным. До нас дошло стихотворение, написанное ею в пятьдесят пять лет:

*Любовь не пришла ко мне -
И я живу, как росток
В подвале, без света солнца...*

*Любовь не пришла ко мне -
И я погружаюсь в дела
И веду непорочную жизнь во имя долга.*

Неуверенность авторов книги по поводу секса обычно объясняется влиянием Брейера, следовавшего общепринятым нормам того времени. Как часто повторял Фрейд, врачи знали больше, чем хотели сказать. И тем не менее в теоретической части «Этюд» Брейер упоминает сексуальность, в частности, утверждая, что «большая часть тяжелых невротиков у женщин появляется на супружеском ложе». Фрейд выражался по этому поводу довольно неуверенно – в заключительной статье наиболее четко, но все же без конкретных примеров. Рассуждения о половой жизни реально существующих богатых женщин, особенно Эмми и Цецилии, звучали бы слишком смело. Сама тема представляла собой опасность. Одно дело – осуждать онанизм и презервативы (консервативные читатели его статей об актуальных невротиках одобряли такую очевидную приверженность традициям), а другое – выражать совершенно новую мысль о том, что в памяти честных граждан таятся призраки сексуальных проблем, способные повлиять на всю их жизнь. Такое заявление едва ли вызвало бы теплый прием.

Сначала на «Этюды по истерии» обратили мало внимания; некоторые из мнений оказались неблагоприятными. Немецкие ученые сомневались в правоте авторов; в частности, один ведущий невролог вопрошал, вправе ли уважающий себя врач копаться в личной жизни пациентов. Лучше отнесся к книге профессор-гуманитарий из Вены, фон Бергер. По его мнению, книга «пронизана бессознательной и ненамеренно созданной красотой» и содержит идеи, которые можно назвать «античной поэтической психологией, ни больше ни меньше». Предваряя литературный психоанализ, он пишет о леди Макбет как о женщине во власти «настоящего защитного невроза», которая ходит во сне потому, что ужасы, изгнанные ею из сознания, все еще существуют внутри нее. Фон Бергеру были ни к чему извинения Фрейда по поводу литературности историй, лишенных «научного вида». Он заявляет: «Ученый, пустившийся в плавание по океану человеческой души, не может претендовать на холодную и трезвую объективность суждений, как бы он к этому ни стремился».

Фон Бергеру и некоторым другим удалось заметить в книге способность Фрейда понимать людей и их странное поведение. Его вклад в книгу выходит за рамки темы – даже в примечаниях. В одном из них, посвященном фон Либен-Цецилии М., он рассуждает, что человек высказывается слишком оптимистично о своих делах – которые вскоре оказываются в плачевном состоянии, – потому что его подсознание уже предчувствует печальное

будущее, с которым человеку трудно смириться. Анна фон Либен подала ему идею, с которой он согласился, о том, что этим может объясняться примета, будто хвастовство может привести к беде. Фрейд писал:

С одной стороны мы не должны похвастаться своим успехом, а с другой – не стоит говорить и о худшем, чтобы оно не случилось. Дело в том, что мы начинаем гордиться счастьем лишь при приближении беды, и это предчувствие беды принимает форму хвастовства. В таких случаях сначала появляются факты, а затем чувства.

Личная жизнь Фрейда по-прежнему шла своим чередом. В марте 1895 года Марта снова забеременела. "Период воздержания закончился, и он сообщил Флису, что снова стал «человеком с человеческими чувствами». Он заказал дюжину фотографий себя и Флиса и целыми вечерами играл в карты.

На Пасху, в 1895 году пришедшуюся на середину апреля, он снова был в окрестностях гор Ракс и Шнееберг с Оскаром Рие. В письме Флису от 20 апреля упоминается эта поездка, а также то, что он провел «один день в Аббации».

Для однодневной поездки это было довольно большим расстоянием. Аббация в то время входила в состав Австрийской империи и была модным адриатическим курортом на восточной стороне Истрийского полуострова, в сорока пяти километрах от Триеста (что находится в западной части полуострова). Экспресс шел туда из Вены тринадцать часов, так что поездка туда на день напоминала перелет из Калифорнии в Лондон на обед. Такое Фрейд мог сделать только ради важного пациента. Известно, что в Аббации часто бывала одна из героинь «Этюдов по истерии», Эмми фон Н., в действительности Фанни Мозер. Она с сестрой провела зиму 1889-90 годов в Аббации (именно там они узнали о трагедии в Мейерлинге). В апреле 1895 года Фрейд все еще правил книгу; возможно, он хотел по какой-то причине поговорить с госпожой Мозер, например, уточнить, не будет ли она против публикации своей истории.

В конце весны Марта с детьми переехали на несколько месяцев с Берггассе, «Улицы холмов», на Химмельштрассе, «Небесную улицу», в «Бельвю». Едва ли ее радовала шестая беременность, и отдых в «Бельвю», возможно, являлся чем-то вроде компенсации. Фрейд приезжал к ней, когда ему позволяла работа. В ночь с 23 на 24 июля там ему приснился сон об инъекции Ирме. Флис впоследствии усомнился в точности даты, но Фрейд настаивал, что она верна. Его собственный анализ этого сна занял почетное место в вышедшей пять лет спустя книге «Толкование сновидений». С тех пор многие ученые пытаются определить, что за мысли бродили в голове Зигмунда в ту ночь в «Бельвю».

В сне, который он записал по пробуждении, Фрейд беспокоился, что его обвинят в болезни Ирмы. С ним был «доктор М.» (на самом деле Брейер), «друг Отто» (Оскар Рие) и «друг Леопольд» (некий педиатр). Предполагалось, что инфекция Ирмы была вызвана инъекцией, которую сделал ей Отто – возможно, грязной иглой. Подробный, но не слишком яркий сон состоял только из одного события – медицинского осмотра, во время которого доктора стояли в кругу и обсуждали болезнь пациентки. Предположительно, Ирмой была пациентка Фрейда Анна Лихтхайм, молодая вдова. Но вполне возможно, что это Экштейн, укоряющая Фрейда за ошибку.

По словам Фрейда, это был первый сон, который он истолковал подробно. Работа началась сразу же, 24 июля. После того как он разобрал сон на составные части и попытался проанализировать, какие мысли о самом себе и о своей жизни они у него вызывают, Фрейд заключил, что в абсурдных картинках сна скрывается простая идея. Сон как бы говорил ему, будто он невиновен в состоянии Ирмы, и, таким образом, «его содержание было выполнением желания, а его мотив был самым желанием».

Начав развивать свою теорию после 1895 года, Фрейд пришел к выводу, что сны поддаются рациональному анализу, если знать, как это делать, и являются серьезными посланиями от подсознания. В них можно разобраться, если позволять пациентам самостоятельно переходить от одной фразы к другой по «принципу свободных ассоциаций» – с «первым, что приходит вам в голову». Понимание того, что сон (а также обычные

фантазии) предназначен для исполнения желаний (часто таких, в которых порядочный человек не мог себе признаться), предупреждало аналитика, что сны его пациентов неясны и уклончивы. Правку можно узнать только преодолев это сопротивление.

Некоторые считают сон об Ирме моментом откровения в психоанализе, временем его рождения. Фрейд никогда об этом публично не говорил, но многие годы спустя признался Флису, что именно тогда он впервые «осознал общие принципы» исполнения желаний. Это было на него похоже – придать эпизоду драматическую окраску, чтобы подчеркнуть момент открытия «тайны сна» – это выражение он использовал тоже в письме к Флису в 1900 году.

В действительности откровение пришло не так быстро. Его уже давно занимала проблема снов. В начале 1895 года Фрейд спал несколько недель на более жесткой кровати, чем обычно (возможно, из медицинских соображений). Новый матрас (по его словам) стал источником неожиданно ярких снов, которые он записал и постарался проанализировать. Эти странные сведения он сообщил в одном из длинных примечаний к «Этюдам по истерии», за несколько месяцев до сна об Ирме. 4 марта 1895 года он рассказал Флису о племяннике Брейера, молодом враче по имени Руди, которому так не хотелось просыпаться, когда его будила служанка, что ему приснился больничный журнал с его фамилией и он решил, что уже на работе, и снова заснул. Таким образом, он думал об исполнении желаний во сне еще до Ирмы, а в письме Флису от 24 июля, сразу же после этого сна в «Бельвю», он ни словом не упоминает об исполнении желаний.

«Некое положение вещей», которого он хочет достичь, – желание считаться образцовым врачом – скромное желание. Фрейд ничего не говорит о случае с Экштейн или о шестой беременности жены. Возможно, они тоже беспокоили его в этот момент. Сам Фрейд говорил, что в анализе сна есть пропуски. Это стало стимулом для фрейдистов, чтобы попытаться обнаружить пропущенное, хотя некоторое время после его смерти фактор почитания, на который он, возможно, рассчитывал, заставлял его верных последователей отворачиваться от этой проблемы. Новые письма к Флису показывают, почему Экштейн могла появиться в его снах, но это всего лишь одно новое предположение а ряду многих.

Вот что предполагают фрейдисты. Фрейд оправдывал неудачу Флиса с Экштейн. Пациентка, о которой он беспокоится, – это не Экштейн, а его собственная жена. Он думал о неудовлетворительных интимных взаимоотношениях с Мартой, которая, в частности, не любила оральный секс, которым он хотел бы заниматься. Его охватывало чувство вины по поводу последней беременности Марты. Он спасался от грозящего ему (появившегося еще в детстве) образа всемогущей Женщины, нашедшего выражение в беременной Марте и страдающей от кровотечений Экштейн. Он предпочитал общество мужчин. Он заново пережил случай эротической агрессии, совершенной им в пять лет по отношению к трехлетней сестре Анне. Это был сон о мести. Он пытался разрешить проблему бездумного использования разных препаратов, в том числе кокаина (который Фрейд в 1895 году все еще использовал), и содержал смутные намеки и на презервативы, и на прерванное половое сношение.

Исследователи считают этот сон творческим актом, который может поведать нам об авторе больше, чем любое лирическое стихотворение. В нем рассказывается о половой жизни, рождении и смерти, собственных желаниях Фрейда, беременности жены и приближении смерти его отца, о смертельном заболевании которого ему стало известно (как Фрейд сказал одному пациенту) именно в этом июле. В знаменитом толковании Эрика Эриксона, сделанном в 1954 году, Фрейд предстает перед нами как мечтатель средних лет, стоящий перед неизвестным, уставший от одиночества. Он создает для себя сон, призванный «успокоить его совесть и сохранить лицо». Юнг утверждал, что в этом сне Фрейд признается в собственном неврозе.

Многие из интерпретаций этого сна убедительны, особенно сделанная Юнгом. Некоторые (например, Эриксона) представляют достаточно реальную фигуру Фрейда – человека, борющегося за свое существование. Правдоподобны почти все, поскольку сны, как подчеркивал сам Фрейд, слишком глубоки, чтобы понять их. Эта точка зрения, правда,

опасна: у аналитика может разыграться воображение, и он истолкует сон так, как ему вздумается.

Самое важное в сне об инъекции Ирме, возможно, всего лишь то, что он произвел на Фрейда большое впечатление. Может, этот сон был исполнением желания о том, чтобы ему приснился значительный сон? Почему бы человеку, особенно психологу, не попытаться извлечь из своего сна такую пользу?

В трудный период жизни, когда ничто не говорило о предстоящем успехе, бессознательное Фрейда любезно предоставило ему источник вдохновения. Его идеи об исполнении желаний оформились четче, а работа получила мощный толчок в нужном направлении.

Глава 13. Совращение

Время шло. Фрейд все реже посещал своих больных, предпочитая принимать их у себя на Берггассе. Это место было уже довольно многонаселенным там жили он и женой, шестеро детей, няня и гувернантка. В декабре 1895 года к ним вскоре после рождения Анны приехала Минна Бернейс – и осталась там навсегда. Климат в этой темной и тесной квартире на втором этаже нельзя было назвать очень здоровым: если дети заболели, инфекции не проходили неделями. «В нашем доме, – говорил Фрейд, – живет какая-то болезнь, которая отказывается проявиться полностью». Возможно, виною всему была канализация – в доме был всего один туалет с ванной.

В личном пользовании Фрейда была приемная, начинавшаяся сразу от парадного входа, а также соединенные с ней коридором врачебный кабинет с кушеткой и кабинет для научных занятий. В 1896 году семейству Фрейдов стало немного полегче: в квартире часовщика на первом этаже произошел газовый взрыв. Часовщик переехал, а Фрейд после ремонта стал принимать пациентов внизу, возвращаясь наверх по вечерам и допоздна засиживаясь над научной работой. В мае того года ему исполнилось сорок лет, но он все еще не достиг большой известности.

О том, как он лечил своих пациентов в то время, известно мало. Возможно, он все еще прикладывал им руки ко лбу, чтобы очистить от вредных мыслей, – это немногим отличалось от использования хрустального шара «экстрасенсами». Он мог прибегать и к гипнозу, хотя считал, что у него есть лучший план. Со времен Анны фон Либен и других ранних пациенток он разрабатывал новый метод «свободной ассоциации», согласно которому больные должны были, не сдерживая себя, рассказывать о своих снах или реальной жизни. Предполагалось, что (с небольшой помощью аналитика) эти мысли помогут найти главную причину расстройства. Это впоследствии стало общепринятым способом анализа бессознательного, где, по словам Фрейда, скрывается давно забытая личность ребенка. «И я вытаскиваю его на свет божий, – пишет он Флису в 1897 году, – он упирается, а человек, который сначала был таким хорошим и благородным, становится подлым, лживым или упрямым симулянтom – пока я не указываю ему на это и таким образом даю возможность преодолеть эти качества».

«Свободные ассоциации» – это первый неправильный перевод, который тем не менее прижился Фрейд имел в виду не «ассоциации», а «неожиданные идеи», хотя на практике разницы между ними почти незаметно. Этот подход, при котором в кажущихся бессвязными фразах ищут закономерности, позволяя пациентам безостановочно говорить все, что им вздумается, стал чем-то вроде революции и оказал влияние на современную психотерапию.

В 1895 году Фрейд, все еще нащупывавший верный путь, использовал в «Этюдах по истерии» выражение «психический анализ». В марте следующего года в статье, опубликованной во Франции, этот метод был впервые назван «психоанализом».

В это время, весной 1896 года, новая система получила новое направление развития. Фрейд уже сделал секс ее основой, а теперь предложил простое и жестокое объяснение того, почему люди заболевают истерией и навязчивыми неврозами: все они в детстве

подвергались соращению. У Флиса была универсальная теория биоритмов, а у Фрейда – универсальная теория соращений.

Идея о том, что жизнь человека делится на предсказуемые циклы (или влияния носа на половую жизнь), могла казаться верной или неверной, но особой эмоциональной реакции не вызывала. Но для того, чтобы заявить, что все психоневротики были жертвами соращения, требовались убедительные доказательства, потому что это не могло не возмутить многих.

В то время соращение малолетних не считалось серьезной проблемой. В Англии инцест был признан преступлением лишь в 1908 году; что же касается изнасилования, то чаще обвиняли жертву, чем насильника. Родители, а точнее, отцы среднего класса, были моральным каркасом общества. Если между ребенком и взрослым происходило половое сношение, это считалось отвратительным отклонением, которое старались замалчивать. Этот аргумент часто использовали для оправдания факта, что инцест и соращение малолетних вообще предпочитают оставлять за рамками закона.

В «Этюдах по истерии» уже затрагивается тема соращения малолетних. Брейер упоминает о двенадцатилетнем мальчике, у которого болело горло и которому было трудно глотать. Брейер считал, что это истерическая реакция на случай в общественном туалете, когда какой-то мужчина попросил его заняться с ним оральным сексом. Случай Катарини был связан с отцом-соратителем, в случае Девушки с зонтом тоже содержались намеки на соращение. Однако лишь в октябре 1895 года Фрейд сказал Флису, что напал на след «обязательной причины» истерии: она должна быть вызвана «первым сексуальным опытом (до пубертации), сопровождающимся отвращением и страхом». Если жертва вместо испуга испытывала удовольствие, это заканчивается навязчивым неврозом. В отличие от истерии это заболевание широко распространено по сей день. Жизни больных ломаются какими-то личными ритуалами – например, постоянным мытьем рук (пример наиболее известен, но есть и сотни других видов), – которые нужно выполнять, чтобы избежать страшных последствий. Фрейд был уверен, что психоанализ может вылечить оба заболевания, и писал Флису: «Это вызывает во мне чувство скромной радости: все-таки сорок лет я прожил не зря».

Идея плохих поступков по отношению к невинным детям была понятной. Как и физиологическая модель мозга, она была основана на физической реальности, как и хотел Фрейд. Пока он не рассказывал Флису ни о каких клинических деталях. Для того чтобы он мог сделать какие-то выводы, история болезней должны были быть достаточно длительными и объемными. Ранние примеры психоанализа довольно кратки, но едва ли Фрейд мог увидеть истеричку в понедельник и объявить о ее излечении в пятницу. Такое отсутствие точной информации немного озадачивает. В письме о статье «Неврозы защиты», посланном Флису на Новый 1896 год, добавляются детали о теории соращения, но не о соращенных.

В период между Рождеством и весной 1896 года Фрейд написал три статьи. В первой, опубликованной во французском журнале в марте (посвященной «ученикам Ж.М. Шарко»), он дает некую фактическую информацию, «чтобы противопоставить ее скептицизму, с которым я, вероятно, столкнусь». Он сделал «Полный психоанализ» тринадцати случаев истерии и шести – навязчивого невроза. Некоторые были связаны с действиями старшего брата, некоторые – с неизвестными взрослыми. Эти факты не слишком убедительны, и их приходится принимать на веру.

Во второй статье, опубликованной в мае в Германии (именно тогда на немецком языке впервые был употреблен термин «психоанализ»), упоминались те же тринадцать случаев, семь из которых были связаны с действиями старшего ребенка в семье (чаще брата по отношению к сестре). Среди взрослых, по словам Фрейда, чаще всего можно было упомянуть няней, гувернанток, слуг и учителей.

Чтобы вызвать истерию, эти соращения должны были включать в себя «непосредственное раздражение гениталий (в виде процессов, напоминающих копуляцию)». Фрейд заявил, что в двух из тринадцати случаев первое соращение произошло «в самом начале воспоминаний о жизни вообще», в возрасте полутора и двух лет. Несмотря на то что в

этих описаниях прослеживаются истории отдельных людей, ни один случай и его лечение не описываются должным образом.

Третья статья, «Этиология истерии», была более серьезной: объемной, подробной и адресованной непосредственно коллегам, венским медикам. Фрейд представил ее в виде лекции Ассоциации психиатрии и неврологии в апреле, а вскоре после этого опубликовал «Эта лекция, скорее всего, была импровизированной или основывалась на очень кратких заметках. Фрейд сообщил Флису, что „записал [ее] полностью“ в мае. Так что любая ссылка на лекцию в строгом смысле является ссылкой на статью.». Это стало его официальной заявкой на изобретение. Председателем собрания в тот вечер был Ричард фон Крафт-Эбинг, профессор психиатрии университета. Его труд о сексуальных извращениях, «Сексуальная психопатия» (1886), пользовался большим авторитетом, хотя и был запрещен в Англии как очередная «грязная книжонка с континента». У Фрейда было несколько экземпляров этой книги. Крафт-Эбинг занимал высокое положение в обществе. Его услугами пользовались короли; крон-принц Рудольф был его пациентом. К нему сначала обращалась и Анна О.

Лекция Фрейда, начиная с приветствия «Господа!» и заканчивая словами «этот новый путь к знанию», выражала его идеи четким и понятным языком. Он говорил о восемнадцати случаях «чистой истерии» и «истерии, совмещенной с навязчивыми желаниями» – на один меньше, чем в первой, «французской» статье.

В каждом из этих восемнадцати случаев анализ (предположительно, он имел в виду анализ именно этих заболеваний) выявлял связь с сексуальными проблемами. Фрейд повторяет свою идею о ранних воспоминаниях: если проводить анализ «так глубоко, как только можно погрузиться в человеческую память», он «неизменно» поможет заставить пациента вспомнить, что именно вызвало невроз. С этим было связано предположение, что «даже детские годы полны случаев легкого эротического возбуждения».

Голос Фрейда был сухим и сдержанным. Риторика была в содержании, а не в исполнении. Через полчаса он дошел до сути своей работы:

В основе каждого случая истерии заключается один или более случаев преждевременного сексуального опыта, случаи, которые произошли в раннем детстве, но могут быть восстановлены в памяти с помощью психоанализа, невзирая на большой промежуток времени, прошедший с тех пор.

Фрейд назвал это «открытием *caput Nili* [источника реки Нил] в невропатологии». Энтони Стэдлен (психотерапевт и скептический исследователь истории психоанализа), отмечая претенциозный тон статьи, утверждает, что Фрейд делал заявку на бессмертие в медицинской науке еще до того, как ему исполнилось сорок. Как подчеркивает Стэдлен, Фрейд сравнивает свое обнаружение «специфической этиологии» истерии с открытием Робертом Кохом бациллы-возбудителя туберкулеза, совершенным за четыре года до того и вызвавшим восхищение всего мира. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала это «величайшим научным открытием века». Фрейд мечтал о таком же признании.

Какова же была реакция невропатологов Вены? В ответ на вопрос «Представить ли вам фактический материал, полученный мною из анализов?» они, очевидно, сказали бы: «Да, конечно». Но Фрейд уклонился в другую сторону, чтобы предвосхитить ожидаемые им «многочисленные возражения». Материал так и не был представлен. Ближе к концу лекции Фрейд снова приоткрыл завесу над реальными фактами, как фокусник, утверждая, что у него есть «доказательства, которые, зная вы всю историю болезни, были бы вам совершенно ясны». Это звучит уклончиво и в то же время оскорбительно. У Фрейда были доказательства, которые он не намеревался представлять. Там не было ничего сравнимого по убедительности с историями из «Этюдов по истерии».

Ему не удалось произвести большого впечатления на собрание. Фрейд не нашел к аудитории нужного подхода, как и десять лет назад к венским врачам. «Эти ослы» приняли все с «ледяным холодом», – сообщает он Флису, который тоже боролся с ослами, не принимавшими его идею о неврозе назального рефлекса. «К черту их!» – добавляет он.

Крафт-Эбинг, знавший на собственном опыте, что идеи в психиатрии часто являются

продолжением личности психиатра, обидел Фрейда тем, что сказал, будто «это звучит как научная сказка». Почти те же слова Фрейд сам использовал под Новый, 1896 год, когда описывал теорию совращения Флису. Он назвал бумагу «Неврозы защиты (Рождественская сказка)». Он мог в личном письме употребить такие слова, потому что они были чем-то вроде условного языка друзей. Впрочем, в теории совращения всегда был элемент сказочности.

В завершающие минуты лекции Фрейд снова похвастается, что его выводы «основаны на трудоемком индивидуальном обследовании пациентов, что во многих случаях заняло сто или более часов работы». Цифра поразительная. На пятнадцать случаев вместо восемнадцати (учитывая его оговорку «во многих случаях») это составляет более полутора тысяч часов психоанализа. Позднее, работая только аналитиком, Фрейд мог шесть дней в неделю проводить по восемь часовых сеансов в день. Даже если предположить, что его рабочие дни были заняты только этими случаями и не прерывались отдыхом, этот анализ занял бы у него семь или восемь месяцев до января 1896 года, когда он написал первую статью о девятнадцати пациентах. И за более длительный срок такая работа невероятна. Кроме того, он занимался и другими случаями – к нему обращались не только истерики, да и среди истериков наверняка некоторые прекращали лечение или оказывались не подходящими для исследований.

Это утверждение ничем не подтверждается и в переписке с Флисом. В течение 1895 года Фрейд работал то много, то мало. В начале года его очень отвлекали проблемы с собственным носом и сердцем, а также операция у Эммы Экштейн (возможно, она была одним из этих восемнадцати истериков, потому что, по словам Фрейда, когда какой-то Эмме было двенадцать, ее через одежду ощупывал продавец). В апреле он рассказал Флису, что теперь у него «очень редки» случаи невроза, хотя месяц спустя у него было очень много таких пациентов. Летом, когда он отдыхал в «Бельвию» и в горах, практика Фрейда приостанавливалась. А до 8 октября в письмах нет никакого указания на теорию совращения. Только в тот день он сообщил Флису, что считает секс до пубертации «обязательной причиной» истерии.

Проводил ли он в то же время свои восемнадцать или девятнадцать анализов, долгие месяцы ничего не говоря об этом своему другу? И мог ли он одновременно достичь самых ранних воспоминаний в каждом из них? 16 октября, восемь дней спустя после первого сообщения, он объявляет, что «разгадал загадки» и два типа невроза, истерия и навязчивые неврозы, «в основном побеждены».

Возможно, Фрейд просто использовал некоторые обстоятельства жизни пациентов в своих целях – потерянное время, утраченную любовь, неприятные воспоминания своей вины. Он услышал достаточно, чтобы заинтересоваться самыми личными воспоминаниями – детским стыдом и удовольствием, которые большинство носит в себе, не полностью забывая и по-настоящему не помня. Такие воспоминания были и у самого Фрейда, как он вскоре признался. Возможно, он начал анализировать более ранние случаи, которыми занимался еще до того, как психоанализ получил свое название. Быть может, он делал ретроспективный анализ, обдумывая идеи до тех пор, пока не смог объединить их и представить результат в виде «научной теории». Не исключено, что к этим сточасовым случаям Фрейд отнес и старых пациенток вроде Фанни Мозер и Анны фон Либен. Он посвятил им достаточно много времени, и они могли поделиться с ним сексуальными воспоминаниями, о которых он ничего не писал. Неизвестно, что происходило за дымовой завесой Фрейда.

Многие годы после его смерти никто не ставил под сомнение его утверждения о том, как он создал свою теорию. Переписка с Флисом была недоступна, да и в любом случае с Фрейдом не спорили. Теперь есть реальные предположения, что Фрейд создал теорию совращения на основе творческих догадок. Возможно, именно так и создаются научные открытия, но Фрейд-то говорил совсем об ином. Он утверждал, что скрупулезно накапливал фактический материал. Такие сомнительные утверждения вредят самому психоанализу вне зависимости от того, верна теория совращения или нет.

Доказательства заключались в людских воспоминаниях. Это допускало любую неточность, потому что детские воспоминания отрывочны и их трудно проверить. Фрейд признал в своей апрельской лекции, что это сложно. «До применения анализа, – писал он, – пациенты ничего не помнят об этих [сексуальных] сценах». Аналитика приходится убеждать их. «Только сильнейшее принуждение со стороны врача может заставить их воспроизвести их».

Когда эти воспоминания поднимаются на поверхность, пациенты испытывают «сильные ощущения», которые вызывают у них чувство стыда, а впоследствии утверждают, что «как будто не вспоминали» Фрейд видел в этом доказательство истинности воспоминаний: зачем пациентам отрицать то, что они сами придумали? Другими словами, чем сильнее сопротивление, тем более прочно эти воспоминания заперты в бессознательном. «Позже позиция Фрейда немного изменилась. К 1900 году он уже говорил пациентам, что „самые ранние детские воспоминания“ „невозможно получить в первоизданном виде“. В 1918 году он стал говорить еще более уклончиво. „Эти детские сцены во время лечения не воспроизводятся в виде воспоминаний. Это продукты реконструкции“.»

Эта идея в более широком смысле стала основным оружием психоаналитиков, которое они использовали в качестве уничтожающего аргумента в споре с «неверующими»: ваши нападки на доктрину свидетельствуют об эмоциональном сопротивлении, и вам самим нужно подвергнуться психоанализу, после которого вы поймете, как вы заблуждались.

Что же касается предположения, что он сам закладывает эти мысли пациентам в головы, Фрейд отменил его в своей лекции как «безосновательное». Он защищал свою теорию (как в тот вечер, так и всегда) уже известным нам способом только те, кто использует психоанализ (а в 1896 году это был только сам Зигмунд Фрейд), достаточно компетентны, чтобы судить об этой «смутной области знаний». То есть вы поймете, если вы Фрейд. Но вы не можете ничего понять, если вы не Фрейд – или хотя бы не Флис.

Теория подразумевала авторитарный подход к пациентам: так видел работу аналитика сам Фрейд. Его ранние работы содержат множество тому свидетельств. Еще в «Этюдах по истерии» он заявляет, что нужно смело говорить пациентам, о чем они теперь должны думать, потому что «это не повредит». Воспоминания о преждевременном сексуальном опыте «нужно извлекать [из пациентов] по кусочкам». Сопротивление пациентов надо подавлять, «подчеркивая нерушимость наших убеждений».

Флис, из первых рук знавший обо всех этих подробностях, не публиковавшихся в статьях, видео, как работает деспотичный Фрейд. У него была кузина, фрейлейн Г. де Б., истеричка, отца которой Фрейд подозревал в соведении дочери. Она страдала от экземы вокруг рта. В связи с этим, а также по другим причинам Фрейд решил, что в детстве ее принуждали к фелляции.

Когда я предложил ей это объяснение, она не стала возражать, но потом она сделала ошибку, спросив самого отца, который при первых же намеках с негодованием вскричал «Ты что, хочешь сказать, что это был я?» – и поклялся в своей невиновности.

Теперь она яростно сопротивляется, утверждает, что верит ему, но начинает лгать и давать ложные клятвы, что объединяет ее с отцом. Я пригрозил, что отправлю ее назад. В процессе лечения я убедился, что она уже практически верит в это, хотя и отказывается признавать!

Этот рассказ начинался словами «Наbemus парам!» – «У нас есть Папа!». Радость Фрейда очевидна – он заполучил очередного совратителя.

Так и работал психоанализ. Если бы Фрейд был более откровенным с венскими невропатологами, он мог бы рассказать им про этот случай. Неприятные воспоминания Г. де Б. были не столько ее воспоминаниями, сколько толкованием событий Фрейдом. Он «предложил» ей объяснение, и она «не стала возражать». Она не сказала ему: «Я помню, как отец вошел в спальню и...» Фрейд основывался на уликах: одна – это экзема вокруг рта, нервный тик, выражающийся в сосательных движениях губ и затрудненность речи в детстве (как будто с «полным ртом»).

Возможно, Крафт-Эббинг пробормотал себе под нос: «Сказки!» Не исключено, что он даже поинтересовался, какая польза от того, что Фрейд настроил женщину против отца на основе в лучшем случае сомнительных доказательств. Но Фрейд не считал себя виноватым в том, что в интересах лечения восстанавливает таким образом детские воспоминания. Полных детских воспоминаний не бывает, и реконструкцию он считал единственным способом обнаружения столь важного факта совращения.

В «Покрывающих воспоминаниях» (1899) он предположил, что наши скудные воспоминания раннего детства – не то, чем они кажутся. Ничем не примечательные события как бы загораживают более серьезные, но неприемлемые воспоминания. Даже эти слова слишком ясны по сравнению со сложной идеей, которую пытался передать Фрейд. «И действительно, можно усомниться, – пишет он, – есть ли у нас воспоминания о детстве, или же мы владеем только воспоминаниями, относящимися к детству».

«В моей памяти сохранилось около тридцати различных событий, происходивших со мной до пяти лет, каждое из которых занимало не более получаса. Большая часть не представляет никакого интереса. Одно из них: мне в качестве шарады показывают тюремную камеру в пригородной тюрьме. Это делает полицейский, которому мой отец сообщил о несчастном случае на каком-то пустыре, в котором участвовали я и мальчик-рассылный на велосипеде. Что это был за несчастный случай, я не помню. Я вижу только каменный пол, деревянные нары, железные прутья, помню сладкий страх перед преступлением и наказанием. Может, это покрывающее воспоминание, за которым таится что-то неприятное? Читая Фрейда, пусть даже скептически, вы невольно встречаетесь со стрелами, направленными прямо в вас.»

От раздумий о людских воспоминаниях до создания тех, которые, согласно «толкованию», у них должны быть, не один шаг. Уверенность Фрейда в собственных силах поразительна.

Возможно, теория совращения вызывала у многих сомнения. Но тем не менее это было четкое заявление, которое можно было подтверждать или оспаривать. Подписываясь под ним, Фрейд наверняка знал, что рано или поздно другие обнаружат (или не обнаружат) те же доказательства, что есть у него. Любое отклонение от истины будет замечено. Поэтому (как предполагают) он верил в свою теорию. Но он все же сфабриковал доказательства, говоря о сотнях часов, проведенных с пациентами. Где еще он согрешил против истины? Предположительно, он был настолько убежден в том, что разгадал загадку невроза, что чувствовал себя вправе немного приукрасить данные, дабы убедить сомневающихся. Это интуитивное ощущение собственной правоты сопровождало его всю жизнь. Сильной стороной Фрейда было воображение, а не факты.

В частных беседах он вскоре стал выражаться менее уверенно, чем с психиатрами. В 1896 и 1897 году он грустно сообщает Флису о случаях истерии, еще не завершившихся удачным лечением. 9 октября 1896 года он уже пишет: «Я не очень доволен своими случаями». 17 декабря: «Пока не закончен ни один случай». 3 января: «Возможно, к [Пасхе] я закончу работу над одним случаем». 7 марта: «Я все еще не закончил ни одного случая и по-прежнему борюсь со сложностями лечения и понимания».

На Берггассе приходили невротики, ложились на кушетку, смотрели перед собой, выговаривались, рождали в мозгу Фрейда все новые сомнения. Сложности с теорией совращения были только частью его жизненных проблем. В октябре 1896 года умер его отец, вероятно, от рака, и это оказало на него большое влияние.

В течение некоторого времени, в конце 1896 года, его комментарии воспоминаний пациентов становятся жестче. Подробности, которые он сообщает Флису, становятся довольно неприличными, почти порнографическими. 6 декабря 1896 года он пишет: «Она извлекла из своего бессознательного воспоминание о сцене, которая произошла, когда ей было четыре года. Ее отец, охваченный сексуальным возбуждением, лизал ноги кормилицы». 17 декабря: «Поверишь ли ты, но нежелание [пациента] пить пиво и бриться объясняется воспоминанием, в котором няня сидит *rodice nudo* [с оголенными ягодицами] в неглубоком

тазу с пивом, чтобы ее лизали и так далее?» 3 января 1897 года рассказ идет о кухне Флиса и фелляции. 12 января он просит друга: «Ты не мог бы попытаться найти случай детских конвульсий, происхождение которых можно проследить до сексуального совращения, а точнее *licus* [лизания] или пальцев в анусе? Потому что недавно я обнаружил, что могу с полной уверенностью объяснить приступ пациента, напоминающий эпилепсию, тем, что няня так использовала с ним свой язык».

В свете его новых идей отцы стали основными совратителями своих детей. В то же время (24 января 1897 года) он сообщает, что «ранний период до полутора лет становится еще более значительным». 11 февраля он открыто пишет о своем собственном отце, смерть которого в прошлом октябре, возможно, позволила ему так изменить свое отношение. Фрейд пишет рваным слогом, ассоциации следуют одна за другой:

Истерический озноб = достают из теплой постели. Истерическая головная боль с ощущением давления на темени, висках и т. п. характерна для сцен, в которых голову держат неподвижно для совершения неких действий во рту. (Позже сопротивление фотографу, который хочет поместить голову в зажим.)

Имелся Ли в виду тот зажим, в котором удерживалась его собственная голова в студии фотографа, когда ему было восемь лет? В следующем предложении он как бы снимает с себя подозрения, говоря о своем брате и сестрах:

К несчастью, мой отец был одним из таких извращенцев и виновен в истерии моего брата (все его симптомы свидетельствуют об этом) и нескольких младших сестер «Оба эти абзаца после слов „теплой постели“ были исключены из первого издания переписки Фрейда с Флисом. Джонс вскользь упоминает об этом в своей биографии.»

Такие смелые заявления выходили за рамки тихой буржуазной семейной жизни. Коллеги Фрейда тоже едва ли могли понять его. Профессиональная изоляция – это то, о чем он станет писать впоследствии. В то же время это стремление к одиночеству было в его характере. Он видел в себе человека, которого судьба вынуждает идти по своему собственному пути. В марте 1896 года он выразил это более многословно в одном из писем к Флису: «Я... борюсь с враждебностью и живу в такой изоляции, что можно было бы подумать, будто я открыл величайшую истину». В апреле он пишет: «Из всех советов, данных тобою мне, я наиболее полно последовал тому, который касается моего одиночества». Сам Флис, не менее одинокий, считал, что они в этом одинаковы. В мае Фрейд все еще рассуждает о своем одиночестве, на этот раз обвиняя коллег: «Я так изолирован, как только могу быть. Меня все словно сговорились оставить, потому что вокруг меня образуется пустота».

Со смертью отца ощущение одиночества растет. «Каким-то из темных путей за порогом сознания, – пишет он Флису, – смерть старика на меня очень повлияла... Я чувствую себя совершенно выбитым из колеи».

Его исследования сексуальных проблем вызвали отчуждение и в семейном кругу. В феврале 1897 года он рассказывал Флису о своем интересе к появлению у маленьких детей чувства отвращения к экскрементам. Его шестому и последнему ребенку, Анне, в то время было четырнадцать месяцев. «Почему я не иду в детскую и не экспериментирую с Анной? Потому что я работаю по двенадцать с половиной часов в день и у меня на это нет времени, да и женщины не одобряют моих исследований».

В апреле он все еще размышлял над идеей, будто истерические фантазии могут появляться от того, что дети слышат в возрасте шести месяцев. Оскар Рие, врач его детей, настойчиво просил его отказаться от этой линии исследований. «Вероятно, – написал Фрейд, – ему это было поручено». Это снова были шокированные женщины.

Им не понравилось бы и письмо, которое он отправил Флису в мае 1897 года. Там

говорится: «недавно мне снилось, что я испытываю слишком страстные чувства к Матильде», его старшей дочери, которой в то время было девять. Сон, по словам Фрейда, был, «конечно», исполнением желания сделать «Pater [отца] источником невроза» и тем самым «положил конец моим непрекращающимся сомнениям». Но этого не произошло. Вопрос о том, кого следует винить в совращении детей, равно как и все остальные, оставался неразрешенным.

Флис давал ему пример того, как жить, не мучаясь сомнениями. Они время от времени встречались – где-нибудь в городе или в сельской местности. Двое бородатых мужчин гуляли по окрестностям: коренастый Фрейд в хорошо скроенном пальто, его более стройный друг в плаще, полный новых открытий о носах, сексуальности и золотых числах 28 и 23, которые управляют жизненными ритмами. Флис также сталкивался с враждебностью коллег. В конце 1896 года он рассказывал на лекции в Берлине о своих биоритмах и «двадцатитрехдневном периоде, о котором вы услышите сегодня впервые». Фрейд, прочитав опубликованный текст, воскликнул, что «за двадцать минут [он] открывает все тайны вселенной». Берлинская аудитория восприняла идеи Флиса с меньшим энтузиазмом. Замечания о важности времени рождения вызвали смех, и Флис потерял контроль над собой:

Я вижу, господа, что это предположение сомнительным образом стимулирует ваши мышцы, ответственные за смех. Но я могу сказать вам, что мы говорим о великом законе природы, и обещаю, что придет время, когда величие этого закона поразит вас как громом.

Суть системы Флиса заключалась в том, что важные изменения в деятельности организма, в том числе рождение и смерть, происходят по повторяющимся схемам, которые можно предугадать с помощью запутанных расчетов, основанных на двадцатитрех- и двадцативосьмидневном циклах. В 1979 году специалист по истории науки Фрэнк Дж. Саллоуэй писал, что теория Флиса отнюдь не была основана на упрощенной математике, иначе ее ошибочность была бы очевидна для Фрейда. Теории Флиса были сложны и построены на логических принципах. Однако его оценка клинических данных была искажена оптимизмом и чрезмерной уверенностью в себе, и он старался находить именно то, что искал. Периодичность во флисовском глобальном смысле оказалась химерой. Но хотя многие современники высмеивали его теорию, на некоторых она производила впечатление.

Фрейд, со своей стороны, полностью уверовал в теорию Флиса и тем самым практически принял то, что противоречило его собственным идеям, поскольку, согласно теории периодичности, существует ряд биологических правил, объясняющих поведение человека безо всякой психологии. Фрейд хотел, чтобы его собственные теории были применимы в обеих сферах – теле и разуме, – и надеялся, что можно совместить эти две области. Иногда Фрейд выражался так, словно он готов отказаться от своей точки зрения в пользу друга. Ему очень нравилась идея периодических законов, которым подчиняются все функции организма. «Возможно, с твоей помощью, – писал он в июне 1896 года, – я обрету твердую почву под ногами, перестану искать психологические объяснения и предпочту им физиологию».

В интерпретации Фрейда теория периодичности кажется любительской. Он анализировал события в семье, чтобы проверить, соответствуют ли они рассчитанным Флисом закономерностям. Обычно это легко удавалось – даже если этим новым событием было всего лишь появление нового зуба у Анны. На все существовали «критические» или «особые» дни. У даты смерти отца Фрейда тоже были связи со значимыми цифрами. Когда старший сын Фрейда Мартин написал стихотворение за день до того, как у него заболело горло, Фрейд счел это стихотворение проявлением «эйфории перед особым днем», то есть «особым» днем болезни. Месяц спустя мальчик написал еще одно стихотворение и лишился двух зубов. Фрейд записал и это, надеясь обнаружить какую-то закономерность. Жена Оскара Рие родила ребенка. «Говорят, – написал Фрейд Флису, – что ты заранее определил время рождения и пол ребенка» Так Флис-материалист был окутан мистическим ореолом. За профессиональным восхищением скрывались и личные чувства Фрейда. Ему нравилась мужская дружба, а Флис был его другом. Несомненно, Флису импонировало то, что его

теория встречает такой прием, но не появлялось ли у него чувства неловкости или даже снисходительного презрения по отношению к наивному интересу друга к его великой системе?

Фрейда все еще беспокоила дата собственной смерти. Это было связано не только с сердцем. Некоторые годы в будущем были «плохими». Он еще в 1894 году рассказал Флису, что умрет от сердечного приступа между сорока и пятьюдесятью годами, то есть между 1896 и 1906 годами. Когда сердце перестало его так сильно беспокоить, возрастом смерти стал пятьдесят один год (столько ему должно было исполниться в 1907 году). Фрейд писал Флису об «этом известном возрасте», который, что более вероятно, был придуман Фрейдом, а не рассчитан Флисом.

Такие мысли появлялись благодаря предрассудкам относительно чисел, существующих у евреев. Считается, что для мужчин-евреев пятьдесят второй день рождения имеет особое значение. Фрейд понимал (как он позже говорил Юнгу), что «мой мистицизм имеет явно еврейское происхождение», но для того, чтобы дать волю подобным предрассудкам, человек, гордившийся своим рациональным взглядом на жизнь, должен был страдать от определенного невроза.

В более позднем возрасте он все еще думал о дате смерти, например, на шестьдесят втором году жизни, то есть в 1917/1918 годах. Ему впервые пришло в голову, что этот возраст опасен, в 1899 году, и вместо пятьдесят второго дня рождения он стал бояться наступления шестьдесят второго. Причина, как однажды Фрейд объяснил Юнгу, была проста. В 1899 году ему дали новый телефонный номер – 14362. Фрейду показалось вполне вероятным, что цифра 62, стоявшая после 43, его возраста в то время, может означать конец его жизни. К тому же он считал 1899 год для себя особенно значимым потому, что завершил книгу «Толкование сновидений», которую считал важнейшей работой всей своей жизни.

Новые доказательства: когда он отдыхал со своим братом Александром в Греции в 1904 году, ему постоянно попадались на глаза числа 61 и 62, и это было «действительно странно». В гостинице он боялся самого худшего и почувствовал огромное облегчение, когда ему предложили номер на первом этаже: так низко номер 62 едва ли может быть. Но ему дали номер 31, то есть половину от 62, почти столь же неприятное число. Такая бессмыслица знакома любому человеку с навязчивыми невротическими состояниями, который во всех мелочах, подобно Фрейду, видит указание на собственную смерть.

В 1905 году его дочери Матильде вырезали аппендицит, но операция прошла неудачно, и она очень тяжело заболела. Фрейд, охваченный беспокойством, ходил по кабинету, и вдруг ему захотелось разбить маленькую мраморную фигурку Венеры на полке. Он бросил в нее тапок, сбил статуэтку на пол и разбил ее. Позже он назвал это актом жертвоприношения, призванным отогнать зло и сохранить жизнь дочери. Именно бессознательное помогло ему сделать такой точный бросок и не разбить ничего другого.

В 1897 году, полный неуверенности в себе и в своей работе, Фрейд приближался к критическому периоду своей жизни. Теория совращения все еще была в зачаточном состоянии. Он спешил ухватиться за любые доказательства реальности сексуального совращения детей. В результате психоанализа один пациент с «навязчивыми идеями» был убежден, что в детстве его совратила няня. Он поспешил в родной город, чтобы предъявить няне, уже старушке, обвинение, и получил «полное подтверждение». Фрейд некоторое время не виделся с этим пациентом и узнал об этом от некоей госпожи Ф., которой все рассказал профессор С. Тем не менее Фрейд использовал историю и переслал Флису. Если бы у Фрейда были лучшие доказательства, он бы, без сомнения, ими воспользовался.

Теория совращения имела массу ограничений. По Фрейду, чтобы вызвать невроз, совращение должно произойти в раннем детстве, у детей, которые еще не владеют

долговременной памятью, и психологическая травма оказывается у них в подсознании. Совращение более старших детей, обладающих такой же памятью, как взрослые, не считается, хотя более ранние события могут скрываться за более поздними воспоминаниями.

В апреле 1897 года на Берггассе пришла молодая женщина – одна из множества неизвестных пациентов, которые на миг возвращаются к нам из прошлого в письмах Фрейда. Она вызвала подозрения Фрейда тем, что сказала, будто ей «не хочется ранить других людей». Он поинтересовался, каких людей, затем поднял тему секса, и вскоре она начала говорить о том, как бывают виноваты даже самые благородные люди. Тут Фрейд внезапно произнес: «Что ж, давайте говорить начистоту. Мои анализы показывают, что виноваты обычно близкие родственники: отец или брат».

Она тут же во всем созналась и рассказала, что, когда ей было от восьми до двенадцати лет, отец регулярно брал ее к себе в постель и ласкал ее. Фрейд сказал ей, что «такие же и худшие вещи» наверняка должны были происходить с ней и в более раннем возрасте – то есть совращение, которое вполне подходило к его теории. Как он сообщил Флису, убедить в этом женщину было совсем просто.

С классификацией совратителей, как и с поиском доказательств теории, тоже возникали проблемы. В статьях 1896 года в качестве виновников фигурируют братья, няни и учителя, но не отцы. Он обвиняет отцов только в письмах Флису: если точнее, 6 декабря 1896 года в том письме, где «чрезвычайно развращенный отец» лижет ноги няни. К январю 1897 года отцы начинают появляться в письмах регулярно. Мисс Г. де Б. подозревают в фелляции, упоминается «отвратительный человек», ласкавший свою дочь, а в феврале речь идет уже о скелете в шкафу самих Фрейдов.

Отцы– совратители становятся для Фрейда стереотипным образом совратителей малолетних. Позднее, говоря о теории совращения, он будет иметь в виду именно их. Но в то время, когда образ отцов появился в письмах к Флису, теория совращения существовала уже год, а с пациентами он работал еще дольше. Как же получилось, что отцы-совратители так долго оставались вне его поля зрения? Никто не спрашивал Фрейда об этом – никто бы не осмелился.

Была ли здесь связь со смертью его отца? Якоб Фрейд умер в конце октября 1896 года, за шесть недель до первого письма об отцах-совратителях". В «хорошем сне» в ночь после похорон (позже Фрейд говорил, что до похорон), рассказанном Флису, Фрейд был в парикмахерской, куда обычно ходил каждый день подстригать бороду, и увидел там надпись: «Будьте добры, закрывайте глаза». Фрейд решил, будто это означало, что нужно исполнять свой долг по отношению к мертвым. Есть предположения, что это как-то связано с закрыванием глаз на инцест, совершенный его отцом. Обвиняя его, Фрейд как бы забывал об этом запрете. Может, именно смерть отца позволила ему рассказать обо всем Флису? Если так, то это объясняет и изменение его позиции в отношении отцов вообще он подозревал о виновности отцов и раньше, но не упоминал об этом, поскольку такие идеи были слишком тесно связаны с его собственной семьей.

Что привело его к подобным обвиняющим выводам, мы не знаем до сих пор. Может, одна из сестер обмолвилась о чем-то во время похорон или в эмоциональные часы после? У Фрейда было пять сестер. Старшая, Анна, которой в момент смерти отца было тридцать восемь лет, жила в Нью-Йорке со своим мужем Эли Бернейсом, братом Марты, преуспевающим бизнесменом. Скорее всего, на похоронах ее не было. Паула, тридцати двух лет, самая молодая, тоже была в Нью-Йорке. Там она за год до того вышла за другого эмигранта из Австрии, Валентина Винтерница, с которым Фрейд никогда не был знаком. Остальные три сестры, вероятно, были в это время в Вене или, по крайней мере, в Центральной Европе. Роза (тридцати шести лет) была в близких отношениях с Зигмундом. Она за пять месяцев до того вышла замуж за венского юриста Генриха Графа Митци (тридцати пяти лет) уже десять лет была замужем за дальним родственником, Моруцем Фрейдом, торговцем коврами из Румынии. Зигмунд писал Флису, что «все мы от нее далеки. Она всегда сама отдалялась от нас и была довольно странной», добавляя, что ее три дочери –

истерички, а муж, возможная причина этого, «полуазиат» и явно тоже извращенец.

И наконец, там была Дольфи (тридцати четырех лет), незамужняя. Эту сестру, «самую милую и самую лучшую», Фрейд любил больше остальных, как он однажды сказал Марте Наверняка она жила с родителями Дольфи ухаживала за Якобом до самой его смерти – незамужняя дочь, страдающая молча.

Кто из «нескольких младших сестер» подвергался преследованиям отца (если верить словам Фрейда) можно только догадываться. Предположительно, Дольфи была одной из них, а вместе с ней Паула, которая была на два года младше, и Митци, на год старше Фрейд не предоставлял Флису никаких доказательств. Возможно, никаких серьезных доказательств и не было. Фрейд стремился обнаружить любой намек на совращение детей в любой семье к поэтому навлек на себя эту трагедию постоянные мысли о ничем не доказанном и, возможно, никогда не существовавшем насилии или совращении внутри его собственной семьи.

Похоже, что Фрейд никогда даже не думает о том, что он мог подвергнуться совращению, как и сестры. И тем не менее отсутствие воспоминаний – еще не доказательство. Он уже утверждал, что воспоминания нуждаются в восстановлении. В конце концов он занялся своей собственной памятью. Весной или летом 1897 года он начал проводить самоанализ. Начался новый этап психологической драмы, в которую он превратил свою жизнь. Одним из мотивов, возможно, было желание избавиться от сомнений по поводу того, что Якоб сделал или не сделал. Единственный случай совращения в детстве, о котором он рассказал Флису, касался лишь служанки, но не Якоба.

И все же его собственные симптомы, встретясь они у его пациента, скажем, в 1896 году, вызвали бы в нем определенные подозрения. В письмах к Флису он употребляет такие слова, как «величайшие глубины моих собственных неврозов». Эрнест Джонс, преданный спутник Фрейда на протяжении тридцати лет, писал, что в 1890-е годы тот «страдал от серьезного психоневроза», добавляя, что Фрейд «позже, несомненно, поставил бы себе диагноз истерии тревожности».

В личном письме Джеймсу Стречи в 1951 году Джонс выражается более четко. (Стречи переводил работы Фрейда как раз в то же время, когда Джонс писал его биографию.) Странно, пишет Джонс, что Фрейд «считает, будто его отец совратил только его брата и нескольких младших сестер, и этим объясняет их истерию. В то же время он тогда сам страдал от сильной истерии. Все это очень интересно».

В конце концов Фрейд совершенно отказывается от теории совращения. Мрачные истории о совращении малолетних становятся частью подсознания его пациентов (или его самого), иконами воображения девочек, влюбленных в отцов, и мальчиков, влюбленных в матерей. Извращенные страсти в респектабельных домах были забыты. Отец фрейлейн Г. де Б. пострадал ни за что. Фрейда ввели в заблуждение – или он ввел себя в заблуждение сам. Эти рассказы об ужасных служанках или еще более ужасных отцах (или большая их часть – Фрейд оставил для себя лазейку ", столь трудолюбиво восстановленные или придуманные, были названы детскими фантазиями.

В течение следующих десяти лет Фрейд рассматривает детство именно в этом свете. Тайной детей является мастурбация. В детстве остаются удовольствия, а также страхи и ревность, которые человек проносит с собой через всю жизнь. Именно это, а не совращение малолетних составляет мир, который Фрейд позже отдает во владение психоанализа.

Начиная с весны 1897 года в письмах к Флису начинает проследиваться изменение его взглядов. 2 мая он говорит о приукрашивании фактов"; 7 июля – о том, что «мы сталкиваемся с фальсифицированными воспоминаниями и фантазиями»; 14 августа он был в горах с семьей, «мучимый серьезными сомнениями относительно своей теории неврозов». К 21 сентября, через день после того, как он вернулся в Вену с очередного отдыха, на этот раз в Северной Италии, борьба уже завершилась: «Я больше не верю в свою *neurotica*».

Разочарование было огромным. Он писал Флису, что рассчитывал на «полный успех».

Мечты о вечной славе были так прекрасны – как и о богатстве, полной независимости, путешествиях и избавлении детей от жестоких проблем, лишивших меня

детства... Теперь я могу по-прежнему жить тихо и скромно, в заботах и попытках запастись чем-то на черный день. Мне приходит на ум одна история из моего собрания еврейских рассказов: «Ребекка, снимай платье, ты уже не невеста». Несмотря на все это, я в прекрасном настроении и рад, что ты хочешь снова увидаться со мной, как и я с тобой.

Эти признания предельно откровенны. Три года спустя Фрейд сказал Флису, что он не ученый, а авантюрист. Значит, теория соvrращений была неудавшейся авантюрой.

В последние годы эта изменение взглядов обсуждается исследователями снова и снова. Фрейд приводит Флису много причин: среди них невозможность довести ни один анализ до настоящего вывода, широкая распространенность истерии (согласно теории, соvrращение малолетних приводит к их истерии лишь при наличии других способствующих этому факторов, а значит, соvrращение должно происходить в невероятных масштабах). Кроме того, во всех случаях нужно было обвинять в извращенности отца, в том числе моего собственного". Фрейд как будто сначала решил обвинить во всем отца, а потом пожалел об этом.

Разочарованный несостоявшейся теорией, потрясенный тем, какие последствия она имеет для его собственной семьи, Фрейд не знал, по какой дороге ему пойти, и начал тщательное исследование самого себя – «самоанализ», – от чего тоже немало пострадал. Многие исследователи предполагали, что Фрейд пережил «творческую болезнь», которая ослабила его, но сделала мудрее.

Теория, предложенная Фрейдом взамен этой, была либо серьезным открытием, либо умным ходом – в зависимости от того, с какой стороны смотреть на Фрейда. Мотивы Фрейда были очевидны: он хотел найти альтернативное объяснение сексуальности, которая вызывала брожение в мозгу и воспоминаниях его пациентов и, несомненно, в его собственном. Отделяя воспоминания от реальных событий, а точнее, предполагая, что реальные события в жизни ребенка – в частности, взаимоотношения с родителями – становятся объектом фантазий, он создает новую теорию на мрачных руинах соvrращения. Впоследствии она получит название «эдипова комплекса».

Фрейд приложил максимум усилий к созданию стройной теории. Он действительно хотел понять природу человека – не менее сильно, чем добиться славы. Его идеи о детских фантазиях и разочарование в теории соvrращения как бы дополнили друг друга. Его взгляды изменились не сразу. Еще год он иногда возвращался к старой теории, словно движимый ностальгическими чувствами. Он продолжал считать, как и большинство людей, что некоторые дети действительно подвергаются соvrращению.

Такая точка зрения (о том, что соvrращение малолетних не очень широко распространено) была нормальной в двадцатом веке, пока в восьмидесятых годах не началось движение по «восстановлению памяти». В США и в меньшей степени в Европе восстал призрак теории соvrращения Фрейда. Появилась новая жертва: человек (обычно женщина), который в детстве подвергался соvrращению (обычно со стороны отца) и подавил память об этом. Стали утверждать, что инцест происходит повсеместно, и находить этому подтверждения в судах.

Теория Фрейда стала основой, хотя самого Фрейда многие радикально настроенные люди объявили трусливым отступником, который закрыл глаза на истину. По их словам, он мог бы поднять вопрос плохого обращения с детьми в семьях еще в 1890-х годах, но не сделал этого, оставив дело своим потомкам в конце двадцатого века.

Несомненно, вначале Фрейд утверждал, что открыл массовое соvrращение малолетних. Но он использовал сомнительные средства, придумывал истории за пациентов, старался найти доказательства, которые принесли бы ему славу, пока наконец не был вынужден признать, что их не существует. Если бы ему удалось найти «научные» доказательства, можно предположить, что он не отказался бы от теории и продолжал бы развивать ее, несмотря на собственного отца. Однако после полутора лет попыток он потерял надежду. В письмах Флису заметно, как эта теория ускользает от него. Наконец Фрейд совершенно оставляет теорию соvrращения и заменяет ее эдиповым комплексом.

Восстановление детских воспоминаний (в том смысле, в котором это понимал Фрейд) совершается современными психотерапевтами с легкостью. Они постоянно слышат от своих клиентов подробные рассказы о насилии над детьми. Поскольку насилие и совращение действительно существует, терапевты не могут не искать его в мозгу своих пациентов – то же делал и Фрейд век назад, но по другим причинам и с другими результатами. Обвинители отцов считают «восстановленную память» реальной и значимой. В Америке эти проблемы начинают занимать большую часть практики психоаналитиков. Фредерик Круз, открыто выступающий против них, считает очень опасным «тот факт, что некоторые последователи Фрейда так легко склоняются к диагнозам, которые сам Фрейд считал абсурдом». В то же время другая сторона (здесь и семьи, страдающие от этих обвинений, духовные наследники Г. да Б. и ее отца) объявляет все эти догадки «происками дьявола» и называет подобные воспоминания «синдромом фальшивой памяти».

На лондонской конференции 1994 года, посвященной вопросу восстановленных воспоминаний, касающихся совращения малолетних, протестующие женщины периодически включали пожарную сирену, чтобы продемонстрировать свою враждебность. Они раздавали всем брошюры с критикой «синдрома фальшивой памяти», «термина, который изобрели мужчины, чтобы опровергнуть обвинения в свой адрес в совращении своих детей (обычно дочерей)». О Фрейде, «первом настоящем защитнике синдрома фальшивой памяти», говорят или ложь, или полуправду. "Он признавал, что девочки подвергаются сексуальным преследованиям в семье со стороны мужчин, но под давлением коллег и благодетелей [ложь] пересмотрел свою теорию совращения и стал утверждать, что девочки фантазируют о том, что их насилюют отцы, но что на самом деле этого не происходит [полуправда].

В сентябре 1897 года для Фрейда имел значение только мир бессознательного. Тема совратителей была лишь отклонением от цели. Еще за девять лет до этого он придумал эпиграф к своей будущей книге: «Flectere si nequeo superos Acheronta movebo», что означает: «Если я не могу подчинить себе высшие силы, я сдвину с места ад». Позднее Фрейд отрицал свое авторство, но похоже, что эта фраза принадлежит именно ему. Если он не мог воздействовать на мир в целом, он был готов обратиться к темным областям разума, души, психики. И он обратился к самому себе.

Глава 14. "Я" Фрейда

Процесс, который Фрейд назвал «самоанализом», начался в 1897 году и был описан в длинных письмах Флису. Изо дня в день Фрейд подробно рассказывал о своих воспоминаниях и снах, а впоследствии эти рассказы легли в основу книги «Толкование сновидений». Самоанализ не был простым открытием тайн «земного» Фрейда. Он продемонстрировал сложность психоанализа и произвольный характер выводов, к которым этот анализ приводит.

Первые намеки на самоанализ появляются весной и летом 1897 года. Как мы уже знаем, Фрейд в то время все больше сомневался в истинности своей теории совращения. До того как вместе со всей буржуазной Веной отправиться на отдых, он рассказал Флису о «невротическом моменте» с «сумеречными мыслями» и «прикрытыми сомнениями», который вызвал у него умственный ступор. «Никогда раньше я и не представлял себе такого интеллектуального паралича. Каждая строчка становится пыткой», – пишет он и добавляет: «Мне кажется, что я в каком-то коконе, и одному Богу известно, что за зверь выйдет из него на свет». Еще одно письмо, написанное вскоре после этого (7 июля), сообщает о «чем-то таящемся в самой глубине моего невроза», что «не дает мне продвигаться вперед в понимании неврозов».

Играла роль и потребность Фрейда понять свою сексуальную сущность. В мае он рассказал Флису о том, как ему снились «слишком теплые чувства» к своей девятилетней дочери. Он также сообщил ему об эротическом сне, в котором он поднимается по лестнице и видит женщину. Истоки этого сна находились в детстве, во Фрейбурге, а женщина была

няней по имени Рези. Согласно символизму сновидений Фрейда (который в то время еще не был разработан), лестница означала соитие.

Фрейд рассказывал этот сон в нескольких версиях. В варианте, представленном Флису, он был полуодет, за ним следовала какая-то женщина, а он оцепенел и не мог пошевелиться, но чувствовал лишь сексуальное возбуждение и никакой тревоги. Этот сон был вызван его мыслями в тот вечер, когда он поднимался наверх после работы. На нем не было воротничка и галстука, и он опасался, что в таком виде его могут увидеть на лестнице соседи. Фрейд решил, что за этим сном скрывается «экзгибиционистское желание».

В версии, рассказанной в книге «Толкование сновидений», он шел вверх по лестнице, а служанка спускалась ему навстречу. В опубликованном варианте о сексуальном возбуждении умалчивается. Служанка была старше Фрейда и непривлекательна, а лестница находилась вовсе не на Берггассе, а в каком-то доме, куда он ходил каждый день, чтобы делать уколы пожилой даме. Фрейд обычно прочищал горло и сплевывал прямо на лестницу, потому что там не было плевательницы. Консьержка громко жаловалась, убирая за ним; ворчала и служанка старушки, потому что его туфли оставляли грязь на коврах (Фрейд как будто изо всех сил старается представить себя невоспитанным человеком). Сон с лестницей, заключил Фрейд, связан с остальными, посвященными няне, и за ним стояла именно она, «доисторическая старая няня», напоминая ему о соблюдении чистоты.

В этой версии он не говорит о том, что самоанализ показал, будто эта няня имела сексуальную значимость для его детского "я". Он рассказал об этом Флису, но больше никому, так что опубликованная версия этого сна – лишь часть правды.

«Много лет спустя он рассказал об этом сне еще больше своей пациентке, принцессе Марии Бонапарт. Фрейд сказал, что за плевыми на лестнице крылось презрение к бедным людям, которые жили в этом здании. Поэтому он не плевал в свой носовой платок, „как воспитанный человек“. Ему не нравилась его работа, он стремился достичь большего, но был вынужден ходить в дома, где даже не было плевательницы.»

Теперь, когда Фрейд мог позволить себе более долгий отдых, на лето он уезжал из Вены. Практика не прекращалась, хотя была ограничена малым числом пациентов, которых он мог принять за неделю. Впрочем, они предположительно платили ему по пятнадцать флоринов в час; кроме того, иногда он давал консультации в других городах. В письмах к Флису он приводит свой годовой доход – сорок пять тысяч фунтов.

В середине июля 1897 года, все еще пребывая в сомнениях относительно теории соращения, он гуляет в окрестностях Зальцбурга вместе со свояченицей Минной, компания которой нравится ему все больше и больше. Потом Фрейд возвращается в Вену, чтобы позаботиться о памятнике на могиле отца, а после этого присоединяется к жене и детям в Аусзее, модном курортном и торговом городке, расположенном на высоте шестисот метров над уровнем моря, среди гор и озер Зальцкаммергута, в двухстах пятидесяти километрах от Вены. Бедекера свое время восхищали виды Аусзее, Фрейда – «чудесный лес» с папоротниками и грибами, где он мог бродить с детьми.

Летние грозы затопили железнодорожные пути и прервали на долгий период связь города с внешним миром. «Мрачные сомнения» о теории соращения не покидали Фрейда. Он надеялся, что Италия, куда он собирался после этого, его немного отвлечет. К концу августа он уже был с Мартой в Венеции.

В один «волшебный и прекрасный день» они стояли у окна своего номера и смотрели на голубой залив, куда должны были приплыть английские корабли. Марта, словно маленькая, восторженно закричала: «Смотри, английский корабль!» Воспоминание об этом стало частью его «вещного» сна год спустя.

В начале сентября – когда Марта никуда не смогла поехать из-за менструации, что Фрейд учел в своих планах, – он начал путешествие по Северной Италии с Александром и доктором Феликсом Гаттелом, нерадивым учеником, вероятно, посланным ему Флисом. Фрейд написал Флису, что ищет «напиток из воды Леты». Классическое прошлое Италии увлекало его. Фрейд всегда любил древности, и с годами его кабинет и приемная в Вене

стали походить на жилище археолога, полное античных средиземноморских статуэток из камня и металла. Эту беспорядочную коллекцию сравнивают с миром бессознательного. Психология для Фрейда была чем-то вроде археологии событий в прошлом человека.

Отношение Фрейда к Италии осложнялось римским неврозом, который, как он считал, произошел от его детского поклонения перед семитом-Ганнибалом, приблизившимся к Риму, но так и не вошедшим в него. Фрейду-еврею Рим как столица католицизма был не менее враждебен. Фрейд хотел пойти дальше, чем Ганнибал, и все-таки оказаться в Риме, но это было не так просто.

Это нежелание было совершенно реальным. Особенность Фрейда заключалась в его чувствительности к психологическим нюансам: атмосфере городов, течению времени, снам и внутренним голосам. За чинным фасадом скрывался внутренний мир, полный ярких фантазий. Поездка в Рим (город античных памятников древности, которыми он восхищался) стала метафорой для описания других «страстных желаний».

В сентябре 1897 года Фрейд отправился из Венеции на юг, в Сиену. Он проезжал мимо озера Трасимено, где Ганнибал когда-то непредусмотрительно остановил свою армию, и озера Болсена, что дальше к югу. Фрейд уже подошел к Риму на шестьдесят километров ближе, чем Ганнибал, но дальше поехать не отважился. «Наконец, – писал он в Толковании сновидений – увидев Тибр, я с грустью повернул назад, будучи всего в семидесяти пяти километрах от Рима». Он отправился вместо этого на север и остановился в Перудже и Флоренции, менее символических местах. Посещение Вечного города могло подождать до тех пор, пока ему не станет больше известно о самом себе.

Из Италии Фрейд сразу же поехал в Вену, и не прошло и суток, как он написал Флису о своем отказе от теории совращения. Римский невроз не лишил его способности сделать решительный шаг. Отказ от теории совращения означал начало более яркого периода самоанализа. К началу октября он погрузился в исследование своих снов, хотя рассказывал об этом только Флису. Няню он описывал другу как «некрасивую, старую, но умную женщину», которая была его «наставницей» в половых вопросах. Она не только рассказала ему о Боге и проклятии, но и привила высокое мнение о своих способностях, явившись «основоположницей» – чего, Фрейд не уточнил. Все это стало результатом анализа четырех ночей снов и ассоциаций. Фрейд утверждал, что если ему удастся справиться «со своей собственной истерией», за это он должен быть благодарен именно няне, потому что она «дала мне в таком юном возрасте умение жить и продолжать жить».

Фрейд ничего из этого не объяснил. Означая ли эпитет «старая» возраст женщины в восприятии ребенка? Была ли она его кормилицей? Что она делала в той комнате над кузницей, нам неизвестно, а возможно, было неизвестно и самому Фрейду. Возможно, она успокаивала плачущего мальчика, играя с его пенисом. Эти воспоминания не могли сохраниться в чистом виде, их нужно было восстанавливать.

Няня из сна «купала меня в красноватой воде, в которой она мылась до этого сама», рассказывал Фрейд Флису, имея в виду, что у женщины была менструация. Даже если это действительно так, едва ли в то время это могло быть сексуальным событием. Сон приснился Фрейду приблизительно во время очередной менструации Марты, происходившей всегда регулярно. Возможно, именно это стало причиной появления этого образа во сне. Фантазии порождали новые фантазии. Самоанализ в лучшем случае давал Фрейду неясные сведения о своей сексуальности в раннем детстве – или каждого маленького ребенка.

Он писал Флису, что еще до того, как ему исполнилось два с половиной года, в нем появились сексуальные чувства по отношению к матери, когда они ехали в поезде из Лейпцига в Вену и он увидел ее обнаженной. Точнее, он говорит это почти открытым текстом, описывая «путешествие... во время которого мы наверняка ночевали вместе и я, скорее всего, мог увидеть ее *nudam* (ты предполагал, что в аналогичном случае у твоего сына могут быть какие-то последствия, еще давно)». И снова это было не воспоминание, а предположение, догадка.

Фрейд видел сны и осмыслял их в свойственной для себя манере: а как еще он мог это

делать? Он открыл в себе ревность и недоброжелательность по отношению к Юлиусу, брату, который родился, когда Зигмунду было семнадцать месяцев, и умершему через год. Юлиус и Джон (племянник на цветочном лугу) «определили... все невротическое и все интенсивно эмоциональное в моих отношениях со всеми друзьями», рассказал он Флису. Фрейд писал о Джоне в «Толковании сновидений» более осторожно:

...Мои теплые дружеские привязанности и враждебность к современникам брали начало в моих детских отношениях с племянником, который был на год старше меня. Он верховодил надо мной, а я быстро научился защищаться. Мы были неразлучными друзьями и в то же время, по словам старших, иногда дрались... Все мои друзья в каком-то смысле оказываются реинкарнациями этого первого образа... Моя эмоциональная жизнь всегда требовала от меня, чтобы у меня был близкий друг и ненавистный враг. Я всегда мог обеспечивать себя и тем я другим, и часто оказывалось, что идеальная ситуация детства воспроизводится с такой точностью, что у меня оказывались и друг, и враг в одном лице.

Йозеф Брейер оказался «другом и врагом»; вскоре к нему присоединился Флис, а позже и другие.

Фрейда волновало не абстрактное открытие истины, а ее открытие в области своего собственного личного опыта. «Я живу только для внутренней работы, – объясняет он Флису, который слушал его вполуха, поглощенный своими теориями, имеющими более научный вид. – Здесь до истоков прослеживаются многие печальные тайны жизни. Многие случаи, вызывавшие гордость, демонстрируют свое низкое происхождение». Были дни, когда Фрейд «ничего не понимал в сне, фантазии», но бывали и такие, когда «вспышка молнии... освещает мне прошлое, позволяя подготовиться к настоящему».

Его рассказы о чудесах своего внутреннего мира перемежаются ошибочными идеями о «периодичности». Когда самоанализ на три дня остановился, Фрейд пришел в недоумение, пока не понял, что то же самое было двадцать восемь дней назад, «из чего следует сделать вывод, что дни, неблагоприятные для работы, соответствуют женскому циклу». Он завидовал Флису, числа которого «гармонично сочетаются друг с другом».

Его собственная работа никак не шла. Мы не знаем, как к нему приходили идеи – в постели, во время прогулок по Рингштрассе или поздно вечером за рабочим столом, когда он сидел у себя внизу в клубах сигарного дыма, освещенного газовым рожком. «Я должен подождать, пока во мне не шевельнется идея и я не почувствую ее. И поэтому я часто целые дни провожу в мечтаниях». Ему нравилось сочинять афоризмы:

Счастье – это запоздалое исполнение очень старого желания. Именно поэтому богатство так мало радует В детстве мы мечтаем не о деньгах

Или:

Бессмертие, возмездие – все, что находится за пределами реальности, – отражение на него психического внутреннего [мира]. Meschugge? [Сумасшедший?] Психо-мифология.

Теория продолжала развиваться. Отказ от идеи соращения убил ее, но на смену пришла новая теория, которая, возможно, и вызвала это «ритуальное убийство». Первые намеки об этом встречаются в письме Флису в мае 1897 года, за четыре месяца до того, как Фрейд официально отказался от теории соращения. Фрейд замечает, что желание смерти родителей связано с неврозом и сыновья как будто желают смерти отцов, а дочери – матерей. Уже после отказа от теории соращения, в октябре, Фрейд признает, что самоанализ не дал ему практически никакой принципиально новой информации – за исключением одного факта:

Я обнаружил, и у себя тоже, то, что я был влюблен в мать и ревновал ее к отцу, и теперь я считаю это общим событием для всех людей в раннем детстве. Если это так, можно понять, почему на людей производит такое сильное впечатление история о царе Эдипе. Эта греческая легенда основана на желании, знакомом каждому по своим собственным чувствам. Все когда-то в мечтах хотели быть подобными Эдипу, и каждый сжимается от ужаса, видя, как в этой легенде мечта становится реальностью.

Фрейд продолжает рассуждения, переходя на образ Гамлета, истерика, который не

может отомстить за отца, убив своего дядю («Так совесть делает из всех нас трусов»). Это нежелание Фрейд связывает со «смутными воспоминаниями о том, что он когда-то хотел совершить со своим собственным отцом то же самое из-за страсти к матери». Бессознательное Шекспира, предположил Фрейд, понимало бессознательное героя. «Совесть» Гамлета – не что иное, как скрытое чувство вины.

Фрейд рассказал обо всем этом в письме Флису 15 октября 1897 года. Три недели спустя он жалобно сообщает, что все еще ждет ответа. «Поскольку я еще не говорил об этом никому другому, представляя, как все будут озадачены, я бы хотел узнать твое мнение. В прошлом году ты отверг не одну мою идею, и не зря». Флис был авторитетом, а Фрейд – просителем.

Получила идея об Эдипе одобрение берлинского мудреца или нет, она так или иначе захватила воображение Фрейда. С самого начала в ней прослеживалась связь с детской сексуальностью. Вскоре Фрейд стал делиться с Флисом мыслями о детских фантазиях, которые ведут к мастурбации, «главном наркотики» человечества, замещаемом алкоголем, морфием или табаком. Когда фантазии, сопровождающие мастурбацию, подавляются, их скрытое присутствие в бессознательном порождает невроз.

Полная теория развития полового поведения еще не была разработана Фрейдом. Всеобъемлющее любопытство детей по отношению к запахам и экскрементам, а также своим гениталиям делает их (как уже приходило в голову Фрейду) похожими на маленьких животных, припавших носами к земле, живущих в примитивном мире, из которого нужно было вырасти – хотя и не всегда, – чтобы стать настоящими людьми на двух ногах.

Ребенок не может изменить свое биологическое наследие, но, когда дело доходит до взаимоотношений с родителями, в дело вступают фантазии. Первое публичное заявление Фрейда о теории Эдипа было довольно нерешительным и содержалось в одном абзаце «Толкования сновидений». Идея заключалась в том, что каждый ребенок влюблен в одного из родителей и ненавидит другого. В абзаце проводилась параллель с легендой об Эдипе, «трагедией судьбы». Хотя слова «эдипов комплекс» появились лишь в 1910 году, Фрейд с самого начала видел, что идея существования эротических и жестоких фантазий у ребенка помогает заполнить вакуум, оставшийся после теории соращения. Как говорят критики, что сложнее опровергнуть, чем теорию, основанную на фантазиях?

Фрейд узнавал факты о человеческой природе, в том числе о своей собственной, которые его беспокоили. В двух или трех письмах Флису зимой 1897-1898 годов заметно возмущение своими собственными наблюдениями. Рассуждения о мужчине, который насилует своего ребенка и занимается с женой анальным сексом, он заканчивает словами: «Довольно этих непристойностей». В следующем письме говорится о «решительном протаптывании тропы в дрекологии» – это слово он образует от немецкого «Dreck», что означает «грязь». Фрейд пишет «дрекологические» доклады, в одном из которых рассказывается о «бурных снах» как части его собственного самоанализа – их содержание не раскрывается. Эти упоминания о «дрекологии» до мессоновского издания переписки удалялись.

Следующим летом 1898 года, перед отдыхом, Фрейду якобы приснился сон о моче и кале. Это произошло сразу же после того, как он прочитал в Вене лекцию о связи между неврозом и половыми извращениями. Анализируя этот сон в «Толковании сновидений», он пишет: «Я очень хотел быть подальше от этого копания в человеческой грязи и поскорее присоединиться к детям на отдыхе и полюбоваться красотами Италии».

Фрейд понимал, чем рискует, когда демонстрировал, что занимается «грязью». Он гневно защищается от нападок в статье о сексе и неврозах, написанной в начале 1898 года. Статья начинается с резкой критики в адрес врачей-ханжей. К этому оскорблению Фрейд добавляет, что врачу, конечно, разумнее избегать половых вопросов, если ему кажется, что ему не хватает «серьезности и благоразумия», необходимых для бесед с невротиками, и если «он понимает, что откровения пациентов сексуального характера вызовут в нем не научный интерес, а похотливое наслаждение». Как обычно, Фрейд намекает, что сам выше всего

этого.

Это время было беспокойным для Фрейда, как и все десятилетие. Приближался зрелый возраст, а министерство образования не хотело давать ему звание профессора. Титул ординариуса, самое внушительное профессорское звание, давал заработок и возможность возглавлять кафедру. Еврей едва ли мог его получить, разве что в том случае, если он принимал христианство. Фрейд хотел получить звание экстраординариуса, неоплачиваемое и не столь почетное, но также полезное для репутации и практики. Человеку с такими странными идеями было полезно любое одобрение его заслуг.

Вкусы Фрейда были достаточно традиционными. Внешне он выглядел так же консервативно, как банкир, – в темном костюме (хотя позже он полюбил шотландский твид окраски «перец с солью»). Обстановка в квартире была (и оставалась все время, пока он жил в Вене) такой же, как у обычных буржуа, – перегруженной деталями, громоздкой, с кружевными скатертями на столах, шкафчиками с разными мелочами за стеклянными дверцами, темными узорчатыми обоями. На стенах висели фотографии и классические картины. Современное искусство декадентской Вены в такой квартире выглядело бы неуместно, и Фрейд не интересовался подобными вещами.

Впрочем, его теории были не менее революционны, чем эти картины, и так же смешны для его коллег, единственной группы людей, кроме пациентов, в которой он был известен. Фрейд не представлял собой ни движения, ни школы – он был один. Он знал (он писал об этом в «Толковании сновидений»), что его идеи «не могут не вызвать скептицизма и смеха, когда с ними сталкиваются впервые». Когда он говорил пациентам, что воспоминания о первом годе жизни могут оставить глубокий след в их эмоциональном мире, они смеялись над ним, предлагая попробовать вспомнить, что было до того, как они родились. Интересно, в ответ он кисло улыбался, жалея, что у него нет богатой жены, как у Флиса? Его кожа все еще была достаточно тонкой, чтобы его можно было уколоть. Ему нужно было достойное звание.

В 1897 году Фрейд начал прилагать усилия к тому, чтобы получить его. В январе он рассказал Флису о слухах, будто один невропатолог, моложе его на шесть лет, собирается получить экстраординариуса, и добавил, что это его «ничуть не трогает», хотя может ускорить его «окончательный разрыв» с университетом. Выдвижение кандидатуры производилось обычно комиссией профессоров и преподавателей медицины. Ее рекомендации в этой стране музыкальных комедий отсылались через Имперско-королевское правительство Нижней Австрии в Высшее Имперско-королевское министерство религии и образования, где и лежали на столах чиновников столько, сколько это было нужно министру.

В феврале Фрейд рассказал Флису о том, что ходил к одному из своих бывших профессоров, Нотнагелю, с экземпляром своей новой работы о церебральном параличе у детей (часть профессиональной деятельности он посвящал традиционной неврологии, и это была его первая крупная публикация в этой области). Нотнагель «неожиданно» сказал ему, что он и Крафт-Эбинг хотели бы, чтобы Фрейда предложили в профессора.

Нотнагель предупредил его, что министр едва ли даст согласие, но, очевидно, не объяснил, в силу каких причин: то ли потому, что Фрейд был евреем (хотя евреи часто получали звание экстраординариуса), то ли потому, что у него не было высокопоставленных покровителей, то ли потому, что его репутация была неустойчивой. Все рассказывали об антисемитизме в министерстве, но существовал и более широкомасштабный конфликт между университетами, склонявшимися к либерализму и стремившимися к академическим свободам, и чиновничьим механизмом Габсбургов. Вся система была основана на таинственном взаимодействии императора, суда и имперски настроенной бюрократии, и поэтому в венской политике и распределении должностей царил полная неопределенность.

Новый мэр Вены, разговорчивый Карл Люгер, который знал, как сыграть на антисемитизме чиновников и владельцев магазинов, той весной добился одобрения императором своих выборов после двух отказов. Либеральные евреи были этим встревожены, и Фрейд в том числе. Люгер был популистом, шутившим о том, что всех евреев нужно послать в море на корабле и затопить его. Гитлер перенял у него эту позицию (в то время, в 1897 году, он еще ходил в школу).

В мае комиссия решила предложить кандидатуру Фрейда на получение звания профессора. Документ был составлен Крафтом-Эбингом и с энтузиазмом описывал кандидата и его теории о неврозе, в то время как не прошло и года с тех пор, как Эбинг назвал лекцию об истерии и совращении сказкой. Мэссон утверждает, что ключевой абзац настолько положительный, что наверняка был написан самим Фрейдом. Крафт-Эбинг сделал от себя поправку, что кандидат, несмотря на свой небывалый талант, возможно, переоценивает важность своих открытий.

Бумаги были отправлены в Имперско-королевское правительство Нижней Австрии, где о кандидате навели соответствующие справки и спустя еще несколько месяцев «смирненно» передали прошение министерству. Чиновники неправильно записали количество детей и описали его социальное положение следующей фразой: «Он, очевидно, живет в очень благоприятных условиях, держит троих слуг и имеет практику, не слишком большую, но тем не менее прибыльную». Они добавили, что доктор Фрейд честен.

Министерство получило этот доклад и прошение о назначении, и для Фрейда началось долгое ожидание. Иногда он вел себя нарочито дерзко. Он рассказал Флису, что в январе 1898 года однажды днем он мечтал («от чего я еще не избавился»), что ставит министра образования на место: «Вы не можете меня испугать. Я знаю, что по-прежнему буду читать лекции в университете, когда вы уже перестанете быть министром». Временами он был полон надежд. В феврале до него дошел слух, что его сделают профессором на юбилей императора Франца Иосифа, в декабре (император восседал на троне с 1848 года). Фрейд утверждал, что не верит, и удовлетворялся «восхитительной мечтой» о своем повышении. Но это оказалось только мечтой. Министерство молчало и в тот год, и на следующий, и даже два года спустя.

К 1898 году Фрейд уже заканчивал книгу о сновидениях. С тех пор как он увидел знаменитый сон в «Бельвю», прошло три года, но он знал, что его тайна никем не может быть раскрыта. «Никто и не подозревает, что сон – не бессмыслица, а исполнение желаний», – писал он Флису. Это было не совсем верно. Некоторые современники Фрейда считали, что сон имеет некое значение – так, Крафт-Эбинг считал, что во сне может найти выражение скрытое сексуальное давление. Однако никто не думал о том, чтобы сделать сны основой теории. Бессознательное Фрейда принялось услужливо предоставлять ему сны для всех случаев, которые можно было использовать в книге. К февралю 1898 года он «погрузился в написание книги о снах». После «истерической пытки» (предположительно, имеется в виду фиаско с теорией совращения) для Фрейда это стало облегчением. Перед ним были «Только сны, сны».

На Пасху он с братом Александром снова посещает Италию, точнее северо-восточную часть страны, места возле Триеста и Адриатики. Они посетили римские развалины в Аквилее, «свалке» с музеем, по выражению Фрейда, и видели там статуи Приапа. Фрейд напомнил Флису довольно тяжеловесным стилем, что именно этот бог «символизировал вечную эрекцию, исполнение желаний, представлявшее противоположность психологической импотенции».

Братья посетили известняковую пещеру со сталактитами, но Фрейда больше заинтересовал экскурсовод, в пьяных похвалах пещеры которого он видел невротическое замещение эротических действий. Когда Александр спросил, как глубоко внутрь можно пройти, тот ответил: «Это как с девственницей – чем глубже проникаешь, тем приятнее». В другой пещере они оказались в одной компании с Карлом Люгером, «хозяином Вены».

Несколько недель спустя Фрейд видел во сне замок у моря. Он стоял у окна с его

хозяином и обсуждал какую-то войну. Неожиданно тот упал замертво. По синей воде моря, ставшего каналом, быстро проплывали корабли, и из их пушек поднимался коричневый дым. Его брат был с ним. Они вместе воскликнули: «Вот военный корабль!»

Этот сон произвел на Фрейда мрачное впечатление. Он состоял из воспоминаний о прошлогоднем отдыхе с Мартой в Венеции, о посещении Аквилеи (с каналом) с братом и об испано-американской войне. «Нойе фрайе прессе» от 10 мая сообщила об уничтожении испанского флота. Сон, казалось, ассоциировался с беззаботным отдыхом, но при более глубоком анализе обнаруживал страх Фрейда перед безвременной смертью и беспокойство о том, как будет жить его семья. Умерший владелец замка – это он сам, и «именно за воспоминанием о самых веселых днях во сне скрывались мрачайшие мысли о неизвестном и жутком будущем».

Похоже, Фрейд не мог нейтрально воспринимать ничего, что с ним происходило, даже прогулки или сон.

Часть летнего отдыха он провел в поездках с Мартой, часть – с Минной в прогулках по ледникам и отдыхе в шезлонгах. С Мартой он снова отправился на Адриатику и остановился в Рагузе (теперь Дубровник), городке на побережье Далматии, последнем оплоте Австрийской империи на юге. Этот городок с церквушкой и аллеями шелковичных деревьев был очень живописным.

У Марты, которая была далеко не так вынослива, как Минна, когда речь шла о путешествиях, снова началось расстройство желудка. В это время Фрейд в компании немецкого юриста, с которым познакомился на отдыхе, провел день в Боснии-Герцеговине, тогда входившей в состав Австрии. Они говорили о живописи, и Фрейд упомянул о фресках, изображавших конец света и Страшный суд, которые произвели на него большое впечатление год назад в Орвьето (в Италии). Он не мог вспомнить имя художника. Ему удалось сказать только «Боттичелли», но лишь через несколько дней кто-то смог подсказать ему правильный ответ: «Синьорелли».

Почему, спросил себя Фрейд, он вспомнил лишь часть слова, и подавил в себе остальное? Немногие стали бы задаваться этим вопросом. Но Фрейд разработал объяснение и представил Флису предварительную версию. Они с юристом говорили не только о живописи. «В разговоре, который вызвал воспоминания, явно вызвавшие это забывание, мы упоминали смерть и секс». Одна фраза, содержащая слово «синьор», заставила эту часть слова «Синьорелли» выпасть из его памяти. «Как заставить кого-то в это поверить?» – задал он вопрос, который оказался риторическим, потому что вскоре Фрейд написал об этом статью под названием «Психические механизмы забывания», вышедшую в свет в 1898 году.

В этой статье история обросла новыми деталями. Фрейд объяснял, что он с компаньоном обсуждал боснийский национальный характер с его «турецкими» (то есть мусульманскими) элементами. Какой-то коллега еще давно говорил о безропотном отношении боснийцев к смерти, приводя слова пациента «Господин, что тут еще говорить?» Фрейд пересказал это своему спутнику, но (как он писал) подавил в себе еще один рассказ коллеги о том, какую важность боснийские мужчины придают сексуальному удовольствию, а также слова его пациента: «Господин, вы должны знать, что если этого больше нет, жизнь теряет цену». Вскоре после этого он и забыл имя итальянского художника.

Объяснение Фрейда, как всегда, изобретательно. Оба рассказа о «сексе» и «смерти» были связаны словом «господин», с которого начинались обе цитаты. А господин – это «синьор». Подавление рассказа о сексе подавило и часть необходимого имени, так что ему осталось только «елли», к которому он смог добавить разве что «Боттич».

Тема, которую ум Фрейда подверг цензуре, была связана с мыслями, чрезвычайно его интересовавшими, но вызывавшими некое сопротивление. «То, что в то время меня действительно занимала тема смерти и сексуальности, я могу доказать многими способами, полученными при самоанализе, которые здесь не стоит приводить».

Фрейд редко говорил так открыто о своей сексуальности, а в будущем он делал это еще реже, разве что случайно. По поводу «смерти и сексуальности» нам остается лишь строить

догадки. Беспокоило ли его то, что его супружеские удовольствия подходят к концу? Или он в мыслях замещал Марту Минной, с которой у него были общие интеллектуальные интересы, и мечтал о половой близости с ней? Или же побережье Адриатики вызывало сексуальные ассоциации с тем юношеским летом в Триесте?

Все возможно в толковании по методу самого Фрейда. Турецкий плащ, который Фрейд носил во сне, увиденном им вскоре после возвращения в Вену из Далматии, как говорят, символизирует презерватив или что-то подобное – все это кажется маловероятным. Впрочем, возможности, которые Фрейд открыл для творческого анализа снов и повседневных разговоров, оказались бесконечными.

Человеческий мозг, по словам Фрейда, – странная среда. И он упорно работал над книгой о сновидениях в стремлении доказать это.

Глава 15. Книга о снах

Книга «Толкование сновидений» была посвящена исполнению желаний – по сути дела, Фрейд отчасти писал ее для исполнения своего собственного желания добиться признания. Сны, как заявил он, не просто бессмысленные версии того, что произошло вчера, а замаскированные события, произошедшие много лет назад, в раннем детстве. За ними скрываются примитивные желания, вызванные похотью и ненавистью, чем-то вроде первородного греха (Фрейд использовал другие термины), скрытого в бессознательном человека и преследовавшего его.

Почти все сны взрослых, по мнению Фрейда, посвящены сексу, а желания, вызывающие их, – эротические. Понять их сложно, и в этом состоит задача психоанализа. Идеи Фрейда о снах, однако, относились не только к невротикам, нуждающимся в лечении и анализе. Теория сновидений применима и к обычным людям. Книга «Толкование сновидений» была предназначена не только для профессионалов, но и для обычных образованных людей.

Почти вся книга была написана в 1899 году на основе более ранних черновиков. Она составила двести пятьдесят тысяч слов – самый крупный труд Фрейда. Практика Фрейда от этого страдала, и в какой-то момент, обеспокоенный тем, что ему придется жить на заработанные ранее деньги, он начал задумываться о том, не провести ли следующее лето в качестве врача в новой клинике для неврастеников в Кобленце, над «Бельвю». Для него работа там была бы унижительна, но в 1899 году самым важным Фрейд считал свою книгу.

Это было время, когда он стал употреблять спиртное, утверждая, что это нужно ему, пока он пишет. Его обычная точка зрения выражалась приблизительно так, как в этом письме от 1896 года: «Капля алкоголя делает меня совершенно глупым». Но в декабре 1898 года, усталый, измученный необходимым чтением литературы о сновидениях, он пишет Флису, что иногда ему нужно немного вина, «пусть даже это и не напиток из Леты», но он «стыдится того, что приобрел новый порок». В течение следующего года порок, если его можно считать таковым, прогрессировал и достиг пика в июле, когда Фрейд писал о своих сложностях с книгой и добавлял:

Я не могу прожить больше двух часов в день, не прибегнув к помощи друга марсалы [сорт вина]. «Он» внушает мне мысль, что все не так мрачно, как мне кажется, когда я трезв.

Какие «мрачные вещи» привили ему вкус к алкоголю? Написание книги было сложным с интеллектуальной точки зрения хотя бы потому, что теперь он писал очень быстро. С другой стороны, Фрейд писал легко, и его колебания пропадали, как только он подносил перо к бумаге. Его настроение и здоровье, возможно, иногда зависели от работы – может, и сам предмет лишал его уверенности и вызывал потребность в утешении? В молодости он поддерживал себя кокаином (к которому иногда прибегал и в середине 1890-х). Зачем же сейчас ему нужна была помощь?

Почти все, что он написал летом 1899 года, было сделано в сельском доме в Баварии, у

самой австрийской границы. Поодаль находилась живописная деревушка под названием Берхтесгаден. Путешествий в Италию больше не было, разве что семья долго пробыла в этом сельском доме, в то время как Фрейд в основном оставался один в комнате на первом этаже с видом на горы, или снаружи, в беседке. Некоторые античные статуэтки переехали туда вместе с ним в качестве пресс-папье: «Мои старые и грязные боги, – писал он лишенному романтизма Флису, – о которых ты столь низкого мнения».

Он писал последние главы и отсылал рукопись для распечатки с деревенской почты, где одновременно получал уже готовое начало и тут же отправлял Флису, комментариев которого ждал с нетерпением. «Каждая попытка написать книгу лучше, чем она получается, делает ее вымученной, – пишет Фрейд. – Так что в книге будет 2467 ошибок, и я их оставлю». (Позже он определил бессознательные причины, заставившие его выбрать именно это число 24 – потому, что ему было двадцать четыре года, когда он встретил генерала, об уходе которого на пенсию он прочитал в 1899 году, как раз перед тем, как писать то письмо Флису, 67 – потому, что в то время Фрейду было сорок три, а сорок три плюс двадцать четыре равняется шестидесяти семи, что означало, что он не прекратит работу до этого возраста и перед ним еще двадцать четыре продуктивных года – все это прекрасный образец нумерологического суеверия).

Вторую неделю сентября он провел там же. Последняя глава – теоретический обзор – была наконец закончена. В тех же местах были Брейеры, и «мы не можем не встречаться ежедневно, причем дамы с обеих сторон демонстрируют огромную нежность друг к другу. Еще одна причина жалеть, что я не где-нибудь в другом месте». Уже наступила осень, и в предгорьях лежал снег. Пора было возвращаться в Вену, чтобы прожить еще один год этой странной жизни".

В тот день, когда Фрейд прибыл домой, его ждал еще один почтовый пакет с отпечатанной частью рукописи. Он пишет Флису о «вычурных фразах» с «обилием уклончивых заявлений и опасливых идей», которые говорят о «недостаточном владении материалом». Теперь, когда работа была завершена, не шло и речи о «друге марсале», но Фрейд по-прежнему относился к этой работе с неловкостью.

Фрейд сделал себя центром книги, потому что его собственный опыт должен был доказывать теорию. Он никогда не забывал упомянуть о своей собственной жизни, а в этом случае мог продемонстрировать пользу психоанализа для познания самого себя. Книгу часто отмечают за смелые автобиографические строки. Фрейд действительно выражался более открыто, чем большинство людей. Но и тому, чем он мог поделиться с читателями, был предел.

Проблемой, как он объясняет в книге, было написать о снах «нормальных» людей. Если он использует сны пациентов, то должен ограничиваться невротиками и исследовать только их случаи. Его друзья рассказывали ему свои сны, но без сопровождения анализа это были всего лишь рассказы. Ему оставались лишь его собственные сны, которые предлагали «обширный и подходящий материал, полученный от приблизительно нормального человека». (Фрейд выражался осторожно. Насколько невротичным может быть человек, в то же время оставаясь нормальным?) Решив использовать свои сны, он вынужден был преодолеть свое нежелание открыть «так много интимных подробностей о своей психической жизни». Предел, которым он себя ограничивает, приводится в примечании:

Я должен добавить... что в очень немногих случаях я даю полную интерпретацию своих снов, насколько мне это известно. Я, вероятно, имею основания не слишком полагаться на скромность читателей.

В другом месте книги он пишет о неизбежных «искажениях» в толковании сна. Как мы знаем, в его анализах есть пробелы – взять тот же сон об инъекции Ирме или прогулке по лестнице полуодетым, когда сексуальные импликации игнорируются. Если у кого-то возникало желание осудить такую сдержанность, Фрейд резко отвечал на это: «Я бы посоветовал ему попробовать быть более открытым, чем я». Когда много лет спустя Юнг высказал свое неодобрение этой сдержанности, Фрейд оправдался тем, что сказал: «Я просто

не могу демонстрировать большей наготы перед читателем».

Что именно Фрейд оставил за пределами книги, остается загадкой для современных исследователей. Его нежелание дать полный анализ снов создало аномалию внутри самой книги. Возможно, именно это было проблемой, заставлявшей его пить во время написания книги. Дилемма раскрытия личных тайн заметна в переписке с Флисом. В июне 1898 года Фрейд расстраивается по поводу сна (возможно, с участием Марты), который, по утверждению Флиса, нельзя было публиковать. Фрейд с сожалением отказался от этого сна со словами: «Как ты знаешь, красивый сон и отсутствие пристойности не всегда совпадают». В следующем мае, когда работа над книгой была в полном разгаре, он сообщал Флису, что решил не использовать «прикрытый»; и в то же время, как он пишет, он не мог отказаться ни от какого материала. Он не видел выхода.

К этому времени книга всецело поглотила его. «Ни одна работа не была настолько моей, – пишет он, – моей кучей компоста, моим сажением». Но несмотря на то, что он утверждал, будто освободился от традиций, Фрейд был вынужден идти на уступки. Флис играл роль цензора. Посылая ему в августе 1899 года просмотренную и отпечатанную рукопись из Берхтесгадена, Фрейд писал: «Я вставил много новых снов, которые, я надеюсь, ты не вычеркнешь». Они были «просто humana и humaniora [о людях и их заботах], ничего действительно интимного, то есть личного и сексуального». Настоящим цензором для Фрейда был он сам.

Необходимость «подчистки» книги, вероятно, заставила его написать статью «Покрывающие воспоминания», представляющую собой скрытую автобиографию. Он написал ее за неделю до Троицы в 1899 году – незадолго до того, как он рассказал Флису о дилемме, связанной с «прикрытиями» в «Толковании Сновидений». Статья появилась в одном медицинском журнале в сентябре, за два месяца до выхода книги. Когда Фрейд стал более известен, он попытался, правда безуспешно, сделать ее недоступной читателю. Сама его несдержанность в написании этой статьи говорит о том, как сильно было желание избавиться от груза известной дилеммы.

«Покрывающие воспоминания» – это та самая история о детях на цветочном лугу, которая в 1947 году была признана отражением событий детства самого Фрейда. Нет письма Флису, в котором Фрейд поверял бы ему этот секрет. Суть статьи в диалоге между Фрейдом и анонимным пациентом, лечащимся от «небольшой фобии», то есть им самим. Нам не сообщается, взяты ли воспоминания о детстве из снов пациента, но вероятно, что это именно так. Личные фантазии, связанные со сном, делали материал слишком опасным для того, чтобы использовать его в книге. В «Толковании сновидений» Фрейд не умалчивает о своих недостатках, но половая сфера оставалась закрытой, поэтому эти вопросы отразились в «Покрывающих воспоминаниях».

Первые экземпляры книги о сновидениях появились еще до конца октября, в то время как за месяц до того Фрейд еще редактировал ее. Дата публикации – 4 ноября 1899 года, хотя на титульном листе стоит 1900 год. Издатель, Дойтике, опубликовал шестьсот экземпляров и за первый месяц продал немногим более ста. Второй сын Фрейда, Оливер, которому в то время было восемь лет, тем ноябрем проходил мимо книжного магазина Дойтике. В окне была выставлена книга, и Фрейд сказал «Вот та книга, которую я заканчивал летом». Это отпечаталось в памяти мальчика, как и хотел его отец.

В книге предмет освещается довольно широко, Фрейд постоянно использует контрасты, переходя от врачебных историй к философским размышлениям, от признаний к художественным отступлениям. Теперь никто таких книг не пишет, и очень немногие читают, разве что из любопытства. Это как удивительный музейный экспонат, спрятанный за толстым стеклом, открытый на странице, известной образованному туристу (только таких Фрейд признавал), сон об Ирме или то место, где Фрейд впервые говорит о царе Эдипе и власти судьбы: «Судьба всех нас, наверное, в том, чтобы направить наши первые сексуальные импульсы на мать, а первую ненависть и пожелание смерти – на отца». (Он имел в виду «всех нас, мужчин», потому что, согласно его теории, девочки тянутся к отцам и

хотят убить матерей, хотя в 1900-е годы значение имели только мальчики).

Книга начинается с обзора научной литературы, а затем автор переходит к методам толкования снов, где тут же делает упреждающий удар в адрес традиционных идей «философов и психиатров», которые считают сны не заслуживающими внимания помрачениями ума. Обывательское представление о снах, «созданное неким смутным ощущением», предполагает, что каждый сон, напротив, обладает значением, хотя оно может быть скрыто. Фрейд соглашается:

Здесь перед нами снова встает один из не таких уж редких случаев, в которых древнее и живучее представление является более близким к истине, чем мнение, преобладающее в современной науке. Я должен заявить, что сны действительно имеют значение и их можно истолковать с помощью научной процедуры.

Это заявление задает тон всей остальной книге. Решив во что бы то ни стало доказать, что психоанализ как метод достаточно научен и заслуживает уважения, Фрейд придает своей системе толкования снов научность. Но с годами детали его метода, сложные и разнообразные, потеряли большую часть своего значения. Осталось лишь то, что менее поддается точному определению: идея Фрейда о том, что в снах мы связываемся сами с собой, что они основаны на нашей реальной жизни и воспоминаниях. В этом заключается основная мысль «Толкования сновидений».

Фрейд описывает в книге метод «свободных ассоциаций», направленный на стимулирование «критического самонаблюдения», которое происходит легче, если пациент лежит в «расслабленном состоянии» – отсюда и кушетка. Принцип исполнения желания, как показывает Фрейд, это не простые мечты о том, что будет утолена какая-то физическая потребность – как, например, приснившийся стакан воды, после чего человек просыпается и обнаруживает, что хочет пить. Фрейд допускает, что «скрытое значение», объясняющее сон, «в каждом конкретном случае нужно подтверждать заново». Другими словами, общего доказательства его положений не может быть.

У интерпретатора, согласно Фрейду, много задач. «Внешнее» содержание сна – то, чему он как будто посвящен, зачастую события предшествующего дня, – нужно отличать от «латентного», истинного значения, берущего начало в желании, которое видевший сон человек может осознать только с помощью психоанализа. Акт сна заключается в «деятельности сновидения», выполняемой видящим сон. Люди превращают «скрытое» и опасное в «явное» и относительно безвредное, то, что они вспоминают при пробуждении. Такая бессознательная цензура исключает неприемлемые желания, которые обеспокоили бы видевшего сон и пробудили бы его, если бы не были изменены. Сновидения – хранители сна, цель которых – продолжить это состояние. «Мы видим сны, – пишет Фрейд Флису, – чтобы не приходилось просыпаться».

Фрейд видел в себе и во всех остальных непреклонное «другое я», скрытое в глубине, ребенка с неусмирёнными желаниями, который стремится, пока мы спим, выйти на свободу. Сладострастные желания к одному из родителей и желание смерти второго тоже таятся там; есть там и яростная ревность к братьям и сестрам. Даже сны о собственной наготе имеют связь с детством, с тем временем, когда ребенку еще неизвестно чувство стыда – другими словами, с раем, который во сне можно посещать каждую ночь. «Рай, – пишет Фрейд, всегда стремившийся расширить область применения своих теорий, – это не более чем групповая фантазия о детстве отдельного человека».

В качестве иллюстраций, облегчающих восприятие материала, служили разные истории. Жена мясника, влюбленная в своего мужа, рассказала Фрейду, что во сне видела, будто она не может пригласить людей на ужин. Какое же желание может исполнять этот сон? Она любила гостей, а также любила свою кухню. В процессе анализа Фрейд обнаружил скрытые мысли, касающиеся одной ее знакомой, художавой женщины, которая была с мясником в хороших отношениях, что вызывало ревность жены. Она утешала себя тем, что ее муж любит полных женщин, и это все объясняло: желанием жены мясника было не созывать гостей на ужин, потому что от этого ее художавая подруга могла прибавить в весе.

Еще одна пациентка («самая умная из всех»), узнав, что в снах исполняются желания, увидела во сне отдых в деревне со своей свекровью. Как Фрейду уже было известно, она терпеть не могла свекровь. Но он ничуть не смутился, когда она хитро отметила, что сон отнюдь не исполнял ее желания, совсем наоборот. Фрейд знал, что у его пациентки есть другие причины сомневаться в его правоте. Сон всего лишь подтверждал ее подозрения, таким образом являясь исполнением желания доказать, что он неправ.

В более поздних переизданиях книги Фрейд разработал идею противоречивого желания", чтобы включить в исследование мазохистов, которые чувствовали потребность вызвать в себе мысленные страдания. Каким бы неприятным ни был сон, его можно было считать исполнением желаний, если он удовлетворяет мазохистским склонностям человека. Это похоже на обман. Сообразительный толкователь всегда может приспособить сны к теории, выбирая нужное ему среди свободных ассоциаций. Такая изобретательность в методах, возможно, являющаяся частью стремления Фрейда придать своей работе большее наукообразие, сегодня уже не в моде. Современные аналитики скорее сказали бы, что цель поиска свободных ассоциаций со снами – помочь пациентам сосредоточиться на мыслях о самих себе.

Символизм снов, который обычно считают важнейшей частью психоанализа, в издании 1900 года практически не упоминается. Фрейд дополнил этой идеей книгу лишь десять лет спустя, после того как его коллега Вильгельм Штекель разработал эту идею. Найти пенис во сне было не так уж сложно. Соответствующий ярлык тут же получили палки, ножи, зонты, а также более неожиданные предметы: молотки, женские шляпки, скобы в лапках («возможно, потому, что стопку бумаги двигали по ним вверх-вниз»), галстуки, воздушные корабли и змеи. Сигары почему-то в этот список не попали.

Комнаты оказались женщинами, а шкаф – женской утробой. Пейзажи, особенно с лесом или мостом, тоже могли представлять собой гениталии. Спуск или восхождение по лестнице означали половой акт («последовательность ритмичных движений», как объяснял Фрейд, «с увеличивающейся одышкой»). Лысение и выпадение зубов, с другой стороны, были очевидными символами кастрации. Возможно, сначала Фрейд не говорил о символах, поскольку его бессознательное предостерегало о том, что подобный универсальный ключ к разгадке тайн сна напоминает сонник и легко может быть осмеян.

Книга тем не менее во многом автобиографична. Почти все сны самого Фрейда, использованные в ней, относятся к годам, когда он либо планировал написание книги, либо уже писал ее. Если не считать вопросов секса, они не вызывали у него смущения – или же он удачно скрывал свои чувства. Сны были экспериментальным материалом, его жизнь – лабораторией. Он не выражал это такими же словами, но в нем чувствуется несомненное удовлетворение по поводу того, что он, вопреки традиционным представлениям, может читать в душах людей и самого себя.

Ему снилось, что он препарирует свои ноги и таз. Этот сон был посвящен самоанализу. Ему снилось, что умерли его коллеги, но он остается в живых, как он саркастически говорит, единственный негодяй среди толпы благородных современников". Ему снился Рим, потому что он со временем стал означать неисполненные желания. В снах появлялся Джон Фрейд и их враждебно-дружеские отношения. Не забыл он и про дядю Иосифа-фальшивомонетчика и про своих родителей.

Одной летней ночью 1898 года, путешествуя на поезде из Вены в Аусзее, где его уже ждала семья, он видел во сне своего отца. В вагоне не было коридора, и он не мог воспользоваться туалетом. Сон заканчивался тем, что Фрейд отдает стеклянную утку какому-то слепцу на станции. В это время он проснулся и почувствовал желание помочиться. Этим слепым человеком был его отец. Фрейд как будто мстил себе за случай, произошедший, когда ему было семь лет:

Однажды вечером, перед тем как отправиться спать, я проигнорировал правила, установленные скромностью, и подчинился зову природы в спальне родителей, в то время как они там присутствовали. Мой отец упрекнул меня, сказав «Из этого мальчика ничего не

выйдет». Должно быть, это нанесло жестокий удар по моему честолюбию, потому что эта сцена тем или иным образом постоянно появляется в моих снах и связывается с перечислением моих достижений и успехов, как будто я хочу сказать: «Вот видишь, из меня все-таки кое-что вышло».

Эта сцена, согласно анализу Фрейда, скрывалась за последним эпизодом сна, в котором – мечь, конечно – роли менялись. Старик теперь мочился передо мной, совсем так, как я когда-то делал в детстве. Более того, я смеялся над ним, мне пришлось дать ему утку, потому что он был слеп, и я упивался тем, как это тесно связано с моими открытиями в области теории истерии, которыми я так горжусь.

Фрейд спросил себя, какую же тайну скрывал этот сон. И ответил: это просто «абсурдная мания величия, которая давно была подавлена в моей реальной жизни». Так что это был сон о хвастовстве. В нем присутствовали и другие мотивы, но Фрейд не мог рассматривать их «в связи с цензурой».

Когда ему приснились три женщины на кухне, анализ привел его в лабиринт ассоциаций, среди которых оказалось и детское воспоминание о том, как мать показывает ему отшелушившуюся кожу с руки как свидетельство смертности человека. Свободные ассоциации Фрейда привели его к пище, безумию, голоду и кокаину, но «здесь я должен воздержаться от продолжения, потому что для этого потребовались бы слишком большие личные жертвы».

В последней главе Фрейд представляет «психологию процессов сна», которая, по сути дела, является его определением механизмов работы мозга. Сон напоминает невротический симптом. И тот и другой возникают под действием бессознательного желания, появившегося в раннем детстве и все время подавлявшегося. Идеи, которые он обсуждал с Флисом за пять лет до того – о разуме человека как о механизме, который использует энергию, путешествующую по мозгу, – все еще оказывают на него влияние, но теперь Фрейд видит в желаниях горячее для этого процесса – фактически, для жизни. «Удовольствие» борется с «неудовольствием». Сила, которая приводит в действие машину разума, – это желание и только желание, вызывающее напряжение, которое мозг стремится снять, чтобы высвободить излишки энергии и вернуться в уравновешенное и спокойное состояние.

Все это было изложено образным, почти художественным языком, хотя и было представлено как научное положение. Фрейд создал теоретическую основу, которую впоследствии изменял, но от которой уже не отказывался. «Первичным процессом», скрывающимся где-то на заднем плане, стало бессознательное. «Вторичный процесс» – это наше сознательное мышление, которое осознает реальность и необходимость в регулировании поведения, в отличие от жадного бессознательного, которое не хочет ограничивать себя ни в чем. Противоречие между желаемым и действительным делает нашу психическую жизнь именно такой, какая она есть. Фрейд и в последние дни жизни все еще пытался объяснить сложности этого взаимоотношения.

Отзывы, полученные на книгу, разочаровали его. Были положительные оценки, но ему, возможно, казалось, как считают многие исследователи, что он вложил в книгу всю свою душу и заслуживает большего признания. Для современников он был всего лишь очередным невропатологом, написавшим книгу.

Месяц спустя после публикации он все еще ждал отзывов на книгу. Он был рад сообщению Флиса о том, что в Берлине его читают не меньше десяти людей, уверенный, что и в Вене тоже найдутся читатели. «Время последователей еще не пришло, – добавляет Фрейд. – Слишком много нового и невероятного и слишком мало строгих доказательств». Это значит, он уже рассчитывал на появление учеников. Вскоре после этого он прочитал рецензию в журнале «Настоящее время». Статья была, на его вкус, слишком невыразительной, но ему понравились слова «его новаторская работа».

Зима в том декабре была суровой. По вечерам Фрейд сидел внизу в кабинете, «клетушке», где от холода с трудом мог писать. В честь Нового года (и нового века) он послал Вильгельму малопонятное стихотворение, посвященное рождению второго сына

Флиса. В этом стихотворении счастливый отец превозносится за использование своих теорий биоритмов для контроля рождаемости и сдерживания «силы женского пола». Быть может, Фрейд сидел в то время в своей «клетушке» с бутылкой рождественской марсалы и размышлял об остатках своей половой жизни и о том, как все могло быть иначе, если бы не эти беременности, ставшие настоящим бедствием.

8 января 1900 года Фрейд снова пишет в Берлин:

Новый век, самое интересное в котором для нас, может быть, то, что именно в нем мы умрем, не принес мне ничего, кроме глупой рецензии в «Цайт» [популярной ежедневной газете Вены] Буркхарда, бывшего директора городского театра. Рецензия отнюдь не лестная, на редкость лишенная понимания и – что самое худшее – будет продолжена в следующем номере.

Фрейд добавил, что не рассчитывает на признание, «по крайней мере, не при жизни», подчеркивая, что ему приходится «обсуждать малоизученные вопросы с людьми, которых я опередил на десять-пятнадцать лет и которые меня не догонят».

Более по вкусу пришлась Фрейду рецензия, появившаяся в том месяце в берлинском еженедельнике «Народ» под авторством непрофессионала, Дж. Дж. Давида. Давид был знаком с Фрейдом, который однажды назвал его «несчастливым человеком и сравнительно неплохим поэтом». В этой рецензии автор и не пытался дать «научную» оценку книге. Внимание Давида привлек таинственный подтекст книги, «тайные голоса в груди», то, как история Эдипа, «одно из величайших творений поэзии всех времен», берет начало в «темных тенях ранней сексуальности между родителями и детьми, по мнению Фрейда». Фрейд нашел эту рецензию «доброжелательной и проникательной», хоть и немного многословной". Давид стал первым из многочисленных поэтов, увидевших во Фрейде больше, чем ученые.

Одним из первых приверженцев теории стал и Артур Шницлер. Похоже, он взялся читать книгу для удовольствия, а не с целью написать рецензию, и отметил это в своем дневнике в марте. Благодаря книге, как написал он, его сны стали «точнее» и в них часто стал появляться сам Фрейд.

Врачи тоже отреагировали на книгу, хотя иногда цитировали ее лишь с целью критики. Венский профессор, доктор Райман, рассказал студентам, что «один коллега» пользуется свойством больных выкладывать свою душу и зарабатывает на этом деньги. Но медики-рецензенты, по крайней мере в Германии, если не в Австрии, отнеслись к Фрейду серьезно, используя для описания книги слова, обычно выражающие сдержанную похвалу: «изобретательно», «правдоподобно», «вызывает интерес». Как правило, они не подходили серьезно к упоминанию Фрейда об эдиповом отношении детей к родителям и о начале половой жизни в детстве. Фрейд сам не особенно хорошо владел этой темой. В «Толковании сновидений» есть хорошо известное место, в котором он отмечает, что «мы превозносим счастливую пору детства, потому что ребенку неведомы половые желания». Это заявление противоречит сказанному на сто страниц выше.

Эта книга – кредо человека в переломный момент жизни, определяющее его жизненную позицию. «Мне уже становится неважно, понравится людям книга о снах или нет, – пишет Фрейд Флису в июле 1900 года. – Сам я не нашел ничего, что нужно было бы там исправить. Все верно и, без сомнения, остается верным».

И век спустя книга привлекает любопытных читателей, которые восхищаются ее репутацией, но с трудом могут ощутить дух автора. Идея о сне как о неизменном исполнении желаний уже давно сама стала сном, мечтой, в которую мало кто верит. В 1950-х годах наука смогла выделить два вида сна: один – фактически лишенный сновидений, второй – перемежающийся периодами активности мозга, связанной со снами. Эта схема не соответствует теории, согласно которой сновидения – хранители сна. Мы видим сны не для того, чтобы спокойно продолжать спать, а скорее для того, чтобы они помогли нам переработать информацию.

Даже если это так, потоки воспоминаний, незванные и тревожные, посещающие нас в снах, должны означать большее, чем обычную прочистку мозга, чтобы на следующий день

он был в хорошей форме. Аналитик и писатель Чарльз Райкрофт приводит убедительные аргументы в пользу того, что сон – это деятельность воображения, которая подразумевает «существование некоего психического единства, более занятого всей жизнью и судьбой отдельного человека, чем его сознательное 'я' с его поглощенностью повседневными заботами и мелкими происшествиями». Сны, с такой точки зрения, это «кратковременные проблески ткани воображения человека, которая соткана из всех его воспоминаний, надежд, желаний и страхов».

Такое понимание снов близко многим из нас. Однажды мне приснилось, как горит дом, в котором я жил и был счастлив. Я видел, как провалилась его крыша. Сон сообщил мне то, что я знал, но не мог себе в этом признаться: некий период в моей жизни подошел к концу. Возможно, сны Фрейда могли бы стать частью такой теории.

В книге «Толкование сновидений» есть не только подробно изложенная теория и попытки раз и навсегда объяснить природу сна. Фрейд жил и работал в менее свободном обществе, чем наше, но у него хватило смелости, чтобы отнестись серьезно к бессмысленным и неприличным фрагментам снов и с их помощью пролить свет на человеческую природу. Он всегда стремился к недостижимому. Для того чтобы понять это, не обязательно воспринимать Эдипа и все остальное буквально.

Вскоре после публикации книги о сновидениях, ожидая хора одобрений, который так и не раздался, Фрейд пишет Флису:

Я, по сути дела, не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор, не мыслитель. По темпераменту я всего лишь конкистадор – авантюрист, если хочешь, чтобы я это перевел, – со всеми любопытством, отвагой и целеустремленностью, характеризующими таких людей.

Те, кто стремится оправдать его, говорят, что Фрейд выражается здесь с иронией. Но это похоже на истинное признание.

Глава 16. «Оговорки по Фрейду»

В 1900 году Фрейду крайне не везло. Его мучило чувство неудовлетворенности. Он завидовал Флису, богатому и уверенному, процветавшему в своем прогрессивном городе, а письма, которые он слал в Берлин, были пронизаны жалостью к себе. То, что он знал себя, не помогало ему справиться с «невротическими колебаниями настроения», как он их называл – равно как и с тревогой по поводу денег: «Я чувствую себя опустошенным», «Моя спина заметно согнулась». Каким же он был глупцом, что мечтал о свободе и благополучии, – стонет он, – просто потому, что написал книгу о сновидениях!

Он зарабатывал довольно большие деньги – пятьсот флоринов в неделю. Если это и поднимало его настроение («деньги для меня – веселящий газ», как однажды сказал он Флису), эффект был преходящим. Тяжелая работа с пациентами вызывала в нем чувство усталости и тоску по «солнцу, цветам, синей воде, совсем как в молодости». Как многие врачи, он не питал к пациентам особенно теплых чувств и видел в них своих «мучителей». Свободное время он описывает с горькой иронией. Он – «ищущий удовольствий обыватель», который посвящает себя фантазиям, игре в шахматы и чтению английских романов. Крепкие сигары он себе не позволял, алкоголь (как он решил) ему не помогал, что же касается плотских удовольствий, «я перестал заводить детей».

Если бы у него было больше денег или было бы с кем поехать в Италию этим летом... Если бы он только мог избавиться от утомительной дружбы Брейера! Он хочет купить металлическую шкатулку, которую однажды видел в витрине магазина в центре Вены, но во время прогулок не может найти этот магазин, а посмотреть его адрес в телефонном справочнике постоянно забывает. Наконец он заставляет себя найти это место и обнаруживает, что магазин находится совсем рядом с тем зданием, где живут Брейеры. То есть – он в запретной зоне, и его бессознательное избегало этого места.

Если в письмах Фрейда все верно, он практически ничем в этот год не занимался –

лишь вел полурастительное существование, беспокоился и старел. День рождения в мае 1900 года он отметил со словами: «Да, теперь мне действительно сорок четыре – я старый, немного жалкий на вид еврей». Семья настояла на том, чтобы отпраздновать это событие, но Фрейд был очень занят присыпанием головы пеплом и сообщил Флису, что для него было бы «достойным наказанием», если «ни одна из неизведанных областей психической жизни, в которые я ступил первым, не будет носить моего имени и подчиняться моим законам».

Иногда меланхолия отступает. Когда создается впечатление, что научное сообщество наконец принимает Флиса с его идеями о периодичности, Фрейд мечтательно говорит, что было бы очень приятно увидеть, как критики друга возьмут свои слова обратно.

Такое злобное ликование, такая удовлетворенная жажда мести играет в моем случае важную роль. Пока мне редко выпадало отвесть этого блюда. Так что я присоединяюсь к тебе.

Семья Фрейда начало лета провела в «Бельвию», куда он ежедневно ездил с Берггассе. Это место вызвало в нем приятные воспоминания о сне Ирмы. Он мечтал о мраморной табличке, которая когда-нибудь увековечит это событие. Больше его практически ничего не радовало, если не считать семейных дел, в частности, визита манчестерских Фрейдов – его сводного брата Эммануила с сыном Сэмом. Они олицетворяли собой другую жизнь, которую Зигмунд мог бы вести в сельской Англии, где евреям позволяли жить спокойно, а в городской ратуше не заседал мэр Люгер, раздувавший уголья расизма.

Эммануил «привез с собой настоящий глоток свежего воздуха, потому что он замечательный человек, живой и умственно энергичный, несмотря на свои шестьдесят восемь или шестьдесят девять лет. Он всегда был мне дорог». Сэму было тридцать пять – еще один интересный представитель английской ветви семейства. Гости поехали оттуда в Берлин, «теперь семейную штаб-квартиру», куда перебралась из Нью-Йорка Анна Бернейс с дочерьми. Фрейд увиделся со всеми троими в Вене и нашел их настоящими красавицами, развитыми не по летам, как американки, и очень обаятельными. Так иногда собственная семья производит на тебя хорошее впечатление".

Отчасти недовольство жизнью Фрейда было позой, защитной реакцией, суеверным нежеланием показать, что он счастлив. Флис знал об этом больше, чем остальные, потому что он уже много лет был доверенным лицом Фрейда. Фрейд испытывал в его дружбе чуть ли не физическую потребность. Трудно поверить, что он боялся Флиса, но, возможно, он боялся его потерять. Получив лестное письмо от Флиса, в котором тот, видимо, подчеркнул положительные стороны жизни в «прекрасном одиночестве», Фрейд отвечает (в мае 1900 года), что он бы не возражал, «если бы это не зашло так далеко и не относилось бы и ко мне и к тебе». Он добавляет:

Я знаю, если учитывать статистику человеческого горя, как мало человеку достается хорошего. Но ничто не заменит мне отношений с другом, которые так нужны части меня – возможно, более женственной части.

Фрейд восхищался Флисом как смелым ученым, новым Кеплером, который может изменить видение мира всеми людьми. Или же он хотел этим восхищаться. Возможно, Флис не отвечал ему тем же. Быть может, Фрейд был слишком большим романтиком для трезвого ученого Флиса.

Теория биологических ритмов и периодов, с точки зрения Флиса, была настоящей наукой, и Фрейд всегда признавал это, хотя его больше интересовало, как можно применить теорию к его семье: в какие дни дети могут заболеть, мужчины будут иметь наибольшие творческие способности, а женщины с наименьшей вероятностью могут забеременеть. Он интересовался именно этими «прекрасными нововведениями».

Некоторые идеи Флиса имели очень большое значение для Фрейда, в том числе понятие о сексуальности детей и внутренней бисексуальности человека. Но за восторженным вниманием Фрейда к идеям Флиса всегда стояло эмоциональное увлечение автором этих идей как человеком. Причем на уступки в этих отношениях шел именно Фрейд. Существует письмо от 1899 года, в котором он вспоминает прогулку возле Берхтесгадена, где «ты был,

как обычно, слеп к красотам природы и вместо этого с пылом рассказывал о трубах Маннесманов [немецкое инженерное изобретение 1890-х годов]. В то время я почувствовал себя подавленным твоим превосходством».

Их отношения должны были скоро измениться. Возможно, им обоим пришло в голову, что психология одного и биология второго несовместимы, хотя в письмах они этого не упоминали. Летом 1900 года во время недолгого совместного отдыха в горах они поспорили о своих идеях. С этого момента дружба начала остывать.

По словам Флиса, причиной стал его друг. Фрейд никогда не говорил прямо об этой встрече. В письмах до ссоры содержится очень мало информации. В одном он говорит, что они начинают отдаляться друг от друга, и винит в этом расстояние, разделяющее их. В другом Фрейд выражает раздражение тем, что друг советует ему узнать больше о назальной терапии.

Возможно, это недовольство вышло на поверхность, когда они встретились и Флис начал говорить то, что не нравилось Фрейду. Наверное, тому, что автор «Толкования сновидений» мог выслушивать от автора «Связи между носом и женскими половыми органами», существовал некий предел. Возможно, причины разрыва были более серьезными.

Друзья договорились о встрече за несколько недель. Они собирались провести вместе четыре дня, со вторника, 31 июля, до субботы, 4 августа, в австрийском Тироле под Инсбруком, до того как приедут «женщины» (предположительно, Марта и Минна) и Фрейд отправится с ними в Италию. Фрейд с Флисом отправились к альпийскому озеру Ахензее, расположенном на высоте девятисот метров над уровнем моря. Скорее всего, они сняли номера в одной из гостиниц на берегу озера, «Зеешпитц» или «Схоластика». Оттуда отдыхающие могли отправиться после завтрака к вершине и, пройдя еще около километра, оказаться там к полудню. Это была пустынная скалистая местность с крутыми склонами, с которых можно было сорваться, и глубоким озером у подножия гор, где можно было утонуть. Позже Флис говорил в частных беседах, что Фрейд хотел его там убить.

На людях, что вполне понятно, ничего подобного он не говорил. В своем повествовании о ссоре, опубликованном в 1906 году, Флис просто заявляет, что у Ахензее Фрейд «применил ко мне силу, что сначала показалось мне странным». Флис вспоминал, что к такому взрыву негодования Фрейда привели его слова о том, что на психику действуют «периодические процессы», они влияют на состояние ума пациента, а значит, ни внезапные ухудшения состояния, ни его улучшения нельзя приписать только психоанализу". Неудивительно, что это так вывело из себя Фрейда. Ему сказали, будто все, что он делает как психоаналитик, подчиняется всеобщей схеме биоритмов.

Флис видел в нем только завистливого коллегу во власти «личной вражды». Он упоминает, как однажды услышал от Фрейда такие слова: «Хорошо, что мы друзья. Иначе я бы лопнул от зависти, услышав, что в Берлине кто-то делает подобные открытия!» Флис, «пораженный», рассказал об этом своей жене Иде, которая любила Фрейда не больше, чем он ее.

Своей семье и по меньшей мере одному другу Флис рассказал другое: когда они гуляли у Ахензее, Фрейд хотел незаметно толкнуть его, чтобы тот упал или утонул, и выдать это за несчастный случай. Этот факт раскопал Питер Суэйлз, услышавший его от дочери Флиса в 1981-1982 годах, когда той было уже больше восьмидесяти. Еще два человека подтверждают, что Флис рассказывал об этом, и неизвестно, было ли это только предположением Флиса, или у Ахензее действительно что-то произошло. Если это всего лишь предположение, сразу ли оно пришло Флису в голову или только по прошествии времени?

Флис, обидчивый и агрессивный, какими иногда бывают слабые люди, возможно, страдал от мании преследования. Несколько лет спустя Фрейд говорил, что у Флиса «развился тяжелый случай паранойи после отказа от дружеских чувств по отношению ко мне» «Флис не единственный из бывших друзей Фрейда, впоследствии получивший такой удобный диагноз паранойи. Когда в дело вступал психоанализ, Фрейд не стеснялся в выражениях. Впрочем, иногда он отзывался о Флисе теплее. „Когда-то я его очень любил“, –

писал он в 1911 году.». Но была ли это паранойя или осторожность? В «Толковании сновидений» описывается один сон Фрейда, намекающий на смерть Флиса. Фрейд даже упоминает о нем в одном из писем: «И я радуюсь тому, что пережил тебя; не правда ли, ужасная идея?»

Суэйлз, который считает, что паранойя Флиса была обоснована, находит более убедительные доводы в книге, опубликованной Фрейдом в следующем году, «Психопатология обыденной жизни». В книге содержится много историй, посвященных странностям человеческого поведения. Одна из них, вроде бы малопримечательная, касается нескольких дней летнего отдыха, которые он провел со своим «попутчиком». Суэйлз заключает, что этим «попутчиком» был Флис, все происходило в Ахензее, а эта история – не что иное, как часть скрытой автобиографии, которую Фрейд так любил вставлять в свои книги. В этом рассказе, по мнению Суэйлза, содержатся смутные намеки на их дружбу.

В одном месте Фрейд пишет, как он был в то утро поражен тем, что мой товарищ отверг мое предложение совершить довольно длительную прогулку, а также во время короткой прогулки отказался пойти по тропе, которую считал слишком крутой и опасной.

Суэйлз идет дальше и выдвигает предположение, что Фрейд упоминает «опасную тропинку» с целью запугать Флиса, который должен был прочесть книгу после ее выхода (сначала в психиатрическом журнале) в следующем, 1901 году. «Здесь перед нами, – говорит Суэйлз, – встает без прикрытия совершенно иной Фрейд, отличающийся от того, каким его представили биографы». Это достаточно смелое заявление, и Суэйлз доводит его до крайности, но история на озере Ахензее действительно весьма странная. Со снами и фантазиями Фрейда следует считаться.

За этими предполагаемыми фантазиями относительно друга и коллеги Вильгельма, следуют другие, касающиеся подруги и свояченицы Минны. В этом случае догадки играют еще большую роль. Питер Суэйлз интересовался и этой историей и упорно искал доказательства по фрейдовским «сусекам».

История о том, что у Фрейда с Минной был роман, существует довольно давно. Эрнест Джонс, писавший об их тесной дружбе, предполагал, что такое может прийти людям в голову, и заявил: «С обеих сторон не было никакого сексуального влечения». Возможно, Джонс знал, что слухи утверждают обратное, и настаивал на преданности Фрейда своей жене. Юнг утверждал, что ему точно известно о существовании связи от самой Минны. С формальной точки зрения это был бы инцест. Есть некоторые факты, говорящие о том, что это произошло – или что у Фрейда были фантазии на эту тему – ближе к концу того же лета 1900 года.

Минна потеряла надежду выйти замуж за четырнадцать лет до того, когда ее жених умер от туберкулеза. Она нашла себе работу гувернантки и «компаньонки», некоторое время жила с матерью в Гамбурге и смирилась с положением старой девы, как и многие женщины, но это сделало ее острее на язык. С 1896 года она поселилась с Фрейдами на Берггассе – бездетная тетушка, которая жила в своей комнате с громко играющим граммофоном и оказывала семье неоценимую помощь.

Говорят, Юнг, познакомившийся с ней в 1896 году, утверждал, что она «очень красива», но фотографии этого не подтверждают. Есть данные о том, что еще до женитьбы на Марте Фрейд писал сестре Розе в 1886 году, что Минна «очень некрасива и толста как гиппопотам». Это не отражало его истинных чувств, а если он и действительно так думал в тот момент, то явно находился под влиянием нетерпеливого ожидания брака с ее сестрой.

С самого начала Фрейд почувствовал духовную близость с Минной, которая не была под пятой матери, в отличие, как он считал, от Марты «Минна любит ее, но не жалеет», – говорил он своей невесте. Минна не собиралась стать и идеальной домохозяйкой. Если она выполняла работу по дому, ее скорее можно было увидеть с тряпкой в одной руке и книгой в другой. Идеальная домохозяйка нужна была Фрейду в виде Марты, и, будучи помолвленным со своей «маленькой женщиной», он уже говорил о том, какие хозяйственные качества хочет в ней найти – любовь к мебели, ленточкам, абажурам и кладовым.

У Минны были другие достоинства. В письмах Фрейда к ней не заметно чувства интеллектуального превосходства, сквозившего в письмах к Марте. Когда жених Минны умер, он посоветовал ей не пытаться поддерживать дружеские отношения с его семьей, потому что они наверняка винят в произошедшем ее. «Сожги письма, пока еще зима», – пишет он. Через восемь лет после женитьбы на одной сестре он называет вторую в письме Флису «моей ближайшей наперсницей». Это было еще задолго до того, как она переехала к ним на Берггассе, 19.

Все это лишь наводит на мысль о возможности эротического интереса, но ничего не доказывает, а биографы Фрейда не стремились исследовать этот вопрос. Лучше оставить Фрейда с Минной в покое – их восхищение друг другом, общие интеллектуальные интересы, совместный отдых – и не особенно задумываться о том, с чем могло быть связано такое тесное общение, когда они беседовали за завтраком, жаловались на плохие ресурсы, вместе забирались на горные склоны, плавали на пароходах по озерам, в полдень стояли у руин замков, делились сардоническими шутками об англичанах за границей, дремали рядом в шезлонгах или прогуливались по террасе после ужина.

Летом 1900 года Минне было тридцать пять – в то время такой возраст воспринимался не таким молодым, как сейчас, и все же не был препятствием для энергичной и пылкой женщины, такой, с какими Фрейд часто сталкивался среди своих чрезмерно страстных истеричек. Самому Фрейду было сорок четыре, а слова в письме Флису «я перестал заводить детей», как полагают, закрывают обсуждение. Странно, но это обсуждение цензоры не убрали из первой публикации писем Флису, в то время как почти всю личную информацию, касающуюся секса, они вычеркнули. То, что Фрейд больше «не заводит детей», с самого начала должно было считаться благопристойным. Предположительно, эта фраза с библейским оттенком была эвфемизмом половых сношений, хотя, возможно, Фрейд имел в виду только то, что сказал, то есть то, что детей больше не будет, в отличие от удовольствия.

Что бы он ни имел в виду, логично было предположить, что человек, придававший такое значение сексу в своих работах, мог жить нормальной половой жизнью и после сорока четырех. Фактически, есть предположения, что он занимался любовью с Мартой даже в 1915 году, когда ему было пятьдесят девять (он упоминал об этом в неопубликованном анализе сна). Возможно, в период с 1896 года, после рождения Анны, последнего ребенка, до климакса у Марты, произошедшего уже в новом веке, он пользовался каким-то методом контрацепции. (В письме Флису в 1900 году упоминается запланированная на август поездка с Мартой, когда они должны «учесть дни, во время которых она неспособна получать удовольствие» – скорее всего, он говорит о неудобствах, связанных с менструацией. В июле его жене исполнялось тридцать девять).

Эдуард Хичман сделал необычное наблюдение. Он был среди первых венских аналитиков и входил в окружение Фрейда с 1905 года. В марте 1954 года он писал Эрнесту Джонсу, по всей видимости, в ответ на его вопросы о сексуальной жизни Фрейда. Тогда ему было уже больше восьмидесяти, он жил в Америке, где занимался анализом и преподавал с 1940 года. «Я никогда не обращал внимания на его гениталии, – двусмысленно пишет он, – но однажды видел у него в брюках эрекцию после [психоаналитического] путешествия с хорошенькой женщиной». Это в биографию Джонса не вошло, как и его замечание о том, что «один коллега говорил мне, будто пациентки должны были прикрывать ноги, чтобы избежать сексуального возбуждения во время анализа [Фрейда]». Трудно оценить истинность этих воспоминаний пожилого человека. Но самая поразительная из историй Хичмана связана с Минной и описана в одном из писем о половой жизни Фрейда:

Однажды он дал мне открытое письмо, чтобы я отнес его Минне. Там было написано «Когда наступит вечер, мы вместе пойдем сквозь темноту. 15 июня 1923 года».

Этот год был для Фрейда переломным, когда изменилось его здоровье и вся жизнь. Возможно, эта записка Минне (оставил ли он ее незапечатанной, чтобы Хичман прочел ее и сделал соответствующие заметки?) была написана под влиянием указанных событий.

События лета 1900 года, касающиеся Фрейда и Минны, слабо отражены в письменных

источниках. Проведя четыре дня с Флисом у Ахензее, Фрейд отправился в Италию с Мартой и, возможно, Минной. Они снова были в горах, совершали походы по ущельям и ледникам, но Марты, как обычно, надолго не хватило, и через неделю она вернулась в Вену к детям – без сомнения, в связи с днями, когда она была «неспособной к удовольствию».

Еще до отъезда Марты Фрейд встретил на отдыхе друзей из Вены. Он отправился с ними в Венецию, где они случайно встретили его сестру Розу с мужем, а после чего все вместе поехали в Южную Австрию к сестре Анне и ее «американским детям», отдыхавшим в то время у озера. Это была последняя неделя августа.

Дальнейшие события описываются в длинном письме, посланном Фрейдом Флису. В нем нет мрачных отголосков событий у Ахензее. Это просто подробный рассказ о путешествии, который он написал сразу же по возвращении в Вену.

И наконец – уже было 26 августа – пришло облегчение. Я хочу сказать, приехала Минна, с которой я поехал по долине Пустер...

Они провели почти две недели наедине в Северной Италии, опять же среди гор и озер. В маленьком городке Рива на озере Гарда они оставались пять дней «в божественном месте с прекрасным столом, наслаждались роскошью без сожалений и тревог». 8 сентября он отвез Минну на горный курорт Мерано, в австрийский Тироль, где она должна была оставаться несколько недель или даже месяцев в связи с периодической инфекцией или слабостью легких. По словам Джонса, который мог перепутать года, Фрейд затем вернулся в Вену через Милан и (неизвестно почему) Геную. К 10 сентября Фрейд уже был в Вене.

Предположение, что Фрейд с Минной были любовниками во время этих тринадцати дней, исходит от Суэйлза. Тот в очередной раз использует все ту же уловку: берет автобиографичный текст Фрейда, ранее не вызывавший никаких подозрений, и расшифровывает его с помощью своих собственных фантазий, совсем как поступал сам Фрейд со снами. Текст – это все та же «Психопатология обыденной жизни», в которой Суэйлз нашел связь с Ахензее. В главе, названной «Забывание иностранных слов», рассказывается о разговоре с «одним образованным молодым человеком», с которым он познакомился на отдыхе летом 1900 года. Как и в «Покрывающих воспоминаниях», он использует диалог с анонимным лицом для иллюстрации положений психоанализа.

Когда его знакомый опускает из латинской цитаты слово «aliquis» [кто-то], Фрейд на месте использует свободные ассоциации молодого человека и прослеживает ход его мыслей до церкви в Неаполе, где в один и тот же священный день в году кровь святого в бутылки разжижается. С помощью других ассоциаций Фрейд находит главную причину беспокойства, кроющегося за этой забывчивостью. Кровь, которая должна потечь в определенное время, напоминает его знакомому о страхе, что от него может забеременеть женщина и он от нее услышит, что у нее не наступила менструация.

Доводы Суэйлза о том, будто этот знакомый не существовал, а Фрейд выражает свои собственные страхи о том, что мог сделать Минну беременной и их связь может иметь какие-то последствия, слишком сложны, чтобы воспроизводить их здесь. Суэйлз делает очередное смелое предположение, что именно в городе Трент, который они посещали, Минна потеряла девственность, потому что там Трентский совет в шестнадцатом веке подтвердил святость брака, а это было «очень похоже на Фрейда – насмеяться над христианской догмой в самом уязвимом месте» «Когда свободомыслящий Г. Дж. Уэллс до первой мировой войны имел роман с молодой социалисткой Эмбер Ривз, однажды днем они занимались любовью в деревенской церкви в графстве Кент. Уэллс говорил о том, какое удовольствие им доставило ощущение „греховности“...». В этом очерке все ассоциации со словом «aliquis» Суэйлз относит к жизни самого Фрейда.

Суэйлза нужно читать целиком и в оригинале, чтобы оценить этот несдержанный стиль отчасти ученого, отчасти безжалостного охотника, истребляющего животных за вознаграждение. Его книги психоаналитическое сообщество называло «прекрасной научной фантастикой» (и менее лестными терминами). В данном случае его предположение о том, что Фрейд за страхами знакомого скрывает свои собственные, странно убедительно. В

разговоре Фрейда с «образованным молодым человеком» действительно есть что-то, напоминающее «Покрывающие воспоминания».

Дальнейшие предположения Суэйлза касаются подозрения, что Минна могла отправиться в Мерано, поскольку ей было нужно сделать аборт, который, скорее всего, и был проведен в одной из местных клиник. Это уже менее вероятно. Согласно обычному циклу продуктивности, едва ли хватает времени на то, чтобы, если зачатие произошло 26 августа или после этого дня, к 6 или 7 сентября менструация не началась и Фрейд с Минной из-за этого запаниковали и отправились в Мерано к 8 сентября. Скорее это был просто страх перед возможной беременностью. В то время цикл продуктивности понимали не полностью. Если у Минны менструация должна была начаться в первые дни сентября, 26 августа она уже не могла зачать, но они с Фрейдом этого не знали. Однако, если Минна боялась, что забеременела, этот страх, как часто бывает, мог вызвать задержку менструации. В таком случае поездка в Мерано была оправданной предосторожностью. Последствия беременности Минны были бы слишком ужасны.

Она оставалась в Мерано шесть недель. Пока ее не было, Фрейд писал Флису: «Я должен, в конце концов, заняться реальной стороной сексуальности, о которой человек узнает лишь с большим трудом». Этому замечанию очень хочется придать особое значение.

Минна вернулась в Вену где-то 20 октября, все еще чувствуя себя неважно и вызывая беспокойство близких. «Не все ясно с ее состоянием», – писал Фрейд Флису. В начале 1901 года у нее открылось внутреннее кровотечение, поставили диагноз язвы кишечника. О причине, которая сначала упоминалась в связи с ее посещением Мерано, инфекции легких, не говорилось.

Суэйлз приводит яркие аргументы в пользу того, что Фрейд думал о беременности. После возвращения в Вену в 1900 году Фрейд сразу же принялся за работу над «Психопатологией обыденной жизни». Эпизод со словом «aliquis» появляется на первых же страницах. Новые данные, обнаруженные в 1997 году коллегой Суэйлза и еще не опубликованные, убедительно показывают, где Фрейд мог узнать как раз в то время историю о разжижающейся крови в неапольской церкви, на которой впоследствии основал свой диалог с «неким молодым человеком». Но само то, что Фрейд беспокоился о беременности, не обязательно было связано с Минной. Марте в то время было тридцать девять лет, и, возможно, именно у нее была задержка. Если Фрейд узнал об этом, вернувшись в Вену, этого было бы достаточно, чтобы заставить его думать об «aliquis» и тому подобном.

Что касается самой Минны, все остальное – слухи. Свидетельство Юнга далеко от убедительного и дошло до нас в нескольких версиях. Самая яркая исходит от американского профессора Джона Биллински, который утверждал, что услышал ее от восьмидесятидвухлетнего Юнга в 1957 году. Во время первого посещения Юнгом Фрейда в Вене в 1907 году Минна якобы призналась гостю, что зять влюблен в нее, они спали друг с другом и ее мучает чувство вины. Вероятность этой истории уменьшается из-за того, что Биллински представил слова Юнга в виде стенограммы, а затем признался, что ничего не записывал, пока беседа не закончилась. Эти воспоминания появились лишь в 1969 году, когда Юнг уже давно умер, и до сих пор не вызывают большого интереса.

Биллински не один. Другие тоже утверждают, что слышали историю Минны от Юнга. Среди них его товарищ Карл Майер и один итальянский журналист. Говорят, Оскар Рие утверждал, что Фрейд остается с Мартой ради детей. Вероятность этого не исключена.

Доступ к переписке Фрейда с Минной ограничен. Историк-фрейдист Питер Гэй, который одним из первых увидел их в архивах Фрейда в 1988 году, обнаружил отсутствие некоторых номеров между 94-м и 161-м в семнадцатилетний период с апреля 1893 по июль 1910 года. В тех письмах, что сохранились, ничего особенного не содержалось. Однако сексуальная связь могла бы приходиться именно на те годы, в которые не хватает некоторых писем.

Летние сны закончились. Фрейда оставило чувство разочарования, он смирился с тем, что мир не готов к «Толкованию сновидений», и снова начал работать. Если он все еще считал себя «старым и жалким евреем» – если это когда-нибудь было больше чем прикрытием, – он об этом перестал говорить. Теперь у него с Флисом было меньше тем для разговора – или больше, но они предпочитали их не затрагивать.

Письма из Берлина и обратно шли все реже, хотя Фрейд рассказывал Флису о том, как идет работа над новой книгой, «Психопатология обыденной жизни», и о новой пациентке, «восемнадцатилетней девушке, случай которой легко открылся имеющимся набором отмычек». Это была «Дора», первая из ряда пациентов Фрейда, которым он посвятил отдельные рассказы. Анализ резко закончился в последний день 1900 года, когда Дора устала от невропатолога, указывавшего ей, что она должна думать о сексе. Через несколько дней Фрейд уже описывал этот случай. Дора завораживала его, а отмычка уже была наготове. Очерк был готов в течение нескольких недель и стал чем-то вроде новеллы о снах, оральном сексе, мастурбации и адюльтере. Однако он был опубликован лишь четыре года спустя.

«Психопатология обыденной жизни», над которой он продолжал работать параллельно с рассказом о Доре, была закончена к маю 1901 года. Эта книга стала наиболее популярной работой Фрейда, благодаря которой даже те, кто едва знает, кто такой Фрейд, шутливо объясняют словами «оговорка по Фрейду!» моменты, когда они случайно говорят совсем не то, что хотят сказать.

Идея о том, что оговорки и забывания слов могут свидетельствовать о внутренних конфликтах и поэтому делают всех нас аналитиками-любителями, не сразу стала предметом разговоров среднего класса. В виде книги работа появилась только в 1904 году. Сначала это было небольшое издание менее чем в сто страниц, которое с переизданиями постепенно разрасталось, пока его объем не увеличился в три раза. Фрейд не мог устоять перед искушением ввести в нее новые истории. Теории в книге было очень мало.

В 1914 году, когда появился перевод книги на английский, в Лондоне сочли ее «очень любопытной новой системой самоанализа, которым может заняться каждый, не беспокоясь о состоянии собственных нервов». Два года спустя в одном американском журнале писали, что невротикам нельзя давать читать эту книгу, потому что от этого они «будут еще более мрачно углубляться в себя».

Большая часть данных, приведенных в книге, была получена самим Фрейдом (часто в период, когда он занимался самоанализом). Как и в «Толковании сновидений», сексуальные моменты Фрейд исключил. Оговорки и описки, избирательное забывание, неправильное толкование и кажущиеся бессмысленными или запутанными поступки – все это было, по мнению Фрейда, частью процесса под названием «расстройство репродукции» (или «дефектность функции»).

Этот принцип был не нов. Фраза Фрейда «у людей есть цели, которых они иногда стремятся достичь, не подозревая об этом», напоминает ремарку Томаса Харди о том, что люди отвлекаются от своих целей во время их достижения. Писатели давно использовали оговорки как удобный литературный прием. Криминалистам также было известно, что свидетельства можно изучать на предмет невольного разоблачения.

Для Фрейда все это было частью психологического устройства человека. «Я не могу понять, почему мудрость, являющаяся продуктом повседневного жизненного опыта людей, не может быть частью науки», – пишет он, обращаясь к миру в целом, как он делал это в «Толковании сновидений». Расстройство репродукции – это не случайные события, а точное свидетельство постоянного противоречия между сознательным и бессознательным, или, выражаясь в терминах, использованных им в «Толковании сновидений», «вторичным» и «первичным» процессом. Он говорил о «постоянном токе 'личного характера', о котором я обычно не подозреваю», проходившем через все его мысли и выдававшем себя расстройствами репродукции.

Случай, когда Фрейд не мог вспомнить имя художника Синьорелли, цифра 2467, которую он считал случайной, но она таковой не оказалась, магазин со шкатулкой в витрине, который он никак не мог найти, – все это определялось волнениями бессознательного. Фрейд предлагает для сравнения сотни других примеров. Политик открывает сессию австрийского парламента словами: «Я объявляю заседание закрытым». Женщина говорит, что мужчине не обязательно быть красивым, «если у него есть пять прямых конечностей». Женщина с ревнивым мужем, который обвиняет ее в том, что она «снова вела себя как шлюха!», потому что танцевала на семейной вечеринке канкан, на следующий день выходит из кареты и ломает ногу. Это самонаказание, которого она подсознательно желала, соответствует преступлению, как предполагает Фрейд, потому что она не скоро сможет танцевать снова.

Фрейд не описывает ни одной бессмысленной оговорки или несчастного случая. У него все имеет свои причины. Муж называет жену именем своей любовницы и таким образом раскрывает свою неверность. Письмо, отправленное без марки или с неправильным адресом, и не должно прийти. Но «Психопатологию обыденной жизни» можно понимать двояко. На протяжении большей части книги Фрейд как будто расширяет границы познания человеком самого себя, объясняет, что оговорки и забывания – отражение психического конфликта. Но в конце книги он заявляет читателям, что все предопределено и все они – жертвы неизбежного. Возможно, в нем заговорил ученый, с ностальгией вспоминающий суровые лаборатории молодости, где мудрецы-профессора учили его, что организм – это химическая машина. В любом случае, он так никогда и не попытался примирить эти противоречивые заключения.

Расстройства репродукции присутствуют не только в автобиографическом материале, использованном в книге, но и во всей жизни Фрейда, причем даже он сам не всегда осознавал это. В сентябре 1897 года, когда он писал Флису о том, что отказался от теории совращения, он оговорился и использовал фразу: «Конечно, я не скажу об этом в Дане». Энтони Стэдлен обнаружил (на заметку фрейдистам, которые упустили этот момент из виду), что это созвучно с библейской фразой Давида, оплакивающего свое поражение: «Не говорите об этом в Гафе» – городе филистимлян, его врагов. Дан – название главного города Израиля. Таким образом, согласно теории Фрейда, его бессознательное приказывало ему: «Не говори моим друзьям и коллегам об этой ошибке. Держи ее в тайне» (что он и делал). На протяжении многих лет в письмах коллегам Фрейд иногда невольно выражал свои потаенные мысли. Своими описками и снами он неустанно производил материал для исследований будущих психоаналитиков.

В своей книге «Психопатология обыденной жизни» он так до конца и не объяснил, почему бессознательное, по его мнению, так вмешивается в жизнь человека. Фрейд считал, что отрицательные мысли («эгоистические, завистливые и враждебные чувства и побуждения»), противоречащие нормам морали, используют расстройства репродукции в качестве средства выражения себя. Он находил удивительным то, что «стремление к правде [то есть к тому, чтобы выдать себя расстройством репродукции] гораздо сильнее, чем мы обычно предполагаем». В других местах книги он говорит, что «согласие в этих расстройствах репродукции и случайных поступках в большой степени эквивалентно послушному принятию аморального. Среди этих подавляемых побуждений немаловажную роль играют различные сексуальные мотивы».

Таким образом, согласно сценарию Фрейда, аморальное бессознательное старается проникнуть в повседневное поведение в виде поучительного напоминания о темной стороне личности человека. В снах темные мысли подвергаются цензуре, чтобы спящий не обеспокоился и не проснулся. Но в дневное время таким мыслям позволено досаждать нам.

Некоторые критики отвергают эту концепцию полностью. Но большинство из нас склонны в какой-то мере верить в расстройство репродукции хотя бы потому, что это подтверждается нашим опытом. Для Фрейда, однако, это становится не менее чем разгадкой человеческой природы. В более сложных примерах (таких, как с Синьорелли и «aliquis») он предлагает такие же замысловатые толкования, как и для снов, и можно точно так же

критиковать Фрейда за то, что он включал в анализ свои собственные фантазии.

Книга «Психопатология обывательской жизни» была впервые напечатана в нескольких номерах психиатрического журнала летом 1901 года. В то время как Фрейд ждал оттисков, чтобы отправить их Флису, их дружба постепенно угасала. Письмо Фрейда от 7 августа было ответом на послание Флиса, в котором тот явно сыпал соль на рану, открывшуюся почти ровно год назад у озера Ахензее.

«Невозможно скрывать, – пишет Фрейд, – что мы немного отдалились друг от друга». После упоминания о том, что Ида Флис (за что Фрейд винил Брейера) считает, будто его дружба с Вильгельмом каким-то образом мешает их браку, он продолжает:

Ты выступаешь против меня и говоришь мне, что «тот, кто читает мысли, на самом деле проецирует свои собственные мысли на других людей» Это значит, что вся моя работа бесполезна.

Если ты так думаешь обо мне, то просто выбрось мою «Психопатологию», не читая, в мусорную корзину. Она полна ссылок на тебя – явных, говорящих о том, что какой-то материал принадлежит тебе, и скрытых, связанных с твоим влиянием на мои мотивы.

Можешь считать это «свидетельством того, какую роль ты играл в моей жизни до этого момента», добавляет Фрейд с некоторой горечью. После этого письмо становится более теплым, но ссора усугубляется.

Уверенность Фрейда в себе растет. Он все еще думает о посещении Рима, которое ассоциировалось с молодостью и духом неповиновения. Он уже собирался туда на Пасху 1901 года, но снова заколебался.

В августе семья отдыхала в гостинице на берегу Тумзее, озера в горах неподалеку от Берхтесгадена. Именно оттуда Фрейд писал Флису это сердитое письмо. Погода стояла жаркая, озеро манило к себе, и Фрейд с сыновьями предпочитали проводить время не в горах, а у воды, где они купались и ловили рыбу.

Туристы – однодневки кричали с противоположного берега, что они заказывают на обед в гостинице. «Гуляш с клецками!» – раздавалось над озерной гладью. Фрейд сидел в лодке, опустив руку в зеленую воду, и слушал их с неодобрением.

Однажды утром двое сыновей Фрейда, одиннадцатилетний Мартин и десятилетний Оливер, ловили у дороги рыбу, а деревенские начали кричать на них, называя их евреями и ворами. Позже в тот же день целая компания, на этот раз с женщинами, пыталась преградить отцу с детьми дорогу. Они «вооружились палками и зонтиками», по словам Мартина, рассказчика этой истории. Фрейд замахал тростью и пошел прямо на них, от чего те безропотно разошлись, как обычно делают хулиганы.

Фрейд повел себя совсем не так, как когда-то его собственный отец во Фрейбурге, когда христианин сбил с него шапку в грязь, а начитанный Зигмунд-школьник был вынужден искать утешение в легенде о Ганнибале. Возможно, у Тумзее он вспомнил о Ганнибале.

Друзьями и коллегами Фрейда, как и других евреев среднего класса Вены, были в первую очередь евреи. Как и остальные, он испытывал смешанные чувства к своей национальности. Ассимилировавшиеся семьи, как Фрейды или Бернейсы, не любили евреев «низшего» типа. В письме, написанном Фрейду Минной в 1910 году, когда она во время отпуска следила за квартирой, говорилось, что приходили «евреи-электрики», которые, конечно, были «слишком утонченными, чтобы убрать за собой грязь».

Но Фрейд, западный ученый и атеист, в то же время оставался евреем, фантазии которого объединяли его с историей его народа. По мере усиления антисемитизма Фрейда все больше одолевали размышления о своих корнях. Надежда евреев Центральной Европы на лучшее будущее, столь сильная в молодости Фрейда, начинала ослабевать. Старая христианская ненависть к чужакам проявлялась все сильнее.

В Вене мэр Люгер с приятелями вовсю строили дома, проводили трамвайные пути и играли на популярных мифах о золотых днях старой Вены, когда пригородные виноградники были полны сытых и веселых граждан с золотым сердцем и работающими руками, говорящих

на местном диалекте, а не с гортанным акцентом некоторых иммигрантов.

Незадолго до того газеты Вены освещали суд над Леопольдом Хильснером, и все жители с жадностью читали каждый номер. В богемском городке (в ста пятидесяти километрах на запад от места, где родился Фрейд) арестовали еврея-бродягу и обвинили его в том, что он перерезал горло христианке и выпустил из нее кровь, совершив ритуальное убийство. За это Хильснера дважды приговорили к смерти, но император смягчил наказание до пожизненного заключения. Люди Люгера из всех сил подогревали волнения, вызванные этим событием в Вене. В 1901 году в венских газетах появились печально известные «Протоколы сионских мудрецов», якобы представлявшие собой стенографическую запись съезда еврейских предводителей, разрабатывающих планы завоевания мира.

«Эти „Протоколы“ не раз играли свою роль. Гитлер использовал их в качестве свидетельства еврейского заговора, разрабатывая нацистскую идеологию в 1920 году, а лондонская „Таймс“ восприняла их за чистую монету. Эти записи были сфабрикованы в конце девятнадцатого века русской тайной полицией для антисемитской пропаганды.»

В сентябре Фрейд, сын Ганнибала, наконец приблизился на поезде к Риму. За месяц до того он говорил, что до конца лета ему нужно «восемь-двенадцать дней оливкового масла и вина». Вероятно, он оставил Тумзее вскоре после стычки с деревенскими, которая, по словам Мартина, произошла «ближе к концу нашего отдыха». Решил ли он в последний момент отправиться именно в Рим, а не в какой-нибудь другой итальянский город именно из-за этих антисемитов. Он поехал туда с братом и провел в языческом и классическом Риме двенадцать дней, обращая мало внимания на его вторую историю как города Христа. В письме домой он удивляется, почему так долго боялся Рима.

Сразу же по возвращении в Вену он преодолел еще один внутренний барьер и стал прилагать активные усилия для того, чтоб наконец получить звание профессора, которого ему не дали годы терпеливого ожидания. Сам Фрейд считал, что избавление от римской фобии расчистило перед ним путь. «Другим для того, чтобы поумнеть, не обязательно сначала съездить в Рим», – пишет он Флису на следующий год в одном из последних писем в Берлин.

Каждый год начиная с 1897-го, когда Крафт-Эбинг и его комиссия выдвинули кандидатуру Фрейда на получение профессорского звания, его отвергали. В 1901 году Фрейд начал действовать с того, что заручился поддержкой Элис Гомперц, его бывшей пациентки, принадлежавшей к известному семейству. У нее были хорошие связи и дружеские чувства по отношению к Фрейду. Но она не смогла повлиять на министра. «А кто он такой?» – хитро спросил тот. До Фрейда доходили слухи, что «известные официальные круги» над ним смеялись.

Возможно, те же самые круги считали его не только смешным, но и слишком сложным. Ранее в том же 1901 году Брейер упросил его дать публичную лекцию в Философском обществе о своей работе. Фрейд ответил, что будет говорить о «различных интимных и сексуальных вопросах», не подходящих для аудитории, где есть женщины. Когда общество прислало на Берггассе двух делегатов для пробного прослушивания, те нашли лекцию «чудесной», и в газете «Нойе фрайе прессе» сообщалось, что лекция состоится. Но в последний момент от философов пришло письмо, в котором те просили Фрейда начать лекцию с безобидных примеров, а затем объяснить, что последуют сомнительные моменты, и будет сделан перерыв, чтобы дамы могли покинуть зал. Фрейд отменил лекцию.

В конце концов успеха добилась другая пациентка со связями – баронесса Мария фон Ферстель, жена дипломата, когда-то подвергшаяся психоанализу. Возможно, она решила во что бы то ни стало показать, что может больше, чем госпожа Гомперц. Она прижала министра фон Хартеля к стенке, и тот дал ей понять, что очень хотел бы получить для своей галереи одну картину, изображающую руины замка у Беклина. Эта картина была у ее тети, которая, впрочем, не собиралась ее отдавать. Баронесса Ферстель предложила министру другую картину, а на званом обеде ее любезно проинформировали, что бумаги Фрейда отправлены на подпись к императору.

Фрейд мечтал не о такой победе. После получения звания профессора он был на аудиенции у министра, чтобы формально поблагодарить его. «Идя домой с аудиенции, – пишет он двадцать лет спустя, – я поймал себя на том, что пытаюсь изменить слова, которыми мы обменялись, и с тех пор я уже не мог восстановить разговор в точности».

Это ранило гордость Фрейда, но все же он наконец стал профессором. «Итак, я достиг этого», – пишет он Флису 11 марта 1902 года в последнем письме перед двухлетним перерывом, когда дружба наконец испарится под грузом взаимных обвинений. Фрейду не терпелось сообщить о своем успехе и в то же время нужно было признаться, на какой моральный компромисс ему пришлось для этого пойти. Он иронически пишет, что «получил небывалое общественное признание» – над этой газетной фразой он часто посмеивался. Затем Фрейд продолжает:

Уже начался поток поздравлений и цветов, как будто его величество вдруг официально признало роль сексуальности, совет министров утвердил значимость снов, а две трети голосов парламента были отданы за необходимость психоаналитического лечения истерии.

Очевидно, я снова стал уважаемым... Но я бы все же с радостью променял каждые пять поздравлений на один приличный случай, подходящий для серьезного лечения. Я понял, что Старый Свет управляется связями, так же как Новый – долларом. Я впервые поклонился власти имущим и теперь могу надеяться на награду.

С новыми силами и чувством облегчения и удовлетворенности Фрейд начал задумываться об учениках. Говорят, что создать профессиональный кружок первым предложил ему Вильгельм Штекель, умный и прозорливый молодой невропатолог, активно интересующийся женщинами и сексом в целом (еще в 1895 году он опубликовал статью о коитусе в детстве). Он обратился к Фрейду, по выражению Эрнеста Джонса, с «неприятным невротическим расстройством, суть которого я не буду излагать», где-то в 1901 году. Фрейд провел его анализ.

В начале следующего года Штекель, который работал еще и журналистом (недоброжелатели говорили, что это должно было быть его основной работой), написал рецензию «Толкования сновидений» для ежедневной газеты. «Доктор Фрейд, – писал он, – знаменитый специалист по болезням души, открывает новую эру в психологии». Вскоре Штекель начинает задумываться о том, чтобы самому заняться анализом, который позволял вступать в интересные взаимоотношения с женщинами и получать большое количество интимного материала.

Осенью 1902 года Фрейд послал открытки четверым врачам-евреям с предложением регулярно встречаться у него и обсуждать его работу. Одним из этих врачей был общительный Штекель, семья которого, как и Фрейды, была родом с востока. Вторым стал социалист Альфред Адлер, сын венского торговца зерном, кутивший тонкие сигары и отличавшийся довольно неуживчивым характером. Он был одним из первых феминистов. Двое других врачей – это Рудольф Райтлер и Макс Кахане. Они условились встречаться по вечерам в среду после ужина и образовали «Общество по средам». Позже Фрейд обобщил все это в одной фразе: «Начиная с 1902 года вокруг меня собралась группа молодых врачей с ярким намерением учиться психоанализу, заниматься им и распространять знание о нем».

Вначале это были наставник и четверо восхищенных учеников. Они сидели за столом в приемной, пили черный кофе с кексами и заполняли комнату дымом. Фрейд в особенности «дымил как паровоз». Те, кто присоединился к нему, не имели репутации, которую можно было потерять. В противном случае они бы не так охотно стали его союзниками.

Фриц Виттельс, вступивший в кружок несколько лет спустя, говорил, что Фрейд не хотел, чтобы с ним спорили. Ему был нужен «калейдоскоп с зеркалами, умножающими изображение, которое он им дает». Виттельс, как и остальные, делал то, что от него ожидалось. Фрейд был отцом, а они – его сыновьями.

Глава 17. Несчастные семьи

Как любой европейский город начала двадцатого века, Вена относилась снисходительно к мужчинам среднего класса, желающим «поразвлечься». Строгие законы морали существовали, но в основном применительно к женщинам, да и в этом случае их тоже можно было обойти. В эту игру играли в закрытых купе, маленьких гостиницах, холостяцких квартирах и комнатах в ресторанах, куда пары могли удалиться после ужина.

Состоятельным мужчинам в летах было несложно найти нуждающихся в деньгах молодых продавщиц, швей или актрис. Они жили в стране Артура Шницлера. В одном из своих рассказов он описывает бедную Катарину («перчаточный магазин Кляймана, Вильгельмштрассе, 24»), которая дает временное утешение герою, врачу средних лет, но не может рассчитывать на постоянную связь, потому что «у него только одно желание – быть счастливым, и он был готов брать это счастье везде, где его предлагают».

Половые отношения до брака между постоянными партнерами среднего класса были в то время менее распространены. Порядочные девушки боялись беременности и скандала. Часто они выходили замуж за мужчин на годы, а то и десятки лет старше себя. Для одиноких женщин добродетель была так же естественна, как воздержание считалось неестественным для одиноких мужчин. Иногда молодой человек мог найти женщину даже в своем собственном доме или доме отца. В домах буржуа были служанки, которые заранее знали, что соращение встречается очень часто, и почти ожидали, что молодежь хозяин будет этим заниматься.

Фрейд тоже передает рассказ одного пациента (Эрнста Ланцера, Крысиного Человека, которому тогда, в 1907 году, было двадцать девять лет) о подобном случае. История связана со служанкой, которая «не была ни молодой, ни красивой... Он не может объяснить зачем, но внезапно он поцеловал ее и начал домогаться близости. Хотя, несомненно, ее сопротивление было притворным, он пришел в себя и убежал в свою комнату». Фрейд, скорее всего, прав: сопротивление едва ли могло быть серьезным. Говорили, что здоровых и привлекательных молодых женщин брали в дом в качестве прислуги специально для того, чтобы сыновья в безопасности узнавали, что такое секс. Практически то же практиковалось в Лондоне.

Что до обычной проституции, с ней в европейских городах проблем не было. Американский исследователь Абрахам Флекснер, побывав в Европе перед первой мировой войной для изучения проституции, с огорчением обнаружил, что «ни традиции, ни общественное мнение не требуют мужского воздержания», хотя Великобританию он считал несколько менее развращенной. Как оказалось, великие столицы Европы гордятся своей репутацией городов страсти, в то время как более мелкие города, например Женева, «сгорают от зависти» и безнадежно стараются догнать Берлин или Вену.

Венцы радовались, что живут в городе удовольствий, который был в то же время центром культуры и сердцем империи. Для того времени вообще характерна скрытая за внешними приличиями чувственность. Лондонский Вест-Энд кишел борделями, на которые полиция закрывала глаза, но лицензий не выдавала, потому что это означало бы признание их существования. В Вене, как и в большей части городов континента, была система лицензирования, хотя она охватывала лишь часть уличных женщин (Флекснер считал, что в Вене тридцать тысяч проституток – не подкрепленное фактами предположение). Их дома иногда строились на месте средневековых кладбищ или виселиц, где многие годы никто не хотел жить. Над мужчинами витал страх заболеть сифилисом – это считалось единственным недостатком половой распущенности.

Несмотря на это, прелюбодеяние процветало. Серьезные скандалы были маловероятны, хотя связь с замужней женщиной могла стать причиной дуэли (Шницлера это очень беспокоило). В редких случаях, когда были замешаны интересы государства или высокопоставленное лицо хотело отомстить, адюльтер мог иметь очень неприятные последствия. Когда обнаружилось, что у графини Луизы фон Кобург роман с лейтенантом, венские психиатры, в том числе Крафт-Эбинг, объявили ее умалишенной и отправили в

сумасшедший дом, потому что так было нужно правительству. К опасным симптомам этой женщины отнесли антипатию по отношению к суду.

Журналист Карл Краус защищал ее в 1904 году в ходе своей сатирической кампании против правительства в журнале «Факел», которым он владел и основным автором которого являлся. В этом журнале длинные очерки, состоявшие из фактов вперемишку с фантазиями, создавали образ Вены как темной столицы разлагающейся империи Габсбургов, пребывающей во власти ложных идеалов и лицемерия. «У полиции и армии появилась новая обязанность, – пишет он в очерке, посвященном фон Кобург, – направлять сексуальное желание в новое русло».

«Факел» то и дело высмеивал психиатрию, но психоанализа это сначала не касалось. Краус и Фрейд видели достоинства друг друга, поскольку оба считали, что ищут истину за фальшью и обманом. Большая часть этого обмана (большая, по мнению Фрейда) касалась сексуального поведения. Впервые эти два человека встретились, когда Краус освещал еще один скандал 1904 года, дело Хервея. Женитьба мелкого австрийского чиновника на экзотической еврейке-иностранке стала достоянием общественности, после того как газетные сплетни довели его до самоубийства, а жена попала в тюрьму за двоемужие.

Эдвард Тиммс, историк, занимающийся деятельностью Крауса и его окружения, считает, что основной темой статей Крауса в «Факеле» об этом скандале является «столкновение двух несовместимых миров – провинциальности несчастного Хервея и космополитизма его жены». Фрейд послал Краусу записку на своей визитной карточке, поздравляя его с тем, что тот увидел более важные вещи, стоящие за незначительным событием". Год спустя Краус писал в «Факеле» о смелом заявлении Фрейда о том, что гомосексуалисты не сумасшедшие и не преступники. Эти люди имели много общего, хотя Крауса интересовало общество в целом, а Фрейд смотрел на человека изнутри.

Странная история Фрейда о Доре, датируемая 1900 годом, но опубликованная лишь в 1905 году, была связана с некоторыми частными событиями в богатой буржуазной семье, которые могли бы заинтересовать Крауса, если бы стали частью публичного скандала. Поскольку этого не произошло, внешний мир был к ним равнодушен. Мы знаем о них лишь потому, что некая девушка доставляла неприятности семье и ее отвели к Фрейду дня психоанализа.

«Фрагмент анализа случая истерии» объемом в пятьдесят тысяч слов – единственное крупное психоаналитическое описание из пяти опубликованных Фрейдом, которое касалось женщины. Это очень отличается от ситуации с ранней работой «Этюды по истерии», написанной еще до создания теории психоанализа и имевшей дело только с женщинами. Возможно, Фрейд, у которого, как предполагают, было в два раза больше пациенток, чем пациентов (по крайней мере, до 1914 года), не хотел, чтобы его считали врачом, специализирующимся на женщинах, то есть на менее важной области.

Дора, настоящее имя которой было Ида, впервые попала на Берггассе в начале лета 1898 года, куда ее привел отец, Филипп Бауэр, преуспевающий промышленник чуть моложе пятидесяти лет «Как обычно, в тексте Фрейда все имена скрыты. Фамилия и прошлое Бауэров были названы исследователями лишь в 1980-х годах.». За несколько лет до того Бауэр уже обращался к Фрейду – как к невропатологу, а не аналитику – и лечился от угрожающих симптомов, напоминающих рецидив сифилиса, которым он заразился до брака. Дора родилась 1 ноября 1882 года, и, таким образом, летом 1898 года ей было пятнадцать. Она страдала от постоянных головных болей и потери голоса. Когда Фрейд увидел ее, она кашляла и хрипела. Он решил, что девушка страдает от истерии, и предложил психоанализ, но та отказалась, потому что ее уже вели от врача к врачу и подвергали гидротерапии (ваннами и душем) и электротерапии.

Через два года ее состояние ухудшилось. Она стала подавленной и враждебной по отношению к отцу, отказывалась помогать своей чрезмерно домовитой матери Кэт и начала посещать «лекции для женщин», скорее всего, посвященные женской эмансипации. Когда родители обнаружили черновик записки о самоубийстве – оставленной на письменном столе, где они не могли ее не заметить, – они настояли, чтобы Ида отправилась к Фрейду для психологического лечения. Та неохотно повиновалась, и в октябре 1900 года, незадолго до того, как ей исполнилось восемнадцать лет, анализ начался. Это о ней Фрейд писан Флису, что случай «легко открылся» его отмычками.

Фрейд быстро узнал многое о Бауэрах и скелетах в их семейном шкафу – кое-что от самого Бауэра еще до анализа, – что, как можно было бы предположить со стороны, помогло ему объяснить проблемы Доры. Бауэры и их близкие друзья, тоже еврейская пара, Ганс и Пеппина Зелленка (Фрейд изменяет их фамилию на «К.»), были похожи на героев рассказа о несчастливых семьях, вышедшего из-под пера какого-нибудь меланхолического русского писателя. В этом рассказе Дора, главная героиня с белым как мел лицом, находится на пересечении главных и побочных сюжетных линий, причем все они связаны с сексом. Во время приступа сифилиса, из-за которого Бауэр и попал к Фрейду, за ним ухаживала госпожа Зелленка, а не его жена, и у них начался роман, немного ограниченный состоянием его здоровья.

Дора, которая была для детей семьи Зелленка «почти матерью», знала об этой связи. Она была в близких отношениях с госпожой Зелленка и являлась поверенной ее сердечных тайн, спала с ней в одной спальне (муж был «размещен где-то в другом месте») и восхищалась, как она сказала Фрейду, «великолепным белым телом» женщины. Пеппина выглядит в этой истории не менее странной, чем мать Доры, хотя, возможно, дело просто в манере Фрейда описывать женщин.

Почти все эти события произошли в Мерано (в книге Фрейд называет его «Б-»), австрийском южном курорте, где была Минна в 1900 году. Бауэры отправились туда в связи с ухудшением здоровья Филиппа, и именно там они познакомились с семьей Зелленка. Ганс тоже занимался бизнесом, хотя и в меньших масштабах. Роман Филиппа Бауэра и Пеппины Зелленка начался в 1894 году.

Два года спустя, по всей видимости, в конце весны 1896 года, Зелленка устроил так, чтобы оказаться наедине с Дорой в своем магазине на главной улице Мерано. В тот день был церковный праздник, и он пригласил ее якобы для того, чтобы посмотреть на процессию. Там он схватил ее и поцеловал. Фрейд, восстанавливая события после рассказа Доры, решил, что «во время страстного объятия мужчины она чувствовала не только поцелуи на своих губах, но и давление его эрегированного члена». Как бы там ни было, Дора почувствовала отвращение и убежала. В истории Фрейда ей четырнадцать лет. На самом деле ей, скорее всего, было тринадцать. Фрейд добавляет ей год, и это объясняется тем, что день рождения Доры приходится на конец года.

Два года спустя, летом 1898 года, когда Доре было пятнадцать, Зелленка повторяет свою попытку. На этот раз они были у альпийского озера, где супруги Зелленка, Дора и ее отец проводили летний отдых. Зелленка «сделал известное предложение» Доре, добавив, что не может «ничего получить от своей жены». Она дала ему пощечину, а потом рассказала обо всем матери. Та передала все отцу, а он обвинил Зелленка. Ганс же не только отрицал все обвинения, но сказал, что слышал от жены о нездоровом интересе Доры к сексу и о том, что девочка читает книгу «Физиология любви».

Бауэр поверил ему – или сказал, что поверил. Он решил, что у его дочери была сексуальная фантазия о Зелленке. Когда в 1900 году с ней начались проблемы, Бауэр сказал Фрейду, что считает ее фантазии причиной «депрессии, раздражительности и мыслей о самоубийстве». (Кроме того, он тоже говорил: «Вы уже знаете, что я ничего не могу добиться от своей собственной жены».) Задачей Фрейда было сделать Дору более сносной.

В истории есть и скрытые течения. Одно время у Бауэров работала гувернантка, которая пыталась настроить Дору против госпожи Зелленка и, как подозревали, была

влюблена в Бауэра. Зелленка тоже держали гувернантку, и Ганс ухитрился заполучить ее в постель незадолго до того неприличного предложения Доре у озера. Дора уже знала обо всем от гувернантки, которая добавила, что частью обольщения Зелленка была все та же универсальная жалоба о том, что он «ничего не может добиться от жены». Неудивительно, что Дора дала ему пощечину.

Такие сложные сексуальные перипетии не слишком удивляли Фрейда. Он не сомневался в их правдивости и своей «реконструкцией» событий еще больше усложнял историю. Предположение Бауэра о том, что его дочь фантазирует о Зелленке, было отмечено. Здесь были задействованы реальные поцелуи и, несомненно, настоящие пенисы, но Фрейд отнюдь не видел в Доре жертву неестественных и унижительных условий – как и большинство его современников. Разве что Карл Краус, возможно, не принадлежал к этому большинству.

Фрейда не волновала и проблема несчастливых семей. Это было слишком распространенным явлением. Дора считала, что ее «отдали господину К. в качестве платы за то, что он закрывал глаза на отношения между своей женой и ее отцом», но Фрейд не придавал значения этим горьким чувствам. Она была для него всего лишь невротичкой, истеричной молодой девушкой, судьба которой уже давно была predetermined, причем не поцелуями господина Зелленка.

Целью метода Фрейда было исследовать, как произошло это предопределение, с помощью искусства или ремесла психоанализа. Как-то он говорил, что «Случай истерии» – это «скрупулезно точный и художественный рассказ». В «скрупулезной точности» можно усомниться, но «художественность» едва ли кто-то станет отрицать. В очерке нет ни одного реального события, не пропущенного сквозь призму воображения автора и не измененного им. Эта работа – великолепная смесь фактов и догадок, выходящих за пределы реальной жизни. Он исследует жизнь Доры и находит в ней все нужные ему подтверждения, но выводы, к которым он приходит, фантастичны. Фрейд уподобляется писателю, который не только убежден в том, что за его рассказом стоят реальные факты, но и утверждает, что все произведение – чистая правда.

Дора – героиня особого рассказа, и Фрейд не скрывает своего удивления ее поведением с преследовавшим ее господином Зелленка. Когда он обнял ее в пустом магазине – продавцы ушли, девушка была у двери на лестницу, – это «чувство сильного отвращения», по мнению Фрейда, было нездоровым. У нормальной девушки это объятие вызвало бы сексуальное возбуждение, сопровождающееся «ощущением в гениталиях». Фрейду нужно было доказать, что девушка страдает от истерии, и это стало готовым доказательством. Если тринадцатилетняя девочка чувствует отвращение от поцелуя, не говоря уже об эрегированном члене господина Зелленка, который, видимо, должен был еще более увеличить ее удовольствие, это «несомненная и бесспорная истерия». Возможно, такое уверенное предположение было частично связано с воспоминаниями о Гизеле Флюс. Ей тоже было тринадцать, когда Фрейд был влюблен в нее во Фрейбурге.

В очерке «четырнадцать» смотрелось лучше, чем «тринадцать». В Вене этот возраст считался брачным, и Фрейд не хотел обвинить уважаемого господина Зелленка в противоправных действиях. Тринадцать лет в 1900 году было и старшему ребенку Фрейда, Матильде. Анализ Доры начался или непосредственно перед ее днем рождения 16 октября, или после него. Интересно, Фрейд думал, что и Матильда должна испытывать приятные «ощущения в гениталиях», если бы к ней стал приставать друг семьи? Но Матильда была его дочерью, а не героиней книги.

В этом очерке Фрейд впервые подробно и открыто описывает процесс психоанализа. В «Этюдах по истерии» в 1895 году этот метод все еще находился на стадии разработки, и ему приходилось скрывать моменты, связанные с сексом, чтобы не испугать Брейера и коллег, поставлявших ему пациентов. К 1900 году Фрейд стал старше и смелее.

Анализ перешел к нервическому кашлю Доры. Девушка рассказала Фрейду, что госпожа Зелленка любит ее отца только потому, что он «человек со средствами». Фрейд

решил, что за этой фразой кроется обратное. Ее отец – «мужчина без средств». Это могло означать только одну вещь, очевидно, связанную с сексом, – он был импотентом. Дора согласилась с Фрейдом.

Как мог импотент иметь связь с любовницей? Фрейд в результате анализа пришел, как это часто бывало, к идее орального секса, о котором Дора была хорошо осведомлена. Фрейд заявил, что зуд в горле и кашель – это бессознательные продукты фантазии Доры об оральном сексе между ее отцом и его любовницей. Впрочем, позволяла ли импотенция совершать фелляцию и как это происходило, осталось невыясненным.

Фрейд объяснил Доре, в чем заключается ее проблема. Всею виной любовь, которую она испытывает к господину Зелленка (бессмысленно это отрицать); эдипова любовь по отношению к отцу, вызванная ею из прошлого, чтобы отец мог защитить ее от последствий любви к господину К.; гомосексуальная любовь к госпоже Зелленка (ключом к этому стали слова о «великолепном белом теле»).

Как все это сложно! Доре приснился горящий дом, отец у кровати, шкатулка с драгоценностями, которую ее мать хотела спасти от пожара. Фрейд нашел во сне связь с ночным недержанием мочи и гениталиями Доры (шкатулка), а также детской мастурбацией, которая и вызвала недержание. За сном скрывалось желание, чтобы отец спас ее от искушения в ситуации с господином Зелленка, как когда-то в детстве он спас ее от мочеиспускания в постель. В основе ее истерии была детская мастурбация, связанная с ночным недержанием, влажными выделениями и отвращением к самой себе. Фрейд писал:

Если Дора чувствовала, что не может отдаться любви к [Зелленка], если, в конце концов, она подавляла это чувство вместо того, чтобы подчиниться ему, ее решение зависело в первую очередь от преждевременного сексуального удовольствия и его последствий.

31 декабря 1900 года Дора отказалась от анализа. Она попрощалась с Фрейдом, пожелала ему счастливого Нового года и навсегда покинула его кабинет.

Какие бы секреты он ни раскрыл, он выслушивал то, что она ему говорила. Но, с ее точки зрения, Фрейд тоже был частью подавляющего ее мира мужчин. Он получал деньги от ее отца, чтобы сделать ее более послушной, и мог сказать ей – что он и сделал во время последнего сеанса, когда она уже объявила о том, что прекращает лечение, – что она совершенно серьезно хочет, чтобы Зелленка развелся со своей женой и женился на ней.

Поколения аналитиков считали «Случай истерии» святой правдой. Только саму Дору Фрейду не удалось убедить. Даже тогда Фрейд признавал, что анализ не дал, да и по сути своей не мог дать полных ответов на вопросы. Впрочем, теперь ее история – всего лишь музейный экспонат.

В этой истории есть и неразгаданные тайны самого Фрейда, в частности, его отношение к героине (причем сам он был таким же участником истории, как и она). Позже перенос эмоций и желаний, или «трансфер», между пациентом и аналитиком стали считать взаимным процессом, но сначала придавалось значение только эмоциональной реакции пациента по отношению к аналитику. Фрейд все еще осваивал в то время метод анализа, в котором пациент наделяет аналитика качествами (хорошими и плохими) людей, с которыми у него сложились взаимоотношения до того. Дора, как считал Фрейд, видела в нем сначала отца, а потом Зелленка. Но (как он говорил) он заметил это изменение отношения слишком поздно, чтобы убедить ее не прекращать анализ и не мстить тем самым образу Зелленка в его лице.

Обратная передача – эмоциональное отношение Фрейда к пациентке – в рассказ не входит. Она просто раздражала его, в первую очередь потому, что ушла именно в тот момент, когда он считал (а как же иначе?), что вот-вот вылечит ее. Невозможно выйти необожженным, выразительно пишет он, из борьбы со «злейшими полудикими демонами, населяющими человеческую душу». Но чувства Фрейда по отношению к Доре, вероятно, были не менее сложными, чем ее чувства к нему. Его вопросы касались мельчайших подробностей ее половой жизни, и, хотя этот допрос совершался ради лечения, трудно

представить, что мужчина мог изо дня в день говорить об этом с молодой женщиной, по сообщениям, привлекательной и, без сомнения, интересующейся половыми проблемами, и оставаться совершенно равнодушным к неизбежному напряжению между ними.

Фрейд не забывал заранее защищаться от возможной критики по поводу своей откровенности. Он понимал, что многие врачи, «по крайней мере, в этом городе», читают истории болезни, подобные этой, «каким отвратительным это ни кажется», как «*roman a clef*», «Роман о реальных лицах и событиях, изображаемых с некоторыми художественными изменениями (фр.)», предназначенный для личного удовольствия». Возможно, он имел в виду и истории Крафта-Эбинга, но те были более бесстрастны и сухи, в них не было той полноты и яркости, усиленных художественным даром Фрейда, благодаря которым Дора и окружающие ее люди так реалистичны и чувственны.

В другом месте Фрейд оправдывает свой подход к подобным вопросам, утверждая, что он общался с Дорой «сухо и прямо», о приятном возбуждении не было и речи. Он пишет, что «менее отталкивающие» сексуальные извращения «широко распространены среди всех людей, как известно всем, кроме специалистов, пишущих статьи на эту тему».

Это скорее усиливает подозрение, что Дора интересовала Фрейда как женщина больше, чем он себе в этом признавался. Психоанализ впоследствии стал принимать это явление как должное. В случае Доры постоянно присутствующая сексуальность чувствовалась в рассказе и, возможно, способствовала тому, что девушка увидела во Фрейде еще одного мужчину, усложняющего ей жизнь. Не казалось ли ей, когда она уходила от него, что, несмотря на всю оригинальность и яркость, его захватывающая теория – всего лишь выдумка?

Некоторое время Фрейд поддерживал с ней связь. Больше года спустя, в 1902 году, она побывала у него, чтобы сообщить, что чувствует себя лучше. За это время она повидала госпожу Зелленка и насладились небольшой мстью, сказав ей, что знает о ее романе. В конце 1903 года она вышла замуж за человека на девять лет старше себя, родила ребенка, приняла протестантство и исчезла из поля зрения Фрейда.

Ее брак оказался несчастливym, и она посвятила себя игре в бридж. В 1920-х годах в возрасте сорока лет она обратилась к другому психоаналитику, Феликсу Дейчу, личному врачу Фрейда, и тот услышал от нее горестную историю о мужчинах, сексе и запорах. Кроме того, она вела себя, как решил он, кокетливо. Но Дейч, приближенное лицо Фрейда, знал все нелестные вещи о Доре, причем самым плохим было то, что она демонстративно ушла от Фрейда. В 1957 году он цитировал замечание Фрейда о том, что она была «одной из самых отвратительных истеричек», каких он когда-либо встречал. Эти слова были ее эпитафией до тех пор, пока уже совсем недавно ее не реабилитировали сторонники феминизма и пересмотра теорий Фрейда.

Одна из внучек Фрейда, доктор Софи Фрейд (дочь Мартина, родившаяся в 1924 году, гражданка США), писала в 1993 году языком, который очень удивил бы ее деда, о том, что история Доры – это история «талантливой, умной еврейской женщины среднего класса, которая провела подростковый возраст в дисфункциональной семье в женоненавистнической и антисемитской Вене, под эмоциональным гнетом враждебного окружения, сформировавшего ее жизнь». Хотя какую-то награду она все же получила: другого такого рассказа, как о ней, Фрейд не написал.

К моменту выхода очерка в свет в 1905 году Фрейд начал постепенно определять, какой тип пациентов его интересует. Они должны быть интеллигентными и воспитанными: «Если врачу приходится иметь дело с никудышным характером, он вскоре теряет к нему интерес, который необходим для глубокого проникновения в психическую жизнь пациента». Ненадежные и необразованные люди, «никчемные», не подходили для его лечения. Фрейд подразумевал, что пациент должен быть польщен, если он соглашается его анализировать. Эта процедура не для грубых и глупых людей, не для простого народа, от которого Фрейд отгораживался еще десятки лет до того, когда писал Марте о «толстой шкуре и легкомысленных привычках» толпы на ярмарке.

Своим коллегам из кружка он говорил (в 1906 году), что от невроза практически

свободны две группы людей: пролетарии и принцы. После первой мировой войны это стало вызывать сомнения, когда стало ясно, что эти категории просто не обращаются к врачам. Тем не менее психоанализ продолжал оставаться привилегией образованных, цивилизованных и богатых. Уже к 1904 году предполагаемый курс лечения должен был составлять «от шести месяцев до трех лет». Это требует большой решимости и не меньших средств. Операция на мозге стоила дешевле. В отличие от демократичного Альфреда Адлера, который сидел по одну его руку на встречах кружка (а Штекель – по другую), Фрейд не владел лексикой, которую можно было использовать в разговорах с водителями трамваев и дворниками, и считал бы непрактичными попытки ее освоить.

Он отделился от остальных и создал метод психотерапии себе под стать, хотя применение его собственных приемов к нему самому – дело неблагодарное. Среди требовательных клиентов-буржуа, тени которых по сей день проносятся по тротуару возле его квартиры, попадались и более легкие случаи. Однажды к Фрейду где-то в 1905 году пришел студент психологии из Швейцарии, Бруно Гец, с жалобами на головную боль и проблемы со зрением. Гец прислал его профессор, который сначала удостоверился, что Фрейд прочитал несколько стихотворений студента. Гец, который впоследствии стал писателем, обнаружил, что свободно беседует с Фрейдом, и тот произносит: Что ж, мой студент Гец, я не буду вас анализировать. Живите счастливо со своими комплексами". Фрейд выписал ему рецепт для глаз, спросил, когда тот последний раз ел отбивные, и отправил его, дав конверт с «небольшой платой за то удовольствие, которое вы доставили мне своими стихами и рассказом о своей молодости». Вернувшись к себе, Гец нашел в конверте двести крон и расплакался. Чтобы заработать эти деньги, Фрейду нужно было не раз принять пациента. Но напоминание о молодости того стоило.

Гораздо чаще он подчеркивал, как серьезные случаи, которыми он занимается. Психоанализ, писал он, создан «для лечения пациентов, навсегда исключенных из нормального существования». Он даже утверждал (в 1905 году), что пока использовал психоанализ только «в самых тяжелых случаях» и все его ранние пациенты проводили «многие годы в санаториях». Это не может быть правдой (разве Эмма Экштейн находилась в больнице годы?), но Фрейду было необходимо подчеркнуть, что в мире столько несчастных людей, которых нужно вылечить, и что он может преуспеть там, где другим, особенно традиционным психиатрам, это не удастся. Со своими коллегами он теперь обращается более тонко: на медицинском собрании в Вене в декабре 1904 года он говорит, что «мы, врачи» все занимаемся психотерапией того или иного рода, и иначе быть не может, раз этого требуют пациенты.

Он становится все более известной фигурой на венской сцене, почти знаменитостью – с дурной славой. Австрийские и немецкие психиатры наперебой осуждали его. В. Шпильмейер выражал сарказм по поводу Доры. А. А. Фридландер в рецензии на «Случай истерии» говорил о «джунглях странных фантазий, в которых задыхается интеллектуальная работа автора». Секс, лежавший в основе теорий Фрейда, был и причиной всех возражений. Его критики и в то время, и сегодня замечали странный полет фантазии Фрейда, но главное, что вызывало их отвращение, имело более глубокие культурные корни. Они были голосом прошлого века, считавшего, что половое поведение не имеет значения для серьезной медицины, и возмущались тем, что теории Фрейда делают отрицательным традиционный образ человека, представляют его иррациональным и управляемым тайными желаниями, о которых мужчины не говорят вслух, а женщины не должны и думать.

С Фрейдом или без него подобное отношение было так или иначе обречено. Над проблемами сексуальности работали Крафт-Эбинг и Мориц Бенедикт в Вене, Флис в Берлине, Гавелок Эллис в Англии и многие другие. Эллис, непрактикующий врач, который черпал свой материал из книг и личного опыта, а не от пациентов, был первым английским автором, написавшим на эту тему что-то разумное и четкое. Первый том своего новаторского «Исследования психологии секса» он опубликовал в Германии в 1895 году. Эта работа находилась в типографии как раз в момент выхода в свет «Этюдов по истерии» Фрейда и

Брейера. Первый том был посвящен гомосексуализму, запретной теме в Лондоне, столице европейского ханжества как в то время, так и сейчас. Именно поэтому он вышел сначала на немецком языке. После опубликования книги на английском языке в 1897 году (это сделал немецкий издатель порнографической литературы, которому для того, чтобы скрыть свою деятельность, пришлось организовывать в Англии подставное университетское издательство) она была запрещена и оставалась под запретом много лет.

Если бы некоторые работы Фрейда, например «Дора», были переведены так рано, их, возможно, ждала бы та же участь: рецензент «Британского медицинского журнала» без колебаний назвал работу Крафта-Эбинга в 1902 году «отвратительной» и посоветовал врачам не читать ее. Однако в конце концов даже англичане поняли, что Эллис, Крафт-Эбинг, Фрейд и иже с ними не причина развития событий, а их следствие.

Фрейд становился все более уверенным в своей правоте, но так и не стал толстокожим. Он никогда не забывал плохих рецензий, обидных слов, насмешек коллег. Теперь настоящий профессор, он продолжал читать лекции студентам и аспирантам, распространять свои идеи по субботним вечерам небольшим аудиториям, которые насчитывали иногда меньше десятка людей, но тем не менее помогали расходиться кругам от камня, брошенного в стоячую воду. Его расстраивало, что некоторые студенты ищут в его лекциях порнографию. «Если вы пришли сюда за сенсациями или непристойностями, – по некоторым сведениям, говорил он, – будьте спокойны, я позабочусь о том, чтобы ваши усилия ни к чему не привели».

У него была преподавательская слегка сутулая осанка, голос твердый, хоть и не звонкий. Лекции он читал практически без конспекта. Когда его спрашивали, как он готовится к лекциям, он отвечал: «Я оставляю это моему бессознательному». У него всегда были в запасе истории и отступления для иллюстрации материала. Подчеркивая, что некоторые психологи не хотят принять его концепцию бессознательного, «первичного процесса», скрывающегося под «вторичным процессом» сознательного, он утверждал, что это напоминает ему великана из поэмы Ариосто, которому в битве отрубили голову, но тот был слишком занят, чтобы заметить это, и продолжал сражаться. «Не сможет не появиться мысль, – сказал Фрейд, – что старая психология убита моей теорией снов. Но она не осознает этого и продолжает по-прежнему учить других».

Зимний вечер; морозный воздух, пахнущий дымом угля и дров; задернутые занавески в доме в Девятом округе, куда Фрейд приехал в экипаже с Бергтассе. Он читает лекцию в старой психиатрической клинике общей больницы. Рядом находится «Наррентурм», «Башня глупцов», где до Фрейда сумасшедших приковывали к стенам и всегда держали наготове плети и смиренные рубашки. У Фанни Мозер, Эмми из «Этюдов по истерии», были фантазии о сумасшедших домах, где пациентов погружали в холодную воду и закрепляли в механизме, который крутил их до тех пор, пока они не успокаивались. Десять лет спустя душевнобольные по-прежнему оставались загадкой, и поэтому они вызывали такой гнев у психиатров. «Башня глупцов» опустела. Сумасшедшие бедняки были вывезены за пределы города, в другое здание, где их заперли и снова забыли.

Некоторые прохожие сворачивают с соседних улиц к больнице и заходят в лекционный зал. Он освещен электрическими лампами, висящими над кафедрой, а ярусы скамей, в основном пустые, остаются в тени. Фрейда не оскорбляет такое небольшое количество слушателей – во всяком случае, он этого не показывает. Он предлагает горсточке заинтересованных пересесть поближе к свету, и двухчасовая лекция начинается.

Ганс Закс, молодой юрист, впоследствии доверенное лицо и тоже аналитик, впервые увидел Фрейда именно там, на этих субботних лекциях, куда пришел, как и остальные, под влиянием книги «Толкование сновидений». Фрейд с теплом говорил о Либо и Шарко. Он раскрывал веред ним тайны сновидений и неврозов, и Закс увидел в нем пророка, но без свойственной пророкам претенциозности. Подчеркивая важность сложных приемов психоанализа, Фрейд показал слушателям юмористическую открытку, где был изображен деревенщина в гостиничном номере, пытающийся задуть электрическую лампу как свечу. «Если вы боретесь с симптомами прямым путем, – сказал Фрейд, – вы поступаете так же, как

и он. Нужно искать выключатель».

Большинство людей отождествляло имя Фрейда с жестокой полемикой. Как он ни старался казаться обычным ученым и защитником истины, они качали головами и молили языками. В 1904 году Фрейд стал участником дела Вейнингера, небольшого скандала, связанного с плагиатом, отказавшей памятью и неудавшейся дружбой с Вильгельмом Флисом. В какой-то момент Фрейд застигнут врасплох, и он уже не полностью владеет собой.

Отто Вейнингер – психически неуравновешенный молодой философ (родившийся в 1880 году), человек с мягким взглядом за очками без оправы, пессимист с мрачными взглядами на женщин и евреев, – опубликовал в 1903 году умную и опасную книгу под названием «Пол и характер». Она произвела в Вене настоящий фурор, особенно когда вскоре после этого Вейнингер застрелился (в доме, где умер Бетховен).

Явный гений со свойственными некоторым гениальным людям проблемами, Вейнингер осудил половое сношение, провозглашая его отвратительным и призывая человечество от него отказаться. И женщины, и евреи, по его мнению, испорчены женским принципом", который оказывает разрушительное воздействие на «мужской принцип» мужчин и арийской расы. Вейнингер подробно рассматривал вопрос бисексуальности и использовал алгебраические формулы, чтобы продемонстрировать силу «мужского» и «женского» начал, присутствующих в любом человека в различной пропорции. «Закон бисексуальной комплементарности» был призван объяснить сексуальное притяжение: мужчина с двадцатью пятью процентами женственности притягивается к женщине с семьюдесятью пятью процентами женственности, и так далее. Эта территория принадлежала Флису. Жемчужина его теоретической короны, «периодический закон» двадцати восьми дней женского цикла и двадцати трех дней мужского, основывался на бисексуальности.

Летом 1904 года эта опасная книга попала в руки Флиса. Он знал (или разузнал впоследствии), что Вейнингер был близким другом молодого венского психолога Германа Свободы. Свобода знал Фрейда. Флис решил: заговор.

В то время Флис как раз был в Вене. Фрейд тогда уже уехал отдыхать в горы, но даже если бы он остался на Берггассе, едва ли они захотели бы встретиться. Вместо этого они пишут друг другу расстроенные письма.

Флис начал (20 июля) с описания своего «ужаса» от того, что он нашел в книге «Пол и характер» собственные идеи о бисексуальности и о вытекающей из нее природе сексуального притяжения («женственные мужчины привлекают мужественных женщин и наоборот»). Он «не сомневался, что Вейнингер узнал о моих идеях от тебя», и требовал «откровенного ответа».

Сначала Фрейд оказался неспособен на откровенность. Снова предметом спора стала бисексуальность. Когда они встретились, как позже оказалось, в последний раз, у Ахензее в 1900 году, он заметил, что для того, чтобы решить проблемы невротиков, нужно исходить из предпосылки, что все люди изначально бисексуальны. Вильгельм тут же напомнил ему, что говорил об этом Зигмунду еще пару лет назад, в Бреслау. Тогда Зигмунд отмахнулся от этой идеи, сказав, что не склонен ее обсуждать. А в 1900 году он уже выражал ее как свою собственную.

Фрейд признал, что ему удобно было забыть это. Он даже написал об этом в «Психопатологии обыденной жизни», не называя имени Флиса, и назвал этот провал в памяти частью «всеобщей» склонности «забывать неприятное».

Три дня спустя после того, как Флис написал ему из своей гостиницы в Вене, Фрейд ответил с гор, что Свобода мог узнать от него о бисексуальности только то, что мог понять любой во время психоанализа – «в каждом невротике есть мощное гомосексуальное

течение». Он добавил: «Я не читал книгу Вейнингера до публикации» – странное заявление, ведь Флис не поднимал этого вопроса.

Прочитав это письмо Зигмунда, Вильгельм незамедлительно парировал:

Так значит, то, что сообщил мне Оскар Рие его шурин в Вене, ничего не подозревая, коска я упомянул о Вейнингере, неправда. Он сказал мне, что Вейнингер отправился к тебе с рукописью и ты, просмотрев ее, посоветовал не публиковать, поскольку содержание – бессмыслица. Мне кажется, в таком случае тебе следовало обратить его и мое внимание на «воровство».

Фрейд ответил (27 июля) наполовину извиняющимся, наполовину гневным тоном. Верно, признался он, он видел рукопись Вейнингера.

Должно быть, в то время я уже пожалел, что через Свободу, как я уже понял, твоя идея перешла от меня к нему. Учитывая мои собственные попытки украсть у тебя оригинальные мысли, я теперь лучше понимаю свое поведение по отношению к Вейнингеру и последовавшее за всем этим забывание.

Бессознательное Фрейда снова подводит его, вмешивается в процессы памяти. Зигмунд как будто сам сдается на милость Вильгельма, его бессознательное создает ситуацию, где ему приходится признаваться в новом и более серьезном расстройстве репродукции. Жалкий жест, который мог бы – кто знает, что он думал на самом деле? – тронуть бывшего друга, любви которого, возможно, все еще не хватало какой-то части Фрейда.

Письмо от 27 июля довольно бессвязное. Признав свою ошибку, Фрейд тут же пишет, что Вейнингер не принес особого вреда. Потом он набрасывается на Флиса.

Это не моя вина... если ты находишь время и желание переписываться со мной лишь по поводу таких мелких инцидентов. За последние несколько лет – как раз после того, как вышла «Психопатология обыденной жизни», – ты больше не интересуешься ни мной, ни моей семьей, ни моей работой. Теперь я смирился с этим и больше мне это не нужно. Я не упречаю тебя и прошу тебя на эти слова не отвечать.

Очевидно, Флис не ответил ни на эти слова, ни на какие-либо другие. Семнадцатилетняя переписка закончилась.

В 1906 году друг Флиса библиотекарь опубликовал статью, где обвинял Свободу и Вейнингера, уличив в посредничестве и Фрейда. Свобода пригрозил судом. Газеты заинтересовались этой историей. Фрейд попытался заручиться поддержкой Карла Крауса в «Факеле», но в остальном не делал никаких серьезных шагов и ждал, пока скандал утихнет. Так в конце концов и произошло.

Без сомнения, оба бывших друга решили, что их предали, и этот разрыв не прошел для Фрейда бесследно. С годами он начал говорить всем, что Флис страдал от паранойи. Но он возвращался к Фрейду в снах.

По поводу «Трех очерков по теории сексуальности», завершенных в 1904 году и опубликованных на следующий год, возникли более серьезные споры. Фрейд наконец приводит в одном труде все свои взгляды на сексуальное происхождение невроза, которые он развивал с 1890-х годов. Он ценил эту книгу не ниже, чем «Толкование сновидений», и постоянно переделывал ее. Непривычное содержание, которое вначале немало ругали, помогло изменить представление о сексуальном поведении на Западе. Фрейд решительно отменяет миф о детской невинности в понимании большинства людей.

Он предоставляет очень мало доказательств. Фрейд полагается на информацию, полученную от современных ему наблюдателей, в том числе Крафта-Эбинга, Гавелока Эллиса и Магнуса Хиршфельда «Магнус Хиршфельд (1868-1935), немецкий сексолог, знакомый Фрейда, который терпел его, но считал „неаппетитным“. Хиршфельд был основателем и руководителем Института сексуальной науки в Берлине, пока тот не был

закрыт „непорочными“ нацистами, пришедшими к власти в 1933 году». Его собственный самоанализ и работа с пациентами, очень немногие из которых были детьми (если таковые были вообще), играл очень большую роль. Но это нельзя считать клиническим исследованием. Фрейд конструирует сценарий: с колыбели сексуальные желания управляют нашей судьбой. Некоторые из его смелых заявлений, в то время возмутительных, сегодня считаются прописными истинами, другие стали историческими курьезами. К женщинам, части человечества, с которой Фрейду было сложно справиться, в книге уделено мало места. Их природа скрытна и неискренна, их эротическая жизнь «скрыта за непроницаемой завесой». Невольно удивляешься, как ему удавалось лечить столько из них.

В очерках содержатся смелые и всеобъемлющие идеи. Первый представляет собой обзор «сексуальных отклонений» у взрослых. В нем Фрейд выражает предположение, что извращение – это всего лишь склонности нормального ребенка, сохранившиеся у человека во взрослом состоянии. Это было неприятной новостью для борцов за сексуальную мораль и шагом по направлению к утопической цели избавить людей от чувства вины за свое поведение. В исследованиях Фрейда грань между «нормой» и «извращением» становится размытой. Гомосексуалисты – это не «дегенераты». Их сексуальный инстинкт оказался направлен по другому пути, возможно, в связи с бисексуальной направленностью, свойственной всем людям. Фрейд не утверждал, что полностью уверен в этом. Опять же, контакт между губами одного человека и гениталиями второго считался извращением. Но если два человека касаются друг друга слизистой оболочкой губ (а это отнюдь не часть сексуального аппарата, отмечает Фрейд, а «вход в пищеварительный тракт»), это хорошо. Здесь Фрейд видел «точку соприкосновения извращений с нормальной половой жизнью».

Фрейд считал, что все эротическое поведение имеет общую структуру, и относился к нему как к части человеческого поведения вообще. Такое бесстрастное исследование дало ему право стать основоположником нового отношения к человеку. Необязательно оспаривать или даже изучать идеи, изложенные в этих трех очерках, чтобы понять, как важна была эта работа. Гавелок Эллис признавал приоритет Фрейда в том, что он назвал вещи своими именами. По его словам, Фрейд описал сексуальное поведение спокойным и неизвиняющимся тоном – так, как никто никогда до него не делал в медицинской литературе.

Второй и третий очерк посвящены детской сексуальности и изменениям в пубертатный период. «Секс» для маленького ребенка – это сначала осязательное удовольствие, которое он получает от любой части кожи. Гениталии приобретают значение позднее. Этот личный мир аутоэротического, в конце концов связанного с мастурбацией удовольствия, теряется в потоке детской амнезии, которая «превращает детство каждого человека в некое подобие доисторической эпохи и скрывает от него начало его собственной сексуальной жизни».

Фрейд строит гипотезу за гипотезой. В подростковом возрасте, когда человек достигает половой зрелости, возрождаются забытые фантазии раннего детства. В это время в бессознательном могут проявиться детские эдиповы фантазии о любви к одному из родителей и ненависти к другому. Если человек не перерастает эти фантазии, в результате может возникнуть серьезный невроз. В несколько искаженной форме подобная идея давно существует в народной психологии: мужчины женятся на женщинах, напоминающих мать.

В этой же работе Фрейд вскользь упоминает, что «переоценил важность соращения по сравнению с факторами сексуальной конституции и развития». Он впервые и с неохотой начинает публично говорить о том, что его точка зрения о соращении в детстве изменилась. Прошло достаточно много времени. Фрейд отказался в личном письме от теории соращения менее чем через два года после того, как выдвинул ее, но с сентября 1897 года, когда у него открылись глаза, до 1905 года он молчал. И даже в этой работе он отрицает, что «преувеличил частоту случаев или важность соращения».

Фрейд кривил душой. Год спустя, в статье под названием «Сексуальность в неврозах», он признал то, что отрицал в 1905 году, и сказал, что «переоценил частоту подобных случаев». Кроме того, он наконец обозначил четкую связь с фантазиями, скрывающимися за

рассказами пациентов о совращении. Он объяснил, что пациенты вводили его в заблуждение, бессознательно используя фантазии для того, чтобы скрыть воспоминания о своей детской мастурбации, а он принимая фантазии за реальные события.

Сначала медицинские обозреватели практически игнорировали «Три очерка», что, впрочем, не мешало психиатрам ругать работу между собой. Краус, в то время еще не разочаровавшийся в психоанализе, послал свой экземпляр романисту Отто Сойке. Тот в «Факеле» дал книге высокую оценку, хотя и выразил смущение. Он назвал работу «первым исчерпывающим объяснением чистой физики любви». Первый тираж в тысячу экземпляров продавался на протяжении четырех лет. Фрейду заплатили около трехсот современных фунтов.

В замечании в конце «Трех очерков» Фрейд говорит о взаимоотношениях между цивилизацией и «свободным развитием сексуальности» и выражает предположение, что одно может процветать лишь за счет другого. К этой теме Фрейд постоянно возвращался на протяжении многих лет, рассуждая о тяжелых последствиях для человека, ведущего ограниченную половую жизнь, и для общества, если человек ведет слишком свободную половую жизнь.

Сам Фрейд иногда колебался в своих выводах. У некоторых смельчаков, которые вскоре увлеклись психоанализом, было меньше сомнений или больше appetitов. В широком смысле, именно сексуальная основа психоанализа привлекла к нему многих практически заочно, потому что это отвечало их собственным приоритетам. От этого они не становились сексуальными хищниками, равно как и Фрейд, но все же психоанализ был особенно привлекателен для людей с хищническими наклонностями.

Возможно, таких аналитиков притягивали и намеки на сексуальные вольности. Они надеялись, что процесс передачи эротической информации или просто физическая близость и природа обсуждаемых предметов сделают пациенток более доступными. О таких вещах редко говорили вслух, но в те времена они придавали психоанализу оттенок опасности и пикантности.

Глава 18. Доктор «Радость» и доктор «Молодой»

День встречи Фрейда с Юнгом – не красный день в психоаналитическом календаре. Он связан слишком со многими неприятными моментами, хотя в то время это было счастливое событие, знак прогресса. Когда доктор «Радость» и доктор «Молодой» встретились в Вене воскресным утром марта 1907 года, их союз казался очень многообещающим.

Доктор Карл Густав Юнг, швейцарский психиатр тридцати одного года от роду, на протяжении предыдущих двенадцати месяцев восхищался Фрейдом (которому тогда было пятьдесят) на расстоянии. Вечером 2 марта он приехал в Вену на поезде из Цюриха со своей двадцатипятилетней женой Эммой, дочерью богатого промышленника. С ними был один из учеников Юнга, приятный молодой врач по имени Людвиг Бинсвангер, сын Роберта Бинсвангера, главного врача клиники «Бельвю».

Первоначально этот визит был запланирован на Пасху, конец марта, когда у Фрейда пациенты занимали бы меньше времени. К его досаде, Юнг изменил договоренность незадолго до своего приезда, чтобы не нарушать своих дальнейших планов по посещению Будапешта и затем отдыха на Адриатике. Так что их первая встреча произошла так, как было удобно ученику, а не учителю.

Их отношения были вызваны потребностью Фрейда в таком человеке, как Юнг, как он написал в одном из своих первых писем. Его уверенность («будущее принадлежит нам и нашим взглядам, а также тем, кто моложе») тут же сменялась горечью по поводу беспощадной Вены, «где, как вы знаете, меня систематически игнорируют коллеги и периодически смешивают с грязью какие-нибудь писаки». Еще до личной встречи Фрейд принял решение, основываясь на их переписке (начатой Юнгом), длившейся одиннадцать месяцев: «Я не знаю... никого более способного и желающего сделать так много для этого

дела, чем вы».

После завтрака Юнг вышел из гостиницы и отправился на Берггассе, где нашел невзрачный дом под номером 19. В магазине на первом этаже все еще сидел Зигмунд-мясник, а на лестнице работали штукатуры. Юнг был у Фрейда к десяти часам и провел там весь день, причем Фрейд сначала позволил вести беседу ему.

Юнг был крупного телосложения, с широкими плечами и мясистым лицом. С ростом 184 сантиметра он возвышался над многими людьми, и Фрейд (170 сантиметров) был гостю по подбородок. Протестант из пасторской семьи, Юнг был религиозным человеком в широком смысле слова, как позже оказалось, христианским мистиком, хотя в общении с Фрейдом эта сторона его натуры не проявлялась. Он говорил резко и угрожающе. Если Фрейд использовал искусство нюансов. Юнг предпочитал кирку с лопатой. Он говорил то, что думает, и прямо была его главным методом работы. «Моя жена богата», – писал он Фрейду за несколько месяцев до того, чтобы тот смог объяснить его сон. Однажды, описывая свою ежегодную службу военного врача в швейцарской армии (чем он просто упивался), он рассказал Фрейду, как поучителен был осмотр пенисов пятисот солдат. Фрейд не делал ничего подобного для австрийской армии, а если и делал, то никогда не упоминал об этом. В личной жизни Фрейд вел себя осторожно, а одной из черт Юнга была опрометчивость. Если Фрейд хотел смело и четко выразить свои мысли, он садился за книгу. Юнг же писал менее понятно, чем говорил.

Центром швейцарской психиатрии была государственная психиатрическая больница на окраине Цюриха, «Бургхельцли», которая относилась к университету и служила для научных исследований и терапии, а не в качестве тюрьмы для забытых пациентов. Ее называли «монастырем» (врачей) и «фабрикой» (пациентов). Юнг работал там с 1900 года и научился устанавливать отношения с пациентами, душевнобольными из рабочего класса, многие из которых страдали серьезными заболеваниями, в отличие от буржуазных невротиков Фрейда. Юнг считал, что с пациентами необходимо общаться независимо от их психического состояния, и идеи Фрейда о психотерапии попали в Цюрихе на более благодатную почву, чем в Вене.

Главный врач «Бургхельцли», Эйген Блейлер (который изобрел термин «шизофрения»), посоветовал в 1900 году своим сотрудникам прочитать «Толкование сновидений». Юнг был одним из тех, кто сделал это. То, что он узнал о подавлении и других понятиях психоанализа, приобрело для него большую важность, когда он начал в «Бургхельцли» длинную серию экспериментов по словесной ассоциации. Ход экспериментов публиковался начиная с 1904 года, и именно это помогло Юнгу приобрести известность «Пациенту читают слова, на которые он должен отвечать первым словом, приходящим ему в голову. С помощью секундомера измеряется задержка ответов, которая обычно свидетельствует о бессознательном конфликте, „подавлении“, которое наблюдал Юнг. К более точным процедурам относились замеры изменений кожи. Этот принцип лег в основу создания детекторов лжи.» Эти опыты дополнили и помогли объяснить действие приема свободных ассоциаций, который Фрейд разработал методом проб и ошибок. Кроме того, благодаря им Фрейд благосклонно отнесся к специалисту, подошедшему к психоанализу с другой стороны и поддержавшему его.

До того разговора в воскресенье в кабинете Фрейда они обменялись восемнадцатью письмами. Первым посланием была записка от Фрейда, написанная в прошлом апреле в ответ на работы о свободных ассоциациях, высланные Юнгом. В первом письме 5 октября 1906 года Юнг выражает свою сдержанность по отношению к сексуальной теории Фрейда, то есть к основам его взглядов. С самого начала этот ученик был не таким, как все. Отметив, что эффект психоаналитической терапии частично объясняется «известным личным взаимопониманием», как говорили многие, Юнг продолжает, что «хотя происхождение истерии в основном сексуальное, это не всегда так». Такая же «ересь» появляется в следующем письме, где Юнг предполагает, что в неврозе может играть роль и «другое основное желание, голод». «Ваша уверенность вызывает тревогу», – добавляет он.

Затем оба как бы достигают негласного соглашения, приписывающего сомнения Юнга его неопытности. «Я очень рад, что вы обещаете пока довериться моему мнению в тех областях, где ваш опыт пока не позволяет вам сделать собственные выводы», – пишет Фрейд. Скорее всего, этот договор был основой их разговоров в Вене. Фрейд то и дело исподволь напоминал об этом Юнгу. «Древние знали, как непреклонен бог Эрос», – пишет он 1 января 1907 года (в это время года он выражался особенно авторитетно).

Юнг по–прежнему сомневался. «Я не мог решить, – писал он в своих мемуарах, – в какой степени такой упор на сексуальность был связан с его субъективными предрассудками, а в какой основывался на поддающемся подтверждению опыте». Но это было написано значительно позднее, когда Юнгу было больше восьмидесяти, и едва ли он очень задумывался о «субъективных предрассудках» Фрейда в то время, если задумывался вообще. Они ладили друг с другом – это говорит о том, что Фрейд был в некоторой степени учителем, а его гость, соответственно, подчинялся ему.

Позже на той же неделе Фрейд укрепил свои позиции, когда, познакомившись к тому времени и с Бинсвангером, предложил обоим рассказать ему свои сны. Бинсвангер сообщил, что ему снился вход в дом на Берггассе, ремонт, который там действительно проходил, и старая люстра, которую рабочие прикрыли куском материи. А, понятно, сказал Фрейд, этот сон обозначает желание жениться на его старшей дочери, Матильде. Но, добавил он, сон в то же время отказывается от этого желания, потому что «вы не будете жениться на девушке из дома с такой убогой люстрой».

Бинсвангер усомнился в его правоте, но был слишком вежлив, чтобы возражать. Замужество Матильды скорее было желанием Фрейда, а не гостя. Это была покладистая девятнадцатилетняя девушка, много болевшая в детстве. Отец беспокоился о том, чтобы она нашла себе мужа, и в какой-то момент действительно думал о венгерском психиатре как о возможном кандидате, убеждая дочь в том, что это возможно, в теплом письме, где говорилось, что красота – это еще не все.

Настала очередь Юнга рассказывать свой сон. Ему приснилось, что Фрейд идет рядом с ним как «очень, очень дряхлый старик». Фрейд сказал, что это означает, будто Юнг видит в нем соперника. Очевидно, он не считал это опасным. Юнг был для него не «вероотступником», а скорее молодым одаренным человеком, который будет использовать свой талант так, как захочется его наставнику.

Фрейд уже лет десять задумывался о старости, и теперь, когда ему исполнилось пятьдесят, он стал ощущать ее приближение. В прошлом августе 1906 года, при подъеме на негостеприимную гору в Тироле возле австро-итальянской границы с шестнадцатилетним сыном Мартином, у него случился сердечный приступ и подъем пришлось отложить. После этого ему пришлось отказаться от прогулок по горам.

«Отец с сыном были возле озера Гарда, где в 1900 году Фрейд был проездом с Минной и „наслаждался без сожалений“. Близлежащий замок Тоблино на озере, одно из мест, где они задержались, упоминается в рассказе Мартина об этом случае. Он вспоминает, как отец говорил о его „сказочной красоте“. Возможно, этот сердечный приступ усугубился эмоциональным стрессом.»

На следующий день рождения в мае 1907 года, который должен был наступить через два месяца, ему исполнился пятьдесят один год. Эта цифра уже давно смущала его. Полезно в таком состоянии строить планы на будущее, и вот появляется этот способный доктор Юнг, который уже задумывается о том, чтобы начать в далеком городе психологическую революцию согласно идеям Фрейда. Многие биографы, в том числе Джонс, замечали, что Фрейд не умел разбираться в людских характерах. Более хитрый и умудренный опытом человек (как сам доктор Джонс, который очень скоро гордо выйдет на сцену) постарался бы побольше узнать о Юнге.

О чем бы они ни говорили на протяжении этой недели, едва ли Юнг упоминал о снах и видениях, сопровождавших детство сына сельского священника. Семья Юнга по материнской линии утверждала, что обладает даром ясновидения. Его дедушка, теолог, как

говорили, держал свободным стул для первой жены, которая каждую неделю навещала его и беседовала с ним, к недовольству второй.

Карл рос один, пока в девять лет у него не появилась сестра. Он сделал мир басен и сказок частью своей жизни – или стал жить в этом мире. Это известно из его мемуаров и остается недоказанным, как и многие другие факты его жизни.

В три года ему приснился гигантский пенис на троне в подземной комнате – посвящение (как он решил значительно позднее) в темную сторону человеческого опыта. Став немного старше, он с трудом воспринимал реальность. Если он думал о камне, думает ли камень о нем? Он видел, как из комнаты матери выплывает светящаяся фигура, от которой отделяется голова. Когда ему было плохо и он боялся, что задохнется, его успокоил сияющий голубой круг в воздухе, заполненный золотыми ангелами.

В девять лет он вырезал из деревянной линейки фигурку человека и спрятал ее на чердаке вместе с магическим камнем, раскрашенным в два цвета. Он приносил фигурке клочки бумаги с посланиями, написанными на тайном языке: это был «маленький тайный бог древнего мира», решил он, когда вырос, и отнес его к другим мифологическим ассоциациям, заполнявшим его воображение. Как и Фрейд, он видел в археологии метафору, выражающую скрытое прошлое отдельного человека. Но в случае Юнга прошлое было не ограниченным опытом личного "я", но превращалось в карнавал видений, всеобщий религиозный и культурный опыт, который наследует все человечество.

Эти взгляды появились у Юнга позже, после того, как он встретился с Фрейдом. Но с самого начала он придавал предшествовавшим событиям большое значение. В школе у него появилась идея, которой он придерживался на протяжении всей жизни, что у него есть две личности, «обычный» Юнг и более романтический образ, вечно старый и мудрый.

Юнг не отмахивался от событий, если они казались ему необычными. Будучи студентом-медиком в Базеле, он организовал спиритический кружок, где его кузина (которая была в него влюблена) играла роль медиума и утверждала, что через нее говорят умершие. Одним из духов, управлявших ею, был тот самый дедушка, который когда-то говорил со своей покойной женой. Юнг не верил в бесплотных духов и считал то, что происходит во время сеансов, результатом действия бессознательного. От таких же процессов (предположительно, его собственного бессознательного) стол орехового дерева раскололся «с треском, подобным пистолетному выстрелу», а хлебный нож прямо в буфете развалился на куски. Медицинская диссертация Юнга под названием «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов» (1902) основана на этих сеансах в Базеле и «психологической реальности», стоящей за этими событиями.

Юнг занимался всем этим, в то же время оставаясь обычным университетским доктором, таково было положение вещей на момент его знакомства с Фрейдом. В Вене репутация Фрейда была подпорчена, и любой молодой психиатр должен был как следует подумать, прежде чем заняться психоанализом. Последователями Фрейда становились умные и эксцентричные люди, одиночки по природе, отличающиеся от остальной массы университета. В Цюрихе же Фрейд был в первую очередь иностранным профессором. Юнг стал его спутником, но отчасти оставался верным лишь самому себе.

В дни той первой апрельской встречи гости познакомились с немногочисленными членами кружка. Адлер представил одну историю, Фрейд прочитал свою статью. Гости говорили мало, но один из группы, доктор Макс Граф, не врач, а музыкальный критик, жену которого Фрейд когда-то подвергал психоанализу, позже вспоминал энтузиазм, который их хозяин выражал по поводу Юнга. Приезжие из Цюриха стали первыми неевреями, попавшими в кружок.

Это были не первые гости из Цюриха, приехавшие к Фрейду. Ранее в том же году у него был богатый молодой еврей из России, Макс Эйтингон, ассистент в «Бургхельцли». Его прислал профессор Блейлер с целым списком вопросов, в том числе о сексуальных импликациях психоанализа. Честным швейцарским протестантам требовалось подтверждение теории.

Сам Юнг, чем-то напоминавший деревенского жителя, которому мало места в тесной городской квартире, не был особенно впечатлен венскими аналитиками, если не считать самого Фрейда. Говорили, что в Цюрихе он называл их дегенератами, посредственностями и богемой, что, возможно, было связано с тем, что они носили плащи и широкополые шляпы. Повлияла ли на его восприятие полная дыма комната, где происходила встреча? Или запах алкоголя, исходивший от кого-то (Юнг был трезвенником, как и его наставник Блейлер), или венское сквернословие Фрица Виттельса?

Юнг был не единственным, кто критически отзывался о кружке. После той встречи Бинсвангер был смущен тем, что Фрейд отвел его в сторону и сказал «Что ж, теперь вы увидели эту компанию». Гостю показалось, что Фрейд говорит уничижительно. Вероятно, так оно и было. «Компания» была слишком знакомой, слишком «венской». Фрейд считал их своими капризными детьми, и поначалу они послушно играли эту роль. Это была тесная группа, склонная к ссорам, но уважавшая авторитет Фрейда.

К 1908 году в кружке было уже двадцать два члена. Более половины жило возле Берггассе, либо в самом Девятом округе, либо в соседнем с ним Первом – внутренних районах города, облюбованных евреями среднего класса. Почти все уже начали заниматься психоанализом и вначале чувствовали очень смущавшую их зависимость от Фрейда в лечении пациентов. Потихоньку они учились. «Обучающий» анализ для новичков, который впоследствии стал незаменимым, еще не был изобретен Юнгом. Макс Эйтингон во время своих посещений Вены по вечерам прогуливался с Фрейдом, и тот иногда проводил анализ на месте, когда они двигались по Рингу или к Гринцингу. Из венского кружка, похоже, только Штекель подвергался формальному анализу, когда Фрейд лечил его «от неприятной жалобы» в 1901 году.

Чем больше почтения к Фрейду демонстрировали ученики, тем больше они спорили друг с другом. В психоанализе их привлекали новые идеи, новые источники дохода и иногда сексуальные возможности. Исидор Садгер, галицийский еврей и сын банкира, представлял свои утомительные статьи, которые Фрейд называл «нескончаемым потоком садгеровской чепухи». Ходили слухи, что он неприлично ведет себя с пациентками. Штекель в обеденных перерывах всюду строчил на своей пишущей машинке, описывая все случаи, и с такой скоростью находил в своей картотеке примеры ко всему, что обсуждалось на собраниях, что эти истории получили пренебрежительное название «штекелевских» и считались выдуманными. Хорошо одетый и увлекающийся женщинами, он упоминается Фрейдом в издании «Психопатологии обыденной жизни» 1907 года в связи с примером действия, совершаемого случайно, но с определенной целью. Штекель рассказывал, как, приветствуя женщину, в дом которой он зашел с визитом, он безо всякого сознательного намерения вытянул руку таким способом, что «ухитрился развязать пояс ее пеньюара... с ловкостью фокусника». Штекель – обладающий интуицией и способностью развлекать общество и не пользующийся полным доверием окружающих – через несколько лет стал для Фрейда настоящим бедствием.

То же можно сказать о Фрице Виттельсе, племяннике Садгера, молодом враче-практиканте, которого пригласили вступить в кружок как раз перед приездом Юнга, после того как он написал статью о предупреждении беременности для «Факела», понравившуюся Фрейду. Виттельс вкладывал много энергии в отношения с женщинами и написание статей о них. Особенно его занимала распущенная глупая брюнетка (приблизительно так он говорил о ней сам) семнадцати лет, в которую он был влюблен, – Ирма Карчевска. Он сделал ее главной героиней статьи о неодолимой женской сексуальности под названием «Великая куртизанка», которую он зачитал членам кружка в мае 1907 года. Другая версия статьи была опубликована Карлом Краусом в «Факеле» под названием «Женщина-ребенок». Краус тоже был любовником Ирмы.

Фрейд не приветствовал половую распущенность в своем кругу. Он посоветовал Виттельсу, которому было всего двадцать шесть, вести себя поскромнее. Психоанализ не призван избавлять людей от ограничений. Напротив, как говорил Фрейд, он хотел научить их

управлять своими низменными инстинктами, а не поддаваться им. Виттельс писал:

Ему не нравилось, как на меня влияет редактор «Факела». Мы, по его словам, были как белые пятна, не поддающиеся влиянию культуры, обязательному для цивилизованных людей.

Взгляды Фрейда на мораль были двойственными. Он мечтал об обществе, свободном от вредных запретов, и однажды на заседании кружка сказал, что людям нужна «академия любви, где бы учили эротическому искусству», как в античные времена. В протоколе не записано, шутил он или говорил серьезно. В статье, опубликованной им в начале 1908 года, сообщается о том, какова цена сексуальной морали. Неудовлетворенные сексуальные потребности ведут к неврозу либо потому, что производят токсические вещества (синдром «актуального невроза»), либо потому, что подавленные желания нарушают равновесие в бессознательном. Цивилизация построена на подавлении инстинктов, потому что каждый индивидуум отказывается «от части чувства вседозволенности или агрессивных либо мстительных наклонностей своей личности». Центральное место в этом подавлении занимает сексуальный инстинкт – и это прискорбно, потому что большинство людей «были бы гораздо здоровее, если бы они могли быть хуже». Лишь немногие могут «сублимировать» свои чувства, направлять их на «более высокие культурные цели». Фрейд явно убедил себя, что принадлежит к этой группе людей. Статья ныне не большее, чем музейный экспонат, который представляет собой мрачный рассказ о том, как человечество боролось с половым желанием до тех пор, пока просвещение (пусть и обрывочное) двадцатого столетия не сделало нас немного терпимее.

«В этой статье под названием „Цивилизованная“ сексуальная мораль и современные нервные заболевания“ с горечью говорится о том, какие ограничения брак накладывает на сексуальную свободу „Удовлетворительные половые сношения“ происходят лишь в течение первых нескольких лет, после чего брак „становится неудачей в том смысле, что не дает обещанного удовлетворения сексуальных потребностей. Ведь все существующие средства, изобретенные для предотвращения зачатия, лишают части удовольствия, ранят чувства обоих партнеров и могут фактически стать причиной болезни“. Подобная утрата иллюзий и неудовлетворенность возвращает партнеров в то место, с которого все началось, „но теперь они беднее, потому что утратили иллюзию“. Фрейд оплакивает потерю своих собственных иллюзий.»

В глазах современников, игнорировавших все эти предостережения, Фрейд был проповедником сексуальной революции, и Виттельс, интересовавшийся женщинами и с удовольствием считавший себя прогрессивным и в то же время чувственным, легко дал себя убедить. Одной из его первых встреч с Фрейдом была лекция перед студентами-медиками, во время которой Фрейд говорил о том, как сексуальное воздержание до брака можно использовать в качестве профилактики сифилиса. По словам Виттельса, Фрейд сказал, что не верит, будто природа могла наделить человека половыми органами, чтобы тот ими не пользовался. Если для того, чтобы избежать болезни, нужно воздерживаться от половой жизни, нужно делать это, но «с протестом». Это, как сказал Виттельс, было воспринято критиками как призыв к студентам «немедленно отправляться в бордель».

Штекель и Виттельс были яркими «апостолами», но у Фрейда были и более послушные и незаметные ученики. Поль Федерн, вступивший в кружок в 1903 году, был трезвым, серьезным и лояльным, хотя и никогда не ходил в «любимчиках». Именно Федерн решил на свадьбу Матильды Фрейд в 1909 году подарить портрет ее отца. Либо Фрейд был в то время без бороды (в 1908 или 1909 году он на какое-то время сбрасывал бороду, но потом семья никак не могла решить, когда и почему именно это произошло), либо его изобразил безбородым в качестве шутки художник, Максимилиан Оппенгеймер, более известный как карикатурист Мопп. Фрейда с выбритым подбородком преподнесли Матильде на Берггассе сразу после ее свадьбы с Робертом Холличером. Картина ей очень не понравилась – борода была частью внушительного образа Фрейда. Портрет был спешно заменен на туалетный набор и отослан обратно Федерну. Говорят, более сорока лет спустя он выстрелил в него из пистолета, перед тем как выпустить пулю в себя.

Среди других неярких личностей, с которыми Юнг и Бинсвангер познакомились в 1907 году, был секретарь, который вел протокол, – Отто Ранк, способный ремесленник около двадцати пяти лет от роду, который самостоятельно изучал психологию и был спасен Фрейдом от жизни рабочего и введен в круг психоаналитиков. Урожденный Розенфельд, он взял себе фамилию доктора Ранка из пьесы Генрика Ибсена «Кукольный дом». Он выглядел непривлекательно и не имел личного обаяния, но прекрасно писал об искусстве и художниках. Он прислал рукопись Фрейду и заинтересовал его. Фрейд помог Ранку закончить университет и получить докторскую степень, а тот платил ему послушанием и преданностью. Фрейд называл его «маленьким Ранком» – это ласковое прозвище он молча терпел долгие годы, но в конце концов выступил против своего покровителя.

Альфред Адлер, один из выступавших на собрании кружка при гостях из Швейцарии, был самым независимым членом группы. Врач неряшливого вида с устойчивыми социалистскими убеждениями и не пользовавшийся большой популярностью практикой, он жил по другую сторону канала в Леопольдштадте. Его русская жена разделяла его политические взгляды и позже принимала у себя в Вене Троцкого и других революционеров.

Погруженный в свои собственные планы, Адлер не был таким автократом, как Фрейд, и не верил в эффективность сеансов, во время которых пациент пассивно лежит на кушетке, а аналитик холодно общается с ним, стоя вне его поля зрения. Он сидел напротив пациента и смотрел ему в глаза. Адлер увлекался стремлением человека к власти и стал считать это, а не сексуальный инстинкт основой личности. Темный мир снов и воспоминаний Фрейда вызывал в нем отвращение. Согласно теории Адлера о «неполноценности органов», самое важное в детстве – это физическая слабость, которую взрослому приходится компенсировать. Возможно, к такому выводу его привело собственное болезненное детство. Для Адлера тело стало более важным, чем бессознательное. Эдипов комплекс начал превращаться в фантазию, и очень скоро потребность в теориях Фрейда у него пропала.

В это время Юнг составил свое отнюдь не благоприятное мнение об Адлере, Штекеле, Виттельсе и остальных и вернулся в свой собственный мир в Цюрихе. Он привез с собой еще одно впечатление. В какой-то момент на той неделе, по его рассказам, Минна Бернейс рассказала ему о своих отношениях с Фрейдом или же (что, пожалуй, более вероятно) сказала или намекнула на что-то, что впоследствии позволило Юнгу сделать вывод, что госпожа Бернейс «действительно» имела в виду.

Доказательства этого случая, которые были бы приемлемы для суда или даже биографа, едва ли можно было бы найти на следующий день, а уж тем более спустя добрых полвека. Возможно, все сведения Юнга заключались лишь в нескольких незавершенных фразах, которые он закончил с помощью своей знаменитой интуиции. В жизни этого человека действовали скрытые силы, как в случаях с расколовшимся столиком или ножом. Он рассказывал, как во время свадебного ужина, где он был одним из гостей, он для иллюстрации психологии преступника на ходу придумал историю жизни человека и рассказал ее остальным. Ко всеобщему удивлению, он детально описал жизнь человека, сидевшего напротив, с которым никогда ранее не встречался.

Часто случалось так, говорил Юнг, что он узнавал то, что не мог бы узнать обычным путем. Использовал ли он свой дар ясновидения на Минне? Волшебство это или наблюдательность – для нас это не имеет значения, потому что невозможно доказать, прав он или нет. Убежденность Юнга в том, что в его присутствии металлические предметы могут дребезжать, а дверные звонки звонить, не увеличивает правдоподобности его слов.

Разговор Марты с Юнгом, даже если он и был, скорее всего, намекал на какие-то тайны, а не раскрывал их. Представьте себе эту картину: Юнг пишет в своем дневнике...

Ближе к концу недели, когда мы – я с Эммой и Бинсвангером – были приглашены в

квартиру на ужин, госпожа Бернейс, сестра его жены, вела себя как хозяйка, говорила с гостями, в отличие от жены, сосредоточенной на том, чтобы всем улыбаться и следить за тем, чтобы в миске была горячая вода, которой можно очистить пятно со скатерти, если кто-то прольет соус.

Молодой Бинсвангер ухитрился оставить у основания рюмки след от красного вина (которое он вообще-то не пил, потому что все мы в «Бургхельцли» сейчас убежденные трезвенники), и тут же была вызвана служанка, чтобы стереть ненавистное пятно. Бедный Бинсвангер покраснел и заерзал, а Эмма, стараясь его успокоить, начала говорить о сумасшедшем доме – или клинике «Бельвю», как принято говорить в приличной компании, – на озере Констанс, которой Бинсвангеры управляли как семейным делом и которая, несомненно, скоро перейдет к молодому Б.

Я был поражен, когда услышал от нее: «А это не туда Брейер отправлял ту странную девушку Паппенгейм?» Некая Берта Паппенгейм была прототипом Анны О. в книге об истерии. Б. был тогда слишком молод, и ему было практически нечего сказать, но я нашел интересным, что госпожа Бернейс так хорошо осведомлена о старых случаях.

Она и Фрейд обращались друг с другом с шутливой интимностью («Ой, не глупи, как это тебе не нравится цыпленок!» – сказала как-то она), за которой скрывалась взаимная приязнь. Я редко ошибаюсь в подобных делах.

Я увиделся с ней снова, за день до отъезда, когда зашел к ним, а Фрейд все еще совершал свою послеобеденную прогулку по доброй половине Вены. Она отвела меня в мрачную приемную, посадила на его стул и расположилась на кушетке. «Профессор рассказывает вам обо всех своих пациентах?» – спросил я. «Ну конечно же! – произнесла она таинственным голосом, возможно, шутя. – У нас нет друг от друга секретов, у Зигмунда и у меня. Я его свояченица, которую воспринимают как лишенное пола существо и подходящее доверенное лицо».

Она, несомненно, могла многим меня удивить. «Вы несправедливы к себе», – сказал я просто из вежливости (видимо, но можно ли быть в этом уверенным?). «Очень может быть, – отвечала она. – Жизнь старой девы имеет массу неприятных недостатков. Но, знаете ли, есть и компенсация».

Не успел я открыть рот, как мы услышали, что открывается дверь парадного входа, и до нас донесся дым сигары. «Так вы анализируете мою сестру», – сказал он, войдя. Она улыбнулась и ускользнула (скорее утопала – у нее тяжелая походка). Бог его знает, в какие игры они играют. Когда я рассказал обо всем Эмме, она сказала: «Он бы не осмелился».

Глава 19. Окно в мир

Письма от Юнга весной и летом 1907 года вселили во Фрейда надежду на то, что Цюрих – тот самый город, из которого идея психоанализа может распространиться по Европе и по всему миру. Обсуждение профессиональных вопросов было теплым и поддерживалось энтузиазмом Юнга по отношению к его новому другу.

Душа Юнга была полна эмоций. «Я уже не сомневаюсь в правоте вашей [сексуальной] теории... – пишет он месяц спустя после отъезда из Вены. – Я надеюсь и даже мечтаю, что мы сможем увидеть вас в Цюрихе следующим летом или осенью. Ваш визит был бы огромным счастьем для меня лично». В письме, где он описывает свой план (так и не реализованный) о создании научной «лаборатории по психологии» и отказа от работы с пациентами, говорится, что любой, кто знаком с теорией Фрейда, «буквально вкусил райский плод» и стал ясновидящим – серьезный комплимент от такого человека, как Юнг.

Фрейд, принимая все эти изъявления, только одобрительно улыбался и выражал все те же намерения: «Нет человека более способного, чем вы, продолжить и завершить мою работу».

Они знали мало друг о друге. Юнг был более информирован, потому что посещал Фрейда в Вене и видел, как он работает. Кроме того, он читал автобиографические отрывки в

«Толковании сновидений». Ранние аналитики интересовались своими коллегами с профессиональной точки зрения и любили испробовать на них приемы психоанализа, хотя бы для того, чтобы найти объяснение оговоркам. Но пока Юнг и Фрейд не думали о соперничестве.

У самого Юнга был не один скелет в шкафу, например слабость к мистицизму и парапсихологии. К тому же он вступил в рискованные отношения с бывшей душевнобольной и все еще не совсем нормальной молодой пациенткой, о которой ничего не рассказывал, хоть и упоминал ее в письмах. Еще за несколько месяцев до поездки в Вену он просит Фрейда выразить свое мнение по поводу этой «двадцатилетней русской студентки, больной уже шесть лет», страдающей навязчивыми идеями, связанными с перенесенными в детстве телесными наказаниями, а также дефекацией и мастурбацией. Ее звали Сабина Шпильрейн, но в письме об этом не говорится. Нет там намеков и на то, что Юнг был увлечен ею в эмоциональном смысле, или на то, что она была умна, влюблена в него и умела манипулировать людьми.

К моменту написания этого письма ее состояние уже улучшалось и она поступила в медицинскую школу в Цюрихе. Юнг снова упоминает о ее случае в июле 1907 года, но пишет о ней просто как об «одной пациентке-истеричке», чтобы Фрейд не понял, что речь об одной и той же женщине. «Во сне, – пишет Юнг, – она постоянно видит меня. Она признает, что ее самое большое желание – иметь от меня ребенка, который бы исполнил все ее несбыточные желания». О несчастной Шпильрейн будет сказано еще немало. К тому же впоследствии она станет первой женщиной, посвятившей свою жизнь психоанализу.

В 1907 году Юнг все еще становился на ноги. Фрейд, после многих лет успехов и неудач, наконец занял положение, о котором мечтал. Он основал целую школу, его идеи выражаются в серьезных книгах и статьях, практика дает ему пациентов, которые хорошо платят за лечение и обеспечивают его клиническим материалом для новых статей.

Основная теория не подлежала обсуждению. Фрейд допускал возможность небольших поправок, но ожидал от практики лишь подтверждения ее правоты. Особенно ценились яркие примеры, хорошо подходившие для иллюстрации теоретических положений, и Фрейд всегда был готов их использовать. В 1907 году он обратил внимание на доктора Графа, музыковеда, и его жену – психоаналитиков-любителей. У Графов был многообещающий ребенок. Герберту, не по годам развитому мальчику, было четыре года. Отец подвергал сына анализу под наблюдением Фрейда. «Маленького Герберта» побуждали говорить о сексуальных вопросах. То, что он называл своим «Wiwimacher'ом» (пенис), завораживало его, как и все «Wiwimacher'ы» вообще. К лету 1907 года у Фрейда появилась надежда, что этот случай даст подтверждение теории детской сексуальности.

В середине июля на одиннадцать недель исследования прекращаются и Фрейд уезжает с семьей на отдых. Юнг получает веселые письма с берегов южных озер. Сам Юнг в это время готовится к важной конференции в начале сентября под названием «Первый интернациональный конгресс психиатрии и неврологии». В нем должны были участвовать лучшие умы европейской психиатрии, жаждущие крови психоаналитиков.

«Надеюсь быть в Сицилии как раз тогда, когда вы будете читать свою статью», – пишет Фрейд, позволяя Юнгу идти впереди, пока он гуляет, плавает и собирает эдельвейсы. Рассказывая Юнгу о том, как хорошо ему отдыхается, он замечает, что оставлять друга бороться с противниками одного выглядит «почти трусостью», но Юнг – человек «более подходящий для пропаганды», перед которым открываются все сердца. Письма Фрейда звучат удовлетворенно – у него словно свалилась гора с плеч. Энергичный и сильный Юнг теперь может взять всю грязную работу на себя.

Пришел сентябрь, и Фрейд, отказавшись от поездки в Сицилию из-за погоды, отправляется в Рим. Его семья уже уехала, как и Минна, с которой он только что провел четыре дня во Флоренции, и Фрейд, как он писал Юнгу, «вел одинокую жизнь, погруженный в мечты». Он подумал, что мог бы заняться написанием книги: «Хотя моя основная работа, наверное, уже написана, я бы хотел как можно дольше не отставать от вас и более молодых».

Возможно, он действительно уже чувствовал себя старым. Он неодобрительно добавляет, что Эйтингон тоже в Риме и «снова связался с какой-то женщиной. Такая практика – отклонение от теории. Когда я окончательно преодолею свое либидо (в обычном смысле слова), я сяду писать книгу 'Интимная жизнь человечества'».

Письмо Фрейда-отца семье рассказывает о том, как он впервые посмотрел фильм. На площади возле его гостиницы каждую ночь на экран, прикрепленный к крыше дома, проецировали фонарные слайды, прерываемые «короткими кинематографическими представлениями, ради которых великовозрастные дети (в том числе ваш отец) покорно терпят рекламу и скучные фотографии». Он оставался на месте «как заколдованный», пока ему «не стало в толпе слишком одиноко» и он не вернулся к себе, чтобы заказать бутылку свежей воды и сесть за письмо семье.

На амстердамской конференции, где Юнг представлял Фрейда, противники теории создавали неприятности. Два дня из шести ушли на обсуждение истерии – то есть преимуществ и недостатков психоанализа. Фрейд и его теории уже были достаточно важны, чтобы восприниматься всерьез. Над ним уже не смеялись. Его могли только осуждать.

Главный выступающий, Пьер Жане, говорил довольно трезво. Он вежливо не соглашался с Фрейдом и даже немного хвалил его, но отрицал его сексуальные теории. Юнг в своем письме назвал его «тщеславным старым хрычом» – возможно, эта фраза не очень понравилась Фрейду, который сам был на три года старше «хрыча».

За Жане последовал Густав Ашаффенбург, профессор психиатрии из Гейдельберга, немногим старше сорока, старый противник психоанализа. Осуждая Фрейда, он гордо заявил, что женщина, которую он лечил от навязчивого невроза, говорила бы с ним о сексе, если бы он не запретил ей. Юнг и несколько других защитников Фрейда, присутствовавших на конференции, с удовольствием отметили, что в частной беседе об «Этюдах по истерии» Ашаффенбург вместо «Брейер и Фрейд» сказал «Брейер и я». Фрейд позже сделал все, чтобы эта оговорка была опубликована – ведь это означало, что говорящий симпатизирует психоанализу больше, чем хочет показать.

Юнг занял место, отведенное организаторами для самого Фрейда. Он выступил энергично и сказал, что его собственный опыт подтверждает данные, полученные коллегой. К сожалению, он превысил отведенные ему полчаса, проигнорировал сигналы председателя, а когда его заставили остановиться, в гневе покинул лекционный зал. Это подчеркнуло враждебную атмосферу конференции, в течение которой приветствовались нападки на психоанализ.

Когда некий доктор Альт, главный врач санатория в Саксонии, объявил, что ни за что не направил бы пациента к фрейдистам, грязным и нечистоплотным, Теодор Циен из Берлина, еще один ведущий профессор психиатрии, поздравил его. Циену, как и Ашаффенбургу, было чуть больше сорока – Фрейда ненавидели не только старики.

Один из светлых моментов в письмах Юнга о конференции касается «молодого человека из Лондона, доктора Джонса (кельта из Уэльса!), который хорошо знает ваши книги и сам занимается психоанализом». Восклицательный знак говорит, возможно, о том, что Юнг не ожидал найти друга психоанализа на «Кельтской окраине» «"Кельтская окраина" (Celtic Fringe) – шутливое наименование регионов Соединенного Королевства, населенных шотландцами, северными ирландцами, валлийцами, корнуэльцами и жителями острова Мэн. – Прим. перев.».

Эрнест Джонс был неврологом двадцати восьми лет – то есть на двадцать три года моложе Фрейда. Имея хорошую квалификацию, он тем не менее с трудом мог устроиться в Лондоне как в больницах, так и в институтах. В Джонсе было что-то странное: возможно, неискренность и постоянная маска на лице; или же холодность, проглядывающая сквозь его дружелюбие; или какая-то ненадежность. Но Юнг увидел в нем только молодого человека, «очень умного и способного оказаться очень полезным», который собирался посетить Фрейда.

Джонс не сразу добрался до Вены. До того он снова встретился с Юнгом, проведя пять

дней в Цюрихе в ноябре 1907 года. Юнг снова дает ему рекомендацию, рассказывая Фрейду, что «в связи со своим 'прекрасным одиночеством'» в Лондоне он еще не слишком глубоко проник в вашу теорию, но убежден в научной важности ваших взглядов". Джонс, без сомнения, был одним из тех, кто легко принимал теорию, в основе которой лежит секс.

Валлийцы очень любят собрания, и Джонс решил, что психоаналитикам нужно каждый год устраивать общий съезд. Юнг согласился, и они сообщили Фрейду, что нужно провести следующей весной конгресс. Так никому неизвестный Джонс, еще не познакомившись с Фрейдом, заложил основу всемирного распространения психоанализа.

Хотя Джонс и стал заметной фигурой движения (в каком-то смысле даже самой заметной, если не считать Фрейда), в нем всегда оставалось что-то загадочное. Он начал заниматься психоанализом в молодости, никогда не выражал неуважения к Фрейду и не ссорился с ним, был посвящен в большую часть его секретов. Джонс вошел в историю психоанализа и прожил достаточно долго, чтобы написать трехтомную биографию своего учителя.

В какое-то время он чуть не женился на младшей дочери Фрейда Анне, что очень изменило бы жизнь многих. Но Фрейд, который вообще не хотел, чтобы она выходила замуж, никогда не отдал бы ее за человека с такой подозрительной репутацией в частной жизни. С другой стороны, Фрейд очень доверял ему в профессиональных вопросах. Джонс, который был высокого мнения о своих способностях и в то же время с раскаянием признавал свои недостатки, гордился тем, что защищает теорию Фрейда.

После первой встречи с Юнгом Джонс возвратился в Лондон, а затем провел месяц в Мюнхене, обучаясь в аспирантуре под руководством ведущего психиатра (и противника психоанализа) Эмиля Крепелина. Поскольку у самого Джонса было очень мало денег, эту поездку наверняка оплатила его богатая любовница.

Джонс не добился в Лондоне большого успеха, несмотря на рано проявившиеся способности. Он родился 1 января 1879 года в семье служащего сталелитейного завода и вырос в рабочем поселении в Южном Уэльсе возле города Суонси. Он закончил местную среднюю классическую школу (ту самую, в которой тридцать лет спустя учился валлийский поэт Дилан Томас), в 1900 году получил диплом врача со множеством золотых медалей, а к 1905 году, когда ему было чуть больше двадцати пяти, имел достаточно степеней для прекрасной карьеры. Его неврологические статьи были великолепными образчиками научной литературы.

И все же его карьера отнюдь не была головокружительной. Ему не удалось получить работу младшего врача в больнице нервных заболеваний, потому что консультант нашел его «сложным человеком»; то же произошло со многими другими постами. То ли в глазах консервативных должностных комиссий впечатление портил его интерес к запретным темам в психологии, то ли всему виной было некоторое предубеждение со стороны его руководителей. Джонс был вынужден искать нетрадиционные альтернативы и принимать предложения о должностях ниже своей квалификации.

В 1906 году, работая в медицинской службе при совете Лондонского графства с неполной занятостью, он был арестован по обвинению в неподобающем поведении с двумя тринадцатилетними девочками, посещавшими школу в Дептфорде для «умственно отсталых» детей. Там он проводил опросы для своего исследования механизмов речи. Газеты пестрели заголовками типа «Серьезные обвинения против вест-эндского врача!», и шесть недель Джонс вынужден был разбираться с этим делом. С каждой девочкой он был наедине. Он говорил и делал то – что именно, в газетах не говорилось, – о чем девочки рассказали родителям и учителям.

В качестве защиты был нанят хитроумный Арчибалд Бодкин, и Джонс, который уже имел в то время какое-то понятие о теории Фрейда, объяснил ему, что девочки, наверное, разыграли сексуальную фантазию и спроецировали свою вину на него.

У Бодкина не было времени на подобные рассказы. Он сосредоточился на том, чтобы лишить показания девочек достоверности, и Джонса освободили без суда «В суде

обменивались презрительными шутками о „сочинительстве“ свидетелей. Бодкин: „Сочинение историй с яркими иллюстрациями встречается часто, и даже в суде“ (смех). Судья: „Особенно со стороны женщин“ (снова смех). Бодкин, позже сэр Арчибальд Бодкин, прославился в амплу благородного адвоката с высокими моральными принципами, а став главным прокурором, вошел в историю как человек, запретивший „Улисса“ Джеймса Джойса.». Медицинская пресса поддержала оскорбленного коллегу, но его репутация так или иначе пострадала. Один лондонский невролог, который в то время даже еще не родился, в 1996 году рассказал мне неопубликованную историю о том, что тогда сделал Джонс, которая передавалась как легенда от поколения к поколению.

Два года спустя, в начале 1908 года – после знакомства с Юнгом, но до встречи с Фрейдом, – еще одно происшествие, на этот раз в вест-эндской больнице нервных заболеваний, где Джонс работал младшим врачом, исключило последнюю возможность карьеры в традиционной медицине. Джонс, уже начавший понемногу заниматься психоанализом, принимал десятилетнюю девочку с парализованной рукой и в соответствии с теорией Фрейда поставил диагноз истерии, вызванной сексуальной травмой – попыткой соращения мальчиком старше ее. Девочка рассказала все родителям, те пришли в ярость, и Джонсу пришлось уволиться.

Подобная беззаботность кажется не случайной. Похоже, здесь сыграло свою роль какое-то отклонение от традиционной медицины или несогласие с ней. Возможно, бессознательное Джонса решило, что его будущее связано с новой психологией, и он вел себя внешне иррационально, в то время как на самом деле устраивал все так, чтобы достичь желаемой цели. Его очень интересовал секс. Он писал, что «познакомился с коитусом на практике в возрасте шести-семи лет и после этого возобновил подобные занятия лишь в двадцать четыре года». Он сказал Фрейду, будто стал врачом потому, что это давало сексуальные возможности. Его жизнь стала одним из примеров личной жизни фрейдистов, впоследствии многочисленных, которые ужасали моралистов Старого Света. Впрочем, о жизни Джонса им было известно не так много.

К концу 1907 года Фрейд уже привык во многом полагаться на Юнга, так что организация конференции, предложенной еще не представленным Фрейду Джонсом, проводилась в Цюрихе. Все еще играя роль старика, наблюдающего за событиями со стороны, Фрейд пишет: «Наверное, я буду мешать, и вы не пригласите меня», – это изъятие притворной скромности Юнг проигнорировал. У них появился еще один интересный проект – интернациональный журнал, – планами которого занялся Юнг. Движение за пределами Вены постепенно росло.

Для пропаганды дела стали особенно нужны убедительные истории болезней. После Доры в 1905 году (причем сам анализ проводился еще в 1900 году) у Фрейда больше ничего не появилось. Он принимает решение опубликовать несколько полных историй. Число классических случаев применения настоящего психоанализа возрастает до пяти. Один основан на книге, мемуарах психически больного человека. Окончательный успех сложного и нового метода (а только о таком и стоило говорить) приходил редко, и Фрейд, возможно, не считал нужным привлекать к этому внимание. История Доры не завершена, но то, что девушка отказалась от анализа, означало, что в неудаче можно обвинить ее саму. В 1907-1908 годах подходящим пациентом был и Герберт Граф, хотя Фрейд скорее руководил им, чем анализировал его. Однако с октября 1907 года среди примерно десяти пациентов, которых Фрейд ежедневно анализировал, появился еще один кандидат.

Когда Фрейд вернулся в Вену из Рима, его ждал со своей печальной историей двадцатидевятилетний юрист и государственный служащий Эрнст Ланцер. Ланцер страдал от навязчивого невроза, и ему портили жизнь странные ритуалы поведения, заставлявшие

делать его непонятные вещи, чтобы избежать неприятностей для себя или для тех, кого он любит. Навязчивый невроз – Фрейд особенно им интересовался, потому что видел некоторые признаки этого заболевания у себя – все еще широко распространен.

Ранее в 1907 году, еще до появления Ланцера, Фрейд опубликовал статью «Навязчивые неврозы и религиозная практика», в которой первые представлялись в качестве болезненного явления, параллельного второму, «трагикомической пародии личной религии». Применяя свой обычный метод обнаружения психологического порядка в хаосе, он утверждал, что все навязчивые действия имеют смысл, а ритуалы поддаются объяснению, так как в корне большинства из них лежат события половой жизни.

Одним из примеров, который он приводит, является история замужней женщины, страдавшей от серии навязчивых действий: она расправляла скатерть так, чтобы сделать видимым воображаемое пятно, звала служанку и тут же отсылала ее прочь. По мнению Фрейда, это было отголоском ее первой брачной ночи, проведенной в гостинице. Ее муж, превратившийся на нервной почве в импотента, несколько раз приходил к ней в номер, чтобы совершить очередную попытку, а утром сказал, что ему будет стыдно, если горничная увидит чистую постель, и пролил на простыню красные чернила, правда, не в том месте. Подход Фрейда к навязчивым неврозам зачастую как будто объясняет один абсурд другим, но он провозглашал психоанализ настолько универсальным, что не мог не попытаться разрешить любую загадку человеческого поведения (сколько мук воображения на это требовалось, не имело значения).

Сложнейший анализ Ланцера, который начался 1 октября 1907 года, показал способности Фрейда во всей красе. Фрейд применил весь арсенал сексуальной теории, которую случай был призван доказать, но на то, чтобы согласиться с ним, требовалась вся убежденность учеников и тех, кого Фрейд намеревался обратить в свою веру.

Пациент «болел» давно, его навязчивые действия начались еще в студенческую пору. Из-за этого он провалился на экзаменах и начал безуспешно обращаться к разным врачам, в том числе к известнейшему венскому психиатру Юлиусу Вагнеру фон Яуреку. Он получил внутренний приказ перерезать себе горло или убить бабушку своей подруги Гизелы. Его охватил такой ужас, что он упал в обморок. Какое-то время у него была навязчивая идея похудеть, и он бегал по горам, чтобы сбросить вес. Однажды ему было приказано спрыгнуть в пропасть, но этому приказу он тоже сумел воспротивиться. Однажды он почувствовал приказ убрать камень с дороги, по которой должна была проехать карета Гизелы, чтобы не случилось неприятностей. Как только он убрал камень, ему пришлось вернуть его на место.

Гизела была только одним из объектов его беспокойства. Вторым стал его покойный отец, умерший, когда Эрнсту был двадцать один год. Сидя по ночам за книгами, он ждал появления призрака отца. Это превратилось в ритуал, когда он открывал парадную дверь для того, чтобы отец мог войти, а в ожидании его доставал свой пенис и смотрел на него в зеркало. Он смог избавиться от этого ритуала, решив, что, если он будет продолжать так делать, с его отцом в загробном мире случится что-то плохое.

Как и история с красными чернилами, страдания, которые Ланцер причинял сам себе, были и серьезными, и в то же время смешными. Внешне он продолжал вести нормальную жизнь. Так почему он не мог собраться? Но все было гораздо сложнее. Подробный рассказ Ланцера об этих навязчивых желаниях эмоционален, как у сумасшедшего. После смерти Фрейда были обнаружены его записки по этому случаю. В конце концов их опубликовали, хоть и не полностью, в «Стандартном издании», где они занимают шестьдесят страниц – это самое подробное из всех известных описаний анализов, сделанных Фрейдом.

Летом 1907 года состояние Ланцера ухудшилось. Будучи лейтенантом запаса, он провел месяц на военных маневрах в Галиции, где у него появилась навязчивая идея, связанная с крысами и с тем, что они могут сделать с Гизелой и его покойным отцом. Именно фантазии о крысах привели Ланцера к Фрейду, когда ему попала в руки книга «Психопатология обывательской жизни». Этот несчастный пациент-еврей, дрожащий и подавленный, в пенсне и с бледными пухлыми щеками, вошел в литературу под именем

Крысиный Человек. Описывая случай Ланцера в «Заметках о случае навязчивого невроза», Фрейд сохраняет анонимность и только раз называет его Полем.

Идея о крысах была подана Ланцеру коллегой-офицером, «жестоким капитаном» с садистскими наклонностями, который рассказал ему о якобы существующей на Востоке казни, когда жертву привязывают ягодицами к горшку с голодной крысой (или крысами, по версии Ланцера), которая затем пытается прогрызть себе путь наружу. Вскоре после этого рассказа жестокий капитан невольно вызывает у Ланцера еще одно навязчивое желание. Как раз когда маневры подходили к концу, капитан передал ему пару запасных пенсне, выписанных Ланцером из Вены, и добавил, что Ланцеру нужно отдать небольшую сумму денег служащему деревенской почты в нескольких часах езды оттуда.

Включилась машина самонаказания Ланцера, изобретя ритуал выплаты денег, который должен был предотвратить пытку крысами его девушки и покойного отца. Ланцер совершил несколько бессмысленных поездок по железной дороге, но в конце концов просто вернулся в Вену и послал деньги по почте.

Фрейд сказал, что анализ Крысиного Человека длился год, что, похоже, неверно, поскольку основная часть работы была проделана в первые три-четыре месяца. Целью Фрейда было свести бессвязные рассказы о поведении пациента к последовательности событий, которые имеют логические объяснения. История о пытке крысами привела к детским фантазиям Ланцера о крысах и далее – к скрытым ассоциациям с отцом и детством Ланцер (как решил Фрейд) испытывал противоречивые чувства любви и ненависти к отцу с детства, который наказывал его за мастурбацию. Его подруга тоже оказалась вовлечена в такую же паутину двойственных чувств.

Таким образом, случай Крысиного Человека позволил Фрейду показать, как детская сексуальность подготавливает почву для невроза. Но ему предстояло исследовать множество уровней этого явления. Крысы символизировали в жизни Ланцера самые разнообразные вещи. Тема крыс привела Фрейда к открытию садистских наклонностей пациента, что объясняет, почему рассказ жестокого капитана о пытке смог возбудить его бессознательное. Когда Ланцеру помогли разобраться в этих бессвязных воспоминаниях, он понял себя и, по словам Фрейда, «психическое здоровье пациента было восстановлено». Семья Ланцера поверила ему. Он женился и явно избавился от всех своих навязчивых фантазий. Возможность обсудить свою интимную жизнь с Фрейдом в доверительной манере, вероятно, помогла ему просто в эмоциональном смысле, а не благодаря психоанализу, который так интересовал Фрейда. Несколько лет спустя, в 1914 году, Ланцер снова попал в австрийскую армию и пошел на настоящую войну, где его взяли в плен русские и он вскоре погиб.

В этом случае Фрейд снова выступает как умелый рассказчик, который подбирает данные для подтверждения своих теорий. Никто не будет отрицать, что для создания этой истории требовалось смелое воображение, но насколько она правдива? Некоторые критики утверждают, что Фрейд подтасовал факты. Он сам сомневался – правда, не в правоте своего анализа, а в своей способности выразить жизнь Ланцера понятным языком. Он писал Юнгу так: «Как беспощадно мы препарируем великие художественные творения психики!» Параллели между жизнью Фрейда и Ланцера, возможно, вызвали у аналитика симпатию к пациенту или таинственным образом улучшили их взаимопонимание. У обоих были черты навязчивого невроза, Ланцер родился недалеко от места рождения Фрейда, обе семьи когда-то переехали в Вену и поселились в Леопольдштадте. Фрейд не упоминает ни о каком из этих фактов. Ланцер даже был эмоционально связан с Триестом (где Фрейд был в двадцать лет и фантазировал о проститутках). Туда он поехал в двадцать шесть лет и там впервые провел ночь с женщиной.

В некоторых местах рассказа непрофессионал может заскучать. И все же чем-то это разгребание секретов помешанного Ланцера привлекает читателя. Это рассказ об одержимом человеке и волшебнике, который может расколдовать его; с современной точки зрения, романтическая история, которым сегодня в психиатрии, в отличие от бездушного «Прозака» и психологического кодирования, нет места.

Навязчивый невроз связывали с евреями сами евреи. Фрейд говорил коллегам на собрании кружка в 1907 году: «Религия Израиля – навязчивый невроз, который продолжается сотни лет». В 1906 году мрачный Садгер выступил на том же собрании, говоря о «распространенной нервозности (особенно навязчивых неврозов и истерии) среди евреев польского происхождения» – нелюбимых всеми галицийских евреев, одним из которых был и сам Садгер. Эту связь он объяснил предположением, что галицийские евреи слишком подвержены «раздумьям». Если евреи по природе интроспективны, возможно, именно поэтому они так легко восприняли психоанализ. Как и остальные выводы касательно евреев, этот во многом основывался на догадках.

Антисемитизм в Вене проявлялся ярче, чем когда-либо. Люди высказывали сумасшедшие идеи о том, чтобы избавиться от опасных чужаков. В австрийском парламенте в 1900 году слушалось предложение о добавлении к закону о содомии поправки, запрещающей евреям иметь половые сношения с христианами. О предполагаемой физической и умственной отсталости этой нации существовало множество литературы – нередко пышущей злобой, чаще всего подкрепленной именами людей, которые слыли авторитетами в медицине. Принявшие западный образ жизни евреи часто становились на сторону собственных критиков. Фрейду понадобилось долгое время, чтобы начать с гордостью высказываться о своем народе.

Человек, которого еврейский вопрос впоследствии очень заинтересует, приехал в Вену как раз приблизительно в то время, когда Крысиный Человек стал пациентом Фрейда. Восемнадцатилетний Адольф Гитлер, неотесанный узколицый австриец с усами, поселился в старом доме, принадлежавшем некоей польке, возле Западного вокзала и вскоре отправился на вступительный экзамен в Имперскую академию искусств. Там, в здании, полном статуй и картин, построенном возле Рингштрассе в 1870-х годах, он с сотней других претендентов написал две картины, выбрав темы из списка, в который входили «Изгнание из рая» и «Прогулка». Эту часть экзамена он сдал успешно. Но рисунки, которые он привез из дома в Линце, что в ста шестидесяти километрах от Вены, не удовлетворили комиссию, и он не вошел в число (двадцать пять процентов) поступивших. Запись экзаменатора гласила: «Рисунки-образцы неадекватны, слишком мало портретов». Гитлеру лучше удавались здания, чем люди.

Следующие год-два Гитлер играл роль художника, человека с утонченным вкусом, посещал оперу и жил на небольшие деньги, которые одно время получал от родителей. В конце концов, когда деньги закончились, ему пришлось стать рабочим, а на некоторое время, в 1909 году, даже бродягой. Рингштрассе, которая раньше казалась ему «волшебством из сказок 'Тысяча и одной ночи'», теперь напоминала о его поражении в этом городе культуры, распущенных женщин и смешанных национальностей. Деньги, полученные от тети, и случайная работа по изображению видов Вены возвращают ему надежду, но оставшиеся годы в Вене Гитлер проводит в бедности и живет в мужском общежитии в северном районе Бригиттенау. В 1913 году он тайком уезжает в Мюнхен, чтобы избежать призыва в имперскую армию, где ему пришлось бы служить бок о бок с евреями и славянами.

Бродя по Вене в поношенной одежде и засаленной черной шляпе, он наверняка проходил мимо нижней части Берггассе, которая находилась в трех километрах к югу от его общежития. Бригиттенау, грязный Двадцатый округ, был не подходящим местом для художника с его восприятием. Внутренний город, расположенный за Берггассе, оставался для него парадоксом. Там была сосредоточена высокая германская культура и в то же время таились национальные аномалии: пятую часть жильцов центрального района составляли евреи. В молодости Гитлер увидел «привидение в черном кафтане с черными пейсами» и спросил себя: «Это еврей? Или немец?» Впоследствии он отделил их от остального человечества, его «тошнило от запаха этих кафтаноносцев» (хотя более преуспевающие евреи носили костюмы).

Гитлеру поставили неофициальный диагноз «яркого образца фрейдистской психопатологии». Он испытывал двойственные чувства к покойному отцу и нездоровую

привязанность к матери, которая умерла от рака вскоре после того, как Вена отвергла его в качестве студента-художника. Фрейд считал его просто сумасшедшим.

В 1908 году единственное, что беспокоило Фрейда в его компании аналитиков, было то, что они будут плохо смотреться на первом съезде, который должен был состояться в апреле. Юнг остановил свой выбор на австрийском городе Зальцбурге, который находился в нескольких сотнях километров к западу от Вены в направлении Цюриха (из Вены все же ехать было гораздо ближе). Фрейд опасался, что «восточный контингент» будет выглядеть недостойно, что «разговорчивых венцев» придется заставить замолчать, что они будут больше считаться с Юнгом, чем с ним самим.

Эта группа действовала ему на нервы. В протоколах кружка (который специально для конгресса был 15 апреля переименован в Венское психоаналитическое общество) записано, как в феврале Фрейд выступает против предложения, чтобы он лично прекратил нападки членов друг на друга. Если вы не выносите друг друга, – сказал он, – нам придется распустить кружок. Он также выразил надежду, что «более глубокое понимание психологии» преодолест личные проблемы. Он не раз выражал это желание, но так никогда и не получил доказательств тому, что знание психологии превращает психологов в приятных людей.

На фоне вздорной семейки венских аналитиков отношения с Юнгом казались еще приятнее. Сначала Фрейд начинает свои письма к нему со слов «дорогой коллега». Потребовалось больше года, чтобы их в ноябре 1907 года сменили слова «дорогой друг и коллега». Еще через три месяца обращение сократилось до «дорогой друг». В век писем такие вещи имели большое значение, и Юнг поблагодарил его за «незаслуженный дар вашей дружбы».

Одно предложение в письме к Юнгу упоминало Флиса, «бывшего друга», у которого появилась «ужасная паранойя», когда их дружба закончилась. Юнг счел это упоминание «отнюдь не случайным» и тактично попросил, чтобы дружба с Фрейдом была «не отношениями между равными, а отношениями между отцом и сыном». Фрейд на это никак не отвечает. Он продолжает обращаться к Юнгу как к «дорогому другу», а Юнг придерживается уважительного «дорогой профессор Фрейд», которым и начиналась переписка. Пока отцовский авторитет и сыновнее почтение находятся в равновесии.

И вот день настал, сорок два психоаналитика и любопытных, практически все интересующиеся Фрейдом в мире, собрались в зальцбургском отеле «Бристоль» в последнее воскресенье апреля 1908 года, чтобы участвовать в съезде на следующий день, 27 числа. Зальцбург был в то время приятным небольшим городком на реке между холмов. Возможно, для Фрейда он был связан с воспоминаниями о встречах с Флисом. Эрнест Джонс, который потерял надежду добиться высокого положения в Лондоне и в это время путешествовал по Европе, встретился с Фрейдом в гостинице вскоре после прибытия.

Джонс отметил официальный поклон австрийца и его слова «Фрейд, Вена», что вызвало у него улыбку откуда же еще он может быть?

Первое впечатление Фрейда о Джонсе оказалось довольно смешанным: достойный, но фанатичный человек, – сказал он Юнгу, худой и голодный, явно недоедающий, и он отрицает, что наследственность может быть фактором невроза. «Для него даже я консерватор. Как с вашей уверенностью [Фрейд шутил] вы смогли с ним поладить?» Джонс за тридцать лет так и не стал «дорогим другом», только «дорогим Джонсом», возможно, просто потому, что Фрейд считал, будто на английском языке такое приветствие звучит неестественно.

На съезде в Зальцбурге преобладали австрийцы, причем одни венцы составляли больше половины делегатов. Из остальных шестеро приехали из Швейцарии, пятеро – из Германии,

по два человека из Венгрии и Англии (Джонс убедил приехать своего лучшего друга, лондонского хирурга Уилфреда Троттера) и один молодой человек из Нью-Йорка – А. А. Брилл, который самостоятельно эмигрировал туда из Венгрии в возрасте четырнадцати лет, а впоследствии вернулся в Европу, чтобы работать в «Бургхельцли». Он надеялся привезти знамя новой доктрины в Америку.

Ни один из делегатов не был послан какой-то организацией, поскольку таких организаций еще не существовало, и их присутствие было личным выбором. В первую очередь к психоанализу их привлекли любопытство, одиночество, любовь к экзотике или даже интерес к новой науке. Можно предполагать, хотя бы вспомнив о самом Фрейде, что они тоже страдали кое-какими неврозами. По определению они обладали достаточно богатым воображением, чтобы усвоить теорию, которая у большинства людей вызывала возмущение. Эта атмосфера обособленности от остальной медицины наверняка очень хорошо ощущалась в отеле «Бристоль».

Несколько из делегатов этого съезда вошли в историю психоанализа, некоторые тем, что в конце концов выступили против Фрейда. В частности, это были Юнг и Адлер, которые представляли свои доклады среди первой девятки в понедельник. Брилл вернулся в Америку, как и собирался, основал Нью-йоркское психоаналитическое общество и упорно занимался переводами работ учителя, о которых лучше не вспоминать. Карл Абрахам, молодой еврей-психиатр из Берлина, который ранее работал в «Бургхельцли», посвятил жизнь улучшению репутации психоанализа – он был человеком спокойным, авторитетным и независимым. После трех лет переписки с Фрейдом он тоже стал «дорогим другом». Джонс говорил, что это был самый нормальный из всех психоаналитиков.

Ставший в конце концов еще более знаменитым Шандор Ференци, венгр, был более непредсказуемым, более одержимым страстными идеями, то появлявшимися, то исчезающими, более зависимым от Фрейда (пока не «упаковал чемоданы» и не покинул учителя) и вел более беспорядочную и полную проблем личную жизнь. Он родился в 1873 году и, таким образом, был на семнадцать лет младше Фрейда. Его семья – польские евреи (снова «Ostjuden», восточные евреи), переехавшие в Венгрию. Во время Зальцбургского съезда его переписка с Фрейдом только завязалась. Признания и заламывание рук были еще в будущем.

Среди наиболее приближенных к Фрейду лиц Ференци был самым дружелюбным и приятным. Фрейд пригласил его в Берхтесгаден летом 1908 года в какой-нибудь пансион, пока там отдыхала его семья, обещая, что «время от времени вы будете с нами обедать или бродить по горам с моими мальчишками». В тридцать пять лет Ференци еще не был женат, а причиной приглашения, им принятого, возможно, было желание Фрейда оценить, насколько его кандидатура подходит в качестве мужа для Матильды, старшей дочери. Однако летом она побывала в санатории в Мерано и познакомилась с бизнесменом, впоследствии ставшим ее мужем. Спустя полтора года после Зальцбурга Ференци стал «дорогим другом».

Самым ярким делегатом был Отто Гросс, австриец по рождению, психоаналитик, объявивший себя анархистом и стремившийся покончить с патриархальной властью с помощью высвобождения «разрушительной сексуальной энергии» или «свободной любви», за которую выступали более или менее уважаемые англичане вроде Г. Дж. Уэллса и Гавелока Эллиса. Взгляды Гросса и его несдержанность отводят ему место среди психоаналитиков, подобных Фрицу Виттельсу «Друг Джонса, хирург Троттер, застенчивый англичанин за границей, сидел на заключительном обеде между Джонсом и Виттельсом. Устав от болтовни венца, он повернулся к Джонсу и пробормотал: „Я утешаю себя тем, что могу отрезать человеку ногу, а все они этого не могут“», которые считали, что подавление желаний стоит на пути социального прогресса. Виттельс выглядит ребенком по сравнению с Гроссом – человеком со спутанными волосами и тяжелым взглядом голубых глаз, который проводил половину своего времени в мюнхенских кафе, анализируя посетителей за столиком, и тратил свою плату на морфий, в то же время проводя ночи с многими женщинами во имя свободы (две из них покончили с собой), или, по словам Штекеля,

убеждал других мужчин заняться любовью с его любовницей, а сам подслушивал из соседней комнаты. Его умеренно распушенная жена Фрида (не нужно путать ее с очень неразборчивой Фридой фон Рихтхофен, позднее женой Д. Г. Лоуренса, которая за год до того имела непродолжительную связь с Гроссом) тоже была вместе с ним в 1908 году в Зальцбурге в качестве участницы съезда.

Фрейд уже приложил все старания, чтобы сказать о Гроссе что-то конструктивное, возможно, в связи со своим двойственным отношением к сексуальной свободе, выразившимся во всем движении. Джонс, который получил первые уроки психоанализа в мюнхенском кафе, называл его «романтическим гением». «Такой прекрасный человек, такой острый ум», – решил Фрейд несмотря на то, что Юнг рассказал ему кое-что о жизненных установках Гросса. Вот одна из его идей: «Состояние подлинного здоровья для невротика – половое бессмертие».

Юнг попробовал проанализировать Гросса. «Когда бы я ни заплулся, – рассказывал он Фрейду, – он начинал анализировать меня». Вскоре после Зальцбурга Гросс начал бояться оставаться в своем гостиничном номере в Цюрихе, потому что ему казалось, будто люди читают его мысли, а за стеной кто-то стучит. Юнг поместил его в «Бургхельцли», откуда тот сбежал и вернулся к наркотикам и женщинам.

Зальцбургская конференция началась в понедельник в восемь утра и стала известна благодаря вступительному обращению Фрейда, которое состояло из рассказа (без предварительных замечок) об истории болезни Эрнста Ланцера. Он говорил на протяжении трех часов, предложил закончить в одиннадцать, но его убедили продолжать до полудня. Согласно опубликованной Фрейдом версии, которая появилась только в 1909 году, в апреле 1908 года анализ мог все еще продолжаться, но, скорее всего, этот случай уже был представлен на съезде как очень успешный. Джонс «утратил чувство времени». Два дня спустя он пишет, что все еще находится под неизгладимым впечатлением от вашей лекции, которая показалась мне самым совершенством. Все остальное [в том числе работы Адлера, Абрахама, Джонса, Штекеля, Ференци и Юнга] было просто «водой», маловразумительной и бессодержательной болтовней.

Случайно вышло так, что эта работа Фрейда дала его слушателям возможность понять, как происходит сам процесс психоанализа. В своих статьях и книгах Фрейд старался не формулировать правил о том, как проводить анализ. Сложно выразить на бумаге такой неустойчивый процесс, да и Фрейду нравилось считать это своей профессиональной тайной. В рассказе о Доре (1905) он говорит, что опустил подробности применения метода, которые требуют «совершенно отдельного изложения». В том же году в статье «О психотерапии» он резко высказывается об «ошибочном впечатлении», что его методом, на который он только намекает, может пользоваться каждый.

Возможно, было неизбежным то, что ранние аналитики должны были учиться в устной форме и что Фрейд будет считать такое положение дел благоприятным. Лекция о Крысином Человеке, во всех подробностях рассказывающая о проведении анализа, все еще свежего в памяти Фрейда, видимо, позволила слушателям почувствовать, как работает основатель движения.

После Зальцбурга Фрейд чувствовал себя «освеженным... с приятными впечатлениями» – такое редко можно было услышать от такого пессимиста, как он. Он чувствовал, что работа продвигается. Джонс и Брилл собирались вскоре навестить его в Вене, а затем оба направлялись в Новый Свет, для того чтобы распространять новое учение: Брилл, как и намеревался, в Нью-Йорк, а Джонс – в Канаду. Туда он ехал из-за отчаяния, потому что Лондон его не принял, а ему нужно было работать в англоязычной стране. Юнг планировал создать новый журнал, «Ежегодник», который выходил бы раз в два года.

Абрахам стал человеком Фрейда в Берлине, а Ференци – в Будапеште.

Неожиданно во время заключительного обеда появился семидесятипятилетний Эммануил Фрейд, словно для того, чтобы дать конгрессу семейное благословение. Следующий день они провели вместе с Зигмундом в Зальцбурге, когда все остальные уже уехали. Они говорили о семье. Роза, сестра Фрейда, за месяц до того потеряла мужа Генриха. У безутешной вдовы осталось двое детей.

Эммануил и Зигмунд делали то же, что и обычные туристы: проехали по канатной дороге к крепости, а потом на паровом трамвае отправились к имперскому замку у Хельбруна. Эммануил все еще был живым и энергичным спутником. Но процесс старения никогда не ускользал от внимания Фрейда. Его собственный день рождения под несчастливым числом пятьдесят два ждал его на следующей неделе, и, возможно, он признался о своих суеверных страхах сводному брату. Этот практичный, деловой человек, почти англичанин, должен был приободрить его.

Глава 20. Сыновья и наследники

В двадцатом веке секс практически перестал быть запретной темой. Это было вызвано постепенным распространением «запретных» мыслей и языка в печати: сначала в книгах, затем в менее радикальных журналах и газетах. Фрейд внес в этот процесс большой вклад. К концу 1908 года его психологические труды (их нужно отличать от неврологических) насчитывали двадцать шесть статей и семь книг (или исследований размером с книгу), где личность человека рассматривалась в основном с сексуальной точки зрения. На английском этот материал пока был доступен разве что в пересказах.

Фрейд был одним из многих писателей (хотя и наиболее революционным), которые решили, что секс – слишком важная тема, чтобы отдавать ее на милость порнографии. Эта тенденция была особенно заметна в немецкоязычных странах, где тексты того или иного рода, посвященные сексуальному поведению, привлекали внимание респектабельных издателей и любопытных читателей.

Почему именно Германия занимала здесь первое место, неизвестно, но наука культивировалась там в гораздо большей степени, чем в Великобритании или Америке. Как и немецкие химики, вызывавшие восхищение во всем мире, немецкие сексологи (это слово появилось в Америке приблизительно в то время), возможно, были движимы желанием получить знания. В сексологии не шутили. Все сексологи были мужчинами, и им было разрешено обсуждать запретные темы еще и потому, что они были врачами.

Книга Крафта-Эбинга, который к 1908 году уже умер, под названием «Сексуальная психопатия», постоянно переиздавалась. Она представляла собой рассказ о сексуальных отклонениях, написанный для небольшой профессиональной аудитории в 1880-х годах. Август Форель, который до Блейлера занимал пост главного врача «Бургхельцли» (и, как и тот, выступал против спиртного), опубликовал в 1908 году «Половой вопрос», доклад оптимистичного моралиста, не боящегося говорить о сексе простым языком.

В этом же, 1908 году Магнус Хиршфельд начал издавать «Журнал сексуальной науки». Его уже вышедшая к тому времени книга «Третий пол Берлина» описывала гомосексуальные радости города, ценителем которых являлся сам автор, Иван Блох, признанный авторитет в области венерических заболеваний, написал в 1906 году книгу «Сексуальная жизнь нашего времени». Это универсальное название (впоследствии не раз позаимствованное другими) помогло книге до 1909 года выдержать девять переизданий.

В Британии Гавелок Эллис писал свои «Исследования психологии секса» – книгу, многие годы остававшуюся недоступной на родине. Он в основном рассказывал о том, что люди делают, и очень мало о том, почему они это делают. Это было свойственно практически всем сексологам. Фрейд же построил свою работу на объяснениях, а не на действиях, хотя и не избегал описания самих сексуальных поступков.

Фрейда осуждали многие – но не только потому, что он писал о сексе. Некоторые

сексологи (например, Блох или Эллис) были более откровенными. На какую бы «научность» они ни претендовали, отчасти привлекательность их книг для издателей заключалась в том, что читатели-непрофессионалы использовали их в качестве эротической литературы. Книги Фрейда в общем были более сдержанными. В черный список они попали из-за своих опасных идей.

Преступление Фрейда состояло в том, что он считал детей сексуальными существами, а не воплощением невинности. Он четко выразил эту точку зрения в 1905 году в своих «Трех очерках о сексуальности», утверждая, что маленькие дети получают удовольствие, которое можно назвать сексуальным, не только от своих половых органов, но и от телесных отправлениях, а эта зачаточная сексуальность оказывает большое влияние на последующую взрослую жизнь. Тысячи врачей имели другие взгляды. «Чувственность как сексуальное чувство, – писал профессор А. Ойленбург из Берлина примерно в то же время, – в нормальных детях находится в состоянии спячки». Было удобно придерживаться такой точки зрения. Мысли о связи малышей с сексом казались отвратительными или абсурдными.

К огорчению Фрейда, Карл Краус присоединился к противникам психоанализа. Рассказы о детском сексе переполнили чашу его терпения. В июне 1908 года в «Факеле» можно было прочесть:

Старая наука отрицала сексуальность взрослых. Новая утверждает, что ребенок чувствует половую страсть во время дефекации. Старые теории лучше по крайней мере, те, о ком шла речь, могли высказать свои возражения.

Для опровержения критики нужны были свежие доказательства. Пришло время стать героем рассказа Герберту Графу, развитому ребенку музыковед-доктор Графа. (Наконец психоанализу подвергся ребенок!) К лету 1908 года Фрейд уже был готов записать историю.

В очерке «О сексуальных представлениях детей» были использованы предварительные результаты исследования. Появляются ли дети из зада взрослых? Что это за история про аиста? Фрейд очень хотел найти объяснение детской личности. В очерке упоминается интерес маленьких девочек к пенисам мальчиков. Фрейд добавляет, что девочки вскоре начинают им завидовать. Это примечание позже развивается в теорию «зависти к пенису». Идея Фрейда о том, что зависть к пенису может сформировать женскую судьбу, выводила из себя не одну женщину. Конечно, он считал, что помогает им, объясняя, как отсутствие пениса оказывает влияние на характер женщины независимо от ее желания и почему у нее на всю жизнь остается чувство неполноценности и зависти. В саму эту теорию уже перестали верить. Но если считать, что фраза Фрейда относится к зависти и злости женщин по отношению к власти мужчин, он оказывается совершенно прав – ведь именно это почувствовали женщины двадцатого столетия.

Маленький Герберт, которого Фрейд назвал вымышленным именем Ганс, выполнял более простую функцию. Он стал живым подтверждением того, что рядом с невинностью всегда присутствует чувственность. Этот ребенок из очерка оказался остроумным и веселым четырехлетним мальчишкой (пятилетним к концу анализа) с живым интересом к своему пенису, к появлению детей и к Wiwimacher'ам своих матери и сестры – или к их отсутствию, – а также к туалетам, задним проходам и экскрементам. Место действия рассказа было совершенно обычным – буржуазный венский дом с любящими родителями. Никто из них не казался дегенератом или злодеем. Осведомленность Ганса была какого-то рода невинностью, потому что он не представлял себе, к чему все это ведет, – Wiwimacher'ы были просто занятым устройством. Но у него, несомненно, была своя личная сексуальная жизнь, и если такой Ганс рос в одной венской семье, несомненно, в других семьях могли найтись ему подобные.

Этот простой вывод о существовании детской сексуальности логически вытекал из «Анализа фобии пятилетнего мальчика» – он очевиден теперь, но не был тогда. В изучении Ганса Фрейд ставил перед собой и другие цели. Мальчик должен был стать доказательством теории, и Фрейд решил, что ему это удалось. Он испытывал эротические чувства по отношению к матери, видел в отце соперника, подавлял свои чувства и в результате этого

страдал. «Ганс, – радостно пишет Фрейд, – действительно был маленьким Эдипом».

Доктор Граф с женой были одними из первых учеников, а может, и первыми, кто впустил в свою жизнь теории Фрейда, не интересуясь психоанализом с профессиональной точки зрения. До появления интеллектуальных западных родителей, верящих во Фрейда, было еще далеко. До первой мировой войны в восточных штатах Америки найдется несколько семей, экспериментирующих с новомодной теорией. Только в 1920-х годах их догоняет лондонская группа «Блумсбери» «Лондонская организация литераторов и интеллектуалов (1904-1939), в которую входили Литтон Стречи, Вирджиния Вульф, Леонард Вульф и др. – Прим. перев.».

У семейства Граф, скорее всего, были свои причины увлекаться теориями Фрейда. Мужу было всего двадцать восемь, когда родился Ганс. Он был на двадцать лет моложе Фрейда и очень гордился дружбой с человеком, вызывавшим его восхищение. Фрейд лечил его жену, а после рождения Ганса, их первого ребенка, в апреле 1903 года они стали посылать Фрейду по его просьбе записи о сексуальном развитии и снах сына.

Они писали ему об интересе мальчика к Wiwimacher'u, а также о том, что в три с половиной года мать «обнаружила его с рукой на пенисе» и сказала (даже просвещение имеет свои границы), что, если он не перестанет, придет врач и отрежет этот орган.

Рождение сестры вызвало у Ганса подозрение насчет аистов и интерес к ее гениталиям. Граф в своих сообщениях добавляет фрейдистские толкования. Замечание Ганса о том, будто он не хочет, чтобы девочки видели, как он мочится, отец объясняет тем, что ребенок подавляет свое настоящее желание – продемонстрировать, что у него есть.

Видимо, эти современные родители были рады рассказывать Фрейду о своем талантливом ребенке и помогать ему. Когда в начале января 1908 года Граф послал ему очередную порцию записок, он отметил, что его сын вдруг стал бояться лошадей, особенно того, что какая-нибудь из них его укусит. Это, в свою очередь, было связано со страхом перед большим пенисом, возможно, лошадиным. «Дорогой профессор, – писал Граф, – я посылаю вам новые сведения о Гансе, но на сей раз, к сожалению, это материал для истории болезни». Впрочем, Граф знал, что Фрейду именно это и нужно. Он всегда просил друзей и учеников наблюдать за ним за своими детьми. Теперь, когда Ганс превратился в больного, рассказы о нем могли принести больше пользы.

Начались месяцы анализа. Фрейд давал доктору Графу советы, но всю работу выполнял последний. История была связана с настоящими лошадьми: белым конем, которого Ганс видел во время праздника, большими ломовыми лошадьми, подвозящими телеги к складу на улице, где они жили, – но в воображении ребенка они превращались во что-то иное.

В конце марта 1908 года Граф отвел сына на Берггассе. Это произошло за месяц до съезда психоаналитиков в Зальцбурге, и Фрейд в то время писал статью о Крысином Человеке. Он узнал, что ребенка беспокоит вид ломовых лошадей, особенно упряжь вокруг рта и глаз. Это он легко истолковал: шоры означают очки, а удила – усы Ганс отождествлял лошадь с отцом. «И тогда я сказал ему, – написал Фрейд, – что он боится отца именно потому, что очень любит мать».

Фрейд знал, что подвергнется критике за навязывание ребенку тех фактов, которые ему были нужны. Он предпринял обычные меры предосторожности. Сначала он отрицает, что Ганс мог подвергнуться влиянию отца, и жалуется, что в настоящее время сила «внушения», о которой в его молодости психологи были невысокого мнения, переоценивается. Затем он говорит, что нельзя считать детей ненадежными свидетелями. Это утверждение никак не связано с предыдущим о «влиянии», но выражено настолько изящно, что это едва ли бы кто-то заметил.

Недостоверность утверждений детей объясняется преобладанием у них воображения, в то время как недостоверность утверждений взрослых объясняется преобладанием предрассудков. Что же касается остального, даже дети не лгут без причины.

Наконец, Фрейд использует аргумент «священной тайны», заключающийся в том, что

только тот, кто проводит анализ, получает «чувство окончательной убежденности». Все остальные неспособны на это: печально, но факт – если вы не аналитик, вы не в состоянии понять это.

Были несомненные данные о том, что Ганс любил свою мать и в этой любви был эротический элемент. Однажды он попросил ее дотронуться до его пениса

Наблюдатели не давали мальчику покоя. В феврале Фрейд посоветовал Графу сказать сыну, что все эти проблемы с лошадьми – бессмыслица и он на самом деле ищет предлог, чтобы мать взяла его к себе в постель. На более поздней стадии анализа, в апреле. Граф выразил предположение, что, «возможно», мальчик хочет, чтобы мать уронила его маленькую сестру во время купания в воду. Три дня спустя Граф предположил, что Ганс не хочет, чтобы его сестра жила. Ганс согласился, и отец торжествующе заключил: «Тогда ты остался бы вдвоем с мамой!».

Анализ Фрейда использовал те данные, которые подходили к толкованиям, но сам по себе не доказывал ничего, кроме того, что Ганс часто думал о пенисах, младенцах и туалете. Удовольствие, которое он получал от игры со своим пенисом, сочли частью проблемы, и его не раз пугали тяжкими последствиями, в том числе «мешком», в котором ему придется спать (а возможно, и приходилось). Этот мальчик находился во власти взрослых, пусть у тех и были самые лучшие намерения.

История в том виде, в котором она рассказывается «Отношения Графов и Фрейда так и не получили в очерке удовлетворительного объяснения. Не упоминается и то, что Фрейд подарил ребенку на третий день рождения лошадь-качалку, пронеся игрушку через четыре лестничных пролета в их квартиру. Граф упоминает об этом подарке в статье, написанной им в 1942 году. Была ли связь между этой деревянной лошадкой и фобией, начавшейся позже?», с подозрительно удачными доказательствами, беспокоит многих фрейдистов. В ней показано, как Ганс постепенно узнает правду о себе: что он хочет избавиться от отца, чтобы можно было жениться на маме. Признание делается – или его добиваются – в разговорах отца и сына ближе к концу апреля. Однажды Граф вспомнил о похоронах, которые сын видел на выходных, и сказал: «Ты тогда подумал, что, если бы папа умер, ты бы стал папой», на что Ганс ответил: «Да». Позже в этом же разговоре прозвучали такие слова:

Граф: Ты бы хотел быть папой и жениться на маме Ты бы хотел быть таким же большим, как я, и чтобы у тебя были усы. И ты бы хотел, чтобы мама родила ребенка.

Ганс: И, папа, когда я женюсь, у меня будет только один, если я захочу, когда я женюсь на маме.

Граф: А ты бы хотел жениться на маме?

Ганс: О да!

Этот разговор произошел 25 апреля 1908 года, в субботу, за день до того, как сорок два делегата, в том числе Граф, отправились в Зальцбург на психоаналитический конгресс. Стремился ли Граф добиться от сына важных признаний до того, как уехать из Вены в воскресенье? Возможно, он даже надеялся убедить Фрейда рассказать об этом случае в лекции 14 апреля. Фрейд говорил Юнгу, что «подумывает о том, чтобы завершить анализ истерической фобии пятилетнего мальчика». Что бы ни думал Граф, неожиданная развязка случая Герберта могла изменить решение профессора. Может, он подошел к Фрейду в поезде из Вены или постучал в дверь его номера в отеле «Бристоль» с охапкой записей и прекрасной новостью о том, что сын хочет от него избавиться, чтобы жениться на маме? Если он на что-то и надеялся, то его ждало разочарование: лекция была посвящена Крысиному Человеку.

Опубликовав этот анализ в следующем году, Фрейд рассказал, как Ганс избавился от страха перед лошадьми и стал более мудрым ребенком, его сознание научилось лучше контролировать силы бессознательного. Было ли это правдой, или Фрейд выдавал желаемое за действительное? Было ли вызвано изменение (каким бы оно ни было) фрейдовскими

приемами или сочувствием и любовью родителей и естественным исчезновением детских фантазий?

Герберт Граф прожил еще шестьдесят пять лет и умер в 1973 году. Он посвятил свою жизнь театру и более десяти лет работал театральным режиссером в «Метрополитен». О своем анализе он ничего не помнил.

Летом 1908 года Фрейд отдыхал с семьей в Берхтесгадене, описывая случай маленького Ганса, когда не гулял по холмам и не собирал землянику. После этого он впервые за тридцать три года снова посетил Англию и своих тамошних родственников. Возможно, он заметил, что настроение англичан по отношению к Германии меняется. С тех пор как он впервые побывал там в 1875 году, еще студентом, патриотические чувства британцев приняли другое направление. Популярная литература в этом помогала, особенно приключенческий роман Эрскина Чайлдера «Загадка песков» (1903), где описывалось вторжение вероломных немцев в Англию. Немцев стали называть обидным прозвищем «гансы».

Если Фрейд, который восхищался новой Германией, читал в 1908 году английские газеты, он нашел в них прискорбное недружелюбие. Англичане не были в восторге от немецкого перевооружения и немецких амбиций. Газета «Дейли мейл» требовала расширения военного флота. Воздушный корабль графа Цеппелина порядочно испугал их, пролетев тем летом над Европой.

Фрейд приехал в Англию через Гарвич и провел там две недели. Его сводные братья со своими семьями были частью английской жизни. «Э. Фрейд и сын», компания, торгующая бакалеей и имеющая телеграфный адрес «Фрейд, Манчестер», теперь управлялась сыном Эммануила по имени Соломон, которого обычно звали Сэм. Ему уже было почти пятьдесят. Сэм и его сестра Берта остались от пятерых детей, родившихся у Эммануила и Мари в Британии. Остальные трое умерли в младенчестве.

Двое детей, которые родились до отъезда семьи из Фрейбурга, те самые Джон и Полина, детские товарищи Фрейда по играм, выросли в Манчестере. Полина там и оставалась, в отличие от Джона. После поездки в Англию в 1875 году Фрейд очень восхищался им, «англичанином во всех отношениях». Этот «прекрасный образчик» остался для нас загадкой, потому что после 1870-х годов он исчезает из истории семьи, а в Британии не существует записей о его браке или смерти.

Второй сводный брат Фрейда, Филипп, все еще жил в Англии со своей бирмингемской женой и двоими детьми, и Фрейд увиделся и с ним. Как и Эммануилу, Филиппу было уже больше семидесяти. Для семьи, настолько плодovитой вначале, манчестерская ветвь оказалась удивительно немногочисленной. Дети Эммануила – Сэм, Полина, Берта и (насколько нам известно) Джон – так и не вышли замуж и не женились. Есть данные о том, что их отец был тираном в семье, что, возможно, объясняет, почему Джону нужно было исчезнуть, чтобы спастись от своего отца. Быть может, он просто взял другое имя и уехал подальше. Дочь Филиппа вышла замуж в среднем возрасте и не имела детей. С ее смертью в 1951 году закончилась линия манчестерских Фрейдov.

Эммануил хотел показать Зигмунду английское побережье, и они побывали в Блэкпуле, курорте для промышленных рабочих, а также провели четыре дня в более утонченном месте под названием Литам святой Анны. Вторую неделю Фрейд провел в Лондоне один, гуляя в парках, отмечая «волшебную» красоту английских детей, рассматривая египетские древности в Британском музее и английские картины в Национальной галерее.

Возвратившись на континент, он в каком-то смысле продолжал отдыхать, проведя четыре дня со своим соратником в Цюрихе. Юнг показывал ему дом, который строил себе у Куснахта, на восточном берегу озера Цюрих. Здание напоминало резиденцию джентльмена восемнадцатого века. К нему был пристроен причал для яхты, на которой он любил плавать по беспокойному озеру. Над входом в дом была надпись на латинском языке, гласившая, что Бог с нами независимо от нашего желания.

Если строительство в Куснахте и говорило Фрейду о том, что Юнг хочет жить в

большем уединении, чем его учитель, он никак не показал, что заметил это. Он сам иногда чувствовал потребность в сельской жизни и южном солнце, но городская квартира и друзья из Девятого округа занимали важное место в его жизни. Он избегал одиночества, так привлекавшего Юнга. В Лондоне Фрейд жаловался на то, что ему одиноко, и после краткого перерыва, проведенного в Цюрихе, для последних дней отдыха он выписал себе Минну, своего лучшего друга, и они вместе провели время в приятных мечтах у итальянского озера.

Тем не менее почти все, что делали Фрейд и Юнг, сближало их. Первое письмо Фрейда после этого посещения начиналось словами «мой дорогой друг и наследник». Начал обретать форму первый номер «Ежегодника»: из пяти статей главное место было отведено работе о маленьком Гансе. Фрейд считал, что его судьба навеки связана с Юнгом. В январе 1909 года он писал:

Если я Моисей, то ты Иешуа, которому будет принадлежать земля обетованная психиатрии, на которую я смогу лишь смотреть издали.

Ближе к концу марта Юнг с женой должен был приехать в Вену. Они никак не могли договориться о точной дате, и, объясняя возникшие проблемы в письме от 7 марта, Юнг сообщает Фрейду о пациентке, с которой у него связаны сложности. Это была та самая русская студентка Сабина Шпильрейн, но Юнг не сказал Фрейду ни ее имени, ни всей правды. Он написал, что вылечил женщину от «очень стойкого невроза», а она отплатила ему тем, что устроила «мерзкий скандал лишь потому, что я отказал себе в удовольствии дать ей ребенка». Негодующий Юнг заявил, что всегда вел себя как джентльмен, но «вы же знаете, как это бывает – дьявол может из самого чистого сделать грязь».

Фрейд тут же пишет «сыну и наследнику» ободряющее письмо. Он действительно слышал рассказы о женщине, которая представилась одному коллеге любовницей Юнга, и предположил еще тогда, что она невротичка. «Быть жертвой клеветы и обжигаться любовью, с которой мы сталкиваемся, – таковы опасности нашего ремесла», – замечает он.

Вероятно, Шпильрейн была любовницей Юнга. В любом случае, он был очень увлечен ею – странная связь для того, кто (позже это стало явным) так и не смог убедить себя в правоте Фрейда о том, что секс – ключ к личности человека и его неврозам; для того, кто хотел найти в своей душе нечто лучшее, чем сексуальные инстинкты.

Оба делали вид, что этому событию не стоит придавать значения. Но это заметно между строк письма, написанного Фрейдом об американском взгляде на секс (каким он его считал). Фрейд говорит о «вашем» ханжестве вместо «их» (эту оговорку Юнг отмечает с «дьявольской радостью») и добавляет:

Мы заметили это ханжество, которое раньше было еще хуже, чем сейчас. Теперь я могу с ним смириться. Я говорю о сексуальности открыто.

История со Шпильрейн напомнила Юнгу о том, как сильны его собственные сексуальные желания; возможно, и о том, какую пользу могло бы принести признание в этом учителю, если бы он заставил себя это сделать.

Вместо этого (как можно предположить) он использовал историю Минны – о том, что они с Фрейдом любовники, – в качестве противоядия от своей собственной слабости, превратив предположение в факт, чтобы человек, которому он мог бы исповедоваться, не был достоин этого признания. В их взаимоотношениях с самого начала наблюдается борьба за власть: Юнг всегда был заинтересован в том, чтобы авторитет Фрейда упал.

Связь не была счастливой ни для Юнга, ни для Шпильрейн. Юнг был известным психиатром в богобоязненном городе, благополучным гражданином и главой растущего семейства – Эмма Юнг в конце 1908 года родила второго ребенка. Шпильрейн в 1905 году, когда Юнг начал лечить ее, было двадцать лет. Она была еврейкой хрупкого телосложения, очень умной, но страдавшей от серьезных нарушений психики. Семья послала ее за полторы тысячи километров из Ростова-на-Дону, для того чтобы она вылечилась и получила медицинское образование. Шпильрейн была полностью во власти Юнга, а также своего воображения. Ею управляли фантазии о власти и магии, которые, в свою очередь, возможно, слились в мозгу Юнга с его собственными представлениями о сверхъестественном.

К 1908 году Юнг уже писал ей нежные письма, в одном из которых четко говорил, какая ему нужна любовница: человек, который мог бы любить «не наказывая, не лишая другого человека свободы и энергии». Шпильрейн хотела другого. Она мечтала о том, чтобы родить от Юнга ребенка, которого бы звали Зигфрид – это имя она явно выбрала из-за его важной роли в немецкой мифологии (и вагнеровских операх), где фигурирует герой Зигфрид – сын Зигмунда и Зиглинды. Похоже, она думала, что в этом реально-мистическом ребенке соединятся еврейский элемент – она и Фрейд, о котором она была хорошо проинформирована, – и арийский в виде Юнга.

Связь имела неприятные последствия. Госпожа Шпильрейн в России получила анонимное письмо с предостережением о том, что ей следует спасать дочь, пока Юнг не обесчестил ее. Вероятно, оно было написано госпожой Юнг, но все обстоятельства этой истории до сих пор не выяснены, даты не точны, большая часть корреспонденции Юнга все еще не доступна, а самые подробные данные исходят от самой жертвы – Сабины. Госпожа Шпильрейн написала Юнгу письмо, умоляя его отказаться от Сабины, и получила яростный ответ о том, что врачи не преступают границ с пациентами, потому что им платят за внимание.

Я предложил бы вам – если вы хотите, чтобы я строго придерживался своей роли врача, – заплатить мне компенсацию за беспокойство. В таком случае вы можете быть абсолютно уверены, что я буду соблюдать свой долг врача при любых обстоятельствах.

Сабина устраивала ему сцены, которые достигли высшей точки – дата неизвестна – во время физического столкновения, когда она держала в окровавленной руке нож. Возможно, это произошло в кабинете Юнга в «Бургхельцли». Она выбежала к коллегам-женщинам с криком: «Это не моя кровь, а его. Я убила его!» После этого эпизода она стала считать Фрейда «ангелом спасения».

Отправляя 7 марта Фрейду письмо о «мерзком скандале», Юнг знал, что это повлечет за собой неприятности. Если Фрейд уже что-то слышал о его любовнице, в Цюрихе наверняка тоже ходили об этом слухи. Блейлер, главный врач «Бургхельцли», относился к сексуальным приключениям не лучше, чем к алкоголю. Психиатризм он воспринимал двойственно, и Юнг начал отдаляться от него. В конце марта Юнг ушел из больницы. Несомненно, это входило в его планы зажить так, как ему хочется. Дом в Куснахте, часть этих же планов, этой весной был закончен. Однако разрыв с больницей мог быть ускорен опасениями, связанными со Шпильрейн.

Посещение Юнгами Вены длилось с 25 по 30 марта 1909 года, с четверга до вторника. Юнги жили в гостинице «Регина», любимом месте психиатриков, находившейся рядом с Обетованной церковью у самого северо-западного края Рингштрассе, в нескольких кварталах от Берггассе. О чем Фрейд и Юнг говорили и что они делали, неизвестно, если не считать последнего вечера.

Кульминацией визита стало официальное объявление Фрейдом Юнга своим «наследником и крон-принцем», событие, о наступлении которого он говорил в письмах. Если бы Юнг не был трезвенником, они выпили бы по этому случаю марсалы. Скорее всего, церемония в этом случае свелась к взгляду друг другу в глаза, рукопожатию и скупой мужской слезе. Как вспоминал Фрейд в своем письме Юнгу в следующем месяце, «Я официально принял тебя как старшего сына и помазал тебя *in partibus infidelium* [в областях неверующих]».

Это произошло в квартире Фрейда, в одной из двух комнат, которые он отвел для себя «До 1907 года сестра Фрейда Роза и ее муж Генрих Граф жили в соседней с Фрейдами квартире со своими двумя детьми. Когда они за год до смерти Графа переехали, две квартиры объединили в одну и Фрейд смог перейти с нижнего этажа в более просторные апартаменты.». Позже в тот же вечер во время беседы Юнг поднял вопрос оккультизма. Скорее всего, он сделал это при Фрейде впервые, а тот, как и следовало ожидать, заявил, что все это бессмыслица. Раздраженный Юнг почувствовал «странное ощущение» в груди, «как будто моя диафрагма была железной и докрасна раскаленной – пылающей пещерой». За этим

последовал громкий треск в книжном шкафу.

Оба испугались. Юнг назвал это «феноменом каталитической экстеризации» (впоследствии парапсихологи переименовывают это в «психокинез»), а Фрейд – чепухой. «Герр профессор, – возразил Юнг, – через мгновение раздастся новое громкое доказательство», – и так действительно произошло. Фрейд увидел другого Юнга – ясновидца, читающего мысли и раскалывающего ножи усилием воли. «Мои странности», как называл это Юнг впоследствии.

Это был особенный вечер, ставший предвестником будущих неприятностей. В письме Фрейду после этого Юнг выражался агрессивно и независимо:

Тот последний вечер с вами, к счастью, избавил меня от подавляющего ощущения вашей отцовской власти. Мое бессознательное отпраздновало это впечатление великим сном, который занимает меня уже несколько дней. Я только что завершил его анализ. Надеюсь, теперь я свободен от всех ненужных помех. Ваше дело должно и будет процветать.

Едва ли такого ответа ждал Фрейд от новоявленного кронпринца, и наверняка загадочное упоминание о «великом сне» Юнга вызвало его недоумение.

Юнг, как и Фрейд, использовал сны в своих целях. Но он видел в них путешествия личности по пространству и времени, а не раскапывание погребов, заполненных хламом детских впечатлений. Позже он описал несколько из своих «великих снов». Сон, о котором шла речь в его письме после посещения Вены, мог быть тем, в котором он шел по гористой местности на границе Швейцарии и Австрии и повстречал сварливого старого таможенника. Он был мертвым, но в то же время «одним из тех, кто не мог толком умереть». Юнг определил границу стран как грань, разделяющую сознательное и бессознательное, взгляды Фрейда и его собственные. Призрак был Фрейдом, а сон, когда бы он действительно ему ни приснился, выражал желание его смерти. И тем не менее, как писал Юнг впоследствии, в то время он хотел продолжать работать с Фрейдом и «с искренним эгоизмом пользоваться его богатым опытом».

Фрейд ответил на письмо, сохраняя спокойствие. Он лишь упрекнул Юнга, если это можно считать упреком, что ему кажется странным, что в тот вечер, когда Юнг получил статус крон-принца, ты лишил меня моего отцовского достоинства, и это, похоже, доставило тебе не меньше удовольствия, чем мне, с другой стороны, присвоение тебе этого звания.

Почти все письмо было посвящено оккультным явлениям. Фрейд признался, что «полтергейст» произвел на него впечатление. Он начал обращать внимание на звуки в шкафах и слышал только скрип, никак не связанный с его мыслями, причем это никогда не совпадало с его мыслями о Юнге. Его желание поверить во все это «исчезло вместе с магией твоего личного присутствия», и я вижу перед собой лишенную жизни мебель, как поэт – утратившую богов Природу, после того как боги Греции ушли [ссылка на стихотворение Шиллера]. И значит, я снова надеваю свои отцовские очки в роговой оправе и советую моему дорогому сыну не слишком увлекаться.

Итак, Фрейд не забыл об этом случае. Он сидел и думал о Юнге, стараясь повторить его. И, придя к выводу о том, что ничего не может быть, в первой половине письма, во второй части он пишет о своем увлечении цифрами и датами смерти, как будто хочет показать Юнгу, что симпатизирует иррациональным убеждениям, в то же время понимая, что им есть рациональные объяснения.

В 1909 году теплое отношение Фрейда к Юнгу было непоколебимым. Он спокойно отнесся к истории с Сабиной Шпильрейн. Когда она обратилась к нему в конце мая из пансиона в Цюрихе, написав, что хочет поговорить с ним «о чем-то очень важном для меня», он переслал ее письмо Юнгу с невинным вопросом: кто это может быть – сплетница, болтуня, параноик? Вероятно, он догадался, что это и есть таинственная скандалистка Юнга, и последнему пришлось признать это. Юнг сказал, что порвал с ней, потому что она «последовательно планировала мое совращение... А теперь она хочет отомстить». Кроме того, она распространяла слухи о том, что он хочет развестись с женой и жениться на ней.

От знатока истерии пришел утешительный ответ. Хотя таких серьезных проблем у Фрейда никогда не было, «в нескольких случаях он был очень близок к этому и едва спасся».

Только то, что он был на десять лет старше Юнга, когда пришел в психоанализ, спасло его от подобного, по его словам. Но эти случаи помогают Юнгу выработать в себе неуязвимость. Это «неприятность, обернувшаяся благом».

Между Веной и Цюрихом циркулируют полные беспокойства письма. Фрейд убеждает Шпильрейн, что его друг Юнг неспособен на низкие поступки. Шпильрейн заверяет Фрейда, что ее главное желание – расстаться с другом любовно, и приводит цитаты из оскорбительного письма, написанного Юнгом ее матери. Фрейд советует Юнгу не винить себя, потому что «небольшие взрывы в лаборатории» (пациенты – это, видимо, эксперименты) неизбежны. Шпильрейн говорит Фрейду, что «вы хитры», потому что он выслушал обе стороны. Она пишет, что поговорила с «негодяем», который пообещал сказать Фрейду всю правду. Юнг признался, что Шпильрейн не виновата в том, что его письмо к ее матери было «обманом, в котором я неохотно признаюсь вам как своему отцу». Тем не менее он продолжает лгать об этой связи. Фрейд извинился перед Шпильрейн и сказал Юнгу больше не беспокоиться. Мир был восстановлен. Репутация Юнга не пострадала. Вместо Шпильрейн появилась другая женщина.

Летом 1909 года обоих занимало нечто более интересное: они ехали в Америку, как и Шандор Ференци из Будапешта.

Фрейд получил приглашение в прошлом декабре и отнесся к нему отрицательно. Он относился к Новому Свету двойственно, как многие европейцы, хотя в молодости подумывал о том, чтобы уехать туда (или в Англию), но остался в мире, который понимал лучше. За океаном он видел карикатурную землю, населенную ханжами, боготворящими доллар. Теперь, когда университет Кларка в Вустере (штат Массачусетс) пригласил его прочитать серию лекций в июле 1909 года, Фрейд был раздражен, что в качестве гонорара ему предлагают слишком мало. «Конечно, – сообщал он Юнгу, – американцы платят за дорожные расходы всего четыреста долларов».

Обычно июль был очень оживленным месяцем в его практике, поскольку он старался принять всех пациентов до того, как отправиться на отдых. Фрейд отказался принять приглашение, рассказав в своем кругу, что университет Кларка слишком самонадеян, если думает, что он ради лекций будет приносить какие-то жертвы. «Америка должна приносить деньги, а не стоить их», – писал он Ференци, добавляя пару слов и о второй части карикатурного образа, ханжестве. «Между прочим, нас могут очень скоро вывалить в грязи, как только обнаружат сексуальную подоплеку нашей психологии». То же он сказал Юнгу: когда американцы поймут связь теории с сексом, они «бросят нас».

Он относился к Америке по-европейски пренебрежительно. И он, и Юнг жаловались на ведущего бостонского психиатра Мортон Принса, который интересовался психоанализом, но тревожился по поводу его сексуального подтекста. Он был на два года старше Фрейда, но вел себя с такой добродушной уверенностью, которую новичкам не следовало демонстрировать, разве что если бы они обладали исключительным талантом. Юнг упоминал о «слабом ветерке ханжества, дующем из Америки, для улавливания которого у Мортон Принса, похоже, есть особый орган».

В Принсе они видели пуританские ценности. Фрейд мог бы заметить те же качества в англичанах, но он любил Англию и закрывал на это глаза.

Если у него и были серьезные сомнения по поводу посещения Америки, хотя это маловероятно, они полностью исчезли в феврале 1909 года, когда университет Кларка прислал повторное приглашение. Гонорар возрос до семисот пятидесяти долларов, лекции нужно было проводить в течение второй недели сентября, а Фрейду обещали почетную степень. В начале июня, когда история со Шпильрейн стала сходить на нет, приглашение получил и Юнг.

За семь недель до отправления Фрейд уже складывал свой гардероб: костюмы, фрак, смокинг, теплое пальто для морского путешествия. Он шутиливо говорил Ференци, что нужно купить цилиндр по прибытии, «учитывая сложность его транспортировки», а затем «выбросить его в океан перед возвращением назад». Но он знал, что к Америке нужно относиться серьезно. Психиоанализ – это товар, а Фрейд был экспортером-монополистом.

Глава 21. Америка

Небольшой и нетрадиционный университет Кларка, что в шестидесяти пяти километрах от Бостона, был основан в 1887 году сыном фермера Джоном Кларком, который в молодости не мог получить образование. Престарелым ректором, также возглавлявшим аспирантуру, был психолог Г. Стэнли Холл, который настойчиво стремился сделать университет знаменитым и выпускать докторов психологии. Неделя лекций, в которой должны были участвовать Фрейд с Юнгом, стала частью мероприятий, посвященных двадцатилетнему юбилею университета. Рассказывая об этом Юнгу, Фрейд писал «двадцатилетний (!) юбилей», чтобы показать, какого он мнения об американских временных масштабах по сравнению с Европой.

Фрейд наверняка знал, что этот университет достойный, но не в числе первых, а его соперник Пьер Жане побывал в Америке за три года до него и был гостем Гарварда, Джона Хопкинса и Колумбийского университета. Американцы больше знали о Жане, взгляды которого на бессознательное не были в такой степени сосредоточены на сексуальности и не так их беспокоили. И все же университет Кларка был хоть каким-то плацдармом.

Холл долго проработал в Европе – в общей сложности шесть лет, – причем часть этого времени он посвятил экспериментам по словесным ассоциациям задолго до того, как этой темой занялся Юнг. Идея сексуальных теорий в психологии не беспокоила его, хотя он понимал, что в сфере, связанной с образованием, нужно быть осторожным. В Америке, как и в Великобритании, существовало твердое общественное убеждение, что сексуальные действия имеют для приличных людей только одну цель – производить на свет детей, и только в браке. По американским стандартам, континентальная Европа была явно аморальной, а Британия – лишь немного меньше.

Холл сбежал от пуританского детства на ферме Новой Англии. «Полдюжины полок» в его библиотеке уделялись книгам о сексуальных вопросах. В университете Кларка был курс психологии секса, освещавший такие темы, как мораль, болезни, развод, скромность, проституция, плодovitость и евгеника. Неплохо для шестидесятипятилетнего человека, живущего в консервативном климате Новой Англии. Как позволяет предположить замечание Фрейда, сделанное после посещения Америки, Холл не соответствовал обобщенному карикатурному образу соотечественников.

Кто бы мог подумать, что в Америке, лишь в часе езды от Бостона, есть респектабельный пожилой джентльмен, с нетерпением ожидающий следующего номера «Ежегодника», читающий его и все понимающий, который затем, по его собственному выражению, звонит для нас в колокола?

Еще до отъезда Фрейда в Америку Эрнест Джонс сообщал ему о жизни в Новом Свете из Канады, где он ухитрился найти какое-то место в университете в Торонто. Он принимал пациентов, писал статьи и с уверенностью ожидал скорого получения звания профессора психологии.

Его сопровождала женщина, которую он называл своей женой, богатая и жизнерадостная голландская еврейка Лоу Канн (именно она когда-то помогала финансировать его путешествия по Европе). Для приличия он говорил всем, что они женаты. В письме Фрейду он упоминает, что ищет в Торонто дом для «своего гарема» – такой веселой фразой он описывает своих домашних «жену», двух сестер из Уэльса, присоединившихся к нему, и двух служанок. Три месяца спустя – это было вскоре после первого признания Юнга о Шпильерейн – Фрейд передает эту шутку о гареме Юнгу,

возможно, думая, что в этот момент юмор не помешает. Но Юнг воспринимает фразу буквально. «То, что вы говорите о Джонсе, поразительно, – ответил он, – но это сочетается с некоторыми его выражениями, которые меня очень удивляли». Джонс не мог избавиться от своей репутации.

Для Фрейда он уже стал «смышленным учеником» и играл эту роль в течение всей его жизни. Он никогда не был знаменит подобно Флису или Юнгу, и это было безопаснее для дружбы. Если Джонс возражал ему, это не вызывало большой обиды. С самого начала он бомбардировал учителя письмами, давая ему советы как старому другу, при необходимости делал комплименты, предупреждал об опасностях, характеризовал коллег – как неофициальный начальник штаба. В 1909 году, после одного посещения Бостона превратившись в специалиста по американским вопросам, он утверждал, что тамошние психиатры хотят только делать деньги, предупреждал Фрейда об антисексуальных настроениях и сообщал, что Брилл, обосновавшийся в Нью-Йорке, написал глупую статью. Если говорить о более конструктивных предложениях, он посоветовал Фрейду давать лекции на английском языке и ограничиться только сновидениями. Фрейд предпочел немецкий, но позволил себя убедить во втором случае и прочитал обширное введение в психоанализ.

Три путешественника – Фрейд, Юнг и Ференци – встретились в Бремене 20 августа, за день до того, как сесть на новый лайнер компании «Норт Джерман Ллойд» под названием «Джордж Вашингтон». Тысячи евреев-эмигрантов из Восточной Европы постоянно мигрировали через Гамбург и Бремерхафен, бременский порт в устье реки Везер. Они отправлялись (с меньшим шиком) в Америку в поисках новой жизни. Всего за десять лет до 1914 года из этих двух портов выехало семьсот пятьдесят тысяч евреев, причем некоторые из экономии путешествовали по Европе в опечатанных вагонах. Если Фрейд и его спутники и заметили их, они об этом не упоминали.

В корабельной конторе Фрейд, к своему неудовольствию, узнал, что вместе с ними едет Уильям Штерн, профессор философии из Бреслау, который тоже собирался читать лекции в университете Кларка. Штерн, который впоследствии попал в университет Дюка, был довольно известен. Вскоре после этого события он ввел в науку понятие, приведшее к созданию принципов тестирования коэффициента умственного развития. Но однажды он написал на «Толкование сновидений» прохладный отзыв и заработал в глазах Фрейда характеристику «отвратительного человека». Раздражение Фрейда усугубилось тем, что в списке пассажиров имя Штерна было написано верно, а его – с ошибкой (Freund вместо Freud).

День до отправления они провели осматривая местные достопримечательности. Ференци размахивал «толстой кипой грязных банкнот... черных с одной стороны и зеленых с другой» – это были первые доллары, увиденные Фрейдом. Они зашли в собор и осмотрели обитый свинцом погреб, где сохранились в мумифицированном состоянии трупы. Этот визит имел свои последствия.

За обедом в ресторане Юнг объявил о своем решении прекратить воздерживаться от спиртного. Они все за это выпили. Вскоре после этого, за лососиной, Фрейд «покрылся сильной испариной и почувствовал слабость» и ему пришлось отставить еду в сторону. До того он плохо спал, а на ночном поезде в Бремен пил пиво, поэтому он не придавал приступу большого значения. Об этом рассказывается в дневнике, который Фрейд вел в течение первой половины путешествия «Этот дневник опечатан и хранится в библиотеке конгресса. При жизни Анны Фрейд он на краткое время был открыт, и его использовали в книге, вышедшей в свет только в 1993 году.»

Юнг, описывая этот случай более пятидесяти лет спустя, утверждал, что Фрейд упал в обморок, а произошло это из-за разговора, о трупах в погребе. Фрейд жаловался, будто эти разговоры о мертвых означают, что Юнг желает его смерти. Юнг, вспоминая это, сказал, что его «встревожила сила его [Фрейда] фантазий».

Что бы там ни случилось, на их времяпрепровождении это не сказалось, и они продолжили осмотр города в автомобиле, который наняли по настоянию Юнга. Они видели

группу военных, возвращавшихся в город с летних маневров, и Фрейд саркастически отметил (в своем дневнике), что, «конечно, [их] подвергнет тщательной инспекции капитан швейцарской армии».

На следующий день они vyplыли из Бременхафена. Лайнер зашел в Саутгемптон и Шербур, взяв на борт новых пассажиров, а затем отошел от берегов Европы и начал свое семидневное путешествие через океан. Погода стояла сырая и туманная, море было спокойным. Три психоаналитика почти все время проводили вместе. Когда Фрейд увидел, как негодяй Штерн задержал на палубе Юнга, он крикнул: «Доктор, ну когда вы, наконец, закончите этот разговор?» После этого, как Фрейд написал в своем дневнике, «потрепанный еврей в смущении удалился». Несомненно, Штерн был для него одним из «неправильных» евреев, как и те шумные толпы, спасающиеся с востока от погромов и бедности на эмигрантских кораблях.

Пересекая Атлантический океан, они проводили психоанализ друг над другом, но неизвестно, насколько обширный и при каких условиях. В письме Фрейду по возвращении в Европу Ференци писал о «размышлениях, в которые я погрузился на корабле после довольно болезненного осознания своей инфантильности в отношениях с вами». В другом письме он пишет о «*menage a trois*» «"группе из трех человек" (фр.). – Прим. перев.» на «Джордже Вашингтоне». Джонс говорит в своей биографии, что это был «групповой анализ», где каждый подвергался одновременному анализу со стороны остальных.

Юнг ничего не сообщал о Ференци, но описал в знаменитом абзаце из своей книги «Воспоминания, сны, размышления», чернящем Фрейда, как тот скрыл детали своей личной жизни, которые помогли бы объяснить сон, со словами: «Я не могу рисковать своим авторитетом», и тем самым потерял весь авторитет в глазах Юнга. Юнг не говорит, было ли это на борту «Джорджа Вашингтона», а в другом труде упоминает, что анализировал Фрейда уже в Америке. Так или иначе, в описании из «Воспоминаний» он выставляет себя в наилучшем свете. Его соперник в момент написания книги был двадцать лет как мертв, Эрнеста Джонса не было на свете пять лет, и никто уже не мог доказать его неправоту.

Все они занимались сновидениями. В какой-то момент путешествия Юнгу приснился самый знаменитый из его снов – сон о доме, где комнаты, когда он спускается вниз, становятся все древнее, пока в подвале он не видит римские античные стены, а под полом пещеру, где сохранились куски доисторической керамики и два черепа. Возможно, навеянный домом, построенным Юнгом у озера, этот сон рассказал ему, что в человеке скрыты воспоминания, принадлежащие истории всего человечества, а не его личной жизни. На основе этой идеи он разработал концепцию «коллективного бессознательного». Подходящий сон для того, кто хотел выйти из-под власти другого человека и развивать свои собственные идеи.

В своих «Воспоминаниях» он с удовольствием описывает слабые попытки Фрейда истолковать его сон, то, как он задумывался, чьи это черепа и чьей смерти Юнг может желать. Наконец Юнг снисходит до признания и говорит, что черепа, должно быть, принадлежат «моей жене и ее сестре», зная (как он написал), что это неправда, поскольку в то время он был недавно женат и у него не было причин для желания смерти жены. Напротив, в действительности Юнг был женат тогда уже шесть лет, только что избавился от назойливой Шпильрейн и был с женой в натянутых отношениях. Но сон очень удачно подходил для того, чтобы умалить достоинства Фрейда. Идея о женах и их сестрах, возможно, даже являлась жестоким намеком на предполагаемый адюльтер Фрейда с Минной.

Когда читаешь об этих видениях аналитиков, создается впечатление, что заглядываешь в их душу. Но эта информация неполна и слишком предвзята даже для биографии, которая всегда основывается на неполных и предвзятых сведениях. Рассматриваемые события часто оказываются просто эмоциональными состояниями, описание которых в глазах читателя ни к чему не приводит. Мы заглядываем в их личную жизнь, ничего этим не добываясь. Фрейд ссылается на какую-то личную беседу, когда пишет Юнгу после американского

приключения: «Мое бабье лето, о котором мы говорили во время путешествия, печально увяло под давлением работы», – и добавляет: «Я примирился с мыслью о том, что я стар». Это вершина какого айсберга? Имел ли Фрейд в виду под «бабьим летом» ту свободу, которую он почувствовал, когда у Марты (в августе 1909 года ей исполнилось сорок восемь) прошел климакс? До нас дошло всего несколько слов, а об остальном можно только догадываться.

Они приплыли в Нью-Йорк, и, когда корабль подходил к берегу, Фрейд якобы повернулся к Юнгу и сказал: «Неужели они не знают, что мы везем им чуму?» Газеты незамедлительно сообщили о прибытии профессора «Фрейнда».

Торжество в университете должно было начаться больше чем через неделю, и компания провела почти все это время в Нью-Йорке, а Брилл был их экскурсоводом. Он жил в районе Центрального парка, который Фрейд счел «лучшей частью города». С тех пор там живут и работают психоаналитики.

Они осмотрели еврейский квартал в нижнем Ист-Сайде и Китайский квартал рядом с ним, посетили Метрополитен-музей, побывали в кино (с большим комфортом, чем в Риме на открытом воздухе), Американский музей естественной истории, сумасшедший дом, а также Кони-Айленд, где ярко освещенные аллеи нового луна-парка затмевали сады Пратера. Все трое страдали от хронического несварения желудка и диареи.

Фрейд взял на прокат автомобиль, чтобы навестить сестру Анну и ее мужа Эли Бернейса, которые жили в Морнингсайд-Хайтс, возле Колумбийского университета. Эли теперь разбогател, но это не сделало его более приятным в глазах шурина, попрежнему считавшего его банкротом, волокитой и уклоняющимся от армии. Дома Фрейд никого не застал и предположил, что Анна с детьми куда-то уехала. «Для одного же Эли, который, наверное, где-то в городе, – писал он семье, – я не сделаю ни шага».

Как раз неподалеку от Колумбийского университета, после того как Брилл показал им психиатрическую клинику при университете, где он работал, произошла одна пренеприятнейшая сцена. Они – Фрейд и Юнг, а также, возможно, Ференци и Брилл – были на Риверсайд-драйв (дороге вдоль реки Гудзон) или возле нее. Компания восхищалась видом на высокие горы Нью-Джерси. Фрейд не сдержал позыва и намочил брюки. Рассказал эту историю Юнг, не в своих мемуарах, написанных в 1961 году, а за десять лет до того, в разговоре с профессором Солом Розенцвейгом из Торонто, который впоследствии использовал это в своей книге, опубликованной сорок один год спустя. Розенцвейг добавил, что Юнг «похоже, получал особое удовольствие от разоблачений Фрейда».

В рассказе Юнга не было подробностей о самом казусе, но он сообщил, что Фрейд боялся повторения инцидента в университете Кларка. Юнг предложил проанализировать его и попытаться определить, какая за этим кроется психическая проблема. Юнг считал, что виноваты амбиции – позыв помочиться представлял собой инфантильную попытку привлечь внимание людей к своей персоне.

Сам Фрейд в 1908 году замечал о связи между недержанием мочи (например, ночью) и амбициями. Но он отрицал в разговоре с Юнгом, как и обычно, что ему свойственна амбициозность. По мере продолжения анализа (где это было, сколько раз, как долго?) Фрейд рассказал ему о сне, для толкования которого Юнгу потребовалась какая-то личная информация. Тот отказался ее предоставить, поскольку это означало бы утрату авторитета. Очевидно, это был тот самый сон на борту «Джорджа Вашингтона», который Юнг описывает в «Воспоминаниях» в 1961 году, не упоминая об инциденте с мочевым пузырем. В разговоре с Розенцвейгом Юнг характеризует Фрейда с отрицательной стороны дважды: он становится уклончивым слабым стариком, который имеет большие амбиции, а сам не в состоянии контролировать собственный организм.

«В разговоре с Джоном Биллински, который якобы произошел в 1957 году, Юнг рассказал, что Фрейду во время этого путешествия снился он сам. Марта и Минна, и добавил, что у Фрейда были „психосоматические проблемы, и ему, например, приходилось мочиться каждые полчаса“. Туалетные привычки очень немногих великих людей получили

такую безжалостную огласку.»

Эта история вполне вероятна. Сам Фрейд признавался, что у него проблемы с мочеиспусканием, связанные, по его словам, с гипертрофией простаты – увеличением предстательной железы, которое бывает у мужчин среднего и пожилого возраста и заставляет их часто мочиться. Впоследствии его проблемы усугубились. В разговоре с Джонсом (дата неизвестна) он винил Америку, где испытывал большие неудобства: «Они ведут вас через целые мили коридоров, и в конце концов вы оказываетесь на самом нижнем этаже и встречаетесь с 'мраморным дворцом' – как раз вовремя».

Пожилые люди, зная, что частые посещения туалета – признак надвигающейся старости, неохотно демонстрируют свою слабость в компании тех, кто моложе. Среди тех, кто сопровождал Фрейда у Риверсайд-драйв, еще никто не достиг возраста, в котором появляются проблемы с простатой. Возможно, из гордости Фрейд упустил возможность сходить в туалет в Колумбийском университете – отсюда и неприятные последствия полчаса спустя. Едва ли это связано с какой-то психологической трагедией. Впрочем, именно в такие игры Фрейд сам научил играть аналитиков.

Эрнест Джонс, который на некоторое время уезжал в Европу на конференцию, присоединился к ним на Манхэттене два дня спустя после посещения Фрейдом Колумбийского университета. В тот же вечер, 4 сентября, они отправились на многопалубном пароходе вниз по Лонг-Айленд-Саунд до реки Фолл, а оттуда поездом в Бостон и затем в Вустер, где на торжества уже собирались ученые самых разных специальностей.

Американцы интересовались психологией. Уже существовала «бостонская школа» психотерапии – это была эклектичная группа, более разрозненная, чем любая лондонская группа. Обычные люди тоже интересовались новыми идеями в психологии (и «науке» вообще), многие интеллектуалы в отличие от британцев не видели вреда в том, чтобы газеты и журналы распространяли эти новые идеи. В Великобритании считали, что упрощенные пересказы научных достижений для непрофессионалов приносят больше вреда, чем пользы, – уж лучше снисходительно молчать. В Америке к журналистике относились без презрения. Фрейд привлек интерес и специалистов, и неспециалистов.

Он впервые встретился с выдающимися американцами, которые восприняли его идеи всерьез. Уильям Джеймс, ведущий психолог страны, приехавший туда в конце недели, был настроен скептически, но не скрывал своего любопытства. Этот странный человек, склонный к мистицизму, интересующийся спиритизмом и страдающий от сексуальных проблем, сказал, что приехал в университет Кларка, чтобы «посмотреть, каков из себя Фрейд». Хозяин, Г. Стэнли Холл, был уже наполовину обращен в истинную веру.

Еще одним многообещающим новичком в Вустере на этой неделе стал гарвардский профессор неврологии Джеймс Джексон Путнам, который начал склоняться к психоанализу в шестьдесят три года. (Пожилые американцы были более восприимчивыми к новому, чем пожилые европейцы; Уильяму Джеймсу было шестьдесят семь.) Путнам, который признался, что, впервые прочитав Фрейда, почувствовал отвращение, под влиянием Джонса попробовал пересмотреть свою точку зрения. Джонс, младше его более чем в два раза, смягчил старика во время приезда в Бостон в начале того же года. Джонс нашел его «милым стариком, слабым, вежливым, образованным, начитанным, идеалистичным, но легко поддающимся влиянию».

Встреча с Фрейдом в Вустере завершила начатое Джонсом, хотя в конце концов он предпочел другую версию психоанализа. Он видел в анализе средство усмирить бессознательное и привить ему мораль, практически улучшить характер человека. Его взгляды на человеческую природу в общем были более оптимистичными, как позже у многих других американских аналитиков. Но его искренность подкупала – Джонс сказал, что это единственный известный ему человек, который может публично признать свою неправоту.

Фрейд и Юнг жили у Холла, и в течение недели, пока начиналась программа лекций и

других мероприятий, у них было мало времени на размышления об Америке. Психология была лишь одной из тем конференции. Всего в ней участвовало двадцать девять лекторов, в том числе два нобелевских лауреата, в таких областях, как астрономия, химия, физика, биология и история. Ежедневная компания ученых была для Фрейда чем-то вроде подтверждения его значимости в науке, американцы признали его с легкостью.

Свои пять лекций Фрейд читал в одиннадцать часов каждый день со вторника по субботу, 7-11 сентября, без заметок, и опубликованная версия «Пяти лекций» – это восстановленный по памяти материал. В четвертой лекции Фрейд говорил об Эдипе и сексуальных аспектах, не слишком углубляясь в подробности, но достаточно четко. Согласно воспоминаниям Розенцвейга, Фрейд перешел к теме секса, заметив, что люди говорят об этих вопросах недостаточно прямо. Продолжал он так:

Есть ли в детстве сексуальность, спросите вы. Не наоборот ли: разве детство – это не единственный период жизни, характеризующийся отсутствием полового влечения? Нет, господа, неверно, что половое влечение поселяется в детях во время созревания, как в Священном Писании дьявол входит в свинью. У ребенка с самого начала есть сексуальные желания и сексуальное поведение.

Насколько известно, ни это высказывание, ни какое-либо другое не повлекло за собой яростных нападок. Возможно, конференция была слишком достойной для критики, хотя профессор психиатрии из Торонто жаловался, что обычный человек может подумать, будто венцы выступают за свободную любовь и возвращение к дикарскому состоянию. Для Фрейда неделя в университете Кларка была сладкой местью:

В Европе я чувствовал себя так, словно меня презирают, а там меня принимали как равного выдающиеся люди. Когда я вышел на кафедру в Вустере... это показалось исполнением какой-то невероятной мечты.

Что бы ни беспокоило его у Риверсайд-драйв, Фрейд вел себя уверенно. Когда он прибыл в здание университета для первой лекции, он курил сигару. Ему нужно было подняться на третий этаж, а на лестнице женщина-швейцар указала ему на знак «Не курить». Фрейд вежливо кивнул, но продолжал курить. То же происходило еще в течение двух дней, после чего женщина отступила. Европейцы плевали на лестницу и курили там сигары, и американцам пришлось с этим мириться.

Фрейд по-прежнему относился к Америке иррационально. Там у него началось несварение желудка (он винил в этом местную пищу и много лет спустя, хотя проблемы с пищеварением у него начались еще до Америки) и проблемы с простатой; Америка была полна болтунов, нечленораздельно говорящих и всегда готовых хлопнуть его по спине со словами «Привет, док!». В каком-то смысле он был слишком горд и пренебрежителен по отношению к чужой и непонятной ему стране, и в то же время он жаждал ее признания.

Юнг, который относился к Америке практично, считая ее местом, где можно получить хорошие деньги (что он позже и сделал), написал своей жене, что, когда они получили свои степени доктора, Фрейд был «на седьмом небе». Ференци, вспоминая об этой поездке двадцать лет спустя, когда он уже не был смиренным учеником, говорил, что Фрейд казался «немного смешным, когда почти со слезами на глазах благодарил [Стэнли Холла] за почетное звание доктора».

Американцы умели слушать, как всегда обнаруживали европейские лекторы. За месяц до Фрейда в Америке давала лекции Берта Паппенгейм – Анна О. из «Этюдов по истерии», оставившая далеко позади свое несчастное детство. Когда Фрейд упоминал о ней в начале лекций как о первой пациентке новой психологии, эта пятидесятилетняя женщина как раз незадолго до того рассказывала слушателям в Чикаго и Нью-Йорке об ужасах торговли белыми рабынями.

Оставшаяся часть визита принесла одни разочарования. Путнам отвез Фрейда, Юнга и Ференци еще за триста километров на лоно американской дикой природы, к горам и озерам – в горы Адирондак в северной части штата Нью-Йорк, где у него был «лагерь», охотничья избушка, аналогичная английскому «домику в деревне». Им пришлось слишком много

спускаться и подниматься по крутым тропам, в непривычно неформальной обстановке жарить бифштексы на углях и привыкать к использованию имен в разговоре «Ференци и меня учили играть в одну настольную игру две молодые девушки, – писал Фрейд – Удивительно!» Когда у него был легкий приступ, по его словам, аппендицита, все, что хозяева могли сказать, было «Фу ты! Вот незадача!» Они, без сомнения, были чистыми американцами, он же, возможно, тосковал по Берггассе или знакомым лесам Берхтесгадена и Тироля. Боли в животе наводили его на мысли о смерти.

Две недели спустя, снова переплыв Атлантический океан, они вернулись в Европу. Фрейд оставил позади ядро обращенных в новую веру, которым понадобится не более двух лет, чтобы стать самыми активными и преуспевающими новыми психиатрами Америки. К 1910 году они уже публично представлялись «психоаналитиками», а на следующий год с одобрения Фрейда и европейских коллег Брилл и его единомышленники организовали Нью-йоркское психоаналитическое общество, которое до сих пор стоит во главе фрейдистского движения в Америке. В журналах и популярной литературе обсуждались сны и оговорки по Фрейду (секс в меньшей степени), истории из «Этюдов по истерии» перерабатывались для журналов, и в мозгу читателей среднего класса начал складываться образ психоаналитика как человека приятного, требующего за услуги много денег, но ответственного, чрезвычайно умного и благородного, а также способного объяснить американцам тайны их собственной души. Когда до первой мировой войны пришла мода на танго и регтайм, Брилл высказался в «Нью-Йорк таймс», что это всего лишь подавляемые эмоции, которые вырываются наружу. У таких заявлений нашлась своя аудитория. Лондонцы относились к теориям Фрейда со скрытой насмешкой и, в отличие от американцев, неохотно верили, что этот новый врач-мессия способен изменить их жизнь.

Посещение Америки подняло настроение Фрейда. Америка осталась для него чужой. Но дело было сделано – он привез туда свое учение.

На следующий день после возвращения в Европу, когда все трое разъехались по своим странам, Фрейд продолжал видеть на улицах Юнга. Он задержался в Гамбурге, возможно, чтобы встретиться с госпожой Бернейс и Минной, и рассказывал Юнгу, что, куда он бы ни отправился, «мне постоянно попадалась на глаза твоя светлая шляпа с темной лентой. То же самое было в Берлине». Юнг отвечает более скупым комплиментом: «Иногда я скучаю по вас, – пишет он, – но лишь иногда». Скорее всего, Фрейд заметил эту небрежную манеру – если, конечно, предусмотрительно не закрыл на нее глаза.

Глава 22. Непослушные мальчишки

В начале был Фрейд, потом – Фрейд и несколько коллег в Вене, а к 1910 году возникло международное сообщество психоаналитиков. Ни у кого не было четкого представления о том, как оно должно быть организовано, к тому же существовало скрытое нежелание делать что-то подобное вообще.

«Внутренняя политика» заключалась в спорах между венцами, обычно о том, кому принадлежит та или иная идея, а Фрейд играл роль судьи. Зрелость означала для них лишь возможность спорить о более серьезных вопросах. В начале года планировали провести вторую ежегодную конференцию, чтобы компенсировать то время, пока начальство было за океаном. До нее, то есть до марта, Фрейд продолжал участвовать в «потасовках со своими невоспитанными венскими мальчишками» и в то же время мечтал о новой эре организации, при которой центр тяжести сместился бы на запад, точнее, в Цюрих, и планировал, как бы это выглядело.

Он держал свои административные планы при себе, если не считать Юнга, который ими мало интересовался, и Ференци, получавшего намеки в письмах и, возможно, устные указания, когда приезжал в Вену. Ференци выступал за фрейдистский образ жизни, который «преступал инфантильность» и исключал необходимость произносить ложь в частной или публичной беседе. Склонные венские аналитики были плохой рекламой для такой утопии.

Фрейд с грустью отмечал, что психоанализ не действует на них «облагораживающе», но Ференци не терял надежды. «Только подумайте, что бы это значило, – писал он с энтузиазмом Фрейду в феврале, – если бы все могли говорить друг другу правду, отцу, учителю, соседу и даже королю. Вся фальшивая и обманная власть отправилась бы в тартарары». Но вместе с безрассудным идеалистом в нем уживался старомодный сторонник авторитарной власти. «Не думаю, – писал он всего через два предложения, – что психоаналитическое мировоззрение приведет ко всеобщему демократическому равенству. Интеллектуальная элита человечества должна сохранять гегемонию».

Фрейду это было больше по душе. Вместе с Ференци и Юнгом он готовился к проведению конференции 1910 года, которая должна была состояться в Нюрнберге сразу после Пасхи. Юнг уезжал на три недели и вернулся к самому началу конференции. Он совершил краткий визит в Чикаго, потому что в его услугах нуждался страдающий маниакальной депрессией миллионер, Гарольд Фаулер Маккормик.

Делегаты, собравшиеся в отеле «Гранд», в первый же день слышали от Ференци предложение организовать международную ассоциацию, которая будет управляться из Цюриха новым президентом, Юнгом. Его пожизненная власть будет диктаторской и даст ему право подвергнуть цензуре любую статью или лекцию психоаналитиков. Походя Ференци прошелся насчет венцев (так, как Фрейд позволял себе только в частной беседе), а потом ударился в идеализм и прочитал делегатам мораль о том, что нужно быть разумными детьми в семье папы Фрейда, способными признать правду, уравновешенными и «лишенными детской обидчивости и мстительности».

Поднялся невообразимый шум. Конференцию пришлось приостановить. Штекель организовал частное собрание венцев, где они обсуждали планы своих действий, пока не явился неприглашенный Фрейд. Виттельс тоже был там и впоследствии написал, какую страстную речь произнес их загнанный в угол лидер. Он сказал им, что евреи не могут завоевывать друзей для новых идей, что он слишком стар, чтобы выдерживать постоянные нападки, что все они в опасности, а «швейцарцы спасут нас – спасут меня и вас всех тоже».

На следующий день был достигнут компромисс. Пожизненное президентство превратилось в двухгодичное, право цензуры отменили. Никто не пытался помешать Адлеру и Штекелю начать в Вене издательство своего журнала, «Центральблатт фюр психоанализе» («Центральный журнал по психоанализу»). Адлера, который имел слишком большую власть, чтобы с ним не считаться, назначили председателем венского общества, чтобы он не слишком возмущался, а у Фрейда осталась реальная власть в качестве председателя научных собраний. Однако некоторые венцы так этого ему и не простили. Непослушные мальчишки стали еще непослушнее.

Фрейд считал, что в Нюрнберге «закончилось детство нашего движения». Он представил оптимистичную статью, в которой содержались намеки на то, что психоанализ может стать новой религией. За неврологом скрывался пророк. Немногие цивилизованные люди, – говорил он, – могут существовать не полагаясь на других и даже в состоянии иметь свое собственное мнение. Их «внутренняя нерешительность и желание подчиняться авторитету» огромны, и «значительное увеличение количества неврозов с тех пор, как власть религий ослабла, свидетельствует об этом».

Фрейд справедливо добавляет, что общество не будет спешить передать эту власть психоанализу. Описывая свои первые попытки быть услышанным, он отметил, что «люди просто не верили мне, как и сегодня многие не верят любому из нас». Но впереди он видел более разумное отношение. Фрейд привел и практический пример (он знал, как привлечь внимание аудитории). Предположим, – сказал он им, – что

несколько дам и мужчин из хорошего общества однажды собрались на пикник у таверны в сельской местности. Дамы договорились между собой, что, почувствовав естественную надобность, женщина скажет, что пойдет собирать цветы. Но какой-то зловредный человек узнает об этом секрете и добавляет к программке, которая раздается каждому члену компании «Дам, желающих уединиться, просим объявлять, что они идут

собирает цветы». Конечно, после этого ни одна из них и не подумает использовать «цветочный» предлог. К тому же любые подобные формулы, придуманные на ходу, окажутся серьезно скомпрометированными. Что получится в результате? Дамы будут признаваться в своих естественных надобностях без стыда, и мужчины не будут возражать.

Так Фрейд нарисовал небольшую часть утопии.

Психоанализ раздражал людей своей связью с другими сферами жизни. Писатели, художники и знаменитости вообще стали посвящать свое творчество этим интересным предметам, а некоторые венские аналитики начали заниматься новой «психобиографией». Они исследовали Вагнера или Стендаля посмертно, чтобы обнаружить, где берет начало их талант. Причем результат обычно приносил разочарование. Карл Краус, возмущенный сообщением о том, что в творчестве Гете содержатся «неоспоримые свидетельства о мастурбационных желаниях его создателя», написал в «Факеле», что «психиатры, копающиеся в жизни гения, заслуживают того, чтобы их стукнули по голове полным собранием сочинений этого гения». И Штекель, и Садгер очень любили делать из поэтов невротиков.

Фрейд был выше подобных банальностей и старался отговорить от этого своих учеников, но верил в психобиографию и писал ее сам, вызывая ожесточенную критику. Его исследование, «Леонардо да Винчи. Воспоминание детства», опубликованное в мае 1910 года, вызвало не только осуждение, но и похвалу. Даже враждебная рецензия в одном венском журнале допускала, что «величие Фрейда делает его недоступным для средних умов». Понемногу он приобретает репутацию «великого человека».

Можно ли считать «Леонардо» правдивым рассказом, и видел ли в нем Фрейд документальный материал, это уже другой вопрос. Как небольшая книга или длинное эссе, эта работа представляла собой полет фантазии в манере, развившейся у Фрейда за эти годы, смелое (или сумасшедшее) историческое предположение. Если его будут критиковать за то, что он «просто написал психоаналитический роман», – сказал он, – то он ответит, что не утверждает, будто его результаты совершенно точны, но, как и многие до него, «подчинился притягательности этого великого и таинственного человека». Что касается обвинения в том, будто психобиография «вываливает в грязи все высокое», он невинно отвечал, что великие люди заслуживают того, чтобы о них знали правду. О плутарховских взглядах на биографию он уже давно не вспоминал.

В книге на основе скудной информации о молодых годах художника делается предположение, что он как внебрачный ребенок был воспитан женщинами и «излишняя нежность» матери и его сильная эротическая привязанность к ней сделали его гомосексуалистом. Фрейда интересовала скорее не сексуальная жизнь Леонардо, которая, как он думал, едва ли существовала, а идея о том, что сексуальное любопытство ребенка может стать интеллектуальным стимулом для взрослого – что Леонардо «превратил свою страсть в тягу к знаниям». Даже его интерес к полету получил объяснение: детские мечты о полете Фрейд объяснил как желание иметь сексуальные способности.

Несомненно, Фрейду нравилось видеть в себе такого же (но гетеросексуального) художника, как Леонардо – «человека, половые желания и действия которого были в значительной степени сокращены, как будто более высокие цели подняли его над обычной животной потребностью человечества». В рассказе о Леонардо есть и другие намеки на образ Фрейда-аскета. Увлечшись, он писал, что среди «более высоких и утонченных» классов «большинство из живущих сегодня с неохотой подчиняются зову размножить себе подобных. Они считают, что их достоинство как человеческих существ от этого страдает и в процессе уменьшается». Это было новостью для большинства людей, в том числе «более высоких и утонченных».

Фрейд – романист, не сдерживаемый законами написания биографии, использовал детское воспоминание Леонардо о коршуне, который залетел в его колыбель, открыл ему рот своим хвостом и «многократно хлопал меня хвостом по губам». Это маловероятное событие

интерпретируется как фантазия с сексуальным подтекстом, которая выражает отношения Леонардо с его матерью и, значит, его характер.

Особая значимость коршуна была в том, что древние египтяне считали, будто у них нет самцов, а самок оплодотворяет ветер – так что птица была символом материнства. Предполагалось, что Леонардо знал этот миф уже во взрослом состоянии и создал на его основе, сам того не подозревая, фантазию посещения птицей колыбели, а это, в свою очередь, позволило Фрейду увидеть в нем ребенка, воспитанного без отца, и тому подобное.

Эта идея о коршуне понравилась другим аналитикам, и они развили ее, утверждая, что нашли контуры этой птицы в картине Леонардо «Мадонна и младенец со святой Анной». Оскар Пфистер, цюрихский священник и аналитик, увидел эту картину в Лувре в 1910 году, вскоре после выхода очерка в свет, и обнаружил несомненный образ коршуна в голубой ткани, драпирующей бедра Марии. «Я тоже видел там коршуна, – вскричал Юнг, – но в другом месте: клюв как раз в области лобка». Ференци увидел птицу там, где ему показали, и «удивился, что не нашел ее сам».

Десять лет спустя с коршуном приключился конфуз, когда было обнаружено, что слова Леонардо неправильно переведены. На самом деле он писал о грифе. Несмотря на это, очерк остается интересным образчиком реконструкции прошлого с помощью воображения, и если бы Фрейд заставил себя признать эту ошибку в 1923 году, когда она была обнаружена, он мог бы сделать это совершенно спокойно. Но 1923 год был плохим годом для признания фактов, и Фрейд оставил очерк таким, какой он есть. Он был слишком привязан к своим произведениям.

«Джеймс Стречи во время подготовки „Стандартного издания“ предлагал изменить текст Фрейда, чтобы убрать эту ошибку. Джонс, который в то время работал над биографией, написал ему в 1952 году: „Относительно коршуна, что очень неприятно. Не представляю себе, как можно изменить Священное Писание“. Прошло уже тридцать лет с момента обнаружения ошибки, но коршун все еще причинял беспокойство.»

Фрейд как раз руководил чьими-то попытками написать психобиографию, как тут Фриц Виттельс начал вендетту с Карлом Краусом из «Факела». Если не считать редких вздохов сожаления о том, что его ученики не умеют держать себя в руках, Фрейд мало интересовался их личными делами. Но на этот раз он опасался, что скандал может повредить общему делу.

Виттельс уже произвел на Фрейда неприятное впечатление своим бесстыдством, когда имел роман с Ирмой Карчевской, молодой актрисой, принадлежавшей в 1907 году одновременно ему и Краусу. Три года спустя, 12 января 1910 года, когда Краус уже решил, что психоанализ – это обман и их дружба закончилась – в том числе и из-за роскошной Ирмы, – Виттельс представил собранию психобиографическую статью о Краусе под названием «Невроз 'Факела'». Он обыгрывал предполагаемые связи между искусством и психопатологией и насмехался над Краусом, утверждая, что у него маленький орган, «Факел», который противопоставляется большому органу, «Нойе фрайе прессе», газете, ненавидимой Краусом. Венское психоаналитическое общество выслушало статью, хотя Фрейд не был от нее в восторге. Он добавил, что Виттельсу следует быть поосторожнее и не повторять подобных изречений перед более широкой публикой, которая не сможет «оценить их научность».

Вскоре подробности дошли до Крауса, и 13 февраля Фрейд писал Ференци о том, что «психоанализ оказался под угрозой из-за яростных нападок „Факела“ в связи с лекцией Виттельса», и жаловался на «безграничное тщеславие и неуважение этого талантливого зверя, Карла Крауса», как будто шутки о маленьких органах того не извиняли. Но зверь продолжал кусаться. Вспомнили и про маленького Ганса.

Детям психоаналитиков приходится тяжело. Сначала сын вынужден признавать, что испытывает эротические ощущения во время дефекации. Потом он должен говорить отцу, что у него на уме, когда по пути в школу видит испражняющуюся лошадь. Можно считать, что ему действительно повезло, если он доживает до возраста, в котором может

признаться, что ему приснилось, как он насилует мать.

Фрейд посоветовал венскому обществу не обращать внимания на эти «глупые выстрелы», как он их назвал, но Виттельс самостоятельно решил, что уничтожит врага, сделав его героем сатирического романа. Краус попытался предотвратить его издание, увидев рукопись через общую подругу, которую та показала ему без ведома Виттельса, и его юрист посетил Фрейда, чтобы сообщить, сколько вреда Краус может причинить их делу. В конце концов Фрейд настоял, чтобы Виттельс показал ему гранки, и заявил ему, что «психоанализ важнее, чем твои глупые ссоры. Почему я должен позволять твоей необдуманной книге вредить ему?».

Виттельс проигнорировал эти предостережения, осенью 1910 года опубликовал книгу, получал вызов в суд за клевету и продал множество экземпляров. Он оставил кружок Фрейда, позже написал его несанкционированную биографию, потом переехал в Америку, где и работал. Делу это не повредило, но Фрейд так никогда полностью и не простил его. Когда они встретились в 1933 году, он все еще ворчал по поводу этого эпизода. Виттельс отметил, что все это было очень давно. «Знаю, – ответил Фрейд, – но ты был мне близок».

Те, кто оставался лояльным, получали в награду дружбу и профессиональную поддержку. Джонс, которого во время лекций в университете Кларка Фрейд все еще считал не совсем надежным, вскоре укрепил свои позиции. Он написал Фрейду, что тот совершенно справедливо подозревал его в том, будто он хочет возглавить движение в Англии и Америке, но теперь его «сопротивление» закончилось.

Джонсу было легко признать отцовский авторитет Фрейда. Он не был безгласным и ни на что не жалующимся последователем, но в молодости был очень осторожен. В том, как он себя вел с Фрейдом, искренние чувства смешивались с определенной долей лести. Использовались такие слова, как «гений» и «редкое удовольствие». Оттиск одной статьи, посланной ему Фрейдом, оказался, как и все остальные работы, слишком коротким. «Мы жаждем, как Оливер Твист, еще». Когда в апреле 1912 года до Торонто не дошло одно письмо с Берггассе, Джонс предположил, что оно пропало вместе с «Титаником», который утонул среди айсбергов как раз 14 апреля. «Если это так, – добавил он, – то последствия этой катастрофы еще печальнее, чем показалось на первый взгляд».

Впрочем, этот валлиец не был таким раболепным, как можно было бы предположить на основе этих выражений. Он знал, что его и таких, как он, считают послушными и легко подчиняющимися, но в своей биографии Фрейда пишет, что «лучше описать их как людей, которые справились со своими детскими комплексами и научились работать в гармонии и со старшим, и с младшим поколениями». В своей характеристике из письма в июне 1910 года он объясняет черты мазохизма в своем характере:

Комплекс оригинальности у меня слабо развит. Я стремлюсь скорее знать, быть «за сценой» и «в курсе», а не узнавать... Для меня работа подобна вынашиванию женщины ребенка, а для людей вроде вас, мне кажется, это что-то вроде мужского оплодотворения. Точнее выразиться я не смог, но думаю, вы поймете, что я имею в виду.

Если оба были согласны, что ломать голову над новыми проблемами – дело «отца», какие могли быть проблемы? Фрейд принимал то, что предлагал ему Джонс, без иронии. Еще в начале 1910 года он говорил Юнгу, что валлиец, когда его сопротивление навсегда исчезло, кается больше, чем нужно. Джонсу он написал, как учитель в дневнике: «Вы изменились очень значительным и удовлетворительным образом».

Продолжение истории Джонса в Торонто – он снова изолирован и нуждается в моральной поддержке из Вены. Друзья умоляли его быть поосторожнее, и он вроде бы слушался, но с ним продолжали происходить неприятности. Из его статей вычеркивали ссылки на секс, издаваемый им журнал запретили, неизвестные враги действовали за его спиной, распространялись слухи о том, что он советовал людям мастурбировать, посылал молодых мужчин к проституткам, а женщинам рекомендовал заниматься развратом.

Невролог из Нью-Йорка, Джозеф Коллинз, ездил за Джонсом по Америке от лекции к лекции, публично критикуя его, потому что, как объяснил Джонс, еще в Англии он сделал

психоанализ миссис Коллинз, после чего та развелась с мужем. Как обычно, Джонс был воплощением оскорбленной невинности.

Джеймс Путнам хотел, чтобы кандидатуру Джонса рассмотрели для места в Гарвардской психологической лаборатории (это могло бы изменить жизнь Джонса и, возможно, всю историю психоанализа в Соединенных Штатах). Но глава лаборатории Хьюго Мюнстерберг, хотя и признал, что Джонс – неплохой кандидат, опасался, что упор на сексе в курсе, который читается не только медикам, может привлечь «бездельников».

В чем– то Гарвард был прав. В феврале 1911 года пациентка, которую Джонс лечил в Торонто, «тяжелый случай истерии», пришла к врачу-женщине, которая одновременно исполняла функции секретаря местной Лиги чистоты, утверждая, что Джонс спал с ней «для ее пользы». Джонс дал приличное объяснение о том, что у нее произошел эротический перенос на своего аналитика –одна из опасностей профессии, как Фрейд говорил Юнгу. Но, как обычно, у Джонса эти проблемы принимали другие масштабы. Эта разведенная женщина угрожала ему револьвером, и Джонс нанял детектива, чтобы успокоить Лоу Канн. Когда он был в Чикаго, детектив тоже сопровождал его. По словам Джонса, все это стоило ему (конечно, Лоу) больше тысячи долларов.

Почему же не подать в суд за клевету, мягко осведомился Фрейд. Ответ содержался в письме Джонса Путнаму в Бостоне, где дается другая версия истории. Женщина шантажировала его, и он заплатил ей пятьсот долларов «во избежание скандала» «Джонс признавался, что его интересовали женщины, но не сообщал особых подробностей. В его мемуарах „Свободные ассоциации“ объясняется, что описание его эротической жизни в них „совершенно правдивое“, но неполное. Возможно, женщина с револьвером была бывшей женой разгневанного мистера Коллинза.». Многие в Лондоне наверняка сказали бы, что другого от Джонса трудно было ожидать.

С профессором ничего подобного никогда не случалось. Его жизнь была совершенно другой и неизменной: самодисциплина, пациенты, семья, ученики, стопки исписанной бумаги, необходимый отдых. После пятидесяти он стал особенно нуждаться в перемене обстановки летом. В апреле 1910 года он говорил Ференци: «Я отсчитываю восемьдесят один день до начала отдыха», – и предлагал ему отправиться в конце сезона в Сицилию. Психоанализ – это тяжелая работа, война с демонами, которая все усложнялась. Теперь перенос эмоций пациента на аналитика считался важнейшим элементом анализа, который устанавливал между обоими эмоционально напряженные отношения, вызывавшие призраки из детства, которые пациент или пациентка должны были увидеть и понять.

Среди новых пациентов Фрейда в 1910 году оказался обеспокоенный молодой человек, Серж Панкеев, будущий Волчий Человек. На его анализ ушло четыре года. Из письма Фрейда Ференци о Панкееве видно, как это было сложно:

В целом я просто машина для зарабатывания денег и последние несколько недель работаю до пота. Один богатый русский, за которого я взялся из-за тенденции к навязчивому неврозу, признался в следующем эмоциональном переносе после первого же сеанса. Этот еврейский жулик хотел бы использовать меня сзади и испражниться мне на голову. В возрасте шести лет у него появился первый симптом – богохульство, когда он называл Бога свиньей, собакой и т. п. Когда он увидел на улице три кучки дерьма, у него возникли неприятные ассоциации со Святой Троицей и он с тревогой начал искать четвертую, чтобы разрушить эту ассоциацию.

Пришло лето. Адольф Гитлер, теперь живший в общежитии Бригиттенау, занимался продажей акварелей под лучами солнца. Юнг отправился в путешествие по озеру Констанс на своей яхте. Фрейд попрощался с Панкеевым и остальными до осени и отправился на побережье Голландии, под Гамбург, где Марта могла посетить старую госпожу Бернейс на смертном одре, хотя та прожила еще до осени.

Ровные пляжи в Нордвике не нравились Фрейду. С балкона пансиона «Нордзее» он смотрел на закат и думал о своей теще и смерти. С Северного моря дули холодные ветры. Если целый день плыть вдоль берега на северо-восток, где цепь островов из голландской

становилась немецкой, можно было попасть в воды, где храбрые британцы расстроили планы «Гансов» в уже известной нам книге «Загадка песков».

С конференции в Брюсселе прибыл Джонс и ненадолго остановился на вилле в Нордвике, принадлежавшей сестре Канн. («Мое терпение к канадской цивилизации неожиданно достигло предела, и я сбежал в Европу».) Они долго гуляли по пляжу, и Фрейд ковырял водоросли тростью. Джонс спросил его, что он хочет там найти. «Что-нибудь интересное, – отвечал Фрейд. – Заранее никогда не знаешь».

Он нашел время, чтобы написать мрачное письмо Юнгу, «моему дорогому сыну и преемнику», чтобы сказать, что он, Фрейд, слишком спешил организовать международную ассоциацию. Первые месяцы правления Юнга «не слишком хороши» из-за недостаточной серьезности со стороны Юнга: «Тот, кто хочет управлять, должен научиться искусству привлекать людей на свою сторону». Фрейд не замечал, что Юнг не хотел быть правителем по образу и подобию старшего. Он получил дружеский ответ, что его приободрило.

Фрейд на время позволил работе прервать его отдых, когда композитор Густав Малер – который жил от него в нескольких трамвайных остановках в Вене, хотя они никогда там не встречались, – прислал ему телеграмму с просьбой срочно увидеться. Этот человек был слишком важен, чтобы получить отказ, но, когда Фрейд согласился встретиться с ним, Малер начал отменять встречи. В конце концов им удалось увидеться в ресторане в Лейдене у самого побережья, и во время прогулки по городу Фрейд провел нечто вроде анализа. Малер, женатый на молодой женщине со сложным характером, как говорят, страдал импотенцией. Фрейд утверждал, что обнаружил за один день «сосредоточенность на образе матери» и «многого достиг». Интересно, как при нехватке времени годы анализа можно свести к нескольким часам.

Настоящий отдых начался для Фрейда в сентябре вместе с Ференци, в Сицилии. Но ему не удалось расслабиться так, как он хотел. Проблема была связана с Ференци, который, как большинство людей из круга Фрейда в то время, не был в восторге от подчинения такой фигуре отца. Все они слишком много знали о теории родительских комплексов и вели себя соответственно – как актеры во фрейдистской драме.

В случае Ференци явного мятежа не было. Он просто стремился продемонстрировать свою зависимость и всегда подвергал ее анализу. У него было что-то общее с Джонсом, но валлиец относился к власти Фрейда с практической точки зрения, подчинялся ей и не волновался по этому поводу. Ференци, более оригинально мыслящий, чем Джонс, не умел так себя вести.

В Сицилии, когда они осматривали развалины по приезде из Палермо, он был разочарован, что Фрейд, объект его восхищения, вел себя как турист, стремящийся поразвлечься. Ференци мечтал о проникновенных беседах с профессором, в которых они сказали бы друг другу правду обо всем. А Фрейду просто был нужен попутчик.

Среди книг, которые он взял с собой, были мемуары немецкого судьи апелляционного суда, Поля Шребера, который страдал от периодического умопомешательства, но успел во время просветления написать автобиографию, после чего его состояние стало необратимым. В 1910 году он был в психиатрической больнице и приближался к концу жизни. Фрейд хотел проанализировать его на основе мемуаров. Ференци надеялся работать над этим проектом вместе с Фрейдом, но в первый же вечер, когда Фрейд захотел, чтобы тот сыграл роль секретаря и написал под диктовку его мысли о Шребере, Ференци надулся и ответил, что ожидал лучшего задания. После этого Фрейд стал работать по вечерам один. Во время путешествия обратно он писал Юнгу из Рима, что Ференци «милый парень, но досадно мечтательный, отношение [которого] ко мне инфантильно».

В Сицилии он был плохо настроен. В общем Фрейду нравилось теплое отношение Ференци (и, возможно, даже его подхалимство – если рядом никого не было) и то, что тот поверяет ему свои тайны. Он выслушивал жалобы Ференци на здоровье и его сексуальные признания. Ференци был давно удручен романом с матерью и дочерью одновременно, Гизеллой и Эльмой Палос, и многие месяцы не мог решить, на которой жениться. Фрейд был

всегда готов – даже слишком, если подумать, как эгоистично вел себя его друг по отношению к несчастным женщинам, – помочь ему советом и ободряющим словом. Несмотря на все это, Фрейд относился к Ференци серьезно, потому что тот был умелым аналитиком и интуитивно находил подход к пациентам. А самым большим его достоинством в глазах Фрейда было то, что его лояльность, как, впрочем, и лояльность Джонса, не вызывала сомнений.

Чтобы считаться лояльными, они должны были не только поддерживать идею психоанализа в целом. Они были обязаны принимать на веру некоторые постулаты, например секс как корень невроза или центральную роль эдипова комплекса.

Альфред Адлер первым бросил вызов Фрейду. Он решил, что гений Фрейда состоит в том, что тот создал методику, на основе которой его ученики могут разрабатывать свои собственные приемы. Еще в 1907 году он говорил венскому кружку, что «у психоанализа не один способ», на что Фрейд резко ответил что-то о «своеволии отдельных психоаналитиков».

После конференции 1910 года, когда идея бунта витала в воздухе, Адлер, «простой человек», который лечил бедных и иногда сам выглядел как они, неаккуратным и немодным, нашел в себе силы восстать. Штекель поддержал его. К ним присоединилось еще несколько менее заметных венцев.

В адлеровском варианте анализа ведущую роль играла агрессия, жажда власти. Ребенка побуждает на поступки желание выжить, а чем слабее ребенок, тем больше его потребность компенсировать свои недостатки (сам Адлер был болезненным ребенком, страдавшим от рахита и других болезней). Невроз – это не подавление, а компенсация. Секс – проявление желания властвовать. Социальные конфликты помогают сформировать личность.

Сначала Фрейд отнесся к этому терпимо. Именно Юнг, который в октябре 1910 года жаловался Фрейду, что вынужден «пачкать руки» махинациями во внутренней политике, начал ворчать по поводу «полного отсутствия психологии» у Адлера. Фрейд успокаивающе ответил на это, что «внутренняя сторона других великих движений выглядела бы не более аппетитно, если бы мы могли ее увидеть». Месяц спустя Адлер все еще оставался «очень приличным и умным человеком», но быстро превратился в «параноика», а его теории были объявлены непонятными. К концу года в письмах Фрейда появляется беспокойство:

Суть дела – и это меня действительно тревожит – в том, что он сводит на нет сексуальное желание, и наши оппоненты вскоре смогут заговорить об опытной психоаналитике, выводы которого радикально отличаются от наших. Естественно, в своем отношении к нему я разрываюсь между убеждением, что его теории однобоки и вредны, и страхом прослыть нетерпимым стариком, который не дает молодежи развиваться.

Сомнения самого Юнга о сексуальном желании никогда и не пропадали. Но в этот момент ему не нужно было подчеркивать их. В любом случае, он был любимым сыном, которому позволено все – почти все. Адлер же не был на особом положении.

Если теории Фрейда были полетом фантазии и блистательной прозой, психология Адлера больше походила на здравый смысл, а в его изложении звучала еще более банально. Адлер был грубоватым мещанином, далеким от патрицианских манер обоих лидеров движения. Фрейд с бородой, которая десятилетиями подстригалась каждый день, выходил из своих апартаментов – где несколько человек состояло в прислуге – в плаще с меховой оторочкой, держа в руке трость с набалдашником из слоновой кости, покуривая толстую сигару. Карикатура на Адлера – это человек с обвисшими усами и мясистым лицом, который спорит с социалистами в кафе Леопольдштадта, откуда Фрейды с радостью переехали тридцать лет тому назад, и открыто курит дешевый табак.

Теперь для врагов часто использовалось слово «паранойя». Фрейд считал, что причиной этого заболевания являются подавленные гомосексуальные чувства (этот вопрос рассматривается в статье о сумасшедшем судье, Шребере). Он сделал ретроспективный анализ применительно к своему утраченному другу, Вильгельму Флису, и назвал Адлера «маленьким рецидивом Флиса». Он даже признался Юнгу, что его так расстраивает ссора с

Адлером, потому что «от этого открываются старые раны дела с Флисом». Внутри он был менее уверенным в себе, чем казался внешне.

Началась «чистка». Для подавления бунта были хороши все средства. Фрейд объявил небольшие ошибки в редакции номера «Центральблатт» за январь 1911 года, который издавали Адлер и Штекель, психологическими слабостями.

Венское общество в январе и феврале 1911 года провело собрания, на которых обсуждалось дело Адлера. Почти все осудили его. После последнего собрания он снял с себя полномочия президента общества, и Штекель, вице-президент, ушел вместе с ним. Взгляды Адлера, как писал Фрейд Юнгу, были умны, но опасны; его поведение – устойчиво невротическим. Фрейд был провидцем, который никогда не падал на землю – в этом заключался его трюк. Адлер, упрямый и упорный, никогда с земли и не поднимался.

На этих собраниях присутствовал Макс Граф и видел, как властно ведет себя Фрейд. Граф уже считал, что атмосфера на собраниях фрейдистов напоминает «основание религии». Не принадлежащие к движению часто критиковали его за нетерпимость. Например, профессор из Вюрцбурга, Вильгельм Вейгандт, говорил, что последователи Фрейда сравнивают его с Галилеем и отказываются выслушивать какие бы то ни было возражения. Граф, впрочем, был не чужаком, а последователем Фрейда и аналитиком-любителем, отцом маленького Ганса. Его беспокоило, что основатель церкви изгоняет Адлера, которого он уважал. Пришло время, когда Граф перестал «уметь и хотеть подчиняться указаниям Фрейда – с чем он однажды обратился ко мне». И он тоже ушел.

В течение нескольких месяцев Адлер оставался членом венского общества, врагом внутри. Штекель помирился с Фрейдом и на некоторое время вернул себе его расположение. «Второй парень», негодный Адлер, был безнадежным случаем. «[Он] упорствует в молчаливом сопротивлении и плохо скрываемом гневе», – пишет Фрейд Юнгу в мае. «Вынужден признать, что он параноик». Вскоре тот превратился в «ненормальную личность, которую сводят с ума амбиции». В июне враг покинул кружок.

В октябре 1911 года оставшиеся последователи Адлера получили приказ выбрать один из двух лагерей. Всего вместе с Адлером ушли десять членов движения, которые решили образовать свой собственный кружок. Между обеими частями не допускалось контактов. Это имело абсурдные последствия. Год спустя (в ноябре 1912 года), когда Лу Андреас-Саломе «Луиза Андреас-Саломе (1861 -1937), дочь русского генерала, была чрезвычайно умной (а в молодости еще и очень красивой) женщиной с большой известностью. Среди ее интеллектуальных завоеваний (в некоторых случаях физических) оказались Толстой, Стриндберг, Шницлер, Рильке и Ницше. О ней говорили, что мужчина через девять месяцев после начала связи с ней рождает идею. С Фрейдом она вела себя покорно и обожающе.» гостила в Вене и завязала интеллектуальный роман с Фрейдом, она рассказала ему, что Адлер пригласил ее на одно из обсуждений, которые проводились у него по четвергам. Фрейд отметил, что между этими группами нет контакта, и гости венского общества должны выбирать одну или другую. Но в случае этой дамы он великодушно переступил это правило. «У меня и в мыслях не было бы, дорогая леди, навязывать вам такое ограничение». И все же он попросил ее «не упоминать о вашем контакте с нами, когда вы там, и наоборот».

Адлерианцы стали затерянным племенем, дожившим до наших дней в виде школы «индивидуальной психологии», которую фрейдисты провозгласили упрощенной, социалистической и ненаучной. Идеям Адлера повезло несколько больше. Фрейд сам перенял несколько из них, например, предложенный в 1920 году термин «инстинкт смерти» (или «влечение к смерти») произошел от «агрессивного желания» Адлера, придуманного им в 1908 году.

Только специалисты по истории психологии знают эти подробности и придают им значение. Эти яростные противостояния кажутся в наши дни абсолютно не заслуживающими внимания. Ко второй половине двадцатого века еретические идеи Адлера стали частью психоаналитического образа мышления. Половое желание перестали считать ключом к пониманию всего. Но в 1911 году Фрейд мечтал лишь о том, чтобы Адлер оказался в

небытии и перестал представлять собой угрозу.

Глава 23. Разрыв с Юнгом

В 1911 году психоаналитик стал героем художественной литературы благодаря немецкому роману «Интеллектуалы» Греты Майзель-Хесс, где изображен доктор с проницательным взглядом и бородкой, которую он любит поглаживать. Этот доктор лечит невротичку, страдающую от подавленных воспоминаний о сексе. После того как она рассказывает ему о своих снах, он вылечивает ее с помощью гипноза и внушения. Американский доаналитический роман 1880 года, «Процесс доктора Гайденоффа» Эдварда Беллами уже касался этой темы. Как выразился доктор Гайденофф, «вопрос Макбета „Как исцелить недужное сознание,/Как выполоть из памяти печаль,/Как письма тоски стереть в мозгу...“ „Пер. Ю. Корнеева.“ был загадкой для врача шестнадцатого столетия, но врач двадцатого и, возможно, даже девятнадцатого века сможет ответить на него (утвердительно».

К 1911 году Фрейд рассказал миру о психоанализе, но попрежнему презрительно относился к попыткам его популяризации. Это была доктрина для образованных людей. Ни его, ни Юнга не интересовало вульгарное любопытство публики. Когда в следующем году цюрихские газеты развернули кампанию против психоанализа, первым побуждением Юнга было обратиться к юристу и подать в суд на вредителей за клевету (он не смог этого сделать или не захотел). Если «публика» имеет какое-то значение, пусть об этом беспокоятся подчиненные. Ференци писал Фрейду (в августе 1911 года), что, по крайней мере, в венгерской части Австрийской империи «молодежь и интеллектуалы» уже завоеваны, даже если их легко могли переубедить «злые нападки профессоров». Фрейд никак на это не отреагировал.

Он и Юнг были практикующими психоаналитиками – особенно Фрейд, потому что у него не было богатой жены и источников дохода помимо пациентов, – но, что более важно, они были ведущими теоретиками в своей области. Юнг специализировался на лечении и понимании сумасшествия, по выражению Энтони Сторра, «поиске смысла в кажущейся бессмыслице». Его работа дополняла исследования Фрейдом невроза, и они оба были солидными фигурами движения, занимавшими доминирующее положение. Уход Адлера в 1911 году не поссорил их. Юнг, не терпевший всех венцев, кроме Фрейда, хотел избавиться от него еще больше, чем Фрейд. Двоевластие было эффективно до тех пор, пока у них не возникло разногласий по поводу ранга.

Как бы это ни замалчивалось, Фрейд должен был оставаться старшим партнером. Они могли не соглашаться друг с другом, но споры имели свои пределы. Их статус по отношению друг к другу карикатурно выражен в групповой фотографии с Веймарского съезда в сентябре 1911 года, где Фрейд, который был гораздо ниже Юнга, возвышается над ним. Либо Фрейд стоял на ящике, либо Юнг стоял ниже уровня пола.

С самого начала у каждого из них было то, что нужно другому. Фрейд не скрывал, каким прекрасным организатором и пропагандистом считает друга. Юнг признавался в своих мемуарах, что хотел воспользоваться опытом Фрейда. Кроме личных интересов, наверняка они просто нравились друг другу. Но история об отце и сыне, предложенная одним и принятая вторым, повторялась слишком часто, чтобы быть правдой.

Если принять самую мрачную точку зрения, они были близкими знакомыми, которые хотели или нуждались в том, чтобы казаться друзьями. В это время в переписке они осторожно обходили некоторые темы, как корабли – мели. Они регулярно писали друг другу о политике движения, новостях и врагах, но все реже – о теоретических вопросах. Их письма

были сложными построениями, в которых часто подразумевалось больше, чем говорилось.

В 1911 году скрытой темой переписки был очерк (который в конце концов стал книгой) о мифологии, написанный Юнгом и приобретший некую таинственность. Юнг вспомнил семейную легенду о том, что он правнук Гете благодаря какой-то внебрачной связи, чтобы пошутить о том, как идет работа, и сказать, что Гете она бы понравилась, подразумевая при этом, что Фрейд бы ее не одобрил. Юнг пишет Фрейду 18 января:

Опасно яйцу пытаться быть умнее курицы. И все же то, что заключено в яйце, должно в конце концов набраться храбрости и вы браться наружу. Так что вы видите, к каким фантазиям мне приходится прибегать, чтобы защитить себя от вашей критики.

Говорят, что ваш сын Мартин сломал ногу, катаясь на лыжах. Это правда?

Мартин сломал ногу на Шнееберге. Фрейд пишет Юнгу 22 января:

Он лежал пять часов без движения на снегу, пока не прибыла помощь, и некоторые органы непременно бы замерзли, если бы рядом не оказалось друга. Не знаю, почему ты так боишься моей критики насчет мифологии.

Их жизни очень отличались друг от друга. Юнг, который всегда сомневался в том, что секс может все объяснить, был неверен жене, и ей приходилось с этим мириться. Фрейд, считавший сексуальность центром человеческой деятельности, вел почти не существующую половую жизнь с Мартой. Юнг в своем доме на берегу озера на стене кабинета повесил древние манускрипты и фотографию Туринской плащаницы, которую прикрывал куском материи, чтобы не было видно отпечатка лица Христа. Фрейд сидел в своей тесной квартире вместе со статуэтками «старых и грязных богов». По сравнению с масштабами Юнга его жизнь кажется ограниченной и замкнутой.

В январе 1911 года, работая вечерами у себя в кабинете, Фрейд начал страдать от головной боли, днем же его тревожила забывчивость. Он решил, что это признаки старости (ему было теперь пятьдесят четыре) и отвердения артерий, и сообщил Юнгу, что у него проблемы со здоровьем. Но тут кто-то заметил, что в резиновой трубке, по которой газ поступал в его настольную лампу, плохое соединение. Каждую ночь он медленно себя отравлял.

Узнав об этом. Юнг пишет: «Неужели никто не слышал запаха газа?» Это заставило Фрейда описать случай более подробно («Я не чувствовал запаха, потому что сидел окутанный дымом сигары») и трогательно похвастаться, что, столкнувшись с этой потерей памяти о людях и событиях, «я не приписал все неврозу и очень этим горжусь».

То, что Юнг собирается написать очерк по мифологии, очень интересовало Фрейда, поскольку ему самому была близка эта тема. Он считал, что мифы имеют невротическое происхождение. Так, Ева на самом деле мать Адама, а история в Книге Бытия – искаженный первоначальный миф, в котором Адама наказывают за кровосмешение с ней. Такой подход, типичный для Фрейда, был свойствен Юнгу в меньшей степени. Он считал, что мифы имеют свою реальность и самостоятельную ценность, а не являются простым отражением бессознательного. Он рассказал Фрейду, как «бродил в одиночестве по незнакомой земле, видя чудесные вещи, не виданные никем раньше». Фрейд не усматривал в этом вреда. Но ему очень хотелось знать, что же выйдет наружу из этого яйца.

Все стало ясно из выступления Юнга во время Веймарского съезда, а затем в больших подробностях в первой части самого очерка, опубликованного в «Ежегоднике», работы, которая произвела на читателей впечатление своим размахом, прекрасным исполнением и в первую очередь неясностью. В этом очерке под названием «Трансформации и символы либидо» Юнг использовал многие литературные и антропологические источники и попытался истолковать мифы примитивных народов и древних цивилизаций как нечто целое, основанное на одних и тех же символических цифрах и образах. Часть этого целого он впоследствии назвал «коллективным бессознательным».

Большая часть экспериментальных данных Юнга, как в этом очерке, так и в других работах, была получена от людей в состоянии измененного сознания, в том числе провидцев и шизофреников, которые, предположительно, имели больший доступ к этим универсальным

мифам. В частности, на него оказали влияние опубликованные фантазии женщины, с которой он лично не был знаком, – молодой американки, писавшей стихи и впадавшей в транс, мисс Франк Миллер. Ее излияния о Боге, солнце и ацтекском герое, укушенном зеленой змеей, похоже, подвигли Юнга выразить свои собственные видения в «Трансформациях».

Кроме мисс Миллер с очевидными странностями, у него были душевнобольные пациенты, фантазии которых, по его мнению, содержали те же мифологические элементы. Он выразил свою точку зрения в афоризме на Веймарском съезде: «При [шизофрении] пациент страдает от воспоминаний человечества», перефразированном утверждении Фрейда, сделанном в 1890-х годах, согласно которому истерик страдает от воспоминаний, но не всего человечества, а своих собственных.

Фрейд, озадаченный этими новыми идеями, не находил в них ничего еретического. Один из его собственных проектов 1911 года касался примитивных народов и их обычаев (впоследствии это стало книгой «Тотем и табу»), и он говорил Джонсу, будто они с Юнгом «на одном пути», что было неверно. Джонс, который в сентябре вернулся в Европу, в Веймар, говорил Фрейду (правда, пятнадцать лет спустя), что на съезде Юнг отвел его в сторону и начал рассказывать о дне, когда он станет выше Фрейда. Джонс ответил, что ему нужно проанализировать «отцовский комплекс», который заставляет его говорить такие вещи, а Юнг в ответ сказал: «Это моя судьба».

«И Юнг, и Фрейд любили делать подобные заявления. В 1912 году, заканчивая семинар в Венском психоаналитическом обществе, Фрейд защищал свою точку зрения словами: „Я знаю, что у меня есть предназначение, которое нужно выполнить. Я не могу избежать судьбы, и мне не нужно самому двигаться к ней. Я жду ее“.»

На Веймарском съезде раскол между ними внешне не был замечен. Но линии коммуникации уже работали плохо. Фрейд жил у Юнгов в Куснахте и не сказал ни слова о первой части «Трансформаций», опубликованной почти за месяц до того. Юнг не мог заставить себя заговорить об этом, и это сделала госпожа Юнг, которая тайно писала Фрейду в октябре и ноябре, рассказывая о вещах, о которых до того умалчивали. Ее «мучила» мысль о том, что его отношения с Юнгом «не совсем такие, какими должны быть». Она рассказала об «опасениях» и «тревоге» мужа в связи с «Трансформациями» и тем самым обратила внимание Фрейда на некоторые нюансы в первой части, которые он мог пропустить, а также на вероятность того, что вторая часть ему может не понравиться.

Брак госпожи Юнг не был безоблачным, отчасти из-за сексуальной жизни мужа. Две из его предполагаемых любовниц – Тони Вулф, бывшая пациентка, и медсестра, Мэри Мольцер, женщины среднего класса, впоследствии ставшие аналитиками, – тоже были на съезде. Возможно, Эмма искала у Фрейда какого-то сочувствия. В одном письме Эмма сетует, что, конечно, все эти женщины влюблены в Карла, и добавляет, что она совершенно не может противопоставить себя ему «и мне обычно в компании приходится вести себя еще более глупо». В Цюрихе женщина занимала такой же статус, как и в Вене. Но госпожа Юнг была не настолько подавлена авторитетом мужа, чтобы не давать советов Фрейду. Ее письмо от 6 ноября заканчивается предостережением:

Можете себе представить, какой радостью и честью для меня является то доверие, которое вы оказываете Карлу, но мне кажется, что иногда вы даете ему слишком много – неужели вы не видите в нем своего последователя и исполнителя в слишком большой степени? Разве люди часто не дают много потому, что хотят много сохранить?... И думайте о Карле не с отцовским чувством: «Он вырастет, а я должен буду уступить ему место», а так, как один человек думает о другом, у которого, как и у вас, есть собственный закон, который нужно выполнять.

Такой материнский совет от молодой госпожи Юнг наверняка заставил Фрейда закрипеть зубами. Но она знала, о чем говорит. Вторая часть шедевра, над которой Юнг в то время все еще работал, начала отбрасывать тень, как и первая.

«Во второй части, – писал Юнг 14 ноября, – я подхожу к фундаментальному

обсуждению теории либидо». В словаре Фрейда «либидо» означало всеильное сексуальное желание. Появились знаки, указывающие на то, что Юнг собирается изменить это священное слово психоаналитического словаря и расширить его определение до энергии, не обязательно сексуальной. От Фрейда к Юнгу и обратно ходили напряженные письма, где их авторы выражали вежливое несогласие, хотя явных поводов для этого не было.

В 1911 году Фрейд без видимых причин опубликовал историческое исследование об Эфесе, описывая, как апостол Павел основал там общину отступников, которые «недолго сохраняли ему верность» и попали под влияние другого апостола, Иоанна, уклонившегося в мистику. Некоторые специалисты полагают, что это было направлено на Юнга, отступника фрейдовских дней, хотя намек был настолько слабым, что едва ли мог произвести серьезное впечатление на такого уверенного в себе человека.

Они уже стояли на пути к разрыву. «Я бы никогда с самого начала не стал на вашу сторону, если бы в моей крови не было ереси», – писал Фрейду Юнг в марте 1912 года, возможно, имея в виду святого Иоанна в Эфесе. Он начал выражать сомнения по поводу фрейдистской концепции желания инцеста у маленьких детей, что означало пересмотр эдипова комплекса. Для неспециалистов многие моменты, по которым они не соглашались, о происхождении табу на инцест, непонятны. Сам Фрейд не сразу понял, что имеет в виду Юнг.

В мае 1912 года они нашли тривиальный повод для ссоры и отвлечения внимания от основной проблемы – их взаимоотношений. Фрейд отправился в гости к Людвигу Бинсвангеру, молодому швейцарскому психиатру, с которым когда-то познакомился в Вене вместе с Юнгом. Бинсвангер, которому Фрейд нравился больше, чем Юнг, считал, что умирает от рака (но прожил еще пятьдесят четыре года), и собирался написать прощальный очерк. По этому поводу Фрейд и приезжал к нему.

Бинсвангер по наследству получил управление санаторием «Бельвю» в Кройцлинге на озере Констанс, где лечили Берту Паппенгейм. Там же находилось его семейное имение, где Фрейд посетил его на Троицу. Он отметил, что граф Цеппелин, тот самый, в честь которого назвали известный воздухоплавательный аппарат, живет по соседству.

Юнг находился не более чем в шестидесяти пяти километрах к югу, на озере Цюрих, но либо Фрейд не предупредил его о своем визите вовремя, либо Юнг сделал вид, что не знал об этом. Фрейд послал письмо о своих планах в последний момент, а Юнг в это время катался по озеру на яхте. Или Фрейд сделал так из злого умысла (как до сих пор считают некоторые последователи Юнга), или же это произошло в результате недоразумения, усугубленного нежеланием обеих сторон встретиться.

Юнг, либо искренне обиженный, либо стремящийся получить тактическое преимущество, назвал это происшествие «кройцлингским жестом». «Я понимаю ваш кройцлингский жест, – мрачно сказал он. – Верна ли ваша политика, покажет успех либо неудача моей работы».

В июле Фрейд пишет Ференци, риторически вопрошая, что это может означать, и сам дает ответ:

Вероятно, Юнг находится в состоянии сильнейшего невроза. Неважно, чем это закончится, но похоже, что мое намерение объединить евреев и «гоев» «Иноверцы, неевреи; иногда слово носит презрительный оттенок (с еврейск.). – Прим. ред.» в служении психоанализу не осуществилось. Они не смешиваются, как масло и вода.

6 августа Ференци отвечает немедленным осуждением Юнга и его фантазий. Стоило Фрейду начать этот разговор, как аналитики Центральной Европы тут же собрались выразить накопившуюся досаду по отношению к этому чужаку. Ференци добавил, что швейцарцы вообще «банда антисемитов», и посоветовал учителю быть поосторожнее и с Джонсом.

Но Джонс был достаточно безопасным. Более безопасным, чем любой из них. Вернувшись в Европу на весь оставшийся год, он хотя и надеялся, что в Канаде передумают и примут его, но строил планы, в которые Юнг не входил. В начале лета он вместе с Лоу Канн посетил Вену, чтобы Фрейд попробовал вылечить ее от пристрастия к морфию

(которое, несомненно, усугубилось в Торонто). Фрейду эта «глубоко невротичная еврейка» очень понравилась.

Пока он был в Вене, Джонс узнал последние новости о Юнге и ухватился за фразу Ференци о том, что небольшая группа людей может представлять (по словам Джонса) «чистую теорию, не искаженную личными комплексами, и таким образом построить неофициальный внутренний круг». Фрейд пришел от этой идеи в восторг, назвал этот круг «тайным советом» и вместе с Джонсом принялся обсуждать перспективы. Они создали романтический образ братского отряда, борющегося со всем миром, «которому предназначено, – заливался Джонс, – как паладинам Карла Великого, защищать владения и политику хозяина». Цели этого союза были стратегическими, а не научными. «Я сказал бы, – писал Фрейд, – что мне было бы легче жить и умереть, если бы я знал, что существует такая организация, которая будет защищать мое творение».

Фрейд настаивал на том, чтобы дело не предавалось огласке. Он отдал приказы членам круга: Джонсу, Ференци и Абрахаму – врачам, – и двум неспециалистам, Ранку и новичку юристу Гансу Заксу. Все были евреями, кроме Джонса, а этот «кельт из Уэльса» старался доказать свою солидарность, называя себя, возможно в шутку, представителем еще одного «угнетенного народа». Эти люди должны были стать верховными жрецами, хранителями доктрины; или же, в зависимости от того, как были настроены менее суровые члены – Джонс, возможно, Закс, иногда даже Фрейд в более благодушном состоянии – храбрецы из приключенческих рассказов, которые дадут вечную клятву верности на крови и будут держаться вместе, что бы ни случилось.

В 1912 году не намечалось съезда, к которому нужно было готовиться. Планы проведения его в Мюнхене были отменены, когда Юнг объявил, что в сентябре поедет в Америку давать девять лекций в иезуитском Фордхэмском университете в Нью-Йорке. То ли случайно, то ли намеренно, но он оказался за пределами Европы как раз в тот момент, когда начали просачиваться вести о второй части «Трансформаций».

За несколько дней до отъезда Юнга Джонс был в Баварии с другом-аналитиком, у которого были гранки второй части в том виде, в котором книга должна была появиться в «Ежегоднике». Рукопись составляла почти триста страниц. Джонс извлек из них все, что только мог. Либи́до, как он сообщил Фрейду, явно «перестало быть сексуальным у отдельного ребенка». Юнг не полностью отказывался от детской сексуальности, но, по словам Джонса, его работа была неясной и бессвязной, «беспорядочным нагромождением мифологии с редкими собственными замечаниями».

Вскоре Фрейд смог сам прочитать работу, когда неделю спустя госпожа Юнг, пока ее муж плыл по Атлантическому океану, отослала ему оттиски. Он сказал, что читал ее не спеша. Эти триста страниц отправились с Фрейдом в Рим, где он провел вторую половину сентября, а по пути в Вену он закончил чтение.

Теоретическое содержание Фрейд отмел в сторону, утверждая, что ошибки Юнга не имеют значения. Его больше беспокоил характер автора, потому что кто может уважать «величие, провозглашающее себя таковым»? И тем не менее ошибки постепенно начали восприниматься, и Фрейду нужно было как-то на них отреагировать. Вторая часть, которую все так ждали, оказалась странной поэмой о Герое, развитие которого через самопожертвование и перерождение происходит благодаря таинственным психическим силам («этой движущей силе нашей собственной души»), а не сексуальной энергии либи́до, как утверждал Фрейд.

Лекции, которые Юнг читал в Нью-Йорке, скоро в виде сообщений из вторых рук попали в Европу. В них его мысли выражались более прямо. Он дал либи́до новое определение, назвав его жизненной силой, он отрицал детскую сексуальность в понимании Фрейда, а также свел к минимуму воздействие эдипова комплекса. Человеческая природа у Юнга управлялась другими силами – духовными, а не биологическими.

В ноябре 1912 года Юнг написал из Цюриха впервые за три месяца, чтобы похвалиться «крупным успехом», которого достиг для движения в Америке. «Конечно, – писал он, – я

оставил место и для той части моих взглядов, которые в некоторых местах отклоняются от существующих идей». Он решил отомстить:

Я нашел, что моя версия психоанализа убедила многих людей, которых до этого отталкивала проблема сексуальности в неврозе. Как только у меня появятся отписки, я с удовольствием пришлю вам копию своих лекций в надежде, что вы постепенно примете некоторые нововведения, на которые уже есть намеки в моей работе о либидо.

Юнг знал, как на это отреагирует Фрейд, и в том, что он делал вид, будто ожидает обратного, было известное презрение. Но аргументы постепенно уступали место оскорбительным выпадам. «Ваш кройцлингский жест очень ранил меня», – добавил Юнг, на что Фрейд ответил, будто считает его «постоянные упоминания об этом как странными, так и оскорбительными». Он обращается к нему уже как к «дорогому доктору», а не к «дорогому другу».

Позже в том же месяце они встретились на нейтральной территории – при решении вопроса, связанного с одним из международных журналов, «Центральблатт», редактор которого, Штекель, не хотел оставлять поста, несмотря на попытки Фрейда сместить его за плохое поведение. По просьбе Фрейда Юнг как президент международной ассоциации созвал на встречу руководителей филиалов, чтобы избавиться от Штекеля в качестве редактора и утвердить вместо этого журнала новый. Возможно, оба понимали, что рано или поздно им придется встретиться последний раз перед расставанием – как любовникам, которые идут в ресторан на прощальный ужин.

Семеро человек, в том числе Фрейд и Юнг, собрались в мюнхенской гостинице «Парк» 24 ноября. Джонс, который в то время был во Флоренции, получил открытку от Юнга с сообщением, что встреча произойдет 26 ноября, но узнал о верной дате от своей любовницы, Канн, которая как раз подвергалась анализу в Вене. В Мюнхене он сказал Фрейду, что Юнг, без сомнения, сделал невольную описку. «У джентльмена не было бы такого бессознательного», – отвечал Фрейд.

Со Штекелем поступили так, как предложил Фрейд, лишив «Центральблатт» официального статуса. В одиннадцать, за два часа до того, как вся компания должна была собраться на обед, Зигмунд с Карлом вместе ушли из отеля и (как Фрейд сказал Ференци) «пошли на назначенную заранее прогулку, чтобы поговорить». Так что это событие планировалось.

Письмо об этой встрече было написано два дня спустя. Оно начиналось словами о «кройцлингском жесте». Потом произошло «невероятное и неожиданное». Юнг как будто капитулировал:

Он был совершенно сломлен, пристыжен и затем признался во всем что он уже давно боялся, будто близость со мной или другими повредит его независимости, и поэтому решил отдалиться; что он несомненно видел меня в свете своего отцовского комплекса и боялся того, что я скажу о его изменениях...

Я высказал ему все: спокойно сказал, что дружбу с ним не могу больше сохранять, что он сам создал эту близость, которую затем так жестоко разрушил, что в его отношениях с людьми не все в порядке, не только со мной, но и с другими... Он совершенно перестал спорить со мной и признал все. Я думаю, это было ему полезно.

Такое изменение, добавил Фрейд, не могло длиться вечно из-за «лживой сущности» Юнга.

О событиях, которые произошли после этого в Мюнхене, Ференци узнал в меньших подробностях. «У меня случился такой же приступ тревожности за столом, как тогда... в Бремене; я хотел встать и на какой-то миг почувствовал себя дурно». Фрейд винил во всем бессонную ночь в поезде.

В действительности все оказалось гораздо интереснее. За обедом возник небольшой спор. По одной версии, он касался египетского фараона, который как будто стер имя своего отца с памятников. Снова смерть, как и в Бремене. По другой версии, Фрейд был расстроен тем, что его имя пропустили в какой-то швейцарской работе по психоанализу. Очень может

быть, что имело место и то и другое. Фрейд неожиданно обмяк и упал со стула. Джонс видел, как Юнг поднял его и отнес на диван. Придя в себя, тот пробормотал: «Как приятно, должно быть, умирать». Юнг писал в своих мемуарах: «Он смотрел на меня, как будто я был его отцом».

Фрейд не смог справиться либо со своими эмоциями, либо с проблемами пищеварения. Он боялся, что из-за этого обморока, как он сказал Джонсу, потерял «часть авторитета», но на протяжении одного-двух дней все говорило об обратном. Следом за ним в Вену пришло покаянное письмо от Юнга, где тот признает, что его ошибки непростительны, и заверяет Фрейда, что их «личные отношения» продолжатся, а также выражает надежду, что поездка домой не слишком его утомила.

В ответ Фрейд благодарит его и просит забыть об инциденте в гостинице как о «небольшом неврозе, которым мне действительно стоит заняться». Он добавляет, что «Трансформации» Юнга «принесли нам великое откровение, хотя и не то, которое вы планировали», и делает замечание о мистицизме, звучащее несколько пренебрежительно.

3 декабря Юнг спрашивает, как Фрейд может понимать его работу, в то же время недооценивая ее; что же касается «небольшого невроза», Фрейду следует отнестись к нему серьезно. 5 декабря Фрейд советует каждому из них обращать внимание на собственные неврозы, а не на неврозы соседа. Приблизительно 11 декабря в кратком письме, где Юнг отгораживается от Адлера, он хотел написать, что «даже дружки Адлера не считают меня своим», но вместо этого написал «вашим». 16 декабря Фрейд в письме подчеркивает эту опisku и осведомляется, не мог бы Юнг отнестись к этому «без злобы».

Но Юнг не смог. 18 декабря он наконец потерял контроль над собой. Не нужно было, – гневно написал он, – Фрейду относиться к своим ученикам как к пациентам, получая либо рабски повинующихся сыновей, либо «дерзких щенков» вроде «Адлера, Штекеля и всей этой наглой шайки, теперь шатающейся по Вене». Обвинение следовало за обвинением. Юнг, чувствовавший такую же неуверенность по поводу своих новых идей, как когда-то Фрейд по поводу своих, возможно, считал, что эта грубость возымеет терапевтическое действие.

Я достаточно объективен, чтобы понимать вашу хитрость. Вы вынюхиваете все симптоматические поступки у людей вокруг вас, и все они опускаются до уровня сыновей и дочерей, которые смущенно сознаются в своих пороках. А вы остаетесь наверху, как отец, – ловко устроились...

Видите ли, мой дорогой профессор, пока вы этим занимаетесь, меня абсолютно не трогают мои симптоматические поступки. Они ничто по сравнению с солидным бревном в чужом глазу – глазу Фрейда. Я отнюдь не страдаю неврозом – постучим по дереву! Я подвергся анализу, и тем лучше для меня. Вы, конечно, знаете, до чего пациент может дойти с помощью самоанализа и не спастись от невроза – совсем как вы. Я буду по-прежнему поддерживать вас публично, не отказываясь от собственных взглядов, но в частных письмах начну говорить вам то, что думаю о вас на самом деле.

Фрейд Юнгу, 3 января 1913 года: «Предлагаю полностью прекратить наши личные отношения».

Юнг Фрейду, 6 января: «Я согласен с вашим желанием отказаться от личных отношений, потому что я никому не навязываю своей дружбы. Вы сами – лучший судья того, что этот момент для вас означает 'Остальное – тишина'».

Аналитики Центральной Европы и Джонс не изменили своих убеждений. Фрейд обсудил с ними Юнга в презрительном тоне. «Пусть бросается в свое озеро», – писал он Ференци. Он рассказал Джонсу о том, как Юнг похвалялся, что в отличие от Фрейда подвергался психоанализу. «С этой Мольцер [Мэри Мольцер, медсестра и предполагаемая любовница Юнга], я полагаю? Можете себе представить, в чем заключалось лечение».

Психоаналитическое сообщество, расколовшееся в прошлом году в связи с уходом Адлера, снова подверглось разделению, на этот раз и по идеологическим, и по национальным причинам. Но Юнг, после разрыва переживший длительный личный кризис, полный снов и видений, не был в состоянии основать школу и найти учеников, даже если и намеревался

сделать это. «Трансформации», бессвязный текст новой психологии Юнга, были плохим замещением ясного письма Фрейда. Не было у него и круга друзей-аналитиков, как у Фрейда, многие из которых были с ним связаны либо эмоционально, либо в силу того, что он посылал к ним пациентов.

Ференци полагался на Фрейда как на отца и учителя, бомбардируя его снами и признаниями, беспрестанно рассказывая о неразрешимой проблеме матери и дочери, Гизеллы и Эльмы, описывая посещения проституток, беспокоясь, что заразился сифилисом, и тем, что действительно хочет заболеть сифилисом, чтобы предстать перед Гизеллой презируемым всеми сифилитиком и найти утешение в ее любви.

Джонсу было необходимо покровительство более терпимого человека, чем медицинские клики Лондона и Торонто. Какую бы информацию он ни утаивал от Фрейда, без сомнения, часть ее попадала к нему через Лоу Канн, которую Фрейд подвергал анализу. Пока проходил анализ, Джонс в последний раз побывал в Канаде. Фрейд написал Ференци о том, как мило вела себя Лоу (Джонс снова попал в переделку, на этот раз потому, что спал с ее компаньонкой, Линой). «Теперь я совершенно доволен своими приемными детьми», – сиял Фрейд.

Как Ференци, они были частью организации Фрейда. Это можно сказать и про весь тайный комитет. Даже Сабина Шпильрейн, которая сама теперь собиралась заняться психоанализом, избрала идеи Фрейда, а не Юнга. Его сыновья и дочери, возможно, были людьми более мелкого калибра, чем Юнг, но Фрейду этого было достаточно. В отличие от Юнга, который переживал разрыв годами, Фрейд пожал плечами и двинулся дальше.

Глава 24. Сказки

Когда Фрейд и Юнг в 1910 году все еще были друзьями и коллегами, Фрейд будто бы просил Юнга пообещать, что тот никогда не откажется от сексуальной теории, потому что она «нерушимый вал» на пути «прилива черной грязи оккультизма». Тяга Юнга к сверхъестественному была всем известна. Когда дело дошло до второй части очерка «Трансформации» с его видениями и таинственной психической энергией, намерения Юнга стали еще яснее. Ференци увидел в этом (май 1913 года) «не что иное, как его тайное признание в оккультизме под прикрытием науки».

И все же Фрейд не был таким яростным доктринером в отношении оккультного, как утверждает эта история о «приливе черной грязи» из мемуаров Юнга. Если бы Юнг продолжал считать сексуальное либидо величайшей жизненной силой, Фрейд, возможно, не возражал бы против того, чтобы он баловался вопросами сверхъестественного и необъяснимого – потому что самому ему это было не чуждо.

В июне Фрейду стало известно, что его друг посвящает свои вечера астрологии, но это его не беспокоило. «Я полагаю, – писал Юнг, – что однажды мы обнаружим в астрологии массу знаний, которые мы всегда интуитивно относили в ведение небес». Никаких отеческих упреков о «черных приливах» не последовало. Фрейд просто сказал, что обещает «поверить во все, что может выглядеть рационально», поскольку «стал скромнее» в отношении оккультизма с тех пор, как «пережитое Ференци преподнесло мне великий урок».

Эти события с Ференци (о которых Юнг знал) произошли в 1910 и 1911 годах, когда Ференци увлек Фрейда в оккультную область, по крайней мере в соприкасающиеся с нею сферы, «передачу мыслей», или телепатию. Их переписка стала очень странной. Что-то во Фрейде хотело верить в невероятное.

Его длительное увлечение магическими цифрами и судьбоносными датами, хотя он предпочитал объяснять это «научными» средствами, приводило в недоумение многих его последователей. Джонса, рационалиста религиозной нации, шокировали любые действия, связанные с верой в сверхъестественное. Телепатию тоже можно было включить в эту категорию – хотя бы потому, что те, кто занимался ею, часто увлекались призраками и спиритическими сеансами.

Рамки этих феноменов были недостаточно четко определены. В 1910 году паранормальные явления – их было модно называть «загробной жизнью» или «невидимым миром» – все еще обладали какой-то научной вероятностью. Такие чудеса того времени, как беспроводный телеграф и рентген, лишили людей ощущения того, что лежит в пределах нормального. Сэр Уильям Крукс, известный английский физик, который изобрел электронно-лучевую трубку, был тем же Уильямом Круксом, который верил, что танцевал с материализовавшимся духом по имени Кэти. Викторианские спиритуалисты со своим эктоплазмом и левитациями появились и к тому времени уже практически ушли, развенчанные, но кое-кто и остался.

В частности, в Англии существовало Общество парапсихологических исследований, основанное в 1882 году представителями науки и церкви, чтобы предложить некий реальный компромисс для тех, кого волновали подобные вопросы. Общество издавало работы эрудитов, иногда скептически настроенных, и надеялось найти подтверждение бессмертия души, оставаясь в рамках «научных» взглядов. Передача мыслей была важной темой исследований.

С энтузиазмом, который было уже невозможно представить несколько десятилетий спустя, епископы, ученые, философы и писатели начали вступать в общество. Фредерик Майерс, пророк общества, считал бессознательное «подсознательным 'я'» с мистическим оттенком, но его взгляды были эклектичными: так, три месяца спустя после опубликования в Вене работы Фрейда-Брейера по истерии он давал о ней лекции в Лондоне.

В общество входили Шарко, Жане и Юнг. В 1911 году, уже в период его упадка, Фрейд получил приглашение стать его «членом-корреспондентом». Психолог Уильям Джеймс, друг Майерса и неуверенный сторонник идей о жизни после смерти, умер приблизительно в то же время, как раз когда Фрейд спрашивал у Джонса, что тот знает об этом обществе. Джонс с презрением ответил, что оно занимается «охотой на привидений», и добавил: «Непохоже, что ваши исследования очень поддерживают спиритизм, несмотря на страстную надежду Джеймса. Бедняга Джеймс! Мы даже не можем утешить себя, что он теперь все знает сам».

Фрейда это не убедило, и на следующий год он передал в общество статью «Бессознательное в психоанализе». Впрочем, она заключалась в строгом изложении взглядов Фрейда на бессознательное, и ничто в этом не могло насторожить рационального валлийца.

О переписке Фрейда с Ференци нельзя сказать того же. Сразу же по возвращении из Америки осенью 1909 года в их письмах стала упоминаться телепатия, что позволяет предположить, что интерес к оккультному, который в первую очередь испытывал Ференци, появился во время этой поездки. Возможно, оба они обсуждали телепатию в Вустере с Уильямом Джеймсом или Стэнли Холлом, который не верил в паранормальные явления, но был ярким скептиком, знакомым с бостонским медиумом Леонорой Пайпер, и много знал о фокусах вызывания душ умерших. В журнале «Эпплтонз» в 1908 году была опубликована его статья под названием «Духи и телепатия».

После того как вся компания возвратилась из Америки, Фрейд и Ференци немного пробыли в Берлине и лишь потом отправились по домам. Возможно, Фрейд хотел встретиться там с Эммануилом, который в это время в очередной раз посещал Германию, а также со своим коллегой Карлом Абрахамом.

Ференци, у которого в Берлине жил брат, отправился к ясновидящей, госпоже Зайдлер, на сеанс, и показал ей одно из писем Фрейда. Зайдлер определила, что письмо каким-то образом связано с Веной, и упомянула о неудовлетворенности автора коллегами (что вполне подходило к Фрейду) и других мелочах. Маловато информации, как обычно бывает с ясновидящими, но этого было достаточно, чтобы Фрейд сказал «в этом что-то есть», даже несмотря на то, что он обратил внимание Ференци – который, похоже, этого не заметил, – что на марке была надпись «Вена». Нужно было соблюдать «полное молчание».

Ференци, убежденный, что Зайдлер прочитала его мысли, послал к ней брата с новыми письмами. Полученные результаты не произвели на Фрейда большого впечатления, и вскоре Ференци принялся опекать другую ясновидящую из Будапешта, госпожу Елинек, которая

сидела с ним в приемной, где витал отвратительный запах, и говорила ничего не значащие вещи. Фрейд опять остался равнодушен. Если бы он осудил за это Ференци, тот, возможно, перестал бы всем этим заниматься, но Фрейд не лишил его своей поддержки.

Теперь Ференци заинтересовался телепатическим обменом между аналитиком и пациентом. В 1910 году, вскоре после посещения с Фрейдом Сицилии, он впервые послал ему материалы, представлявшие некоторую ценность. Пациентом был гомосексуалист. Ференци считал, что может объяснить, почему у пациента на кушетке возникают те или иные свободные ассоциации: его бессознательное получает информацию из бессознательного Ференци.

25 июля: "пациент ложится как обычно. Но тут же взволнованно вскакивает... «Что за черви у вас на кушетке?»» Ференци объясняет Фрейду:

В тот день я имел половое сношение. Мне пришла в голову мысль, что неправильно использовать одну и ту же кушетку для работы и занятий любовью. Женщина, с которой я имел сношение, называет сперматозоиды червячками.

26 июля пациент описывает свою фантазию: «Я ложусь. Моя одежда пуста, как будто в ней нет никакого тела». Ференци до того читал газетную статью Анатоля Франса, где описывался сумасшедший, который надевал на шест одежду и усаживал ее в кресло.

16 августа пациент сказал «Солнце лежит на Луне, Луна – на звездах. Они совершают движения коитуса». До того другой пациент, типограф, рассказывал Ференци о книге, с которой работает. В ней гравитация и магнетизм отождествлялись с сексуальным притяжением. Типограф выразился так: «Солнце и Земля имеют друг с другом коитус».

Фрейда все это убедило: эти наблюдения, «как мне кажется, наконец разрушают мои сомнения о существовании телепатии». Нужно было просто привыкнуть к этой идее. Ференци волновался, думая, что теперь на нем лежит ответственность за посвящение профессора в сферы оккультизма. Но интерес Фрейда был довольно слабым. Его интересовал скорее сам факт существования телепатии как аномалии в материи мира, а не ее конкретное применение. В какой-то момент он верил, но тут же начинал сомневаться.

Когда Ференци написал ему (ноябрь 1910 года), что стал «великим прорицателем, то есть телепатом!», который видит мысли своих пациентов через собственные свободные ассоциации, Фрейд саркастически относит «эту потрясающую коммуникацию на счет того, что вы сами были медиумом» Ференци объявляет, что «будущая методология психоанализа» должна учесть эти открытия. Фрейд мягко отговаривает его «Я вижу, как судьба неумолимо приближается, – пишет он, – и я думаю, что именно вам предназначено ввести в науку мистицизм и тому подобные вещи... Но все же нужно попытаться замедлить этот процесс».

Разумно, если учитывать, как неубедительны были все доказательства существования телепатии. В Великобритании скандал, связанный с телепатией, потряс Общество психических исследований. Ференци тихонько продолжал свою работу и собирал данные. В 1912 году он обнаружил лошадей, которые с помощью телепатии могли выполнять сложные математические вычисления – «извлекать квадратные и кубические корни, делить и вычитать большие числа» – во время «безупречных», как он считал, экспериментов.

Фрейд не выражал своего мнения по поводу лошадей-математиков. Конечно, он понимал, что Ференци слишком увлекся. И тем не менее именно Ференци рассказал ему многое о телепатии. Только его слова производили впечатление на Фрейда, у которого не было собственного телепатического опыта. Однажды Фрейд сказал, что его жизнь была «особенно бедна в оккультном смысле». Он хотел слышать о таинственных верованиях от человека, которому доверял. То же было за двадцать лет до того с Флисом, который снился Фрейду, когда они с Ференци были в Сицилии.

В 1913 году Фрейд так уверился в телепатии, что мог сказать на ежегодной конференции слова, которые наверняка заставили Юнга поморщиться:

У меня есть серьезные причины предполагать, что все имеют в бессознательном инструмент, с помощью которого можно истолковать то, что произносит бессознательное других людей.

Он говорил практически то же самое в «Тотеме и табу», истории цивилизации, только что вышедшей в свет. Это была вторая эксцентричная историческая драма Фрейда, в которой происхождение религии и цивилизации приписывается доисторическому убийству отца племени – автократа его угнетенными сыновьями. Ужас произошедшего оказал влияние на всех присутствовавших, и чувство вины и раскаяния неким образом изменило работу их мозга. Эти изменения передались следующим поколениям, и из этого внутреннего чувства вины появились социальный порядок и мораль. Фрейд не смущал тот факт, что к 1913 году традиционная биология начала отказываться от идеи, что какие бы то ни было «приобретенные характеристики» могут передаваться по наследству.

Как в точности это произошло, Фрейд не объяснял, хотя говорил о каком-то психическом «аппарате» (или «инструменте», как он выразился на конференции). Фрейд предположил, что «бессознательное понимание» исторических событий (древнее убийство и то, что за ним последовало), «возможно, позволило следующим поколениям унаследовать эти эмоции». Кроме того, Фрейд использует здесь идею о передаче мыслей.

Фрейд уделял телепатии не слишком много внимания. Он на время оставил эту тему, чтобы впоследствии когда-нибудь заняться ею, но так этого и не сделал. В другом источнике (статье, написанной в 1915 году) он говорит, что «удивительно, как бессознательное одного человека может воздействовать на бессознательное другого, не касаясь сознания. Это требует более тщательного исследования».

Спорная книга «Тотем и табу» была единственным случаем, когда Фрейду удалось найти телепатии серьезное применение. «Наследие эмоций» явно передавалось подобно «коллективному бессознательному» Юнга. Но книга «Тотем и табу» весьма своеобразна и без того, так что ссылки на телепатию обычно из вежливости умалчиваются.

Смелые догадки в этой книге с подзаголовком «Некоторые соответствия между психической жизнью дикарей и невротиков» – еще одно великолепно исполненное заявление Фрейда о своих взглядах. Этот труд менее автобиографичен и читается сложнее, чем «Толкование сновидений». Попытка Фрейда описать происхождение цивилизованного общества сделала эту книгу, как сказал Фрейд Джонсу, «самым отважным мероприятием, на которое я когда-либо шел... Да поможет мне Бог!».

Используя современную антропологическую литературу и принципы психоанализа, он написал ряд очерков, в частности, кульминацию книги, четвертую главу, где утверждал, что описывает реальные события, в то же время то и дело защищаясь уклончивыми фразами. «Было бы так же глупо стремиться к полной точности в этих вопросах, как и несправедливо было бы настаивать на полной доказательности». Книгу считали пророческой или рискованно гипотетической, в зависимости от вкусов читателя.

«Табу» Фрейд считал примитивные запреты, существующие в племени, в частности, запрет на инцест. «Тотем» – это священное животное, от которого, как считали члены племени, они происходили, и которое, по мнению Фрейда, изначально было человеком.

Фрейд знал о табу, которые относились к тотему: тотемное животное нельзя убивать, а внутри клана мужчинам нельзя иметь сексуальные отношения с женщинами. Он был уверен, что в этом следует видеть запрет на два желания эдипова комплекса: избавиться от отца и спать с матерью. Что бы ни вызвало возникновение этих табу, это породило основной невроз людей и заложило основу (конечно, невротическую) религии, самоконтроля и всех остальных механизмов, составляющих современное общество. Все происходит от древней потребности сдерживать себя.

Эти выводы похожи на анализ сна, но вместо того, чтобы представить свою работу в виде фантазии о человеческой расе – от этого она стала бы слишком похожей на работы Юнга, что было непозволительно, – Фрейд решил связать свои выводы с реальными событиями, которые происходили в примитивных «ордах» Дарвина или в отдельно взятом племени – неважно (если вспомнить замечание Фрейда о том, что он не стремится к точности).

Этот аргумент неотделим от всего стиля книги. В следующем абзаце из автобиографии

(1925) Фрейд вкратце пересказывает «Тотем и табу» и упоминает о двух элементах, игравших для понимания книги важнейшую роль: ритуальном убийстве тотема, который затем ели и оплакивали, и образе жизни в племенах Дарвина, в каждом из которых люди жили под управлением одного сильного, злобного и ревнивого самца:

Передо мной из всех этих компонентов образовалась следующая концепция или, я бы даже сказал, видение. Отец первобытного племени, будучи деспотом с неограниченной властью, забрал себе всех женщин. Сыновей, как опасных соперников, он убил или выгнал. Но однажды сыновья собрались и объединились, чтобы задавить числом, убить и сожрать отца, который был их врагом и в то же время их идеалом. После этого поступка они не могли распорядиться наследством, потому что мешали друг другу. Под влиянием этого, а также чувства раскаяния, они научились договариваться между собой. Они собрались в клан братьев с помощью правил тотема, которые были призваны, чтобы предотвратить повторение подобного действия, и совместно решили отказаться от владения женщинами, из-за которых убили своего отца. Им пришлось искать женщин из другого племени.

Тотемное поедание стало праздником в честь «страшного поступка», и именно от этого поступка произошло чувство вины человека (или «первородный грех»)… который стал началом одновременно социального устройства, религии и этических ограничений.

Описывая это убийство и его последствия, Фрейд допускал, что указанное событие может быть вымышленным. Но ему очень хотелось считать это буквальной правдой, верить, что «первобытные люди действительно сделали то, что, как показывают все факты, намеревались сделать». Несмотря на все наукообразие, книга «Тотем и табу» производила впечатление какого-то детского желания, которое сохранялось до последнего предложения, где, «не претендуя на окончательность этих выводов», Фрейд выражает мысль – надежду, – что «к рассматриваемому случаю вполне можно применить слова: в начале было Деяние».

Антропологи не относились к этому труду с должным уважением, но Фрейд оставался непреклонным и не обижался. Он смеялся, когда английский антрополог назвал его книгу «Сказкой просто так» «по аналогии с детскими сказками Киплинга („Just So Stories“). – Прим. перев.», и даже рассказывают, будто он говорил американскому ученику, что придумал эту историю в одно дождливое воскресенье. Такие шутки, возможно, помогали скрывать личные мотивы, потому что в его интересе к сыновьям, убивающим своего отца, отражается фантазия, в которой он представляет себя тем самым первобытным отцом, сыновья которого собираются убить его – особенно сын по имени Юнг.

Убийство, инцест и происхождение человека были интересными темами для книги в 1913 году. Сегодня биологи относятся к табу на инцест более здраво, считая, что оно возникло из потребности гармонизировать социальное поведение. Фрейд счел бы эту точку зрения жалкой, но, скорее всего, она верна в отличие от его толкования.

Объемная последняя глава, написанная Фрейдом в конце зимы – начале весны 1913 года, была связана с пациентами, которые в то время наперебой к нему обращались. Вскоре после окончания книги в мае он говорил Ференци, что работает по одиннадцать часов в день, то есть анализирует одиннадцать человек.

Для человека, который считал себя обреченным в сорок, он дожил до пятидесяти семи в хорошей форме, если не считать жалоб на кишечник, которые не смогли смыть все горячие минеральные воды Карлсбада «В мае 1914 года, вскоре после того, как ему исполнилось пятьдесят восемь лет, Фрейд решил, что у него рак прямой кишки. Внутреннее обследование этого не подтвердило. „Так что я вернулся к жизни“, – написал он Ференци.». Зимой он по-прежнему играл в тарок по субботам и отдыхал в знакомых местах, в том числе по воскресеньям обедал в Кобленце, под Каленбергом.

Ему нравилось общаться с женщинами, возможно, гораздо больше, чем раньше, потому что теперь искушение становилось меньшей угрозой. Он получал удовольствие, которое оказывала ему Лу Андреас-Саломе, русская охотница за мужчинами, которая провела шесть месяцев в Вене с осени 1912 года по весну 1913 года. По воскресеньям они частенько вдвоем часами говорили в его кабинете. В феврале он рассказал ей о фантазии отцеубийства, о

которой собирался написать в «Тотеме».

Саломе, которую называли «почти сумасшедшей и почти гениальной», был пятьдесят один год. Это была крупная красивая женщина, вышедшая замуж за немецкого профессора (всю жизнь занимавшегося персидской филологией) потому, что он угрожал, будто покончит с собой. После этого она навсегда отказалась спать с ним. Другое дело умные молодые люди, которые все еще ее привлекали. В Вене у нее был роман с Виктором Тауском, одним из учеников Фрейда, «блондином с большой головой», который был на восемнадцать лет моложе ее. В общении с Фрейдом она предпочитала считать, что действует из более возвышенных мотивов.

Ее интерес, как он заверял Ференци, был чисто интеллектуальным. Это была женщина значительная, «даже хотя все следы вокруг нее ведут в логово льва и ни один – наружу». Ему, как и всем остальным – Ницше, Рильке и другим, – нравилась именно ее компания, а не сложные рассуждения этой женщины по поводу психоаналитической теории.

Всего через несколько недель после ее прибытия в Вену, когда она пропустила одну из его лекций в университете, Фрейд пишет: «Я как зачарованный смотрел на пустой стул, где должны были сидеть вы». Когда она приходила к нему по воскресеньям, чтобы поговорить о психоанализе и своих детских днях, он дарил ей цветы, однажды «розовые тюльпаны и бледную сирень», а в конце ее последнего визита в апреле – розы.

Гражданская жена Эрнеста Джонса, Лоу Канн, тоже была любимицей Фрейда. Ее лечение от пристрастия к морфию и других проблем, одной из которых был Джонс, весной 1913 года подходило к концу. Фрейд знал то, что Джонсу было неизвестно, в том числе тот факт, что после анализа у Канн в Вене появился любовник, почти его тезка, Герберт Джонс, богатый поэт-американец. Конечно, психоанализ вмешивался в жизнь людей, как это и должно было быть. Фрейд анализировал Эльму Палос – в результате она потеряла желание выйти за Ференци и тот оказался с Гизеллой, ее матерью, хотел он того или нет. Фрейд как аналитик любовниц своих учеников имел над ними еще большую власть.

Фрейд относился к Лоу, «драгоценности», с энтузиазмом. К лету, когда она решила порвать с Эрнестом, она «цвела» освободившись и стала ему «чрезвычайно дорога». Он рассказал Ференци, что «у меня появилось к ней очень теплое чувство с полным отсутствием сексуальности, что раньше бывало редко (видимо, это связано с возрастом)». От Фрейда редко можно было услышать о каких-либо теплых чувствах. В статье «Перенос любви», написанной в 1914 году, где Фрейд писал, что пациентка должна понимать, что влюбленность в аналитика – часть лечения, он говорил и об искушениях, с которыми сталкивается бедный аналитик, обязанный самоконтролем доказать ей, что ему можно доверять свои мысли и фантазии. Имел ли он в виду Лоу? Если и не ее, то уж во всяком случае других привлекательных женщин, которые были среди сотен пациентов, лежавших на его кушетке.

В очерке чувствуется нотка грусти, когда Фрейд говорит о «несравненном очаровании» «женщины высоких принципов, которая признается в своей страсти», и высказывает предположение, что аналитика искушает не «грубо чувственное желание». Скорее более тонкое поведение, не явно сексуальное, может заставить мужчину забыть «ради приятного переживания». Подобно улицам красных фонарей в Триесте, для человека эта ситуация была испытанием, которое стоило выдержать.

В 1913 году Эрнесту Джонсу пришлось смириться с Лоу, столь изменившейся после анализа. Он отнесся к этому стоически, признавшись Фрейду, что хотел обвинить во всем его («мимолетное явление»), отправился в Будапешт, чтобы его проанализировал Ференци, навсегда уехал из Канады и снял в квартире в Лондоне на улице Грейт-Портленд, к несчастью, всего в нескольких сотнях метров от медицинского района. Он оказался практически там же, откуда уехал почти пять лет назад. Канн, которая оставила его не сразу, помогла ему обставить квартиру. Фрейду Джонс сообщал о подробностях умирающей связи, как будто ждал от него одобрения, – рассказывал о том, как Канн принесла домой бездомного котенка, перекормила его, дала ему слабительное, а потом сделала клизму.

Поскольку Джонс отнесся к этому недостаточно серьезно, она разозлилась и «три часа в качестве наказания заставила бегать по 'срочным поручениям'». Сначала ей понадобился специальный шприц, чтобы сделать котенку укол бромида. Потом – синильная кислота на случай, если животному станет так плохо, что его придется убить. «Она, несомненно, умеет удовлетворять и развивать склонность человека к мазохизму», – заявил Джонс, но если он рассчитывал на успокаивающий ответ Фрейда, то был разочарован. Кроме того, Джонс сообщал, что она по-прежнему принимает морфий.

Каждый из пяти членов комитета получил в мае 1913 года от Фрейда в подарок маленькую старинную печать, которую можно было поместить в золотое кольцо. У него самого было такое кольцо с головой Юпитера. Когда Фрейд закончил книгу «Тотем и табу», часть членов комитета пригласила его на обед в Пратере, где ему подарили египетскую фигурку. Фрейд поставил эту фигурку перед тарелкой и назвал своим тотемом. Дело развивалось, но им все еще необходимо было чувствовать себя группой братьев во враждебном мире.

Вена продолжала жить своей жизнью – этот город кипел идеями, к которым имперские чиновники оставались глухи. Эмансипация не была предметом обсуждения для императора Франца Иосифа и его эскадронов бюрократов. Интеллектуалы и художники, которые стремились изменить старый подавляющий личность мир, находили слушателей только друг в друге. Это были и Фрейд с последователями, и Карл Краус, который впал в апокалиптическое настроение и объявил в «Факеле», что Австрия – это «экспериментальная станция для исследования конца света», и художники со странным восприятием мира, раздражавшим приверженцев традиционного искусства, такие как экспрессионист Оскар Кокошка, который утверждает, будто почувствовал приближение кризиса еще в 1910 году и понял «неожиданно и интуитивно», что «все человечество поражено неизлечимой болезнью».

Угнетение человека было основой цивилизованного общества. Фрейд признавал власть и в то же время своими действиями ниспровергал ее. Правители Австро-Венгерской империи, равно как и любые другие императоры, естественно, одобряли угнетение.

Их больше всего беспокоили отдельные неприятные случаи, например история с полковником Альфредом Редлером, отважным главой шпионажа империи, который, как выяснилось, продал России планы крепостей в Галиции и боевого порядка армии, подготовленные для вторжения в Сербию, в случае если империи придется защищать свои интересы на Балканах. Полковника-гомосексуалиста вынудили застрелиться, чтобы избежать суда, и он подчинился в мае 1913 года. На следующий год, когда началась война, эти планы оказались гораздо важнее, чем кто-либо предполагал.

Ближе к концу 1913-го и в 1914 году Юнга беспокоили яркие сны и видения всеобщей катастрофы, которые, возможно, были свидетельством временного умопомешательства, но он счел их пророческими. Путешествуя поездом, он погрузился в транс и увидел, как Европа тонет в море крови и трупов. Конечно, Швейцария в его видении спасается. Во время этой поездки ему дважды снился один и тот же сон. Еще один сон, повторившийся трижды, изображал Европу, страдающую от мороза посреди лета. Среди льда он нашел куст винограда и накормил голодных.

Юнг был не в себе. Он решил «отпустить себя» (по его собственному выражению) во время рождественского поста в декабре 1913 года. Началось исследование бессознательного, и он посещал подземный мир духовных героев и духовных друзей. Критики утверждают, что следующие несколько лет он страдал от шизофрении.

До того как отправиться в эти путешествия, Юнг успел посетить еще один ежегодный психоаналитический конгресс в Мюнхене, который проводился в сентябре. Он и Фрейд

находились в одном помещении в последний раз. На этом съезде Юнг снова был избран президентом международной ассоциации, причем многие фрейдисты воздержались. Однако эта должность к тому времени стала для него чисто формальной. В октябре он ушел с редакторского поста в «Ежегоднике» по причинам «личного характера, в связи с чем я считаю ниже своего достоинства обсуждать их публично», а полгода спустя, в апреле 1914 года, отказался от должности президента.

«Итак, мое предсказание сбылось, — писал Джонс Фрейду. — Если у пса слишком длинный поводок, он им себя задушит». Фрейд к тому времени уже написал краткую и тенденциозную историю движения, датированную февралем 1914 года. Она была опубликована в «Ежедневнике». В этой работе Фрейд считает ересь Юнга менее важной, чем Адлера, и осуждает претензии «швейцарцев»:

Дело в том, что эти люди уловили в симфонии жизни несколько культурных обертонов и тоже не смогли услышать мощной первобытной мелодии инстинктов.

Возможно, эта холодная и авторитарная статья ускорила уход Юнга.

Не нужно удивляться субъективному характеру вклада, который я хочу сделать этой работой в историю психоаналитического движения, равно как и не стоит задумываться о том, какую роль играю в этом я. Ведь психоанализ — мое детище.

Правда, в одном случае Фрейду пришлось покривить душой, когда он сказал, что написал очерк «без каких-либо сильных личных мотивов». Текст противоречит этому утверждению, да и по крайней мере одному из друзей Фрейд сказал правду. В июне он писал Саломе, что он «намеренно дал каждому хорошую взбучку».

Движение выжило. Расширение могло продолжаться. В Лондоне Джонс планировал обратить в свою веру образованных англичан, воодушевленный тем, как «журналы и литературные издания высшего класса» начали писать о психоанализе. Здесь информация распространялась не так эффективно, как в Америке, где профессор мог написать популярную статью, не подвергаясь за это осуждению. Лондонские журналисты увлеклись идеей таинственного «бессознательного», присутствующего в каждом человеке, хотя от темы секса они держались подальше. Журнал «Стрэнд» положительно отзывался о психоанализе в 1912 году в статье под модным названием «Любовь— это болезнь?». Когда в 1914 году в переводе Брилла появилась «Психопатология обыденной жизни», Фрейда провозгласили «Шерлоком Холмсом мозга».

Такая вульгарность не производила впечатления на медицинский истеблишмент, у которого не было времени на Джонса (того предупредили в личной беседе, что, если он не уедет из Лондона, его подвергнут остракизму) или на неприличные теории Фрейда. На заседании Британской медицинской ассоциации в 1911 году доктор Дэвид Эдер, недавно увлекшийся психоанализом, описал случай истерии аудитории специалистов, состоявшей из девяти неврологов. Когда он дошел до темы секса, все вышли из зала.

Невзирая на это, Джонс и Эдер в октябре 1913 года создали Лондонское психоаналитическое общество и назначили друг друга президентом и секретарем соответственно. К следующему январю частная практика Джонса уже процветала: он принимал ежедневно по восемь пациентов, что давало ему возможность зарабатывать шестьдесят-семьдесят фунтов в неделю — в 1914 году это означало неплохой достаток. Он рассказал Фрейду, что вскоре сможет жениться, «и это, как я надеюсь, станет следующим этапом моей жизни». В июне Лоу вышла замуж за другого Джонса в Будапеште, причем Фрейд был в числе приглашенных.

Тем летом 1914 года дочери Фрейда Анне разрешили самой отправиться в Англию на отдых. Это была застенчивая и серьезная восемнадцатилетняя девушка, склонная к мечтательности и самопожертвованию. Она как будто с самого детства договорилась с отцом участвовать в его делах в ущерб своим собственным.

В тринадцать лет она сидела в уголке на собраниях венского общества. Если бы ей

разрешили, она бы поехала с отцом в Америку в 1909 году. Фрейд считал ее «немного странной», видел, как ее затмевает наиболее близкая по возрасту сестра Софи, и давал ей добрые советы, но не проявлял свою любовь в виде объятий и поцелуев – Фрейд всегда был скуп на такие нежности.

Более нежные родители часто относятся к последнему ребенку не так сурово. Но Фрейд серьезно говорил с Анной о том, как вести себя разумно и смотреть жизни в лицо. У Анны были тяжелые взаимоотношения с Софи, которая была на два с половиной года старше и гораздо красивее. В 1912 году она была помолвлена с фотографом из Гамбурга, Максом Хальберштадтом. (Матильда вышла замуж еще в 1909 году.) Фрейд шутливо называл Анну своей «единственной дочерью». Сыновья были уже взрослыми и не жили дома. Возможно, Анна задумывалась о судьбе дочерей, которые становятся единственным утешением стареющих родителей.

Во время помолвки Софи Анне было шестнадцать и она как раз заканчивала школу. Фрейд обещал, что покажет ей осенью и зимой юг. Она должна была несколько месяцев путешествовать вместе с тетей Минной, чтобы расширить кругозор и укрепить слабое здоровье. Но теперь это путешествие пришлось отменить, потому что приготовления к свадьбе требовали присутствия Минны. В буржуазных семьях традиции были нерушимы. Анна провела зиму в Мерано под присмотром дальней родственницы. И узнала, что не попадет на свадьбу Софи в январе 1913 года.

Дошедшее до нас письмо от нее отцу из Мерано полно тревоги по поводу того, что у нее не получается быть «разумным» человеком, и она просит его помочь ей достичь этого состояния. Анна вознаграждается на Пасху 1913 года, когда Фрейд забирает ее из Мерано, чтобы она могла провести несколько дней в Венеции и Триесте. Наконец Анна стала его компаньонкой в путешествиях, как и мечтала.

Самостоятельное путешествие в Англию в 1914 году было предпринято после того, как она сдала предварительные экзамены на должность школьной учительницы, и перед тем, как она начала работу осенью. Ей было восемнадцать лет, и она была на семь месяцев моложе, чем ее отец, когда он впервые в 1875 году пересек Ла-Манш и открыл для себя мрачную красоту Манчестера. Анна собиралась провести это время на юге Англии, в Суссексе, в «дамском заведении», а также с родственниками. Двадцать фунтов было выслано Сэму Фрейду, племяннику Зигмунда, в Манчестер, чтобы он выступил в роли банкира.

Фрейду, похоже, не приходило в голову, что Эрнест Джонс распушенный холостяк, который объявил о своем решении найти жену, решил не ходить далеко и остановить свой выбор на дочери психоанализа. Лишь тогда, когда она прибыла в середине июля в Англию, Фрейд предостерег ее в письме, будто он знает «из самых надежных источников, что у доктора Джонса серьезные намерения ухаживать за тобой». Без сомнения, этим надежным источником была Лоу, новаявведенная госпожа Герберт Джонс.

Он сообщил Анне, что ей ни в коем случае не будет дана такая свобода выбора, как сестрам. С родителями она «жила и более близких отношениях, чем остальные», и Фрейд считал что ей «покажется гораздо сложнее принять такое жизненно важное решение без нашего – в данном случае моего – согласия». В письме Джонсу, который уже встретил ее с цветами по прибытии и отвез в место назначения, Фрейд писал: «Она не претендует на то, чтобы к ней относились как к женщине, потому что все еще далека от сексуальных желаний и довольно-таки холодна к мужчинам». В нем говорил отец, а не психоаналитик.

Джонс ответил тоном человека, которого неправильно поняли, упомянув о «прекрасном характере» Анны и хитро добавив, что она, «несомненно, позже станет замечательной женщиной, если сексуальное подавление не причинит ей вреда». Он выразился дерзко, поскольку был крайне разочарован. Целая история психоанализа с Эрнестом Джонсом в роли зятя его основателя не состоялась.

В конце июня 1914 года наследник австрийского трона, эрцгерцог Франц Фердинанд, плотный мужчина в тесной военной форме, посещал Боснию, в то время часть империи, чтобы выразить поддержку боснийцам в борьбе с соседями-сербам доставлявшими немало

неприятностей. Больной туберкулезом молодой человек с револьвером убил его с женой в Сараево, надеясь помочь делу сербов. Фердинанд стал вторым погибшим наследником престола Австрии – за четверть века до того в Мейерлинге совершил самоубийство его кузен Рудольф.

В парке Бадена, под Веной, оркестр прервал игру посреди мелодии. Серж Панкеев, который за неделю до того последний раз приходил к Фрейду на анализ, вспоминал, как возвращался с прогулки в Пратере и получил специальное издание «Нойе фрайе прессе» с этим известием. Фрейд в письме Ференци в то воскресенье говорил о последствиях, которые невозможно предвидеть, хотя казалось, что «личной заинтересованности тут немного». Но ослабевшая Австрийская империя, «изъеденный червями галеон», как кто-то ее назвал, решила поступить смело и наказать Сербию.

Потребовался месяц угроз и ультиматумов на то, чтобы создать альянсы и втянуть в ссору всю остальную Европу. В это время, Юнг покинул международную ассоциацию, разорвав последнюю связь с фрейдистами, а аналитики из Цюриха ушли вместе с ним. «Итак, мы избавились от них, – писал Фрейд 26 июля Абрахаму, – от этого жестокого лицемера Юнга и его ханжеских попугаев».

Страны уже начали мобилизацию. Генералы были практически готовы к войне. Фрейда охватило то же волнение, что и всю Вену. Он признался, что впервые за тридцать лет почувствовал себя австрийцем и хочет дать «этой не очень вселяющей надежды империи» еще один шанс.

В Англии Джонс повез Анну с компанией на воскресную прогулку по Темзе. Он услышал о «всеобщем Армагеддоне» и вызвался сопровождать ее в Германию. В это время госпожа Герберт Джонс активно скупала морфий, заявляя, что он предназначен для раненых иностранных солдат.

К началу августа все объявили друг другу войну. Анна смогла вернуться домой вместе с отъезжающим австрийским послом и его сопровождающими, которые плыли через Гибралтар и Геную. Вскоре Германия и ее союзники, Центральные силы, начали успешные сражения с русскими и французами. Что до Англии, Абрахам ободряюще писал из Берлина, что «мы можем положиться на Круппа и Цеппелина».

Фрейда эти события захватывали так же, как и франко-прусская война, когда он учился в школе. Будучи в Гамбурге с Софи и ее мужем, сын которых, Эрнст, родился в начале этого года и стал его первым внуком, Фрейд писал Абрахаму, что когда он с семьей говорит о «наших» сражениях и «наших» военных займах, он иногда вспоминает о «разговорах о другой битве, которая после некоторого успеха закончилась ничем». Это, – писал он, – как «воспоминания прошлой жизни». Он имел в виду великую войну с Юнгом.

Глава 25. Война

Лу Андреас-Саломе росла в России с любящими ее братьями, и поэтому всегда чувствовала себя в безопасности с мужчинами, будучи уверенной в их добрых намерениях. «Неужели вы все еще верите, что все старшие братья такие хорошие?» – писал ей Фрейд в ноябре 1914 года. Она ответила из Германии, где тогда жила, что старшие братья во всем мире «все совершенно сошли с ума», вежливо добавляя, что причиной этого является то, что странам нельзя сделать психоанализ.

Этот ответ был слишком прост для Фрейда с его пессимистическими взглядами на человеческую природу и убеждением, что у многих людей слишком слабый характер, чтобы психоанализ мог им помочь.

Я не сомневаюсь, что человечество переживет даже эту войну, но я точно знаю, что для меня и моих современников мир никогда не будет счастливым домом. Он слишком отвратителен. И самое грустное то, что все происходит совершенно так, как мы ожидаем от людей, опираясь на свои психоаналитические знания. Из-за такого отношения к человечеству я никогда не мог согласиться с вашим блаженным оптимизмом. Моим

тайным выводом всегда было то, что раз мы не можем видеть самую развитую современную цивилизацию без груза огромного лицемерия, получается, что мы органически к ней не приспособлены. Нам приходится оставаться в стороне, а Великое Неизвестное, Он или Оно, таящееся за Судьбой, когда-нибудь повторит этот эксперимент с другим народом.

Фрейд добавил, что немцы, «возможно, потому, что [они] уверены в победе», ведут себя лучше остальных народов. Эту точку зрения он впоследствии изменил.

Его сыновья тоже оказались вовлеченными в войну. Оливер до мобилизации учился на инженера-строителя и работал над строительными проектами. Когда-то Фрейд называл его «своей гордостью и тайной надеждой», но тот разочаровал отца, продемонстрировав признаки такого же навязчивого невроза, как и у самого Фрейда «Оливеру делали психоанализ, правда, не отец, в 1920-х годах. Его характер, по словам Фрейда, был безупречен, пока „не появился невроз и не сбил все цветы“». Двое других сыновей, Мартин и Эрнст, были военными с самого начала. К январю 1915 года капрал М. Фрейд уже сидел в окопах Галиции возле русского фронта. Фрейду не раз снилось, что их убивают, и он решил (поскольку сны – это исполнение желаний), что это говорит о его скрытом желании избавиться от детей, поскольку он завидует их молодости.

Анна продолжала жить дома. Она начала работать учительницей, переводила статьи с немецкого на английский и наоборот, рассказывала сны отцу и радовала его, став его ученицей внутри семьи. Отсутствие стремления к науке у сыновей огорчало Фрейда. Анна это компенсировала.

Война сократила возможности путешествовать и количество пациентов. Очень немногие приезжали из-за границы. «Внешний мир», для проникновения в который была когда-то организована международная ассоциация, оказался еще более отдален, чем раньше. Джонс и Фрейд изредка обменивались письмами, которые пересылали через нейтральные страны. Осенью 1914 года известие о смерти Эммануила Фрейда шло до Зигмунда из Манчестера три недели.

«17 октября Эммануил Фрейд в восемьдесят один год погиб на железной дороге, выпав неподалеку от дома из движущегося поезда. Военная истерия Великобритании привела к яростным антинемецким настроениям по отношению к тем, у кого были немецкие имена и родственники. На их собственность посягали. Возможно, англофил Эммануил покончил с собой.»

Теперь у Фрейда было больше времени для написания трудов. Он начал с Волчьего Человека, анализ которого длился с февраля 1910 года по июнь 1914 года. Это был последний случай, получивший подробное описание. Серж Панкеев вернулся в Россию еще до начала войны и жил в своем имении. Его имя в статье не упоминалось и стало известным только в последние годы. Волчьим Человеком он официально не был, равно как и его предшественник Крысиным Человеком, хотя в конце жизни Панкеев отвечал на звонки, говоря: «Волчий Человек у телефона».

Статья, занявшая в «Стандартном издании» сто шестнадцать страниц, получила название «Из истории одного детского невроза». Написанная ближе к концу 1914 года, она была, как подразумевалось в заголовке, не полным отчетом о болезни Панкеева, а рассказывала только о детских событиях и их значении. Яркий рассказ о чувственной жизни ребенка был очередным подтверждением теории.

Превратив несколько снов и воспоминаний в эротическую сказку, Фрейд прибегал к художественности в той мере, в какой считал нужным, как и в случае с детективной историей о сыновьях-убийцах из «Тотема и табу». Мастерство Фрейда как писателя и адвоката заставляло людей верить ему на слово много лет. Фрейд не ограничивал своей фантазии и не боялся самых невероятных сюжетов.

Панкеев, богатый молодой человек, страдавший от депрессии и различных навязчивых симптомов, ходил от психиатра к психиатру, пока не попал к Фрейду. Он провел детство в роскошном доме в отцовском имении на юге России, где во внешний мир можно было

попасть, отправившись по Днепру на речном пароходе в Черное море. Это была семья меланхоликов. Панкеев-старший время от времени лечился в немецких санаториях, а известный профессор Крепелин поставил ему диагноз маниакальной депрессии. Сестра Сержа Анна отравилась в 1906 году. Ей был двадцать один год, а ему девятнадцать. Два года спустя его отца нашли мертвым в гостиничном номере. Вероятно, он умер от передозировки веронала.

После этих душевных травм Панкеев, которому было уже двадцать три, в январе 1910 года прибыл в Вену в сопровождении врача с револьвером и посвятил себя следующие четыре года кафе, барам, Пратеру и проституткам, в то время как Фрейд по часу в день анализировал его, не считая воскресений и летних месяцев. Проблемы Панкеева, что касалось анализа, брали начало в его детстве. По словам Фрейда, невроз его «совершенно обессиливал» и самостоятельно он не мог ничего делать, но есть данные, свидетельствующие об обратном, в частности, утверждения Панкеева в старости.

В начале лечения Фрейд рассказал Ференци, что он взял этого пациента из-за его «навязчивых склонностей», под которыми он явно подразумевал его любовные похождения. Он действительно был очень активен в смысле женщин и вел, как говорил Фрейд с некоторым отвращением, «совершенно необузданную жизнь инстинкта». Кроме того, он страдал хроническим запором.

Главную роль в анализе играл сон, который пациент вспомнил из детства. Панкееву было четыре года. Когда он лежал в постели, окно само собой открылось и он увидел шесть или семь белых волков, которые неподвижно сидели на ореховом дереве и смотрели на него. Он проснулся в ужасе. Уверенный, что за этим кошмаром кроется важное воспоминание, Фрейд восстановил событие из раннего детства пациента, которое, если оно верное и психоанализ проведен правильно, должно было объяснить происхождение проблем Панкеева. Русский не помнил этого эпизода. Фрейд сделал это за него на основе элементов сна и ассоциаций из анализа, в первую очередь, однако, полагаясь на свое собственное представление о том, что могло произойти и в творческой лихорадке Фрейда стало тем, что произошло.

Откровение было точным и подробным. В 1888 году, когда Панкееву было полтора года, в летний день он (по словам Фрейда) увидел, как его родители занимаются любовью, в то время как он лежал на кровати в их спальне. Выражаясь языком Фрейда, он стал свидетелем «первичной сцены» – родительского полового сношения. Акт был «повторен три раза», что само по себе удивительно. Вероятно, было пять часов утра. Их белье и простыни были белыми, и они занимались этим, как скромно выразился Фрейд, а *tergo* – то есть женщина в колено-локтевой позе, а мужчина стоит на коленях позади нее. Ребенок видел их гениталии. В конце концов он наделал под себя и привлек к себе внимание криком.

Белые волки из его сна – это одетые в белое мать и отец. Не соответствующие друг другу числа (двое родителей, несколько волков) – это просто попытка бессознательного скрыть значение сна. Другие аномалии тоже были объяснены с помощью гибких принципов искажения сна Фрейда. Его умелое распределение данных в таком сочетании, чтобы придать им смысл – с точки зрения психоаналитика, – убеждало и истинных последователей, и просто любопытствующих. Но эта реальность больше похожа на сказку.

Поза коитуса была выведена из страха Панкеева в детстве перед образом волка, стоявшего на задних лапах. Поэтому отец, который стоял на коленях за согнувшейся матерью, был якобы тем самым волком на задних лапах.

При чтении рассказа Фрейда, который лишь вкратце описывает многие часы анализа, начинаешь ощущать величественную нелепость всей его концепции. Бабочка с желтыми полосками, которая в детстве пугала Панкеева, становится не только женщиной, разводящей ноги – потому что открывает и закрывает крылья, – но и символом римской цифры V, потому что именно в пять часов он видел, как его волки-родители занимаются любовью. Позже желтые полоски напомнили ему о груше, а Грушей как раз звали его няню, которую он однажды в два с половиной года видел моющей пол «с оттопыренными ягодицами», и

этот вид взволновал его из-за связи с «первичной сценой».

Одним из последствий этого стало пожизненное пристрастие к женщинам низшего класса. Так, в семнадцать лет он увидел, как крестьянская девушка стоит на коленях у пруда и стирает, и, как говорит Фрейд, «тут же влюбился в девушку с неодолимой силой» еще до того, как увидел ее лицо (еще один сказочный мотив – «Жил-был прекрасный молодой принц, который однажды проходил по деревне...» – к несчастью, он заразился от девушки гонореей).

Его аналитик считал своего пациента ребенком с нарушенными отношениями с людьми, который видел мать как кастрированного волка (без видимых половых органов), а отца – как волка кастрирующего. Его беспокойство было направлено на проблемы с кишечником, которые, начиная с эпизода в кровати, оставались с ним на протяжении всей жизни – равно как и отношение к мужчинам (слишком почтительное) и к женщинам (они обязательно должны были принадлежать к низшим слоям общества).

Как Панкеев ко всему этому отнесся, согласно его собственным воспоминаниям, само по себе целая история. Он не поверил в сцену в спальне («ужасно притянута за уши»), он знал, что Фрейд не вылечил его – навязчивые желания и тревога не покинули его до конца жизни, – но в то же время Фрейд был для него «гением» с «очень серьезными глазами, которые вглядываются в самое дно души». Благодаря Фрейду, – сказал он, – он смог жениться на Терезе, няне из Мюнхена, в которую был влюблен. Фрейд стал для него отцом, которого ему не хватало, «новым отцом, с которым у меня были прекрасные отношения». В терминах психоаналитики это называется «позитивным переносом» – банальное, но, вероятно, вполне удовлетворительное объяснение того, как Фрейд помог Панкееву и многим другим пациентам. Он стал для них другом и советчиком.

Даже среди психоаналитиков есть скептики, которые считают эту историю слишком фантастической, но для большинства она остается прекрасным музейным экспонатом, который лучше не трогать. Некоторые говорят о несоответствиях и общей невероятности. Среди довольно логичных вопросов (которые начали задавать лишь в последнее время) есть, например, такой: как наблюдатель может в подробностях видеть гениталии обоих людей во время сношения в позе «мужчина сзади»? Слышатся отголоски собственного детства Фрейда над кузницей. «Перед нами биография или автобиография?» – спросит критик. Но в психоанализе не существует однозначных ответов. Какой бы ни была истина, неспециалисту невероятное тройное сношение и очень хорошо заметные гениталии чем-то знакомы. Именно так все происходит в порнографии.

После исследования Волчьего Человека Фрейд написал очень мало статей, основанных на материале конкретных случаев. Он стал заниматься теоретическими утверждениями и предположениями. Ранее в 1914 году в статье «О нарциссизме» он рассматривал, что происходит, когда созревает младенческая любовь к себе. В 1915 году, когда была написана книга о Волчьем Человеке (правда, опубликована она была лишь в 1918 году), Фрейд сел за серию статей по «метапсихологии» (по его собственному выражению). Война зашла в тупик, и иногда, как он писал Саломе, он чувствовал себя

так же одиноко, как в первые десять лет, когда вокруг меня была пустыня; но тогда я был моложе и все еще был наделен неиссякаемой энергией и упорством.

Эта метапсихология, которой Фрейд посвятил больше десятка статей, была попыткой изучить мозг как абстракцию и создать общую теорию его деятельности. Таким образом, она знаменовала собой возвращение к той теме, которой Фрейд занимался, когда разрабатывал в 1895 году для Флиса схемы потоков психической энергии, а также писал странную последнюю главу «Толкования сновидений». В письмах содержатся намеки на новый «синтез», а сами статьи он писал по две в месяц и даже быстрее весной-летом 1915 года.

Возможно, он видел в них свой последний вклад, теоретическое завещание будущему. Кто знает, что будет после войны? А серия солидных статей, описывающих процессы, происходящие в мозге, и их отражение в неврозах и снах, поможет ему достичь бессмертия.

Фрейд написал запланированные двенадцать статей, уничтожил семь из них и

опубликовал пять. Самые значительные – три первые, «Инстинкты и их превратности», «Подавление» и «Бессознательное». В рассуждениях видна старая схема мозга, разработанная на основе моделей девятнадцатого столетия, – машина, которая управляет стимулами или «возбуждением», поступающими из внешнего мира. В этих подробных статьях с обилием мыслей разобраться так же сложно, как в инженерных чертежах. В них описывается воображаемый механизм, в котором сознание защищается и старается избавиться от вредной стимуляции со стороны окружающего мира.

Нервная система – это аппарат, функция которого заключается в избавлении от достигающих его стимулов или снижении их до минимального уровня, или же такой аппарат, который, существуя он в реальности, поддерживал бы себя в совершенно нестимулированном состоянии.

Но неврологические предпосылки такого стремления к нирване неверны, и метапсихология Фрейда в действительности имеет мало общего с нервной системой и еще меньше – с психоаналитической практикой.

Почему были уничтожены семь статей, неизвестно. Эрнест Джонс впоследствии сожалел, что не спросил его. Лу Саломе спросила, уже после войны, и услышала в ответ, что метапсихология тогда еще не была написана, а «спорадический характер моих догадок» мешал этому. Это противоречило тому, что он говорил ей и летом 1915 года. Предположительно, Фрейд перестала удовлетворять эта концепция, и он решил, что не сможет переработать ее и исправить. Если он считал эти очерки своим последним словом в теории, он мог испытывать опасение перед их публикацией, потому что они отмечали бы завершение работы жизни. Согласно очередной числовой фантазии 1899 года на основе нового телефонного номера, шестьдесят второй год его жизни (начиная с мая 1917 года) должен был стать последним.

Фрейд снова остался в одиночестве. Война способствовала тому, чтобы этот мотив, который всегда присутствовал в его мыслях, взял свое. Сказывался и возраст. Дж. Дж. Путнам, американский психолог, который принял идеи психоанализа, но настаивал на его моральных ценностях, прислал ему копию своей книги, «Человеческие мотивы», летом 1915 года. В своем ответе от 8 июля, в четверг, где есть соответствующие случаю слова о религии и этике, Фрейд выражается как человек, который оглядывается на прожитую жизнь. Если ему суждено встретиться с Господом, «это мне нужно будет упрекать его, а не ему – меня. Я бы спросил его, почему он не дал мне лучшее интеллектуальное оборудование».

Его взгляды на личную этику были настолько же предсказуемы, как и у всех, и выражались одним предложением: «Я считаю себя высокоморальным человеческим существом, [которое] никогда не сделало ничего постыдного или злого». Он добавил, что имел в виду мораль социальную, а не сексуальную – как будто хотел признаться в чем-то. Впрочем, он этого не сделал.

Сексуальная мораль в глазах общества – и в наибольшей степени американского общества – кажется мне отвратительной. Я выступаю за гораздо более свободную сексуальную жизнь. Однако я мало пользовался этой свободой, если не считать того, что, как я считал, было позволительно в этой области.

Если признание скрывается за этим «как я считал», данные слова слишком неясны, чтобы можно было что-то понять. Фрейд приблизился к этой теме и тут же отступил. Интересно, что в неопубликованных заметках, явно написанных рукой Фрейда и описывающих серию его снов в ту неделю, упоминается «удачный коитус в среду утром», 7 июля, в связи со сном о Марте. Письмо Путнаму было написано на следующий день. Это два наиболее ярких документально зафиксированных случая, когда Фрейд говорил о своей интимной жизни, и оба они относятся к одним и тем же сорока восьми часам.

Значит, его половая жизнь еще не закончилась. На то не было причин, несмотря на его попытки утверждать обратное. Его трудовая деятельность была достаточно активной. Он практически не принимал в то время пациентов, и работа выражалась в написании статей и лекциях. Он дал две серии лекций в университетской психиатрической клинике в зимние

семестры 1915-16 и 1916-17 учебных годов аудитории из медиков и неспециалистов, где были, как Фрейд считал необходимым отметить, и мужчины, и женщины. Среди слушателей первой лекции в октябре 1915 года были две его дочери, Матильда и Анна, и студентка-медик Элла Хайм, которая собиралась выйти замуж за Оливера и стать первой невесткой Фрейда.

«Оливер, который в то время работал инженером на строительстве тоннеля в Карпатах, женился в декабре 1915 года. Его жена была из преуспевающей семьи и не собиралась отказываться от своей карьеры. Брак вскоре разрушился, и Фрейд убедил сына подать на развод.»

Лекции представляли собой переработку более ранних версий – «старый материал, который вызывает у меня отвращение», как Фрейд сказал Ференци, – но их приходили слушать иногда до сотни человек, что для Фрейда довольно существенно. Это навело профессора и его издателей на мысли о том, как использовать этот интерес. Позже материал вошел в два тома «Стандартного издания», то есть составил его двенадцатую часть. Как и «Лекции по введению в психоанализ», это остается самым доступным описанием работы Фрейда.

Возможно, сама ситуация в мире вызывала интерес к человеческой природе. Все новые ужасы войны были насмешкой над привычным оптимизмом по поводу «цивилизации» и «прогресса», преобладавшим до 1914 года. Мрачный мир фрейдистского бессознательного, населенный демонами, делал из Фрейда пророка. Не нужно было обладать большим воображением, чтобы перенести его слова с частной жизни на политику, когда он говорил в лекции о снах мести и смерти близких, «желаний, скрытых цензурой, которые будто поднимаются из реального ада».

Изолированный в Вене, Фрейд редко путешествовал, практически не виделся с наиболее близкими коллегами – Ференци, Джонсом, Абрахамом, Ранком – и узнавал о новостях движения только через письма. Активная корреспонденция с Ференци, который жил в Будапеште, рассказывала ему о мучительной жизни друга. Роман с Гизеллой Палос продолжался и во время войны. Ее дочь, Эльма, до сих пор нравилась ему. Она вышла замуж за американца, но все еще могла быть его любовницей.

Глуповатый Ференци старался смотреть на свои чувства хладнокровно, но сумел только окончательно запутать и себя, и всех остальных. Фрейду пришлось читать о том, как гадалка предсказала ему, будто он женится дважды; как у него заложило нос во время занятий любовью с госпожой Палос; как она сломала зонт – «симптоматическое действие», которое могло означать только то, что она не хочет выходить за него; как его беспокойство о женитьбе на женщине среднего возраста (они были любовниками с начала века) вызвало у него диарею. Он подробно рассказывал о связях с проститутками и сестрой Гизеллы. Он представлял вниманию учителя каждую мелочь. Если он менял какое-то слово во фразе о Гизелле, то тут же намекал, что это вычеркивание может быть важным расстройством репродукции.

Едва ли можно найти худший способ убедить человека в терапевтической ценности психоанализа, чем это печальное самопрепарирование одного из лидеров движения, который провел больше десяти лет пытаясь сделать свой выбор и втайне винил Фрейда в том, что его совет заставил его предпочесть старую женщину молодой. Фрейд отвечал на его письма кратко и прагматично, отказываясь «погружаться в твой самоанализ» – мудрое решение. «Нужно уметь, – писал он, – решить, любишь ты женщину или нет, даже если у тебя заложен нос».

У Фрейда хватало собственных поводов для беспокойства. Он писал Абрахаму, который теперь был вынужден служить военным хирургом, что стал «старым, довольно слабым и усталым» и «в основном отказался от работы... Я считаю, что уже сделал свое». Шестидесятый день рождения в мае 1916 года упоминался в газетах и принес ему целое море цветов. Тревога о сыновьях не отпускала его. В Карлсбаде, где он лечился на водах вместе с Мартой, «вместо дам в фантастических платьях были офицеры с железными крестами».

Недостаток продуктов и снижение уровня жизни вызывали у него пессимистические мысли. В 1916 году до него дошло одно из писем Джонса, где он сообщал новости: купил коттедж в деревне («построенный в 1627 году») вместе с мотоциклом с коляской. Фрейд принял «мотоцикл» за автомобиль и передал новость Ференци со вздохом: «Англия по-прежнему счастлива... Как будто это не конец войны».

«В 1917 году от Джонса пришли очередные новости. Сначала он бросил Лину, бывшую служанку Лоу Канн, с которой до того жил. Затем он женился на талантливой валлийской музыкантке, двадцатипятилетней Морфидд Оуэн, которая начинала завоевывать известность как композитор. Кроме того, она была очень религиозным человеком. „Он считает себя переродившимся“, – сообщает Фрейд Абрахаму. Действительность была более тревожной Джонс считал, что сможет поставить свои потребности выше талантов и религиозных убеждений жены. Их брак был очень бурным и закончился трагически.»

Летом 1917 года Фрейды отправились в Татры в Словакии, где у Ференци были родственники, и Фрейд смог «купаться в обилии хлеба, масла, колбасы, яиц и сигар, словно вождь первобытного племени». Там были даже грибы, которые можно было собирать; иногда, говорил Фрейд, он мог на целых полдня забыть о войне. Как раз перед отъездом из Вены его сестра Роза Граф, овдовевшая еще до войны, узнала, что ее единственный двадцатилетний сын Герман убит на итальянском фронте. «Ее горе, – сказал Фрейд, – невозможно описать».

Тем летом в Австрии был очень плохой урожай. Англия наконец начала справляться с немецкими подлодками, и угроза голода отошла от британцев. Соединенные Штаты вступили в войну в апреле 1917 года. «Наше будущее очень туманно», – писал Фрейд.

Беспокойство по поводу денег, остававшееся актуальным даже тогда, когда Фрейд преуспевал, теперь обострилось, потому что пациентов становилось все меньше, а цены росли. Начались разговоры о Нобелевской премии. Фрейд утверждал, что хотел бы получить ее только из-за денег. «Мое умственное состояние», – как он иронически писал Абрахаму, требует от меня срочного заработка для семьи в качестве удовлетворения своего хорошо известного отцовского комплекса. В таких обстоятельствах, совершенно против моей воли, я начинаю надеяться на Нобелевскую премию.

Едва ли он был совершенно равнодушен к почестям, и тон его писем двусмыслен. «Было бы смешно ожидать знака признания, когда семь восьмых мира настроены против тебя», – говорит он Ференци. Премии ему не досталось. Когда он писал о «гневе и брюзжании» на времена, о своей «бессильной горечи», возможно, это отражало его страх не только перед приближающейся смертью, но и перед тем, что его слава, которой он добивался столько лет, бледнеет.

В небольшой статье, написанной в 1917 году для венгерского журнала «Трудность на пути психоанализа», Фрейд рассматривал «три серьезных удара», которые наука нанесла человеческому тщеславию: космологический, который лишил нас места в центре вселенной; биологический, который продемонстрировал наше происхождение от животных; а теперь еще и психологический, «вероятно, наиболее болезненный», который подчинил наш разум медлительному бессознательному и таким образом показал, что «наше 'я' не является хозяином в собственном доме». В этом кратком очерке, написанном для неспециалистов, Фрейд как бы небрежно сделал одно из главных заявлений на всемирную славу.

Он назвал Коперника тем, кто нанес первый удар, Дарвина – второй, а сам Фрейд (несмотря на скромное приписывание этой заслуги в последнем абзаце Шопенгауэру, «бессознательная 'Воля' которого эквивалентна психическим инстинктам психоанализа») – третий. Абрахам хитро говорит о «вашем коллеге Копернике». Фрейд ничего не признает, но и ничего не отрицает:

Вы правы, когда отмечаете, что этот список [в очерке] не может не создать впечатления, что я претендую на место рядом с Коперником и Дарвином. Однако я не хотел пренебрегать интересной идеей из-за подобных ассоциаций и поэтому так или иначе вывел на передний план Шопенгауэра.

Мир по-прежнему относился к психоанализу с опаской. Этот метод часто воспринимали как эксцентричный культ, как описывали его противники. Фрейд всегда боялся последователей, которые могли бы загрязнить движение, не потому, что они могли оказаться еретиками, как Адлер или Юнг, а потому, что они могли быть психически неуравновешенными или в каком-то смысле неполноценными. Отто Гросс, который давно ушел из психоанализа, был одной из таких неудач. Штекель-хулиган, исключенный еще до войны, тоже не подошел, равно как и Виттельс, поскольку они были ненадежными.

Георг Гроддек, который появился на горизонте в 1917 году, завоевал доверие Фрейда как единомышленник, эксцентричный, но надежный. Это был немецкий врач, физиотерапевт и массажист, увлекшийся психоанализом. Под его началом была клиника в Баден-Бадене. Он называл себя «диким аналитиком» и ухитрялся сидеть у ног Фрейда и в то же время иметь мистические взгляды. Из-за своего добродушия и неамбициозности он едва ли мог причинить какой-то вред. Ему был пятьдесят один год, когда летом 1917 года он представился Фрейду в длинном письме. Он тут же выразил свою идею-фикс: тело и разум неразличимы и управляются силой, которая «существует в нас, пока мы считаем, что живем»; он назвал ее «Оно», по-немецки «Id».

Его взгляды могли найти отражение в клинической медицине, поскольку это означало, что физические заболевания имеют психическое происхождение не в том ограниченном смысле, как считал Фрейд, когда, например, истерическая реакция могла вызвать кашель или хромоту, но в более широком плане. Это была преувеличенная версия «психосоматики», этой недоказанной отрасли медицины.

Когда у человека дурно пахнет изо рта, его бессознательное не хочет, чтобы его целовали... А когда его рвет, он хочет избавиться от чего-то вредного... а когда кто-то теряет зрение, он просто слишком сильно подчинился «Id», в привычках которого не замечать большинства вещей.

Фрейд мягко упрекал Гроддека за то, что он пытается «одушевить природу» мистическими идеями, отмечая, что «ваша позиция по вопросу распределения соматического и психического не совсем наша», и тем не менее приветствовал его в своем кругу.

В то же время сам Фрейд занимался с Ференци проблемой разума и материи – это было развитием их общего интереса к телепатии – и надеялся доказать, что бессознательные идеи могут влиять на биологическое развитие. Ференци вроде бы искал доказательства процессов, о существовании которых Фрейд предположил в «Тотеме и табу». Он говорил об этой работе Гроддеку летом того же года, выражая свое мнение о том, что «акт бессознательного оказывает интенсивное и решающее воздействие на соматические процессы, в отличие от сознательных актов». Невозможно понять, что он имел в виду – если, конечно, он сам это знал.

Он сообщил Абрахаму в ноябре 1917 года, что хотел бы рассмотреть с точки зрения психоанализа адаптацию, теорию Дарвина о том, как организмы изменяются и приспосабливаются к своему окружению. Фрейд считал, что это «станет завершающим штрихом психоанализа». Великий замысел не был осуществлен. Связь разума и материи осталась для Фрейда такой же таинственной, как и для Гроддека.

Зимняя нехватка пищи и топлива в Вене становилась все серьезнее «Блокада союзниками Центральных сил имела после 1915 года серьезные последствия. Недостаточное питание вызывало эпидемии и даже повлияло на вес младенцев при рождении. В одной только Германии во время войны три четверти из миллиона штатского населения погибли от голода.». В конце 1917 года Фрейд был усталым и подавленным. На фотографии, которую он послал Абрахаму, видно, как он постарел. Последний вариант невроза, связанного с датой смерти, утверждал, что его жизнь закончится в феврале 1918 года, за три месяца до

шестьдесят второго дня рождения.

В тот же месяц в другом письме Ференци Фрейд отмечает, как на него подействовал недолгий период отказа от курения:

Я был ворчливым и усталым, у меня были сердцебиения и увеличились болезненные опухоли десен (карцинома? и т. д.)... Потом один пациент принес мне пятьдесят сигар, я закурил, повеселел, и раздражение десен моментально спало! Я бы не поверил, если бы это не было так заметно. Совершенно по Гроддеку.

На некоторое время об опухолях больше речь не заходила.

В январе 1918 года ежедневный мучной рацион был снижен с двухсот граммов до ста пятидесяти. Картофель был на вес золота, варенье варили из репы, самые бедные уже начали есть кошек и собак. В доме 19 по улице Берггассе жили сравнительно неплохо, благодаря пациентам и друзьям. «Мы живем на приношения, как семья врача в старые времена», – писал Фрейд Абрахаму вместе со списком необходимых продуктов, где сигары стояли на первом месте, а после них шли мука, жир и бекон. Но мяса ему не хватало – «я всегда был хищником», – и он винил в своей апатии питание. В Вене не хватало всего, в том числе топлива. Приходилось довольствоваться низкокачественным коричневым углем и рубить на дрова заборы. Электричество часто выключалось, трамваи почти не ездили, а по ночам квартиры освещались очень слабо или были погружены в полную темноту. Неубранный снег, покрытый сажей, громоздился на улицах. В начале одного январского письма Абрахаму Фрейд приписывает: «Дрожу от холода». Пришел и ушел февраль, а потом и май. Фрейд пережил свой шестьдесят второй день рождения.

Октябрьская революция большевиков в 1917 году успешно вывела Россию из войны, но Центральным силам не удалось этим по-настоящему воспользоваться. Немецкие и австрийские войска вторглись в новое коммунистическое государство (Вена мечтала о поездах с украинским зерном, которые так и не пришли), и землевладельцы на оккупированных территориях России смогли прожить немного дольше.

Имение Волчьего Человека находилось под Одессой, на Черном море. Когда весной 1918 года туда прибыли австрийцы, Панкеев, земли и состояние которого пока не тронули, попросил разрешения привезти жену в Вену, потому что она была больна. Он обратился к другу, профессору Фрейду, за справкой. В конце концов Волчий Человек попал на Запад и после войны даже прошел несколько сеансов анализа на Берггассе. Россию он больше не увидел.

Летом 1918 года Фрейд снова нашел спасение в Татрах. Его приободрил богатый венгерский благодетель, который собирался оказать денежную помощь движению, Антон фон Фройнд. Когда-то Фрейд анализировал его жену. Это был «человек, которого надо было бы придумать, если бы он не существовал», как писал оттуда Фрейд. Фон Фройнд («доктор философии и пивовар»), которому было под сорок, перенес операцию по поводу рака яичек, затем лечился у Фрейда из-за возникшего невроза, а после этого решил одарить все психоаналитическое движение. В Будапеште он собирался организовать институт, а в Вене – финансировать издательство.

Фрейд в сопровождении своей «маленькой дочки» (Анне было двадцать два) побывал на вилле Фройнда, перед тем как отправиться в горы, и работал там над новым изданием «Толкования сновидений» – уже пятым. В предисловии он пишет, что не мог заставить себя внести в книгу серьезные изменения, боясь разрушить ее «исторический характер». Это была часть его автобиографии. Нефрейдистское заявление о том, что «мы считаем детство счастливым, потому что дети не знают сексуальных желаний», идет сразу же после воспоминаний о маленькой Анне, которой снилась земляника. Впоследствии оно было снабжено сноской с противоположным мнением, но само осталось нетронутым.

Приближалась очередная зима, и война подходила к концу, хотя очень немногие ожидали, что она закончится так быстро. В сентябре Фрейд и его основные последователи провели первый съезд в военное время. Он прошел в Будапеште при небывалой поддержке властей. Масштабы военного невроза и шока от снарядов заставили армейских чинов

задуматься о природе «симуляции». Некоторые военные применяли концепцию Фрейда о «бегстве в болезнь», спасении с помощью невроза от невыносимой ситуации, к поведению на поле боя. Поэтому Будапештский съезд получил одного австрийского генерала, двух чиновников из военного министерства Берлина, радушный прием и банкет.

Месяц спустя Центральные силы распались, подрываемые изнутри беспорядками среди гражданского населения. На Западном фронте немецкая армия отступала перед союзниками. Вена беспомощно наблюдала. Венгры, богемцы, сербы, хорваты и другие подданные Австрийской империи неожиданно отделились. Италия, старый ненавистный враг с юга, разбила с помощью союзников австрийскую армию и захватила сотни тысяч военнопленных (лейтенант Мартин Фрейд был среди них). Триест с 3 ноября снова стал принадлежать Италии.

Остатки австрийской армии начали распадаться. Целые поезда беглых солдат прибывали домой в Вену, разочарованные, но все еще с оружием. Габсбургская империя прекратила свое существование, как и габсбургская династия, правившая более шестисот лет. Франц Иосиф умер в 1916 году, по поводу чего Карл Краус отметил, что он может поверить в смерть императора, но никак не может убедить себя, что тот когда-то жил. Его преемник, император Карл, исчез. Фрейд утверждал, что чувствует в связи с концом старой Австрии только облегчение, добавляя в письме Ференци, что «Габсбурги оставили после себя только кучу дерьма». По улицам ходили вооруженные толпы с красными флагами. Однажды, когда Фрейд с дочерью Матильдой гуляли всего в двух кварталах от Берггассе, они ненадолго попали под обстрел.

Приблизительно за день до того, как 11 ноября наступило общее перемирие по условиям союзников, от Джонса пришло письмо, написанное за пять недель до этого. Фрейд узнал, что Морфидд Оуэн, его «дорогая жена», с которой он прожил девятнадцать месяцев, умерла. Несчастьям Джонса с женщинами, похоже, не было конца. Эти события, о которых он не рассказал Фрейду, отдавали мелодрамой, так же как и многое в жизни Джонса. Морфидд заболела, когда они в конце августа отдыхали в Южном Уэльсе. Местный хирург прооперировал ее по поводу аппендицита, причем Джонс, скорее всего, играл роль анестезиолога. Ей было двадцать семь лет. Некоторые факты позволяют предположить, что сначала Джонс считал симптомы психологическими. Он написал, что ее смерть вызвана «замедленным отравлением хлороформом». Заключение о смерти делали больше двух недель, и несмотря на то, что вскрытие не показало ничего криминального, и на очевидное горе Джонса, начались сплетни, которые существуют по сей день. В письме Фрейда с соболезнованиями, датированном 10 ноября, говорилось, что «годы жизни вдали не изменили мое отношение к тебе».

Нужно было восстанавливать многие контакты, но Австрия долгое время оставалась в стороне от событий, изолированная и обнищавшая. Прошел почти год, пока Джонс получил разрешение приехать в Вену. Приблизительно столько же пришлось ждать Фрейду, чтобы увидеть своего старшего сына. Друзья убеждали его переселиться в более спокойное место, и он нанял учителя английского, чтобы «освежить свой английский», подумывая о том, чтобы отправиться в Англию, как только получит разрешение.

Английский пригодился ему и в Вене, откуда он все-таки не уехал, потому что австрийская валюта начала обесцениваться, и единственными выгодными пациентами были те, кто мог платить фунтами, долларами и швейцарскими франками. В основном это были англосаксы. Сбережения среднего класса испарились. Фрейд утверждал, что потерял огромную сумму.

Фрейд не мог оставаться платежеспособным и процветающим, и это очень ранило его самолюбие независимо от того, что стало тому причиной. На знаменитого родственника в тяжелое время полагались многие иждивенцы. К ним относились сыновья, которые искали работу, дочь Анна, ее мать, Минна, овдовевшие сестры Роза и Паула, незамужняя дочь Дольфи. Помощь другим в таких масштабах превышала его возможности.

Эли Бернейс, нелюбимый шурин из Нью-Йорка, находил возможность передавать им

существенные суммы. В письмах Фрейда манчестерскому племяннику Сэму после войны несколько раз упоминаются подарки Эли, причем Фрейд всегда подчеркивает, что они достаются «женщинам» или «неработающим» членам семьи. Фрейд не хотел, чтобы выглядело так, как будто он живет на пожертвования шурина. Его нелюбовь к Эли, которому он был обязан, когда был молод, беден и влюблен в Марту, длилась все эти годы, и неверность Эли жене только усугубляла это чувство. Когда он послал пять тысяч долларов в детский дом Вены, Фрейд назвал это «хорошим способом оплатить долги друзьям, когда он уехал из Вены, обанкротившись». Когда жизнь Фрейда стала лучше, он писал: «Я рад сообщить, что никто из семьи больше не зависит от скудных и нерегулярных субсидий Эли». Фрейд умел таить зло на людей. Они так и не помирились до смерти Эли в 1923 году.

Сын Эли, Эдвард «Эдвард Л. Бернейс, консультант по рекламе, был пионером маркетинга, который использовал в своих кампаниях психологию не менее умно, чем психоаналитик. Для первой кампании, направленной на то, чтобы сделать более приемлемой нью-йоркскую пьесу о венерических заболеваниях, он создал фонд по поддержке полового воспитания и подарил влиятельным жертвователям билеты на премьеру. Язвительный Джонс описал его Фрейду как „американского жулика, совершенно беспринципного“. Бернейс умер только в 1995 году в фантастическом возрасте сто три года.», завоевал благосклонность «дяди Зиги», устроив публикацию «Лекций по введению в психоанализ» и других работ в Америке. В конце концов Фрейд получил значительный гонорар. В ответ на это он сказал племяннику: «Ты – единственный из родственников, который хоть когда-нибудь, по крайней мере за последние много лет, оказал мне хоть какую-то услугу».

Это, в свою очередь, было нечестно по отношению к племяннику Сэму, который постоянно присылал посылки из Манчестера на Берггассе в течение труднейших двух лет, последовавших за войной. Хотя Фрейд настаивал на том, чтобы заплатить за еду как только сможет, Сэм упорно отказывался от денег. В Манчестер прибывали списки необходимых вещей:

Марте больше всего нужны: молоко, мясной экстракт, кофе, овес и такие специи, как белый перец и корица. Я очень люблю сыр... все, что в жестянках, очень хорошо; мармелад – тоже прекрасно, а вот тушенки здесь хватает.

Победители считали Вену, которая находилась в полутора тысячах километров от Лондона, далеким городом, который сам виноват в своих несчастьях. Цивилизация пришла в упадок. Все работало плохо. Предприимчивые иностранцы ходили по гостиничным коридорам в поисках людей, которые хотят продать свои драгоценности.

Фрейд был избавлен от самых унижительных поступков благодаря пациентам с твердой валютой. Возможно, ему приходилось сидеть в кабинете в пальто и шляпе, чтобы не замерзать, – а женщина, которую он анализировал в 1920 году, вспоминает, что у него не отапливалась квартира, а в кранах не было горячей воды, – но за границей в банках у него постепенно накапливались фунты и доллары. В то время как бедняки довольствовались брюками из мешковины, Фрейд писал Сэму (22 февраля 1920 года), чтобы тот выбрал для него ткань из мягкой шотландской шерсти тона, который советует Марта, – «перец с солью, или мышино-серый, или *tete de negre*», – чтобы он мог заказать себе на весну костюм. «Я, – добавляет он, – собираю иностранные деньги в Амстердаме, чтобы заплатить за это».

Джонс слал ему письма, полные ободрительных банальностей, и пациентов. Наука – это скала. Она может выдержать штормы. Фрейд цитировал поэта Клоу: «Но на западе, взгляни, земля светла!» По его совету Джонс в 1919 году снова женился – на привлекательной молодой интеллектуалке из Вены, Катарине Йокль, меньше чем два месяца спустя после того, как их представили друг другу в Швейцарии, – и жил с ней счастливо до конца дней, наконец исправившись. Вскоре он уже занялся восстановлением организации в Европе и Америке.

Комитет образовался снова. Гизелла Палос получила развод, и Ференци на ней женился. Ее бывший муж скончался на месте от сердечного приступа в день свадьбы. «Что-то демоническое, в духе Гроддека», – предположил Фрейд.

Старая жизнь возобновилась. В условленные часы на Берггассе приходили пациенты. У Фрейда появилось и новое занятие: в тайне практически от всех по вечерам он начал анализировать свою дочь Анну, все больше вовлекая ее в свою жизнь.

Когда старость – теперь уже настоящая, а не воображаемая – начала брать свое, он сохранял холодную стойкость лидера, долг которого – выжить. Слухи, появившиеся в Америке в 1919 году, о том, что его вынудили покончить с собой, раздражали Фрейда. Его жизнь еще не закончилась!

Глава 26. Тяжелые времена

Ни один психоаналитик как в Вене, так и во всем мире не мог сравниться с Фрейдом по репутации и авторитету. Еще до войны он начал расширять психоаналитическое движение, и вскоре его теории стали разрабатываться другими, причем не всегда так, как предполагал он. Но пока его слово оставалось законом. Фрейд не терпел инакомыслящих и правил единолично.

Венские коллеги были ему обязаны еще больше, чем остальные, из-за денег, потому что время от времени у него появлялись пациенты с твердой валютой, которых он передавал им. Среди нуждающихся был «маленький Ранк», приближенный, который знал свое место. Фрейд не раз хвалил его в письмах другим единомышленникам: «незаменимый помощник», «всегда верный», ученик, «который неизменно честен». Ранк большую часть войны был редактором военной газеты, где в основном высмеивал британского премьер-министра Ллойда Джорджа. Годы войны закалили его, и взгляд за толстыми стеклами очков был не так уж мягок. Тем не менее он оставался бедным, и теперь, вернувшись в Вену, он вошел в список любимых аналитиков Фрейда, которые иногда получали в пациенты американца-другого.

Венских пациентов хватало, но даже если Фрейд брал с них сотни крон в час, обесценившаяся валюта стоила очень мало. Американцы платили настоящие деньги – по десять долларов наличными. Движение нуждалось в средствах, особенно для финансирования книг и журналов, а Фрейд был единственным человеком, способным добыть эти деньги. Обещанное богатство от Антона фон Фройнда, венгерского благодетеля, уменьшилось до более скромной суммы, отчасти из-за инфляции, отчасти потому, что в начале 1920 года Фройнд заболел раком. Но это было лучше, чем ничего.

В Вене росло новое поколение аналитиков, которые, как и их предшественники, считали Фрейда «отцом» и руководителем. Среди них был Вильгельм Райх, один из самых своеобразных врачей столетия. В то время он был молодым и бедным студентом-медиком; не находящий покоя человек, который увидел в работах Фрейда подтверждение своей идеи о том, что мы постоянно обманываем себя. «Человек бежит от самого себя!» – записал он в своем дневнике в июле 1920 года.

Все ложь – даже самая лучшая, самая искренно желаемая правда. 22.30. Ветер снова воет – нет, это трамвай! Что сейчас происходит в Вене: люди напиваются, их тела дико переплетаются, везде, от нижнего этажа до крыши – хочу ли я этого тоже? Да или нет?

Родившийся в 1897 году в зажиточной еврейской семье в Галиции, Райх был так же навязчиво увлечен сексом, как когда-то Фрейд, но, возможно, получил его слишком много, в то время как проблемой Фрейда было обратное. Личная жизнь Райха была несчастливой. Еще в детстве он участвовал в настоящей эдиповой драме с настоящим сексом и настоящей смертью. Он подсматривал за матерью, которая занималась любовью с его учителем, и сам желал ее; после этого отец, чрезвычайно ревнивый человек, заставил сына предать ее, а мать после этого покончила с собой, выпив отбеливатель. Все еще обучаясь медицине после войны, он посетил Фрейда и был им очарован, обнаружив, что все его слова и действия «пронизаны легкой иронией», и стал практикующим аналитиком еще до того, как получил диплом врача.

Вскоре его начали опекать. «Я по-настоящему живу, – сообщает он своему дневнику в

январе 1921 года, – у меня два платежеспособных пациента, которых мне прислал сам Фрейд!» До того как проявились его радикальные идеи о роли оргазма, его считали прекрасным, хоть и нетрадиционным, приобретением для движения, «акулой в пруду с карпами», как он однажды выразился, но преданным учителю человеком.

«В 1934 году движение исключило Райха. В конце концов, разочаровавшись во Фрейде, он в 1939 году отправился в США, заработал там дурную славу как изобретатель „органного аккумулятора энергии“, кубика, который якобы концентрировал энергию из атмосферы и мог вылечить заболевания от обычной простуды и сексуальной импотенции до рака. Благодаря этим действиям он оказался в тюрьме, где и умер в 1967 году. „Общество вседозволенности“ шестидесятых годов провозгласило его знаменосцем сексуальности. Так Райх стал символом чувственных appetitов, за которые критиковали Фрейда, хотя тот никогда не поддавался им сам.»

Елена Дейч, первая «современная женщина»-аналитик, интересовавшаяся женской сексуальностью, тоже пользовалась покровительством основателя движения. Урожденная Розенбах (род. 1884), она тоже приехала с еврейского востока, из Галиции, а в 1913 году получила диплом врача в Медицинском институте Вены, где один из экзаменаторов был против, чтобы женщины посещали его лекции, и обращался к ней, если в этом возникала необходимость, «господин Розенбах». Елена и венский врач, за которого она вышла замуж, Феликс Дейч, вошли во внутренний круг Фрейда. Фрейд анализировал ее в 1918 году, перед тем как сделать аналитиком, и она влюбилась в него, что, собственно, и ожидалось от пациенток.

Важной чертой венского сообщества был его домашний характер. Фрейд нашел для мужа Елены место в английской миссии в Вене, что означало доступ к кофе и маслу. Вскоре Феликс стал личным врачом Фрейда. Когда у Фрейда появились проблемы со вздорным учеником, Виктором Тауском, который вернулся с войны с нарушенной психикой и умолял, чтобы его подвергли анализу, он отказался и передал Тауска Елене.

Тауск, беспокойная, но заметная личность, исчезнувшая из истории психоанализа, потому что его считали обузой, вскоре после этого, в июле 1919 года, покончил с собой, одновременно застрелившись и повесившись. Одной из причин, вероятно, было то, что Фрейд отверг его. Фрейд часто сталкивался с нездоровой зависимостью. Его реакция на смерть Тауска была выражена в письме Саломе, которая когда-то была любовницей Тауска. Фрейд выразился удручающе едко: «Признаюсь, я не скучаю по нему. Я давно считал его бесполезным и даже потенциально опасным». Фрейд всегда заявлял, что нужно смотреть правде в глаза, но это не делает подобную откровенность менее жестокой.

Герберт Зильберер стал еще одним аналитиком, порвавшим с Фрейдом – вероятно, потому, что стал на сторону осужденного Штекеля еще до войны. Когда в 1922 году он написал Фрейду с просьбой принять его, тот отказал. «Я больше не стремлюсь к личному контакту с вами», – содержалось в письме. Без сомнения, Зильберер тоже был нестабильной личностью, потому что вскоре по другим причинам повесился весьма необычным образом – так, чтобы его лицо освещала свеча и жена тут же увидела его, когда войдет. Но на заднем плане этой трагедии ощущается присутствие Фрейда.

Лица вокруг Фрейда, иногда дерущиеся друг с другом за его благосклонность, после войны уже не играли такой большой роли. У него оставалось для них меньше энергии, а вопрос о том, кто станет его преемником, был решен в пользу младшей дочери Анны. Она должна была стать не организатором и издателем – эти роли брали на себя Ранк, Эйтингон и Джонс. Фрейду к тому времени, как ему исполнится шестьдесят пять (это произошло в 1921 году), нужно было иметь рядом человека, который мог бы в настоящем и будущем стать «хранителем огня», фундаменталистом, цензором. Эту роль спустя много лет приняла на себя Анна, в начале двадцатых еще застенчивая молодая женщина.

Рядом с ним могла бы быть жена, пока тоже не состарилась бы, но Марта никогда не участвовала в его работе. Из всех детей лишь Анна интересовалась психоанализом – счастливая случайность. А может, и не случайность, потому что отец делал все возможное,

чтобы разбудить ее интерес, подталкивая ее к решениям, которые лишали молодую женщину личной жизни, заменяя ее профессиональной. Была ли вторая альтернатива лучше первой, неизвестно, но очевидно, что Фрейду нужно было именно это.

В письме Саломе в марте 1922 года, написанном, когда Анна уезжала из Вены на одиннадцать дней, чтобы навестить родственников в Гамбурге и Берлине, он признается, как скучает по ней, и добавляет, что уже давно жалеет ее из-за того, что она «все еще сидит дома с нами, стариками»; потом он сознается в своей сильной потребности:

Если бы она действительно ушла, я бы чувствовал себя так же одиноко, как сейчас, и так же, как если бы мне пришлось бросить курить! Пока мы все вместе, этого не осознаешь, по крайней мере, мы этого не осознаем.

Эти «конфликты неразрешимы», по выражению Фрейда, и поэтому «хорошо, что жизнь рано или поздно кончается». Это был намек на то, что до его смерти ничего не изменится и контракт Анны не будет расторгнут, пока он жив.

Фрейд старался показать людям, что беспокоится о ее благополучии. Он сообщал Сэму Фрейду в ту неделю, когда Анне исполнилось двадцать шесть (в декабре 1921 года), что она – «само благословение», если не считать того, что она «все еще дома», то есть не замужем. Возможно, он сочувствовал Анне, но тем не менее ничем не стремился ей помочь.

Частью процесса был психоанализ Анны, который проводил сам отец. Он начался в октябре 1918 года, как раз перед окончанием войны, и продолжался три с половиной года. Это «кровосмесительное» занятие не сочеталось с собственной версией идеальной терапии Фрейда хотя бы потому, что их отношения в реальной жизни смешивались с отношениями во время анализа. Как мог сформироваться образ отца, если человек, сидящий у изголовья кушетки, уже был ее настоящим отцом? Будучи основателем теории, Фрейд, конечно, был волен поступать так, как ему вздумается, но он занимался этим тайно, и очень немногим было известно, что он анализирует собственную дочь. Они оба говорили об этом только в очень тесном кругу, и многие десятилетия этот факт не упоминался в опубликованных материалах, в том числе и в биографии Джонса.

Этот анализ, а также второй, который начался в 1924 году, рассказал Фрейду о «подавляемой генитальности» Анны и о том, как ей сложно освободиться от него. Он написал об этом Саломе, которая стала не только его другом, но и подругой Анны. У его дочери были фантазии о том, что ее бьют. Это предположение основано на статье, которую Фрейд написал в 1919 году, под названием «Ребенка бьют», и на статье Анны (с которой началась ее профессиональная деятельность в области психологии) «Фантазии и мечты о битье», написанной в 1922 году. Обе статьи описывают анонимных пациентов, но есть данные, что Анна является одной из пациенток в статье Фрейда и единственной героиней своей работы, написанной за полгода до того, как она начала исцелять других.

Молодая женщина описывает фантазии о мастурбации своему отцу – звучит довольно странно. Считали ли они, что это поможет ей преодолеть личные проблемы? Чему бы анализ ни научил отца и дочь, это или не остановило ее превращение в аскета, или укрепило ее в этом решении.

Небольшой список претендентов на руку Анны начинается с Эрнеста Джонса, который, вероятно, не слишком надеялся на успех. За ним последовал Ганс Лямпл, довольно бедный бородатый врач, который был школьным товарищем Мартина. Он фигурирует в истории о том, как в начале двадцатых годов Анна идет на новогодний бал. Они зашли в кабинет отца, тот дал им монетку на счастье и снова погрузился в свои бумаги. Бал в рассказе не описывается – эта история посвящена Фрейду.

Не сама Анна сделала вывод, что Лямпл ей не подходит, – ей помог в этом отец. Вместо того, чтобы родители следили за тем, кто может свратить их дочь, за ним следила сама дочь и передавала все отцу. Она писала Фрейду в июле 1921 года, что они с Гансом «часто вместе» в «дружеских отношениях», и это дает ей «ежедневные возможности убедиться в том, что мы правильно оценили его в прошлом году, и порадоваться этому». Ганс мудро отступил и женился на голландской женщине-психиатре.

Зигфрида Бернфельда, еще одного представителя нового поколения аналитиков (позже он развенчает идею «покрывающих воспоминаний»), тоже включали в число претендентов. Этот человек постепенно завоевывал известность, но с дочерью Фрейда не снискал успеха. Макс Эйтингон, член комитета с 1919 года, о котором ходили слухи, что он русский шпион, был на четырнадцать лет старше Анны, и она, по очень немногим свидетельствам, испытывала к нему очень теплые чувства. Но ее потенциал любви к мужчине был уже исчерпан.

Ее кузен Эдвард Бернейс, молодой американец, который как раз тогда изобретал рекламу в современном понимании, тоже фигурирует в этом списке. В 1920 году он путешествовал пешком по Европе. Утверждают, что они немного прошли вместе с Анной по Западной Австрии. Возможно, весь список женихов – за исключением Джонса, у которого была своя стратегия, – существует лишь для того, чтобы поддержать мнение о том, будто после 1918 года у Анны были хоть какие-то шансы выйти замуж.

Все ее братья и сестры состояли в браке. Бывший лейтенант Мартин Фрейд в декабре 1919 года женился на дочери адвоката, и тесть нашел ему работу в банке. Оливер, который женился и развелся во время войны, в 1923 году совершил вторую попытку, женившись на учительнице из Берлина. Уравновешенный Эрнст, архитектор, тоже женился на девушке из Берлина в 1920 году и, похоже, жил в большей гармонии, чем оба брата «Двое сыновей Эрнста Фрейда выросли знаменитыми людьми: Люциан стал художником, а Клеменс (его имя было переделано на английский лад, Клемент) – писателем и членом английского парламента.».

Их отец считал развод в семье отвратительным событием, и о первом браке Оливера в генеалогии Фрейда ничего не говорится. Брак Мартина длился до 1938 года, пока его измены не надоели жене Эсти и она не ушла от него. Их дочь, Софи, которая стала социологом, выражает предположение, что ее «целомудренный и аскетичный дед передал по наследству получение сексуального удовольствия своему старшему сыну».

«У Мартина был том работ отца в красивом переплете под названием „Vier Krankengeschichten“, или „Четыре истории болезни“, который начинался с анализа Фрейдом сумасшедшего судьи Шребера, но неожиданно превращался в альбом с пустыми страницами. Именно там Мартин прятал фотографии своих любовниц. Этот том сейчас принадлежит Софи Фрейд.»

Две сестры Анны вышли замуж еще до войны. У Матильды не было детей, потому что по соображениям здоровья ей пришлось прервать беременность еще в начале семейной жизни. Два сына Софи, Эрнст, родившийся в 1914 году, и Хайнц, родившийся в 1918 году, стали первыми внуками Фрейда. При рождении Эрнста Фрейд прислал Ференци открытку со словами: «Очень странно! Забытое чувство, уважение к чудесам сексуальности!»

Хотя он относился к маленьким детям строго и осуждал, когда их баловали, для Хайнца, похоже, было сделано исключение. Он называет его то «маленьким чертенком», то «самым смышленным и милым ребенком, какого я когда-либо видел». Мать Хайнца, Софи, умерла в 1920 году. Послевоенные эпидемии гриппа унесли миллионы людей во многих странах, и, возможно, она стала жертвой одного из вирулентных штаммов, «исчезла, – написал Фрейд, – как будто ее и не было».

Ее смерть в январе 1920 года, как считали некоторые приближенные Фрейда, повлияла на книгу, которую он написал в мае и опубликовал в том же году. Она называлась «По ту сторону принципа удовольствия». Это название было ироничным: за удовольствием скрывалась смерть. Одна из идей книги, рассматриваемая тщательно и логично, заключалась в том, что у нормальных людей якобы можно наблюдать примитивное психологическое «желание повторения», желание того, чтобы одно и то же происходило снова и снова. Фрейд убедил себя, что это говорит о бессознательном желании восстановить прежнее положение вещей. Поскольку жизни предшествует ее отсутствие, цель организма, таким образом, заключается в том, чтобы достичь неживого состояния.

«Итак, – писал Эрнст Джонс, объясняя это в своей биографии, – главной целью жизни

должна быть смерть», – а инстинкт жизни, или «Эрос», находится в постоянном и неразрешимом конфликте с инстинктом смерти. Эту идею последователи Фрейда приняли плохо. В частной беседе Джеймс Стречи назвал ее «жалкой путаницей».

Инстинкт смерти, возможно, был предложен Фрейдом из-за его эмоционального состояния: его обычный пессимизм, возраст и реакция на войну – все сыграло свою роль. Даже в самые счастливые моменты он был готов описывать реальность так, как ее видел. «Лучше... чтобы правду говорили психологи, – писал он, – чем если бы это осталось циникам». Смерть Софи, которая сделала 1920 год самым печальным периодом, была последней соломинкой, хотя Фрейд отрицал всякую связь между своей теорией и этой трагедией – едва ли он мог признаться в таком ненаучном поступке, – и утверждал, что инстинкт смерти уже был включен в черновой текст до того, как Софи умерла. Свежие данные свидетельствуют о том, что изменения в рукопись были внесены после ее смерти. Это было тяжелое время. Фрейд был полон меланхолии. Книга о смерти – естественное следствие.

Пациенты с фунтами и долларами были небольшим облегчением, дуновением свежего ветра из внешнего мира. Практика Фрейда осталась такой до конца его жизни. Многие пациенты были его «учениками», которые учились искусству анализа посредством того, что Фрейд анализировал их самих. Были это австрийцы или иностранцы, в них профессор видел скорее уже не источник новых идей, а достойных (иногда не совсем) мужчин и женщин, к которым он применял методы, к тому времени считавшиеся (по его мнению) совершенными.

Сразу же после войны он начал принимать людей, которые в прошлом не соответствовали бы его жестким требованиям. С одного дантиста из Нью-Йорка, которого передал ему Джонс, Фрейд брал только полцены – потому, что он был «только наполовину американец. На вторую – венгерский еврей». Этот дантист, как заметил Фрейд, не был особо умен, а фактически был «молодым ослом». Но «пять долларов – это семьсот пятьдесят крон!». До войны Волчий Человек платил сорок крон в час и считал, что это дорого. Теперь за сорок крон невозможно было купить даже дешевую сигару. Панкеев снова появился у Фрейда после войны, но его деньги ничего не стоили, а земля попала в руки большевиков. Фрейд лечил его бесплатно.

Англосаксы попадали к Фрейду со своими устоявшимися взглядами. Англичанам сама идея консультаций у бородатого профессора в Вене с сумасбродными теориями о сексе казалась восхитительно развращенной, и поначалу к нему обращались только самые самостоятельно мыслящие и эксцентричные люди.

Джеймс Стречи (его семья, в последнее время много обсуждавшаяся, была несомненно необычной и удивительно одаренной – биограф Литтон Стречи был его старшим братом) познакомился с работами Фрейда через Фредерика Майерса и Общество психических исследований в 1912 году. Ему был интересен психоанализ, насколько он смог его понять, и, поговорив с Эрнестом Джонсом, он решил стать врачом и записался в лондонскую медицинскую школу при больнице. Через три недели он бросил учебу, а в 1920 году решил направиться сразу в Вену, чтобы учиться у основателя движения.

Фрейд не возражал против аналитиков без медицинского образования и брал с него низкую цену, фунт в час вместо двух, договорившись с ним, что он останется пациентом в течение года. Стречи не испугался профессора и его плохо отапливаемого кабинета. Он писал брату Литтону в ноябре 1920 года где-то после месяца анализа:

Каждый день, кроме воскресенья, я провожу час на диване профессора (уже 34 дня) – и «анализ» кажется мне самостоятельной скрытой жизнью. Что касается самого процесса, он еще менее понятен, чем раньше; как бы там ни было, иногда это удивительно интересно, а иногда чрезвычайно неприятно – так что могу сказать, что в этом что-то

есть... В начале часа все смутно – темный намек здесь, тайна там, – но постепенно все сгущается, начинаешь чувствовать, как внутри тебя происходят страшные вещи, и ты не можешь разобраться, что же это такое; потом он начинает помогать тебе; ты неожиданно ярко что-то видишь; потом другое; и наконец перед тобой освещается весь путь; он задает тебе еще один вопрос, ты даешь последний ответ – и в момент полного озарения профессор поднимается, проходит по комнате к электрическому звонку и провожает тебя до двери.

Иногда бывало не так интересно, когда «ты лежишь целый час, как будто на живот тебе положили тонну груза, и просто не можешь выдавить из себя ни слова».

Фрейд, который с трудом понимал тихую английскую речь Стречи, был к нему расположен, так как Джонс подчеркнул, что этот человек из семьи литераторов может стать полезным в качестве переводчика. Чтобы представить работы Фрейда англоязычному миру, требовалось что-то лучшее, чем пересказы Брилла.

Джонс лучше чувствовал это, чем Фрейд, который иногда вел себя так, словно считал, что все переводы похожи друг на друга и его работы говорят сами за себя на любом языке. Когда Фрейд решил доверить работы для перевода первым попавшимся американцам, которых он анализировал, Джонс ужаснулся и прочитал ему лекцию по поводу того, как редко встречаются люди, умеющие правильно писать по-английски, «конечно, в Америке еще реже, чем в Англии». Джеймс Стречи был выбран Джонсом, а со временем с этим согласился и Фрейд.

Англоамериканская жена Стречи, Элике Саргант-Флоренс, на которой он женился незадолго до анализа, отправилась в Вену вместе с ним и после приступа «сердцебиений» присоединилась к мужу на кушетке, правда, в другое время. С ним Фрейд встречался по утрам, с ней – днем. Госпожа Стречи (которая стала переводить книги совместно с мужем) решила, что Фрейд – простой человек, либерально настроенный, но ортодоксальный, склонный к легковёрности. Эти уверенные суждения, иногда покровительственного характера, были очень свойственны супругам Стречи, которые вскоре перезнакомились со всеми фрейдистами Вены и Берлина. Анна Фрейд была провозглашена «сентименталисткой», Бернфельд – «безнадежным педагогом», Лямбль – «жестокосердным и эгоистичным зверем». Эрнест Джонс, который способствовал их вхождению во внутренний круг, получил характеристику «маленького животного».

Стречи без колебаний приписывали стереотипные характеристики своими полусутовыми и едкими словечками целым нациям. Типичный венец был «чрезвычайно провинциальным». Немцы как народ – «очень, очень бесхитростные», а в области культуры – «трижды идиоты». Вирджиния Вульф, еще одна звезда группы «Блумсбери», пренебрежительно относилась как к психоанализу, так и к психоаналитикам, хотя прогрессивное издательство ее мужа, «Хогарт пресс», вскоре начало публикацию работ Фрейда «Госпожа Вульф, прочитав редакторские гранки работы Фрейда „Навязчивые действия и религиозные практики“ – она вышла на английском в 1924 году, – уничтожающе написала другу об инциденте в брачную ночь с красными чернилами, которые муж пролил на простыни, „чтобы скрыть свою импотенцию перед служанкой, но сделал это не в том месте, что повлияло на мозг его жены – и до сих пор она проливает кларет на обеденный стол. Мы все можем говорить о таких вещах часами, а эти немцы думают, что это что-то доказывает – кроме их собственного идиотизма“». «Блумсбери» держались впереди, но у них было право «крутить носом». Английская интеллигенция двадцатых годов не сомневалась в своей значимости.

У Фрейда был двойной интерес к англоязычным странам: он стремился заработать их валюту и распространить там психоанализ, особенно в США. Великобританию он всегда очень любил, но понимал, что настоящий объект для завоевания находится за океаном. Презрение и отвращение, которое он часто выражал по отношению к американской культуре, вероятно, усиливалось еще и тем, что психоанализ легко там укоренился и его нужно поддерживать, несмотря на все его соображения по поводу нахальства и стремления

американцев к наживе. Кроме того, ему было неприятно, что он так нуждается в американских деньгах.

В октябре 1920 года он связался со своим племянником Эдом Бернейсом, предложив написать популярные статьи для ньюйоркского журнала, пользующегося неплохой репутацией, и дав не очень привлекательное название для первой статьи: «Не используйте психоанализ в полемике». Бернейс обратился в «Космополитан», и журнал предложил по тысяче долларов за статью, огромную сумму, если они будут написаны на тему «Психическое место жены в доме». Фрейд отказался. Под «популярными» он подразумевал статьи, предназначенные для образованных неспециалистов.

Приблизительно в это же время Сэм Фрейд в Манчестере, читая старый номер «Панча» в приемной дантиста, с «удивлением и радостью» увидел стихотворение о Фрейде и Юнге. Он отослал его дяде, но тот не порадовался. Стихотворение было весьма глупым. Популярность, вздохнул Фрейд, это угроза серьезным открытиям.

Тем не менее в зыбучих песках общественного мнения психоанализ начал занимать все более прочное место. Фрейд тут же согласился с предложением Бернейса, поступившим несколько лет спустя, о том, чтобы он возглавил «международную психоаналитическую организацию» с «научным фондом», в которую будут поступать желающие и распространять идеи психоанализа. К сожалению, люди не заинтересовались научными фондами. Они ждали от психоанализа другого.

«Чикаго трибьюн» в июне 1920 года предложила Фрейду двадцать пять тысяч долларов за психоанализ двух студентов, Леопольда и Леба, совершивших на шумевшее убийство четырнадцатилетнего мальчика, потому что, как утверждали, они считали себя «нищезанскими сверхлюдьми». Но в то время он в любом случае не мог принять это предложение из-за здоровья, и поэтому ему не пришлось раздумывать, поддаваться ли искушению получить сумму денег, которых бы ему хватило на долгую обеспеченную старость.

В том же году голливудский продюсер Сэм Голдвин предложил ему целое состояние (говорят, что эта цифра составила сто тысяч долларов), чтобы он участвовал в создании фильма о «великих любовных историях мира», начиная с Антония и Клеопатры. Несомненно, главным для студии являлось бы имя Фрейда на экране и в рекламе. В глазах публики, несмотря на все свои старания, Зигмунд Фрейд теперь оказался символом сексуальных откровений, слишком научным, но смелым и современным. Он отклонил предложение Голдвина.

На следующий, 1925 год немецкий режиссер Ганс Нойман попытался вовлечь его в съемки образовательного фильма о психоанализе. Фрейд совсем этим не заинтересовался и оставил переговоры Абрахаму, который в то время был президентом международной ассоциации. Научно-популярный фильм «Тайна души» был тут же сделан и показан в кинотеатрах. В рекламе сообщалось, что он снят «под руководством» Фрейда, что было совершенно неверно и чрезвычайно его раздражало. Джонс попытался запретить показ фильма в Лондоне, но безуспешно.

«Психоанализ привлекал кинематографистов из коммерческих соображений. Сценарий так и не снятого немецкого фильма того периода, „Сенсационные откровения о ночной жизни человеческой души“, был основан на хореографической версии „Трех очерков о сексуальности“ Фрейда, где должны были сниматься мальчик-звезда Джеки Куган в роли молодого Эдипа и „Тиллер Герлз“ в качестве эротических танцовщиц.»

Поскольку в это время имя Фрейда приобрело огромную известность, он стал и популярнее, и в то же время уязвимее. Репутация сделала его «новостью», объектом всеобщего внимания. В сенсационной истории американского пациента и его любовницы (доктора Горация Фринка и госпожи Анжелики Бижур) он едва избежал газетной шумихи.

Фринк, который в 1905 году закончил Корнеллский университет, начал работать психиатром, увлекся гипнозом и быстро перешел к психоанализу, став первым секретарем Нью-йоркского психоаналитического общества в 1911 году. Он и его жена, Дорис Бест, были

проанализированы на следующий год коллегой, доктором Тадеушем Х. Эймсом, и он собирался посетить Вену в 1915 году, чтобы анализ продолжил сам Фрейд. Война сделала это невозможным.

Эрнест Джонс сначала решил, что он «честный парень, но очень ограниченный», но тот в 1918 году опубликовал весьма полезную книгу о навязчивом поведении, и когда после войны психоанализу в США понадобился лидер, а особенно местный редактор международного журнала, популярность Фринка в нью-йоркском обществе – а также раздражавшая Фрейда привычка Брилла не отвечать на письма – сделала его серьезным кандидатом.

В феврале 1921 года он наконец отправился в Европу, чтобы подвергнуться анализу. Это был высокий и забавный человек, который провел в Вене несколько месяцев, оправдав надежды Фрейда. Его и избрали из всех кандидатов. Никого как будто не беспокоил этот империализм со стороны Вены. Фрейду было лучше видно. Одной из скрытых причин того, что он выбрал Фринка, возможно, была его старая предрасположенность выбирать неевреев в качестве миссионеров для англосаксов.

Фринк вроде бы имел небольшие психологические проблемы. За год или два до того он страдал от «токсических головных болей» и частичной потери памяти, а в Вене у него были проблемы со сном. Подробности этого анализа никогда не публиковались. Но он рассказал Фрейду о связи с замужней женщиной, Анжеликой Бижур, которая началась еще до войны, когда женщина стала его пациенткой. Фрейд посоветовал ему признаться в своих чувствах к ней, сказав ему (как он позже объяснил доктору Эймсу):

Я думал, что каждое человеческое существо имеет полное право стремиться к сексуальному удовлетворению и нежной любви, если видит способ получить их и не смог найти этого у своей жены. Когда он выразил неуверенность, мне пришлось стать на сторону его подавленных желаний и таким образом выступить защитником желания развестись и жениться на госпоже Б.

Муж Анжелики, Абрахам, был богатым бизнесменом из ньюйоркской семьи евреев-ортодоксов. У Анжелики Бижур были собственные средства. Они часто ссорились, как по поводу его неудачного исполнения супружеских обязанностей, так и из-за ее дружбы с Фринком, которая, как она утверждала, была совершенно невинна. Когда летом 1921 года анализ Фринка у Фрейда (за который платила она) подходил к концу, она приехала в Европу, чтобы увидеться с ним. По пути она остановилась в Париже, где в то время был ее муж. Она была с ним в постели в тот же день и еще несколько раз позже. Тадеуш Эймс, который теперь был аналитиком Абрахама – а также президентом Ньюйоркского психоаналитического общества, – знал все подробности. Анжелика, по некоторым данным, каждый из этих раз получила удовлетворительный оргазм. К тому же она подарила мужу жемчужные запонки стоимостью в пять тысяч долларов.

Затем госпожа Бижур отправилась в Вену, где присоединилась к Фринку, встретилась с Фрейдом и узнала от него, что Фринк действительно ее любит. Позже она говорила, что ее любовник, когда она приехала, страдал от депрессии. Фрейд, по ее словам, «посоветовал мне развестись, как из-за моего неполноценного существования, так и потому, что 'если я сейчас отвергну доктора Ф[ринка], он может никогда не вернуться в нормальное состояние и, вероятно, станет гомосексуалистом, хотя и скрытым'». Она утверждала, что восприняла некоторые из этих идей как «сумасшедшие галлюцинации».

Анжелика Бижур не представляется очень надежной свидетельницей, но очевидно, что и она, и Фринк считали, будто специалист рекомендует им развод и брак. К этому времени Фрейд уже избрал Фринка своим американским знаменосцем, поэтому был заинтересован в его выздоровлении. Будущее Фринка в движении, напомнил он Эрнесту Джонсу, «зависит от полной перемены в его личных делах, которую он собирается совершить, но в успехе которой еще есть сомнения».

Фринк и госпожа Бижур взялись за изменение своей жизни. Они поехали поездом в Париж, где Абрахам ждал жену на вокзале, подошли к нему с улыбкой и заявили, что хотят

пожениться. Затем все трое вернулись в Нью-Йорк на разных кораблях, и Абрахам обратился к своим адвокатам – похоже, его настроила на это семья. Он написал письмо Фрейду, которое так и не отправил, где спрашивал: «Великий Доктор, вы ученый или шарлатан?».

Впервые об этих осложнениях Фрейд узнал из письма Тадеуша Эймса в сентябре, который как врач врачу объяснил ему, что происходит, и предостерег, что адвокаты Бижур готовы «при достаточной провокации» передать историю в газеты и «совершить нападение на доктора Фринка и психоанализ». Бижур был готов дать жене развод, но хотел, чтобы Фринка исключили из нью-йоркского общества. Если его не исключат, писал Эймс, и история получит огласку, «газеты проклянут всех аналитиков Америки».

В Центральной Европе газеты и обманутые мужья вели себя по-другому. Фрейд написал вежливый, но возмущенный ответ, Обвиня американское «лицемерие и притворную мораль», и предложил нереалистичный выход: пусть нью-йоркские аналитики поддерживают Фринка в любом случае. Он провел грань между советом паре, которого он не давал, и помощью в том, чтобы признать реальное положение вещей, которую он оказал: «Для меня это была честная и серьезная любовь, противопоставленная расчету. На этом мой интерес заканчивался». Публика, признавал он, может и не уловить этой разницы.

Фрейд занимался казуистикой. Его взгляды на сексуальное поведение были всегда двусмысленными. Традиционная мораль и жизнь холостяка интересовали его в молодости, потому что проблемы холостяцкой жизни были все еще свежи в его памяти. Ему не нравились ограничения, но он не осуждал их. Позже у него появилась точка зрения, что цивилизация требует отказа от инстинктов. Без сомнения, это отражает тот факт, что он сам от них отказался. Но в глубине души он симпатизировал тем, кто использовал свои сексуальные возможности.

Желание Фрейда увидеть, как Гораций и его Анжелика сыграют свадьбу по любви, чувствуется во всей этой истории. «Госпожа Б. – сокровище для сердца», – пишет он Фринку 12 сентября 1921 года. «Награда стоит борьбы... Госпожа Б. станет прекрасной, когда будет счастливой». Абрахама он презрительно называл «знаменитым мужем госпожи Б.» (письмо Фрейда Джонсу от 6 ноября 1921 года).

Печальная история становится еще печальнее. Характер Фринка оказался более неустойчивым, чем Фрейд думал. Его жена писала ему трогательные письма, грустные, но не злые, которые он с тревогой показал Фрейду. Тот решил, что они «холодны и разумны» и после развода «она станет тем, чем была раньше». Фринк не был уверен, как лучше поступить, и просил Фрейда продолжить анализ. В это время в отдаленных штатах проходили разводы. Дорис Фринк с двумя детьми в Нью-Мексико сделала так, как ей посоветовали адвокаты господина Бижур. Возможно, к счастью для Фрейда, Абрахам на следующий год скончался от рака. Это событие «упростило положение дел [Фринка] и исключило все возможности скандала в добродетельной Америке» (письмо Фрейда Джонсу от 11 мая 1922 года).

Летом 1922 года Фрейд смягчился и позволил Фринку вернуться на анализ. Они с Анжеликой приехали в Берхтесгаден, где Фрейды проводили лето, и «иногда» Фринк получал час лечения. Фрейд не любил нарушать свой покой во время отпуска, но Фринк, избранный лидер движения в Америке и человек, заслуживающий того, чтобы быть счастливым, явно был особым случаем. В письмах Фрейда также улавливается мысль, что Фрейд надеется на некоторую часть денег Анжелики, которыегодились бы движению.

Когда Фрейды вернулись в Вену, Фринк и госпожа Бижур вроде бы поехали вместе с ними. Затем пара отправилась в Париж, чтобы начать приготовления к свадьбе. Фринк один вернулся в Вену, и с ним случилось нервное расстройство. Он вел себя агрессивно в гостинице, страдал от эмоциональных перепадов и галлюцинаций: ему казалось, что ванна – это могила. Фрейду пришлось найти человека, чтобы присматривать за ним. Когда приехала Анжелика, Фринк ударил ее. Несмотря на все это, в декабре они поженились и отправились на медовый месяц в Египет.

Но Фринк очень изменился. Его избрали президентом ньюйоркского общества (члены

которого практически не знали о происходящем) в январе 1923 года, когда он был все еще в свадебном путешествии. Вернувшись с рецензией на книгу, чернящей Брилла, он тут же создал проблемы. Бывшая миссис Фринк умерла в мае от пневмонии – ему не разрешили с ней повидаться, – и он начал ссориться с Анжеликой. К концу 1923 года он был слишком болен, чтобы работать, и не мог исполнять функции президента.

На следующий год он дважды лечился в психиатрической клинике Фиппса при университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. Анжелика решила развестись с ним. Он перерезал себе артерию и почти до смерти истек кровью. В конце концов он почти выздоровел и прожил еще двенадцать лет, скончавшись от сердечного заболевания в 1936 году, в возрасте пятидесяти трех лет.

В клинике Фиппса его лечил Адольф Мейер, известный психиатр, который эмигрировал в США из Швейцарии в 1890-х годах. Моралист цюриховского образца, который не испытывал симпатии к психоанализу, счел случай с Фринком отвратительным и в частной переписке писал о «так называемом американском лидере психоаналитической работы и его отвратительной жене», имея в виду Анжелику. Мейер решил, что и она, и Фринк «действовали под более или менее насильственным внушением Фрейда».

Без сомнения, Фрейд поступал так, как считал правильным, но, похоже, он, как часто бывало и раньше, использовал свои навыки и личный авторитет, чтобы убедить пациентов, что знает их мысли лучше, чем они сами. Он неправильно понял Фринка и госпожу Бижур. Его суждения кажутся поверхностными, как будто он не смог понять, что это реальные жизни, а не элементы очередного очерка. А когда драма закончилась, Фринк захотел покончить с собой, вот-вот должен был произойти второй развод, а бывшие супруги обоих уже умерли, Фрейд писал Джонсу 25 сентября 1924 года:

Какая польза от американцев, если они не платят денег? Они больше ни на что не годны. Моя попытка дать им лидера в виде Фринка, которая так печально закончилась, – последнее, что я для них сделал.

Это было написано после того, как Фрейд сам серьезно заболел, и не будем судить его строго. Он тоже очень изменился.

Глава 27. Рак

В течение полных событий и сложных послевоенных лет здоровье Фрейда не вызывало особого беспокойства. Он, как обычно, жаловался на старость. Два дня спустя после своего шестидесяти пятого дня рождения, в мае 1921 года, он писал Ференци, что 13 марта

я неожиданно шагнул в настоящую старость. С тех пор меня не оставляет мысль о смерти, а иногда появляется впечатление, что семь из моих внутренних органов спорят друг с другом, кому из них достанется честь закончить мою жизнь.

Ему не приходило в голову никакого объяснения этому, разве что маловероятное – Оливер как раз уезжал в Румынию. Десять лет назад он скорее проанализировал бы это чувство, чтобы определить его истоки. Теперь он просто принял его как должное. В том же месяце Георг Гроддек, который все еще занимался психологией болезней, пригласил Фрейда с Анной погостить у него в Баден-Бадене. Разумной причиной отказа, как ответил Фрейд, было то, что его летний отпуск уже спланирован.

Но настоящая причина иная. Потому что я утратил молодость... На самом деле в старости остается только одна потребность – отдохнуть. И здесь совершенно ясный расчет. Поскольку я не смогу собрать плоды этого дерева, к чему мне сажать его? Подло, но честно.

Такие намеки на смерть начали появляться, когда он в первый раз анализировал Фринка. Возможно, то, что сейчас кажется черствостью по отношению к Фринку и его делам, было просто усталостью. Но если здоровье Фрейда и ослабло, оно не было таким уж плохим, как он говорил. У него по-прежнему находились силы, чтобы принимать всех пациентов шесть дней в неделю – в июне 1922 года он писал Джонсу, что «девять часов [в

день] скоро будет для меня слишком много», – да и комитет с его соперничающими членами требовал внимания, хотя часто Фрейд уделял его с неохотой.

Последние десять дней длинного летнего отпуска в 1921 году Фрейд провел в рабочем отдыхе с комитетом в горах Харц в Северной Германии. Это был единственный раз, когда они отправились куда-то вместе. Абрахам, который знал эти места, играл роль проводника. Эйтингон, новый член, Ранк, Закс, Ференци и Джонс тоже были там. Они осматривали окрестности, гуляли (причем Фрейд, по словам Джонса, ходил «быстро и не уставал») и разговаривали.

Фрейд в то время в очередной раз увлекся оккультизмом и воспользовался случаем, чтобы прочесть коллегам статью, в конце концов получившую название «Психоанализ и телепатия», которую он написал тем же летом. Оригинальный текст Фрейда не имел названия. Статья была опубликована лишь после его смерти, и издатели дали ей поверхностное название, не соответствующее содержанию. В первый и единственный раз Фрейд обратился к телепатии.

Статья начинается со смелого заявления, что стимул к исследованию «психических сил, отличающихся от знакомого нам разума человека или животного» теперь «чрезвычайно силен». Это объяснялось послевоенным мнением, что жизнь на земле как бы обесценилась, и возникающим сомнением в научной однозначности, вызванным, например, эйнштейновской теорией относительности. Психоаналитику нужно быть настороже и не утратить свою беспристрастность. И тем не менее, по словам Фрейда, мало сомнений в том, что при рассмотрении оккультных феноменов «очень скоро мы придем к тому, что некоторая часть из них подтвердится». Какая именно, он не говорит.

Он упоминает о спиритизме и об угрозе психоаналитическим методам, которая возникнет, если так называемым «духовным существам» станут доступны «абсолютные объяснения».

Так что от методов анализа тоже откажутся, если будет надежна вступить в прямой контакт с действующими духами с помощью оккультных процедур – точно так, как человек готов отказаться от кропотливой и однообразной работы, если есть надежда разбогатеть в один прием с помощью удачной сделки.

Сделав шаг в неисследованном направлении, Фрейд тут же отступает, объявляя, что «мое личное отношение к этому материалу остается лишенным энтузиазма и двойственным», и остальную часть лекции обсуждает примеры предсказания будущего и передачи мыслей. Он забыл рассказать об одном эпизоде, который произвел на него впечатление «Этот эпизод связан с английским врачом Форсайтом, австрийским пациентом, который увлекался „Сагой о Форсайтах“ Голсуорси, и различными совпадениями имен и мыслей», и тут же обратил на это внимание своей крошечной аудитории, говоря, что это подтверждает, что «я обсуждаю тему оккультизма под давлением огромного сопротивления».

Фрейда не слишком беспокоили его размытые взгляды на оккультное. Еще три следующие статьи были посвящены этой теме и не содержали никакой конкретной информации. Нам приходится довольствоваться его замечанием, сделанным в 1933 году: «Возможно, у меня тоже есть тайная склонность к чудесам».

После отдыха в горах Харц комитет вернулся к своей задаче восстановления движения. Внутренний круг по-прежнему играл важнейшую роль, но психоанализ в общем приобретал более жесткую организацию. Вопросы, которые всегда решались в зависимости от личных предпочтений и необходимости подчиняться желаниям Фрейда, теперь требовали создания руководств или даже правил. Можно ли гомосексуалистам становиться членами обществ, входящих в международную ассоциацию? Вообще-то нет, потому что гомосексуализм – это невроз, который мешает лечению неврозов пациентов, хотя прямого отказа таким людям нельзя было давать. Стоит ли привлекать неспециалистов в аналитики? Ответ всегда был утвердительным, но американцы настаивали на наличии медицинского образования, и Фрейд ничего не мог с этим поделать.

Издательская организация психоанализа, «Internationaler Psychoanalytischer Verlag», созданная в январе 1919 года, была наиболее заметным отражением деятельности движения, а также основным источником неприятностей. Ее всегда называли просто «Verlag» (издательство). Оно было гарантией независимости Фрейда от капризов или жадности коммерческих издателей. Финансирование было проблематичным, потому что Фройнд, человек, который должен был давать на этот проект деньги, обеднел, а после скончался.

Управлять издательством таким способом, чтобы не ущемлять ничьих интересов, было сложно, и Фрейд, который не хотел заниматься производственными вопросами, оставил это другим, в первую очередь Джонсу и Ранку, а они никак не могли друг с другом поладить. Джонс, который издавал в Лондоне «Интернациональный журнал», обнаружил, что Ранк в Вене отменяет его указания или жалуется на «мусор из-за океана» – это возмущение показалось Джонсу нелепым. Когда-то он говорил Фрейду, правда, по другому поводу, что, хотя он отчасти понимает антиамериканизм, едва ли можно обвинять целую нацию, особенно такую, которая через пятьдесят лет станет «судьей всего мира». Фрейд оказался втянутым в споры, ругал Джонса за то, что он вмешивается, а потом вынужден был читать длинные оправдания, приходившие в ответ. Он не любил и не умел играть роль администратора, но так и не смог полностью отгородиться от дел издательства.

В его жизни больше не было обязанностей, которые раньше заставляли его двигаться от одной цели к другой. Он узнал, что такое колебания, связанные с пожилым возрастом. Его письмо Ференци перед конференцией 1922 года, которая должна была проходить в Берлине, звучит грустно и ностальгически.

Что – то внутри меня восстает против стремления продолжать зарабатывать деньги, которых никогда не хватает, и работать все теми же психологическими средствами, которые тридцать лет позволяли мне оставаться справедливым, несмотря на презрение к людям и этому отвратительному миру. Во мне возникают странные тайные желания -возможно, это наследие предков – жить на Востоке или Средиземноморье и вести совершенно другую жизнь: детские мечты, которые невозможны и не соответствуют реальности, как будто свидетельствуют о том, что моя связь с ней нарушена. Но вместо этого – мы встретимся на земле здравомыслящего Берлина.

Во время летнего отпуска в пансионе «Мориц» в Берхтесгадене, где Фрейд готовил лекцию для конференции в сентябре – чередуя это с анализом Фринка, – он узнал, что дочь его сестры Розы, Цецилия, которую называли Мауси, убила себя передозировкой веронала «Роза оказалась самой несчастливой из сестер и братьев Фрейда. Она потеряла мужа до войны, сына – во время войны, а теперь и дочь. Она прожила еще двадцать лет и была убита в фашистской газовой камере.». Ей было двадцать три, она была не замужем и беременна. В письме Сэму Фрейд упоминает о романе, который не удался, но похоже, как будто всему виной он считал плохие отношения дочери с «тетей Розой». Возможно, Фрейду не рассказали всей правды, зная, как он относится к семейным скандалам.

В Берлине собралось около двухсот пятидесяти психоаналитиков и заинтересованных лиц, чтобы, как обычно, посетить лекции, посплетничать, посидеть за столом. Приехало меньше десятка американцев, среди них Фринк и госпожа Бижур, которые в любом случае были в Европе. Американский психоанализ становился самодостаточным и процветающим и не нуждался в руководстве из Европы – или, как выразился Фрейд, увлекся успехом и деньгами.

Его лекция была посвящена еще одному уточнению к общей теории, «метапсихологии», – как оказалось, последнему, – которое добавило новые абстракции к сложной схеме психоанализа. Полный отчет появился в апреле 1923 года под названием «'Я' и 'Оно'».

На немецком языке название звучало как «Das Ich und das Es». «Оно» – это термин, использованный впервые Гроддеком для обозначения неизвестной части человека, силы, которая «управляет нашей жизнью, в то время как мы думаем, что живем сами». У многих людей есть ощущение чего-то другого, скрывающегося за "Я", которое нам вроде бы

известно. Фрейд позаимствовал этот термин для определения «бессознательного», потому что это слово перестало означать то, что он хотел. Переводчики его работ на английский не стали использовать слов "I" и «It» – то ли потому, что эти термины были слишком непонятны, то ли потому, что они звучат недостаточно научно. "I" латинизировали и превратили в «Эго», а «It» – в «Id». В результате в английском языке появилось краткое слово «Id» для обозначения темной стороны человеческой природы «Варианты „ид“ и „эго“ можно встретить и в некоторых русских переводах. – Прим. перев.».

Очерк Фрейда стал очередной попыткой познать неизвестное. В отличие от книг, которые он написал в начале века, основанных на материале снов и расстройств репродукции, он описывал здесь гипотетические структуры, у которых не было научных доказательств. «Сверх-Я» (о котором Фрейд впервые упомянул в 1914 году) он наделил функциями совести, которая возникает из реакции ребенка на авторитет родителей. "Я" приходится жить между противоречивыми требованиями «Сверх-Я» и «Оно» и в то же время справляться с жизнью в окружающем мире. По аналогии, приведенной Фрейдом, «Оно» – это лошадь, а "Я" – всадник. И "Я", и «Сверх-Я» делают большую часть своей работы бессознательно, поэтому та часть бессознательного, которая содержит, по определению Фрейда, «темную недоступную часть нашей личности», где можно найти неуправляемые сексуальные инстинкты, получила название «Оно».

Многие психоаналитики впоследствии станут использовать «'Я' и 'Оно'» как основу «эго-психологии», которая в конце концов стала уделять меньше внимания пугающему содержимому «Оно» и больше – рациональному "Я", моральному «это», которое пациенты ощущали и с которым аналитикам следующих поколений было все легче справляться.

За два или три месяца до весны, когда книга была напечатана, Фрейд ощутил образовавшуюся во рту язву в правой части неба. В то время он выкуривал до двадцати сигар в день. Если не считать военных лет, когда сигар не хватало, он очень много курил практически всю свою сознательную жизнь. Это пристрастие укоренилось очень глубоко, и попытки преодолеть его в 1890-х годах, из-за того что Фрейд боялся, будто курение влияет на его сердце, не удались.

В 1897 году он рассказал Флису о своей идее, что все пагубные привычки, от употребления алкоголя, морфия, табака до всего остального, – это всего лишь замена «первичного пристрастия», мастурбации. Даже если это было так, знание ничего не меняло. Как и не столь знаменитые курильщики, он признавал, что эта привычка помогает ему в «битве жизни».

Язва не проходила, но он ничего не предпринимал, хотя наверняка с самого начала понимал, чем это может грозить. В девятнадцатом веке многие подозревали о существовании связи между курением трубки и сигар (тогда самых распространенных привычек) и раком ротовой полости. Об этом не раз писали в медицинской литературе. Фрейд наверняка знал, что врачи называют карциному рта «раком богачей» из-за стоимости сигар.

Когда он хотел, то относился к своему здоровью не менее внимательно, чем большинство врачей. В 1914 году, когда ему делали обследование прямой кишки, чтобы проверить, нет ли рака, он приветствовал отрицательный результат словами. «Итак, на этот раз я легко отделался». Аналогичный эпизод произошел в 1916 году. Год спустя у него опухли десны, о чем он писал Ференци, добавляя «карцинома?» и сообщая, что сигары его вылечили. Возможно, в 1923 году он решил, что язва исчезнет сама, словно по волшебству, как и та опухоль.

У Фрейда не было врача, к которому он обращался бы регулярно. В начале апреля он поговорил со знакомым дерматологом – едва ли самым подходящим специалистом при язве во рту. Тот осмотрел язву, сказал, что она доброкачественная, но посоветовал ее удалить. Вскоре после этого Феликса Дейча неофициально попросили взглянуть на язву, когда тот был на Берггассе по другому делу. Фрейд сказал гостю: «Вы увидите что-то, что вам не понравится». Дейч посмотрел на язву, решил, что она раковая, но не сказал этого, посоветовав тем не менее немедленно ею заняться.

Началась опасная игра. Фрейд как будто не хотел, чтобы другие видели, что он серьезно относится к этой проблеме, но наверняка подозревал, что это за язва. Он договорился об операции со знакомым, профессором Маркусом Хаеком, который имел репутацию хорошего исследователя, но, как знал Фрейд, посредственного хирурга. Хаек записал его в амбулаторное отделение государственной больницы, в которой он работал, и однажды утром Фрейд отправился туда, ни слова не сказав семье, чтобы вырезать подозрительное образование. Он ожидал, что его тут же отпустят домой, но у него было слишком сильное кровотечение, и ему пришлось оставаться до следующего дня. Марта получила телефонное послание, в котором он просил ее привезти ночное белье. Она приехала в больницу вместе с Анной и обнаружила его сидящим на стуле в забрызганной кровью одежде.

В обеденное время посещения были запрещены, поэтому им обоим пришлось уйти. Фрейда положили в палату, где уже был один пациент, которого Феликс Дейч назвал «карликом-имбецилом». Еще до возвращения жены и дочери у него началось кровотечение. Электрический звонок был сломан, а за помощью побежал второй пациент и, возможно, спас этим Фрейду жизнь, потому что даже врачам с трудом удалось остановить кровотечение. Вернувшись после обеда, Анна отказалась уходить и провела ночь у кровати отца. Утром Хаек добавил к физическим страданиям Фрейда моральные: привел к нему толпу студентов, чтобы продемонстрировать им случай, и лишь затем отпустил его домой.

Макс Шур, который стал лечить Фрейда впоследствии, намекал, что Хаек, возможно, не любил или боялся психоаналитиков и бессознательно выместил это чувство на основателе теории, когда тот попал ему в руки. Такое объяснение понравилось бы Фрейду, которому, возможно, приходило в голову то же самое хотя для того, чтобы не сойти с ума, ему, наверное, нужно было стараться не слишком часто искать объяснения поведения окружающих по своей теории.

Операция была сделана 20 апреля 1923 года, незадолго до его шестьдесят седьмого дня рождения, и патологическое заключение подтвердило рак. Почему-то Фрейду никто не сказал правды. Ему прописали лечение рентгеном и радием. Возможно, предполагали, что этого достаточно, чтобы он догадался сам.

В письмах, которые он писал Саломе и Джонсу, чувствовалось, что он знает больше, чем говорит, но он поддерживал заговор молчания врачей. Врачи потом говорили, что боялись, что он покончит с собой, узнав о раке, но это скорее похоже на попытку оправдаться, что им не хватило смелости сказать. Насколько могли судить друзья, этим летом его больше всего печалила смерть внука Хайнца 19 июня в Вене. Его мать Софи умерла за три года до того. У мальчика был туберкулез – еще одна жертва войны.

Отпуск Фрейд провел выздоравливая с родными, которые, предположительно, не знали правды. В августе они были в гостинице «Дю Лак» в Лавароне, высоко в горах, разделяющих Австрию и Италию. Комитет решил встретиться неподалеку, и они собрались в Сан-Кристофоро, на шестьсот метров ниже, с другой стороны горы.

Никто из членов комитета не объяснил, почему они решили поехать за своим руководителем на отдых. Ссоры внутри комитета были серьезнее обычного, но Фрейд дал всем понять, что они должны улаживать свои дела без его помощи. Может, апрельская операция заставила их думать о его смерти и постараться быть поближе?

Тихий доктор Дейч прибыл еще до того в гостиницу «Дю Лак» и, видимо, сказал пациенту, что ему понадобится новая операция, не произнося тем не менее страшного слова. Но мы не знаем, о чем именно говорили, думали или догадывались на вершине горы и у ее подножия. Мы знаем только, что Джонс написал жене в Лондон 26 августа: «У Фрейда настоящий медленно развивающийся рак, и он может прожить еще долго. Он не знает этого, и это страшная тайна». Нам известно и то, что Дейч рассказал обо всем комитету, те одобрили решение молчать, а затем отвлеклись от мрачных мыслей, в частности, осудив Джонса за то, что он якобы назвал Ранка (правда, за глаза) «хитрым евреем». Мы знаем и то, что Анна Фрейд писала Саломе 29 августа: «Вы правы, я бы теперь ни при каких

обстоятельствах не бросила его».

Вскоре после этого они с отцом отправились в Рим, где пробыли несколько недель. Фрейд решил поехать туда еще в апреле, когда ему делали операцию, и ему очень нравилось, как радуется Анна, которая видела этот город в первый раз. Но это был всего лишь краткий перерыв. Еще до приезда в Рим, когда они завтракали в поезде, Фрейд укусил корку хлеба и изо рта брызнула кровь.

Возможно, Фрейду было легче притворяться, как и всем остальным. Возможно, ему хоть раз захотелось поддаться настроению окружающих. Наверняка он знал, в чем дело, с самого начала. И то, что он решил взять дочь в Рим, город его мечты, едва ли можно считать совпадением.

Всю жизнь думая об опасных днях и смертельных датах, возможно, он и сейчас решил, что настал предсказанный год, и смирился с этим. Макс Шур сделал предположение, не менее фантастическое, чем некоторые идеи его учителя. Он взял случайное число, которое Фрейд сообщил Флису в 1899 году, «2467 ошибок» (и потом проанализировал, утверждая, что «в мозгу нет ничего случайного и неопределенного»), и предположил, что оно все еще имеет какую-то силу. Разве невозможно, писал Шур, чтобы воспоминание о числе 2467, которое появилось в его мозгу 24 года назад и содержало число, обозначающее его возраст с мая 1923 года, 67 лет, вернулось к нему в виде предупреждения о смерти? Конечно, эти рассуждения смехотворны. Но данная логика знакома любому, кто страдает навязчивым неврозом.

Отпуск закончился, и Фрейду официально сказали правду. Еще один профессор, Ганс Пихлер, обследовал его и подтвердил наличие неоплазма или расширение старого. Пихлер был хирургом, специализировавшимся на ротовой полости, склонным к радикальным методам. Он завоевал репутацию, восстанавливая рты раненых солдат. Когда его пригласили прооперировать Фрейда, он подготовился к этому, проведя репетицию на трупе. 4 октября была сделана предварительная операция, а неделю спустя последовала основная, при которой была удалена вся верхняя челюсть и правая часть неба. Это означало, что носовая полость и рот ничем не отделялись и требовалось что-то вроде огромного зубного протеза. Месяц спустя пришлось сделать еще одну операцию. Фрейд описал свое состояние Сэму в Манчестере как «очень разбитое и слабое».

Операции были страшными, но удачными. Фрейд избавился от рака на много лет и продолжал жить, правда, уже как инвалид с некоторыми ограничениями, из-за которых он удалился из общественного поля зрения. Он стал общаться только с семьей и небольшим кругом друзей. Протез, который часто меняли, так и не был подогнан идеально, причинял постоянную боль и мешал ему говорить и есть. Фрейд больше не давал публичных лекций и не сидел за столом с чужими людьми. Его рот и челюсть регулярно подправлялись небольшими операциями.

Все это не помешало ему продолжать принимать пациентов, и 2 января 1924 года он снова начал работать. Он не перестал и курить. Если он не мог открыть рот достаточно для того, чтобы вставить между зубами сигару, он разжимал их прищепкой. Протез должен был плотно прилегать (это и вызывало болезненное давление), так что он вполне мог втягивать в себя воздух, чтобы сигара горела.

В этом новом состоянии он находил утешение в мыслях о том, что он преобразился, стал героем разворачивающейся вокруг него истории. «Ты знаешь, что у эпохи есть характер, который невозможно изменить», – писал он Сэму 20 октября, оправляясь после двойной операции в Ауэрсбергском санатории. Ему нравилось считать себя частью истории – и он так и думал почти всю жизнь.

Глава 28. Отступники

Одновременно с раковой опухолью Фрейда постигла другая беда – отступничество, первое по значимости со времен Юнга. Уйти решил Отто Ранк, который уже некоторое

время развивал свои собственные идеи. «Сыновьям» Фрейда нелегко было уходить. Ранк пользовался его доверием, и некоторые даже завидовали его близости с Фрейдом, он был обязан учителю карьерой. Когда комитет ужинал в Сан-Кристофоро в тот день, когда они узнали о раке, при упоминании имени Фрейда Ранк залился истерическим смехом. Эта новость вывела из равновесия всех, но особенно друга, замышлявшего мятеж.

Венгерский аналитик, Шандор Радо, вспоминал, как впервые увидел до войны Фрейда – человека с аристократическими манерами, одетого в подбитое мехом пальто, с тростью с набалдашником из слоновой кости в руках. Его сопровождал верный Ранк, «молодой, бедно одетый мальчик, который был взволнован, суетлив и постоянно к нему обращался». Теперь ему исполнилось сорок лет, и он решил, что хватит быть «маленьким Ранком».

Он и Ференци (который сам подумывал об изменениях) вместе писали в 1923 году книгу о психоаналитических методах, где ставилась под сомнение полезность длительных попыток восстановления детских воспоминаний. Вскоре после этого Ранк опубликовал собственную книгу, «Травма рождения», в которой спокойно утверждал, что причиной невроза является шок при появлении на свет и последующие фантазии возвращения в матку, утраченный рай. И лечение следует проводить соответственно этому. Необходимость прерывать воспоминания отпадает, и хорошей дозы анализа в течение пары месяцев вполне достаточно.

Фрейд не спешил с обвинениями. Неужели Ранк может изменить ему? Он пытался принять эту теорию как «самое важное открытие со времен появления психоанализа», но ему удалось только почувствовать обман. «'Родовая травма' Ранка и твои действия, – пишет он Ференци в 1924 году, – происходят от попыток ускорить процесс анализа». Их метод мог стать «путем для бродячих торговцев» – снова нападки на Америку.

Ференци ушел от конфликта, но весной Ранк отправился в Нью-Йорк, где у него были друзья среди аналитиков, которых он учил в Вене (благодаря Фрейду, посылавшему их к нему), и обсудил с ними среди многих вопросов низкую оценку женщин, используя свою теорию, чтобы объяснить, что это бессознательная память мужчин о шоке рождения искажает их точку зрения на женщин. Аналитики платили по двадцать долларов в час – в четыре или пять раз больше обычной ставки, – чтобы обучаться у нового специалиста.

Вскоре «бедный родственник» преуспел и начал похвастаться перед Ференци, что «здесь психоанализ, а возможно, и жизнь всего международного движения». Обнаружив, что ньюйоркские аналитики «в основном не излечены и недовольны анализом профессора», он якобы вернул им уверенность в себе.

Старый Свет обиженно ждал, когда отступник придет в чувства. Фрейд объявил, что Ранком, наверное, владеет психоневроз, и сначала отнесся к нему с сочувствием. Затем он заключил, что Ранка навсегда «привлек доллар». Не успев вернуться домой, Ранк тут же укатил в Париж и вернулся к Рождеству 1924 года. Он извинился перед всеми, чем на краткий миг порадовал Фрейда, а затем отправился в новые путешествия, которые закончились разрывом в 1926 году. Одним из последних проступков стало то, что он усомнился в толковании сна Волчьего Человека про шесть волков на ореховом дереве.

Фрейд получил прощальный подарок, видимо, не без иронии: работы Ницше в двадцати трех томах в переплете из белой кожи. Фрейд сказал, что Ранк хвастается своим новоприобретенным богатством и в то же время стремится к саморазрушению, хочет избавиться от своих денег. Джонс, предупреждения которого сбылись, объяснил все тем, что у Ранка маниакально-депрессивный психоз. «Нам нужно похоронить его», – сказал Фрейд, и движение десятки лет его поносило «Сначала Ранк жил в Париже, где в начале 1930-х годов работал аналитиком и был любовником писательницы Анаис Нин. В конце концов он переселился в Америку.».

Фрейд не знал, сколько ему осталось жить, но опасался худшего. Поэтому в 1924 году он начал писать «Автобиографическое исследование». К его неудовольствию, его жизнь уже подверглась ненаучному изучению. За год до того бывший ученик Фриц Виттельс уже написал первую биографию, на которую Фрейд сначала ответил вежливо, но некоторое

время спустя сказал, что считает ее «отвратительной карикатурой», «подачкой сплетникам всего мира».

Автобиография была написана в горах Земмеринга, где Фрейд раньше отдыхал, потому что не мог позволить себе более дорогих путешествий. Теперь он поехал туда, поскольку хотел оставаться неподалеку от врачей, которые могли добраться в эту долину из Вены меньше чем за три часа. Книга получилась короткой, шестьдесят с лишним страниц в «Стандартном издании», и содержала не всегда точную информацию.

Джонс в то время готовил англоязычное издание собрания работ Фрейда, и учитель работал в своей горной вилле. Возможно, он узнал, что семья Катарины, девушки с горы Ракс, которая тридцать лет назад фигурировала в «Этюдах по истерии», умерла или уехала из этих мест, потому что именно тогда он добавил к ее истории ссылку, которая сообщала, что ее собирався совратить не дядя, а отец.

Прошлое в возрасте Фрейда легко вспоминалось. Эмма Экштейн, которая, возможно, навела его на мысль о несчастной теории совращения, умерла в июле 1924 года, не дожив до шестидесяти лет. Она много лет прожила инвалидом. Брейер, имя которого было практически неизвестно новому поколению, умер на следующий год в возрасте восьмидесяти трех лет. По рассказам семьи Брейера, однажды после разрыва с Фрейдом он увидел того на Берггассе и бросился к нему навстречу с распростертыми объятиями, но его бывший друг перешел на другую сторону улицы. Фрейд написал о нем положительное и высокопарное посмертное примечание.

Еще одно неприятное имя возникло в жизни Фрейда, когда Абрахам, как выяснилось, смертельно больной инфекцией легких, обратился в Берлине в 1925 году к Флису и сообщил Фрейду, что стадии его заболевания «поразительным образом подтверждают» теорию периодичности его нового врача. Абрахам умер в том же году в возрасте сорока восьми лет – Фрейд лишился еще одного последователя.

Когда в 1928 году умер сам Флис, его вдова, та самая Ида, которую Фрейд всегда недолюбливал, написала ему, спрашивая, не сохранил ли он письма ее мужа, которые она очень хотела бы прочитать. Фрейд ответил, что они, скорее всего, были уничтожены где-то после 1904 года, и добавил, что был бы счастлив узнать, что вторая часть корреспонденции, его собственные письма, «постигла судьба, которая защитила бы их от какого-либо использования в будущем». Госпожа Флис, владевшая практически всеми письмами из сотен присланных Фрейдом ее мужу, ничего не ответила и сохранила их на черный день.

Были заметны многочисленные признаки того, что Фрейд постепенно сдает. Те, кто встречался с ним в двадцатых и тридцатых годах, будь то друзья, пациенты или журналисты, с большей охотой описывали свои впечатления, чем их предшественники. Карл Краус высмеивал Фрейда в печати с начала века и продолжал делать это после войны. «Психоанализ, как предостерегают нас, стал угрозой, – писал он в 1924 году. – Чепуха. Он был угрозой с самого момента своего возникновения». Но Краус считал ниже своего достоинства обсуждать личную жизнь Фрейда. Те, кто приходил к Фрейду на анализ и потом садился писать мемуары, или те, кто сделал делом своей жизни догадки о том, что происходит на Берггассе, 19, не отличались подобной сдержанностью. Они были любопытны, едва ли испытывали благоговение и зачастую были даже враждебны и неуважительны, даже если сочувствовали Фрейду.

Канадский ученый, Пол Роазен, прославился книгой «Фрейд и его последователи» (1975), историей движения, в которой содержатся слова многих доживших до этого времени участников. Его зарисовки Фрейда в конце жизни очень удачны: мятый твидовый костюм, худые стариковские руки, полная афоризмов речь, склонность к навязчивым действиям – это всегда усугубляется с возрастом, – которая выражалась в беспокойстве о мелочах. «Однажды он постучал в дверь тети Минны, потому что она оставила в его кабинете карандаш, который он хотел ей вернуть».

Слава как таковая приносила ему удовлетворение. В рождественском письме Сэму от 1925 года Фрейд пишет, что его «считают знаменитостью», что «писатели и философы,

которые проездом бывают в Вене, заходят ко мне, чтобы поговорить», что «евреи во всем мире похваляются моим именем, упоминая меня наряду с Эйнштейном. В конце концов, мне не на что жаловаться». Он намекает, что его жизнь особая. Анна писала Лу Саломе (1926):

Недавно, когда мы разговаривали, папа и я пришли к тому, что анализ – это занятие не для обычных людей, а для тех, кто хочет быть чем-то гораздо лучшим – кто знает, чем именно! Сложность не в самом процессе анализа – его можно выполнять с помощью простой логики, – а в постоянной работе с человеческими судьбами.

В таком контексте какое значение имеет физическая слабость? В любом случае, среди Фрейдов было много долгожителей, и это ободряло. Матери Фрейда в 1925 году исполнилось девяносто лет. Родственники то и дело навещали ее на горном курорте Бад-Ишль, где она проводила лето, глухая, но спокойная, и старались не сообщать о смертях в семье. Фрейд не присоединялся к этим посетителям. Иногда ему снились умершие родственники. Перед семидесятым днем рождения он писал Сэму, что он «не тот, какими мой и твой отец были в этом возрасте». Вскоре после этого он подкрепил это заявление двумя приступами стенокардии на улице, которые ухудшили и без того слабое здоровье.

Когда в мае 1926 года Фрейду исполнилось семьдесят лет, мэр Вены вручил ему диплом почетного гражданина города. Нобелевская комиссия не дала ему премии ни в том году, ни позже, несмотря на слухи. Он продолжал втайне надеяться. «Не дали Нобелевской премии», – 31 октября 1929 года сделал он первую запись в кратком дневнике, который начал вести в этом году. «Определенно не получил Нобелевской премии», – последовало в 1930 году, хотя тогда он уже получил ненамного худший приз, Литературную премию имени Гете. «Большая честь, хотя и небольшая сумма», – написал он Сэму, оставаясь, как всегда, практичным.

Интересные женщины сидели у его ног или лежали на кушетке. Так было всегда, но в старости их стало еще больше, как будто все считали, что сейчас безопасно и прилично соприкоснуться с этим памятником сексуальности. Неожиданно увлеклась психоанализом французская принцесса Мария Бонапарт. Она вошла в жизнь Фрейда в 1925 году, потребовав, чтобы он лечил ее «Принцесса Мария была к тому же женой греческого принца Георгия. Ей было сорок три года. Это была богатая, невротичная, фригидная и имеющая многочисленных любовников женщина (среди них был французский премьер-министр). Она восхищалась одним из первых французских психоаналитиков, Рене Лафоржем. Тридцатью годами раньше она была бы подходящей кандидатурой для „Этюдов по истерии“ вместе с Анной фон Либен и другими богатыми мечтательными истеричками.». Едва войдя в кабинет, она почувствовала мощный «трансфер» и заявила ему, что любит его.

Фрейд предупредил ее, что у него слабое здоровье. Бонапарт расплакалась, хватая его за руку. Фрейд был польщен. Она была чем-то вроде красавицы и чудовища одновременно, и он потакал ей во всем, если не считать случаев, когда она требовала от него сексуальных признаний в обмен на свои. «Наверняка у вас было сверхнормальное сексуальное развитие», – льстила она ему. «Об этом, – отвечал он, – вы ничего не узнаете. Может, и не такое 'сверх'».

Он позволил ей делать подробные заметки (или не смог запретить ей этого), и, хотя многие из них все еще закрыты в одном из подвалов, где томится история психоанализа, опубликованные фрагменты добавляют некоторые черты к портрету Фрейда. Когда принцесса сказала ему, что он – сочетание Эйнштейна с Луи Пастором, он в ответ заговорил о конкистадорах, как когда-то с Флисом. «Кто изменил мир больше, чем Христофор Колумб? А кто он был такой? Искатель приключений!» Так что фантазия о смелости и беспощадности существовала одновременно с мечтой о чистоте и преданности науке и оставалась такой же яркой.

Однажды в канун Нового года, когда Бонапарт была на Берггассе, Марта призналась ей, «как удивляла и шокировала ее работа мужа, потому что там так открыто трактовалась сексуальность». Поэтому она старалась не замечать, чем он занимается. Бонапарт рассказала Фрейду, который дал единственно возможный ответ: «Моя жена – настоящая мещанка». Но в

другой раз он сказал ей, что сам мещанин, который не хотел бы, чтобы у одной из его дочерей был «роман».

Женщины, подобные принцессе, которые были достаточно умны, чтобы он чувствовал себя с ними свободно, всегда приветствовались Фрейдом. Ему нравилась независимость в женщинах, даже тогда, когда он был возлюбленным и молодым мужем в последней четверти девятнадцатого столетия, когда жена считалась «послушным сокровищем», а ее будущее было в руках мужа. То, что Фрейду нравилась компания умных женщин и он поощрял желание некоторых стать психоаналитиками, не говорит о многом. Почти все они относились к нему почтительно, с долей восхищения, иногда с таинственной сексуальностью, которая чувствовалась, как капля духов на запястье.

Минна, похоже, очень ему подходила, но это был особый случай – он общался с ней, потому что этого нельзя было делать с женой. Сабина Шпильрейн, у которой были оригинальные идеи и чувство собственной значимости, возможно, стала другим исключением и даже, что стоит отметить, не сидела у его ног. Почти все, однако, соответствовали мужским ожиданиям: кокетливая Бонапарт; Саломе, которая ловила каждое его слово (он критиковал ее, говоря Бонапарт: «Она – зеркало»); Лоу Канн, сознававшаяся в своих сексуальных грехах и рассказывавшая истории о Джонсе.

Фрейд не скрывал того, что ему нравились обаятельные женщины. Когда ему было семьдесят три, в 1929 году, он отправился в театр, где выступала Иветт Жильбер, французская актриса и певица, которую он впервые слышал в Париже в 1889 году. Теперь ей было больше шестидесяти. Он отвел Марту и Анну к ней в номер на чай и цитировал Ференци фразу из одной ее песни: «Я говорила все это? Возможно, но я не помню».

Мужчины всегда любили ссылаться на женскую «загадочность», как будто это не требовало комментариев. Как Питер Гэй – цитируя вопрос, который Фрейд задал принцессе: «Чего хочет женщина?» – отмечает в своей биографии Фрейда, «мужчины веками защищались от смутного страха перед скрытой силой женщин, объявляя их непостижимыми». Это нельзя назвать равнодушием – скорее наоборот. Фрейд всегда интересовали женщины, когда он был молод и теоретически что-то мог в связи с этим предпринять, даже стать конкистадором спальни. Он не разделял нелепых медицинских взглядов того времени (особенно популярных в Англии) о том, что у женщин отсутствует чувственность. В 1899 году он писал Флису по поводу «сексуальной теории»: «У меня пока нет ни малейшего представления, что делать с женской стороной», и нарисовал рядом три креста, чтобы не сглазить.

На протяжении всей профессиональной жизни у Фрейда было больше пациенток, чем пациентов. Его теории имеют противоположную тенденцию и отражают мир, в котором он был воспитан, где мужчины занимают главенствующее положение, а женщины – второстепенное. Его часто осуждают за то, что он был склонен игнорировать женщин, исключать их из своих теорий. Тем, кто хочет пойти дальше и уличить его в расизме, можно найти много цитат, например в «Трех очерках» (1905), где он утверждает, что эротическая жизнь женщины «скрыта непроницаемой завесой», которая «частично объясняется замедляющим эффектом цивилизации и частично – их обычной скрытностью и лживостью».

Но этот расизм относителен. В статье, написанной в 1908 году, он отмечает «несомненную интеллектуальную отсталость стольких женщин», приписывая это «замедлению мысли, которое вызывается сексуальным подавлением». Фрейд использовал аргумент, что воспитание женщин не позволяет им испытывать интеллектуальный интерес к проблемам секса, заставляя видеть в любопытстве грех и таким образом притупляя их способность мыслить. Сексолог Магнус Хиршфельд, имевший чрезвычайно радикальные взгляды и считавшийся в свое время сторонником феминизма, сделал тот же вывод на основе опыта, «психическая неполноценность женщины» очевидна.

Фрейд не реагировал на феминистскую пропаганду, которая существовала в начале двадцатого века. Движение имело местный масштаб и было слишком слабым, чтобы действовать на мужчин в целом или на Фрейда в частности. Ни Германия, ни Австрия не

могли сравниться с Англией, где до первой мировой войны суфражистки яростно боролись за свои права, поджигая дома и разбивая витрины маленькими молотками. Только после войны, когда в психоанализе начали ощущаться первые феминистские настроения, Фрейд должен был как-то это прокомментировать, но и тогда он не спешил и практически молчал. Тем не менее он наверняка ощущал изменения атмосферы, потому что после 1924 года написал несколько статей, затрагивающих тему «женской психологии».

Карен Хорни, молодая врач из довоенного Берлина, которая была очарована работами Фрейда, стала одной из новых женщин психоанализа, как и Елена Дейч. Они намного опередили свое время. Карен анализировал Карл Абрахам, затем она сама стала аналитиком и начала задавать вопросы, на которые никому не хотелось отвечать. Так было в ее статье «Бегство от женственности» (1926), где она сетует, что психоанализ меряет женщин по мужской мерке, и спрашивает: «Насколько неточно это выражает истинную природу женщин?»

Она резко отзывалась о зависти к пенису, воспевала материнство и считала, что это мужчины должны завидовать женщинам за их «огромное физиологическое превосходство». Это произвело впечатление на Эрнеста Джонса, но не на Фрейда. Мнение Хорни о зависти к пенису, писал он пять лет спустя, «не соответствует моему впечатлению». Большинство аналитиков с ним соглашалось.

Сейчас Фрейд мог только придерживаться своих взглядов и игнорировать остальные. Если его когда-либо и можно было убедить относиться к женщинам по-иному, это время давно прошло. В 1925 году он объявил, что им не хватает строгого «Сверх-Я», которое дает мужчинам высокую мораль, и движение не должно отклоняться под давлением феминисток, «которые стремятся заставить нас считать оба пола совершенно равными по положению и ценности». Эта статья, написанная для ежегодной конференции, была представлена вместо него женщиной – его дочерью.

Семь лет спустя, в статье, посвященной «загадке женственности», в «Новых лекциях по введению в психоанализ» 1932 года (которые были написаны для прочтения, а не для пересказа), Фрейд как будто немного изменил свою точку зрения. Недостаточно, писал он, видеть мужчину активным, а женщину пассивной. Его «замечательные коллеги-женщины» могли сказать много важного о развитии женщины.

Через несколько страниц он возвращается к разрушительному воздействию зависти к пенису. Именно зависть к пенису делает женщин подверженными зависти и ревности других видов. Более того (об этом он утверждал уже много лет), женщины менее способны, чем мужчины, сублимировать свои сексуальные инстинкты; однако чем же тогда занималась Берта Паппенгейм, посвятив свою жизнь лекциям и борьбе с химерической торговлей белыми рабынями? Что делала его собственная дочь?

Пациенты выслушивали анализ вперемешку с предрассудками. Джозеф Уортис, молодой американский врач, который проходил анализ в тридцатых годах, часто слышал, как Фрейд ворчит по поводу американок, которые «водят мужчин за нос, делают из них дураков». По другую сторону Атлантики царил матриархат. В Европе «управляют мужчины. Так и должно быть». Уортис осторожно осведомился, не стало бы равенство решением проблемы. «Это невозможно на практике», – отрезал Фрейд.

Данные, полученные в приемной пациентами, накапливались. Пациенты писали обо всем: о затхлом запахе, о небрежном рукопожатии, о запонках и цепочке для часов, которые напомнили одному человеку отца, о том, как Фрейд неожиданно стучал по подлокотнику или кушетке, подчеркивая свои слова, о том, как он встает, как только время заканчивается, и тихо говорит: «Я выслушал вас». Один биограф, Эмиль Людвиг, пришедший к Фрейду из любопытства, услышал от него, что его описание жизни Наполеона должно было содержать больше информации о детстве императора. Фрейд говорил верно, но в процессе разговора перепутал братьев Наполеона. Этой ошибке Людвиг порадовался и записал ее для использования в дальнейшем.

Ева Розенфельд, прусская еврейка, которая работала с трудными детьми и благодаря

дружбе с Анной оказалась в семейном кругу Фрейдов в двадцатых годах, была проанализирована Фрейдом в 1929 году. Она сочла это полезным, потому что анализ изменил ее восприятие того, что важно в жизни, не повлияв на ее личность: «Я не стала другим человеком, не такой, как я была всегда».

Глядя вверх с кушетки, она заметила, что в шестиламповой люстре один плафон отличается от остальных, и обратила на это внимание Фрейда. Тот ответил, что она ошибается, и они немного поспорили, после чего он включил свет и подошел поближе к люстре, чтобы рассмотреть ее. «Вы правы, – произнес он. – Но, однако, это не мешает мне сказать, что вы имеете в виду, будто положение Анны среди моих шестерых детей отличается от остальных». Как заметил биограф Людвиг, «в этой комнате на простой вопрос редко находился простой ответ».

Уортис, анализ которого прошел быстро и бурно, уважал Фрейда, но не принимал ничего на веру. Ему приснилась сцена, в которой вереница слуг выходит из двери хижины. Предположение Фрейда о том, что здание – это матка, а слуги – дети, показалось ему притянутым за уши, и он так и объявил профессору. Его откровенность не порадовала Фрейда, хотя вначале он сказал, что честность – основа анализа. «Вы должны научиться принимать то, что вам говорят, и не спорить», – и Уортис начал спорить по поводу того, что не нужно спорить. Американец сказал, что понять – значит простить. Речь не о прощении, заявил Фрейд, а о продолжении анализа.

Уортис продолжал искать изъяны в методе. Как он может позволить своим мыслям течь в свободных ассоциациях, спросил он, если его слушает Фрейд, который ассоциируется с сексом и неврозом? Фрейд проигнорировал это возражение и посоветовал ему не отвлекаться.

Фрейд никогда не забывал о необходимости продолжать и подтягивать анализ к какому-то заключению. Должен ли быть у анализа естественный конец, или он теоретически может продолжаться вечно? Одна из последних его статей, написанных в 1937 году, называлась «Анализ заканчиваемый и незаканчиваемый». Время – это проблема. Для старика со слабым здоровьем это была единственно важная проблема.

Очень важными для него были отношения с человеком, которые он очень тщательно подготавливал: с дочерью, которая была его пациенткой и чьим пациентом он стал теперь сам, одинокой женщиной, которая всегда была рядом с ним, выражала его точку зрения на публике и выслушивала его наедине. В конце концов она стала и его сиделкой.

Ее жизнь нельзя сравнить с жизнью тети Дольфи, которая была семейной «рабочей лошадкой», заботившейся сначала о Якобе, а потом об Амалии. Но эта тема присутствовала, пусть не так явно. Хотя у нее была своя собственная жизнь – она анализировала детей, писала статьи, с которыми считалось движение, – но эта жизнь была как бы продолжением жизни Фрейда. Многие считали, будто она сама себе вредила тем, что была слишком скромной, слишком преданной идее добра, слишком готовой принести себя в жертву ради отца. После его смерти эта преданность превратилась в ревностное беспокойство о том, чтобы сохранить о нем светлую память – возможно, он именно этого от нее и хотел. Она закрыла все шкафы, чтобы в них невозможно было найти скелеты. Фрейд, противник биографий, не мог бы найти лучшего цензора.

Мечты Анны, которые она называла «неприличными», содержащие фантазии о том, что ее бьют, привели к новому анализу Фрейдом в 1924 году, через год после того, как у него был обнаружен рак. Ее анализ, а возможно, дружба с женщинами и их семьями, которая у нее возникла, помогла ей жить в последующие годы. Слухи о лесбийской дружбе с самой близкой ей женщиной, Дороти Берлингем «Госпожа Берлингем, которая происходила из богатой семьи из Тифании, оставила мужа в 1925 году и отправилась со своими четырьмя детьми из Нью-Йорка в Вену, где ее анализировал Фрейд. В конце концов ее семья стала неразлучной с Фрейдами. Они сняли квартиру в том же доме, и у Дороти была отдельная телефонная линия, связывающая ее с Анной в комнатах ее отца. Берлингемы, как и Ева Розенфельд с детьми, стали частью большой семьи, окружавшей Анну и заменявшей ей то,

чего в ее собственной жизни не хватало.», едва ли верны. Но их попрежнему повторяют те, кто видит что-то мрачное в том, что эта темноволосая хорошенькая девушка похоронила свои желания ради интересов такого человека, как Фрейд.

В конце 1925 года ее отец все еще утверждал, что она может выйти замуж. Он с гордостью писал Сэму о ее работе в качестве «педагогического аналитика», лечащего «непослушных американских детей» (Розенфельдов и Берлингемов) и зарабатывающего неплохие деньги.

И тем не менее она только что отпраздновала тридцатилетие и не стремится замуж. А кто может сказать, сделают ли ее эти преходящие интересы счастливой тогда, когда ей придется жить без отца?

Если он думал, что после его смерти она может выйти замуж, он об этом не говорил. Она была привязана к нему навсегда. Поскольку Анна, похоже, хотела этого так же, как и отец, бессмысленно пытаться разгадать тайну их заговора, который начался еще тогда, когда она была подростком. Как и во всех глубоких взаимоотношениях, самым важным являются сами отношения.

В июне 1929 года, когда состояние здоровья Фрейда стало достаточно стабильным, чтобы он смог удаляться от Вены на большие расстояния, семья отдыхала в горах Берхтесгадена, в доме под названием «Шнеевинкель» или «Снежный угол». Было летнее солнцестояние, которое отмечали кострами на горных вершинах, светившихся из-за туч и дождя. Анна (которой было уже тридцать три) писала Еве Розенфельд:

Я хочу задать тебе один вопрос. Что я буду делать, когда уже не смогу быть там, где я сейчас, когда останусь одна и таким образом потеряю все, что дает моей жизни смысл? Я всегда хотела, чтобы мне было тогда позволено умереть.

Месяц спустя она поехала в Англию, чтобы прочитать статью на ежегодной конференции, которая в тот раз проходила в Оксфорде. У Фрейда в его «идиллически тихом и прекрасном 'Шнеевинкеле'» хватало гостей. Тем летом к нему приезжали его трое «сыновей», Брилл из Америки, Ференци, Джонс со своей женой Китти – но он хотел видеть Анну. Ее собака, немецкая овчарка по кличке Волк, «полдня апатично лежит в своей корзине», писал Фрейд Саломе. «Как и Волк, я не могу дожидаться, когда она вернется».

Но он должен был вести себя сдержанно даже с Анной. Существует киноплёнка, где они оба сняты на Берггассе, заваленной снегом, скорее всего, в конце двадцатых годов. Фрейд одет в длинное черное пальто и черную шляпу. Он бросает окурок на землю и идет мимо, мрачно взглянув на камеру. Его дочь, улыбаясь, пытается взять его под руку, но он отвергает ее и скрещивает руки за спиной. Когда они уходят, Анне удается продеть свою руку в его, но он по-прежнему не разжимает рук сзади, не желая ей помогать. Очевидно, он не хотел, чтобы этот теплый жест увидел весь мир. Он не мог обойтись без Анны, но жизнь Фрейда всегда носила печать крайней суровости.

Глава 29. Надежды и ожидания

Фрейд больше не писал важных статей о теории и практике психоанализа. Его работы до 1926 года в конце концов заполнят первые двадцать томов «Стандартного издания», которое составит Джеймс Стречи с помощниками в пятидесятых годах. На работы после 1926 года хватит трех томов – более чем внушительный результат для старого человека с серьезным заболеванием. Работа в поздний период заключалась либо в новом изложении и объяснении основных принципов, либо в исследовании тем культуры, где с помощью психоанализа Фрейд объяснял человеческое поведение и верования в более широком историческом смысле. В целом эта работа была принята хорошо, хотя фрейдовские «Цивилизация» и «Религия» менее интересны, чем ранние мысли о снах, страсти и памяти.

Если Фрейд был пессимистом, это заключалось в самой природе психоанализа. Он всю жизнь сосредоточивался на зле и ошибках. Небольшая работа «Будущее одной иллюзии» (1927) рассматривает религию в обобщенном виде. Фрейд видит в религиозных убеждениях

исполнения детских желаний, которые не дали детям ни счастья, ни более высокой моральности. Факты изложены достаточно четко, но заключение о том, что «наука – это не иллюзия», является не слишком аргументированным. Христианин Т. С. Элиот, дав на книгу отрицательный отзыв в журнале «Критерий», ежеквартальном издании, основанном им в Лондоне за пять лет до того, не придавал ей особой важности и заявил: «Так мечтает волшебник мира снов».

Еще одна небольшая книга, «Недовольство культурой» (1930), рассматривала ограничение «инстинктивного поведения», необходимое для создания цивилизованного общества, и непрекращающийся конфликт между желаниями и ограничениями – источник невроза. Коммунизм Фрейд называл заблуждением, поскольку политическая система не может изменить человеческую природу. Если исключить материальное неравенство, оно просто появится в каком-то другом месте, например в сексуальных взаимоотношениях. Этот аргумент был частично направлен против Вильгельма Райха, который стал не только психоаналитиком, но к тому времени и коммунистом.

Фрейд – рационалист начинает книгу с защиты своих идей о религии, выраженных в «Будущем одной иллюзии» и вызвавших переписку с другом, писателем Роменом Ролланом. Роллан тогда говорил ему о внутреннем ощущении «вечности», чего-то безграничного, «как океан», которое Фрейд понял как «ощущение неразрывной связи, единства с внешним миром в целом». По словам Роллана, это «океаническое чувство» было причиной религиозности. Фрейд с ним не согласен. Возможно, оно бывает у других, но он лично его не испытывает. Фрейд предложил психоаналитическое объяснение это «чувство» - всего лишь «сжежившийся остаток» самых первых ощущений младенца, когда он еще не способен различать себя, мать и окружающий мир. Фрейд был суеверен, но не религиозен, и этим все сказано.

Эта работа была написана в «Шнеевинкеле». В письме к Саломе Фрейд говорил, что она содержит «банальные истины» и не вытекает из «внутренней необходимости», как его ранние работы. Она написана потому, что ему нужно что-то делать, кроме как курить и играть целый день в карты, а прогулки даются ему уже с трудом. Но он всегда любил приуменьшать достоинства своих собственных книг. Эта, полная мрачных взглядов, за год была продана в количестве двенадцати тысяч экземпляров читателям, которые осознавали свою неудовлетворенность развитием мира.

Основные концепции Фрейда были известны уже двадцать-тридцать лет. Хотя психоанализ распространился по всему миру (Фрейд с удовольствием узнал, что неврозы среди индийских мусульман такие же, как и в Вене), традиционная психиатрия продолжала действовать так, как будто ничего не произошло. Утверждения, подобные тому, которое сделал до войны Ференци, что «молодежь и интеллигенция» Венгрии уже на их стороне, были слишком оптимистичными, и Фрейд избегал подобных слов.

Идеи проникали в жизнь людей и становились общим достоянием. «Бессознательное», которое появилось задолго до Фрейда, стали считать фрейдовским. На «оговорки по Фрейду» все быстро научились обращать внимание, равно как и на сексуальный символизм во сне, который представил бананы и лестницы в новом свете. Именно секс изначально привлек интерес к психоанализу. Теории, основанные на инстинкте голода, воспринимались бы совсем по-другому.

Проницательные и всеобъемлющие выводы Фрейда оставили свой след в истории. Создать универсальную теорию человеческого поведения ему не удалось, как, впрочем, и всем остальным, но его работы полны образов, в которых все могут узнать себя. Его теории, по словам Чарльза Райкрофта, не единая структура, а «скорее собрание разнородных идей, открытий и догадок... которые выдвигались на протяжении пятидесяти лет». Как Библию, миллионы слов Фрейда можно толковать до бесконечности. Это подтверждают возникшие многочисленные школы фрейдистов.

Многие из идей Фрейда разрушали веру девятнадцатого века в прогресс цивилизации, которая пошатнулась уже в его время. Он шел в ногу с историей, одновременно участвуя в ее создании, и для многих людей, утративших иллюзии после первой мировой войны, его имя

стало олицетворять сомнительные современные ценности.

«Я обратил его [Крысиного Человека] внимание на то, – писал Фрейд, – что он не должен согласно логике считать себя ответственным за все эти черты характера, потому что все эти предосудительные импульсы берут начало из раннего детства и являются всего лишь пережитком его детского характера, оставшимся в бессознательном». Собственные моральные ценности Фрейда были строги, его идеалом было развитие моральной ответственности, но его убеждение, что поведение человека неумолимо определяется бессознательным, считали одной из причин отхода людей от старых норм морали.

Британский убийца Рональд Тру, военный летчик, который получил травму головы и стал жертвой морфия, был приговорен в 1923 году к смерти за убийство проститутки, несмотря на свидетельство о его сумасшествии. Министр внутренних дел отсрочил выполнение приговора, и начались споры об опасности снисхождения к психически больным. Газеты жаловались на мрачные психоаналитические доктрины, которые при логическом развитии означали, что никого нельзя ни в чем винить. Роберт Грейвз затронул ту же тему в своих нигилистических мемуарах 1929 года, «Прощание со всем этим», хотя не говорил о психоанализе:

В петрушечном фарсе нашего века... больше нет виновных и нет ответственности. Мы слышим: «Мы ничего не могли поделать» и «Мы не хотели, чтобы это случилось». И действительно, происходят вещи, за которые не отвечает ни один конкретный человек. Все течет, и все мы попадаем в поток событий. Мы виноваты все вместе, все вместе увязли в грехах наших отцов и дедов... Это наша беда, а не наша вина.

Практикующих психоаналитиков было немного. В венском обществе в 1924 году насчитывался всего сорок один член. Европейская медицина по-прежнему относилась к ним с подозрением. Консервативные иерархии медиков, управляющие специальностями в университетах, старались представить «фрейдовскую науку» в минимальном объеме. В их действиях просматривался антисемитизм, скрытая проблема, которой Фрейд и опасался, надеясь, что Юнг изменит национальные характеристики движения.

В Америке все было по-другому. Медики доминировали в психоанализе – после 1923 года каждый аналитик должен был быть доктором медицины, – но там в новой психологии видели новые возможности, а не угрозу. Университетские факультеты, в деятельность которых не вмешивалось ни государство, ни объединения специалистов, практически с самого начала заинтересовались психоанализом с положительной стороны. Отдельные врачи, более спокойно рассуждающие о деньгах, увидели финансовые преимущества, которые мог дать психоанализ. Психоанализ у американцев стал более позитивной доктриной, уделяющей меньше внимания зловредным силам бессознательного.

Эрнест Джонс рассказывал о том, как на Бостонской конференции, где он выступал еще в 1909 году, одна женщина утверждала, что эгоцентризм может быть характерен для снов в Вене, но уж, конечно, не в Америке, где людям снятся альтруистические сны. Фрейд нашел это «прелестным».

В Великобритании психоанализ не имел такого устойчивого положения, несмотря на то что в Лондоне был Джонс, умевший лоббировать и договариваться с людьми. Немногочисленное Британское психоаналитическое общество не имело статуса в медицине и управлялось лично Джонсом, который установил там жесткую дисциплину: однажды он пригрозил исключить племянницу Бертрانا Рассела, потому что она давала лекции без его разрешения. Очень немногие вообще знали о существовании общества. Если не считать небольшого круга интеллектуалов, обративших внимание на идеи Фрейда, британцы прониклись по отношению к идеям будущего меньшим энтузиазмом, чем американцы. Более циничные или более реалистичные, они добавили психоанализ к списку странных изобретений, которые могут плохо кончиться.

Психоанализ часто фигурировал в газетных статьях, обычно враждебных, и в презрительных речах судей и епископов. Передовая статья «Таймс» содержала сетования на то, что психоанализ может показать человеку в себе «любителя жестокости или

чувственности» и таким образом «заполнить ужасом и отчаянием умы, которые привыкли видеть свои склонности в совершенно другом свете». Автор статьи не видел смысла в таком лечении: «К чему такие озарения?».

Послевоенная неприязнь к Германии и ее союзникам тоже не помогала, если учитывать, где жил основатель теории. Джонс спорил с Ранком по поводу немецких фраз, которые оказывались в гранках статей «Международного журнала», набранных австрийскими типографами. Те часто вместо «Mrs» (миссис) могли поставить «Frau» (фрау), что выглядело оскорбительным для британца. Неприличие – иностранное неприличие – считалось многими из них синонимичным «фрейдизму». Фрейда считали врачом – распространителем грязи, подобным Гавелоку Эллису. Как правило, Фрейд описывал сексуальное поведение в меньших подробностях, чем Эллис, но его работы были более опасны.

Медики, которые, казалось бы, должны были проявить хоть какую-то терпимость, с готовностью взяли на себя роль полиции нравов. Издательство «Кеган Пол» беспокоилось по поводу английского перевода «Леонардо», вышедшего в 1922 году, потому что там содержались упоминания о гомосексуальности. Особенно опасной считалась тема детской сексуальности. «Три очерка», которые с 1910 года стали доступны в США, потому что этой темой интересовалось целое множество специалистов, появились в британском издании лишь в 1949 году. Многие врачи в консервативной Британской медицинской ассоциации были бы рады, если бы Джонс лишился своей процветающей частной практики, поскольку его считали дважды виновным он занимался «нечистыми» темами и получал от этого прибыль.

Суссекское отделение Британской медицинской ассоциации в 1925 году слушало дело о «недостойной сексуальной практике», связанной с девочками и психоанализом. Это были неуверенные заявления, которые не публиковались и не доказывались – возможно, отголосок довоенных рассказов о Джонсе, загородный дом которого находился в том же графстве. На следующий год Британская медицинская ассоциация учредила комиссию, в составе которой был и Джонс, для рассмотрения психоанализа. Эта комиссия случайным образом просмотрела данные, собранные за несколько лет. Девочку тринадцати лет в интернате якобы заставили принимать ванну «совершенно нагой» в присутствии директора. «Это была школа, которой управляли по психоаналитическим принципам», – заявил врач, который подавал эту жалобу. «В Англии нет школ, построенных по таким принципам», – улыбнулся Джонс, единственный член комиссии, осведомленный о предмете.

Они выслушивали долгие речи о предполагаемой абсурдности психоанализа. Один «фрейдист» лечил жертву военной воздушной бомбежки. Этот неизвестный аналитик якобы нарисовал на бумаге сосискообразный предмет и спросил пациента, что это по его мнению. «Цепелин?» – ответил пациент «А разве, – настаивал аналитик, – вам это не напоминает мужской орган?»

Джонс, учтивый и обладающий даром убеждения, спокойно смотрел, как его оппоненты делают из себя дураков, и постепенно настроил комиссию на более позитивный лад. «Это значит постоянно бороться с неуязвимым врагом», – писал он Фрейду в январе 1929 года, но отчет комиссии, сделанный позже в этом же году, не принес вреда. За многими моментами видна рука Джонса – в том числе за параграфом о «бытующем мнении, что [фрейдистский анализ] побуждает пациента потакать порывам, запрещенным обществом, хотя все предполагаемые случаи подобного, представленные комиссии, оказались беспочвенными». Он наконец смог отомстить медикам, когда-то выгнавшим его из Лондона.

Что бы Фрейд там, далеко в Австрийской империи, ни думал об этой деятельности, до него доносилось только эхо конфликтов, от которых он отгородился. Единственное событие в Лондоне, которое вызвало его интерес – и возмущение, – касалось Анны, которую Джонс посмел критиковать. Джонс как будто старался изо всех сил досадить Фрейду – еще один смиренный ученик, наверное, уставший от долгих лет унижения и немного возгордившийся, пока император спит.

За этим спором стоит фигура Мелани Клейн, психоаналитика с подавляющей личностью, которая прославилась благодаря своим противоречиям с коллегами. Австрийка (родившаяся в 1882 году), без академического образования, она была проанализирована Ференци и стала детским аналитиком. У нее развились догматические идеи о силе и сложности детских фантазий. Когда Карл Абрахам, ее учитель, умер в 1925 году, Джонс пригласил ее работать в Лондон, считая, что она принесет с собой свежие идеи и расшевелит британский психоанализ, который, несмотря на всю активность Джонса, больше походил на опереточную армию, состоявшую из десятка практикующих аналитиков. И Клейн расшевелила их на следующие тридцать пять лет. Некоторые члены британского общества до сих пор называют ее «эта сволочь».

Замечания, вызвавшие недовольство Фрейда, содержались в письме, написанном в мае 1927 года. Джонс описывал удачный анализ его двоих маленьких детей и тут же упомянул недавно опубликованную книгу Анны, введение в детский анализ. К сожалению, писал он, в книге есть места, с которыми он не может согласиться, добавляя необоснованно: «Не могу не предположить, что они, видимо, вызваны каким-то несовершенно проанализированным сопротивлением». В письме не говорилось еще кое о чем, что Фрейд наверняка знал: дети Джонса были в руках Клейн, методы которой отличались от методов Анны «Один из детей стал известным писателем Мервином Джонсом. В то время ему было пять лет. Он писал в своей автобиографии, что психоанализ не избавил его от невротических черт. „В любом случае, я забыл – или, вероятно, нужно сказать, подавил в себе – все связанное с моими сеансами с госпожой Клейн, если не считать поездки в ее дом и того, как выглядела ее комната“. Его друзья-аналитики этому удивлялись. Но то же самое произошло с маленьким Гансом.». Клейн решила, что дети гораздо умнее, чем считает Фрейд и все остальные, и лелеют убийственные эдиповы фантазии, когда им не исполнилось и полугода. Без сомнения, на доктрины обеих женщин влияли их противоположные характеры: одна – яркая разведенная женщина с детьми, вторая – страдающая тревожностью и никогда не знавшая мужчин.

Предположение, что Анна была «несовершенно проанализирована», явилось верхом наглости, даже если Джонс не знал, что аналитиком был ее отец. Сначала Фрейд просто напомнил ему, что подобные обвинения обоюдоостры. В сентябре 1927 года он потерял терпение и обвинил валлийца в том, что тот организует против него заговор. «Кто проанализирован достаточно? Я могу тебя заверить, что Анну анализировали дольше и тщательнее, чем, например, тебя самого». Расскажи мне, писал Фрейд, что происходит в Англии и в твоей голове. «Я научился многое выносить и не имею иллюзий о золотом веке, где ягненок пасется рядом с волком».

Джонс заверил его. «Настроение в Англии – абсолютная преданность вам и верность принципам психоанализа». Это было правдой. Джонс и британское общество оставались верными делу. Но Фрейд в пожилом возрасте боялся предательства. Он за глаза осуждал Джонса, называя его нечестным, лишенным оригинального мышления человеком, «применение которым моих идей осталось на школьном уровне», разочарованным ухажером, который мстит Анне за то, что она отвергла его в 1914 году – под влиянием отца, следовало добавить ему, если он сам хотел быть честным.

В каком-то плане жизнь Фрейда в 1920-х годах оказалась приятнее, чем он ожидал. Теперь, когда Австрия стала республикой, а от Габсбургов остались только воспоминания, Вену управляли социалисты. Они видели во Фрейде представителя нового постимперского строя, который принесет трудящимся мир и процветание. Именно они сделали его почетным гражданином города со словами, что чувствуют «особую благодарность и признательность» по отношению к нему за «новые пути, которые он открыл для образования детей и народа». Эта честь не слишком подходила такому человеку, как Фрейд, презрительно относившемуся к простому народу, к «деформированным черепам и носам картошкой» толпы, но ему все же было приятно получить ее, о чем он написал Сэму.

К политическим партиям Фрейд относился скептически, и чем больше они обещали,

тем больше вызывали у него подозрений. Трудно было представить, что можно предложить новой Австрии, обессиленной инфляцией и уличными беспорядками, что бы сделало ее заметно счастливее старой. Многие люди всех классов сожалели о славном прошлом, и по улицам ходили диссиденты со злобой на лицах и ножами в карманах.

«Красная Вена», как ее называли, была только частью истории. Правительство страны, равно как и провинциальная Австрия – та небольшая часть, которая осталась после войны, – были католиками и консерваторами, а их возглавляли христианские социалисты. Их поддерживала мощная пронемецкая прослойка, стремившаяся к аншлюсу, союзу с Германией, запрещенному мирным договором. Раздавались речи о том, что нужно защитить немецкие моральные ценности от новой угрозы с востока, безбожников-большевиков, и от старой угрозы, которая всегда легко вызывала бурю эмоций, – «еврейской опасности». Обе стороны использовали военизированные организации.

В 1927 году у венгерской границы произошел инцидент: группа ветеранов войны стреляла в социал-демократов и убила инвалида и ребенка. На суде в Вене обвиняемых оправдали. Рабочие вышли на демонстрацию, штурмовали Дворец правосудия, испугали правительство и подверглись обстрелу тяжелой вооруженной государственной полицией. Три часа спустя почти девяносто человек погибли и более тысячи пострадали – Вена не видела худшего насилия с 1848 года. Среди тех, кто был свидетелем этого массового убийства и вынужден был спасать свою жизнь бегством, был Вильгельм Райх. Именно после этого он вступил в коммунистическую партию.

Времена рождали экстремистов. «Неприятнейшее дело», – писал Фрейд Ференци с гор, прочитав об этом в газетах. События летом происходили такие, словно «в небе висит большая комета».

Оставалось только ждать и надеяться. «Вена катится в пропасть и может погибнуть, если мы не добьемся знаменитого аншлюса», – писал Фрейд Сэму в конце 1928 года, видимо, потому, что считал союз с Германией меньшим злом, чем плохо управляемую Австрию, раздираемую внутренними противоречиями. Сама Германия давно перестала быть для Фрейда источником вдохновения. Немецкие психиатры уронили себя в его глазах своим «невежеством» и «грубостью», враждебным отношением к психоанализу. Немецкие политики и генералы доказали в войне, что они не заслуживают доверия. Когда Фрейд написал свою автобиографию в 1924 году. Макс Эйтингон увидел гранки и стал просить его убрать упоминание о немецком «варварстве». Фрейд отказался.

Как и остальная Европа, он знал, что у высокопарного немецкого политика Гитлера и его национал-социалистической партии появились последователи, нацисты. К 1929 году местные организации возникли по всей Германии и Австрии. Их любимым методом были уличные драки. 7 ноября того же года Фрейд сделал в своем лаконичном дневнике запись: «Антисемит[ские] беспорядки». Студенты-нацисты сорвали лекцию еврейского профессора в Анатомическом институте, находившемся в начале улицы Берггассе. Люди спасались прямо через окна. Впрочем, преследование евреев в той или иной форме продолжалось на протяжении всей жизни Фрейда, и ему казалось, что Германия сможет удержать в узде национал-социалистов. Будучи в мае 1930 года в Берлине для подправки протеза, Фрейд встретился с американским дипломатом и журналистом Уильямом Буллиттом «До того Фрейд анализировал его жену в Вене. В 1930 году Фрейд и Буллитт договорились вместе исследовать покойного Вудро Вильсона, бывшего американским президентом после войны, человека непопулярного в Европе. Фрейд сделал психологическую оценку этого человека. Стречи не включил этого в „Стандартное издание“, поскольку Джонс сказал ему, что это „не принесет Фрейду много пользы в глазах беспристрастных историков“.». «Нация, которая родила Гете, – сказал он Буллитту, – не может так испортиться».

Неизвестным фактором стал сам Гитлер, который все послевоенное десятилетие затачивал когти. Его «духовным домом», куда он отправлялся для раздумий над своими апокалиптическими видениями, была та же гористая местность вокруг Берхтесгадена, которую любил Фрейд. Год спустя после того, как Фрейд с семьей побывали там в 1922 году,

принимая среди других гостей несчастных Фринков, Гитлер «влюбился в этот пейзаж» и выбрал тот же пансион «Мориц», где расхаживал помахивая кнутиком из кожи носорога, стараясь произвести впечатление на жену владельца пансиона. Его автобиография, «Майн кампф» («Моя борьба»), где на первой странице заявлялось, что Австрия должна вернуться к «великой немецкой матери», была завершена в 1926 году в другом месте под Берхтесгаденом, куда он продолжал ездить. Когда Фрейд проводил там лето 1929 года, они были совсем близко друг от друга.

Фрейда ждал еще один переворот в профессиональной области. Шандор Ференци, назойливый венгр, который страдал от проблем со здоровьем, женщинами и самооценкой, расстался с Фрейдом, одобрения которого искал почти всю жизнь и близким другом которого был более двадцати лет.

Если бы Ференци меньше нуждался во Фрейде, он ушел бы еще вместе с Ранком в 1924 году. Джонс утверждает, что вытащил его «насильно из пропасти». Сейчас Ференци разочаровался в психоанализе. После нескольких лет мучительных размышлений он публично высказал, что думает (ему было уже пятьдесят девять), обидел Фрейда и был изгнан. Движение унизило его, подразумевая, что он сошел с ума, и игнорировало его вплоть до последних лет, его реабилитация началась только сейчас.

У Ференци с самого начала были экстравагантные идеи о взаимоотношениях людей, как будто они могли быть очищены правдой. «Ваш жаждущий честности», – так он подписал свое письмо Фрейду в 1910 году. Авторитарность терапии вызывала у него неловкость. Он хотел, чтобы люди общались без ограничений, и однажды ему приснилось, что Фрейд стоит перед ним обнаженный – это символизировало «страстное желание абсолютной взаимной открытости». Телепатия нравилась ему потому, что ему было приятно думать, будто мысли пациента растворяются в мыслях аналитика.

Фрейд, который был на семнадцать лет старше его, с годами стал терпеливее и спокойнее и помогал ему преодолеть то, что он считал инфантильными склонностями. Они написали друг другу тысячу или две писем, больше, чем Фрейд с любым другим коллегой. Теплое отношение и экстравагантность Ференци всегда привлекали к себе. В двадцатых годах они обменивались дружественными письмами о том, как можно было бы усовершенствовать технику анализа. Но начиная с 1927 года Ференци разрабатывал свои собственные методы, которые держал при себе, хотя слухи о том, чем он занимается, уже появлялись.

Он любил пациентов, относился к ним как к равным, и дисциплинированная структура анализа была разрушена и заменена чем-то вроде дружбы. Были поцелуи и даже объятия. Аналитические сеансы могли продолжаться часами, если необходимо, за занавесками в домах пациентов. Люди изумленно рассказывали о танцовщице Элизабет Северн, которая слыла ясновидицей и много лет подвергалась бурному анализу Ференци. Фрейд говорил Джонсу после смерти Ференци, что венгр «считал, будто она влияет на него своими вибрациями через океан», – эта история не улучшила его репутацию, когда появилась в биографии Джонса.

К концу 1931 года Ференци стал открыто говорить о своих новых взглядах, и Фрейд начал возражать. Поцелуи – это все очень хорошо, но мы не в послереволюционной России, где все этим занимаются. Поцелуй – это эротическое интимное действие. Так скоро появятся вечеринки взаимных ласк, и это «вызовет огромное повышение интереса к психоанализу как среди аналитиков, так и у пациентов». Фрейд по-прежнему говорил дружелюбно, но не преминул вставить обидную фразу, не включенную Джонсом в биографию:

Насколько я помню, склонность к сексуальным заигрываниям с пациентами была тебе не чужда и в доаналитические времена, так что возможно, что новая техника связана со

старыми проступками.

Другими словами, Фрейд знал, что Ференци, будучи молодым врачом, имел сексуальные отношения со своими пациентками, и намекал, что новая техника – часть того же явления.

Вскоре после этого, в январе 1932 года, Ференци начал вести «клинический дневник», который был опубликован только в восьмидесятых годах. Там он, в частности, осуждал свою профессию за нечестность и говорил, что его больше беспокоит, как облегчить жизнь не пациентам, а аналитикам. Ференци говорил о «совете» – совете Фрейда – «не давать пациентам ничего узнавать о методике» и о «пессимистическом взгляде, которым делятся лишь с немногими, кому доверяют, что невротики – это отбросы, которые годятся только на то, чтобы оказывать нам финансовую поддержку и давать учиться на своих случаях. Психоанализ как терапия может быть бесполезен». У него наконец лопнуло терпение, хотя эти взгляды учителя, которые его теперь так удручали – презрение к некоторым клиентам и нетерпение по отношению ко многим, – не были тайной для его коллег десятки лет.

Раньше, во времена Брейера, говорил Ференци, Фрейд действительно верил в анализ, самозабвенно работая, чтобы вылечить невроз. Он часами лежал на полу, когда у пациентки был истерический срыв. Фрейд ли ему это рассказал, и правда ли это? Неужели молодой врач действительно ложился на пыльный пол рядом с Анной фон Либен и Фанни Мозер, держал их за руки, шептал утешительные слова? В своем стремлении внести сочувствие в психоаналитические отношения Ференци искал золотое время, в котором когда-то жил и работал его герой, где врач и пациент были поглощены друг другом и не звучало никаких электрических звонков, прекращавших это блаженство.

Появился и более мрачный призрак. Ференци решил, что для маленького ребенка имеют значение не только внутренние фантазии, но и внешняя реальность. «Теория совращения» 1896 года восстала из пепла в виде статьи, написанной Ференци для конференции 1932 года в Висбадене «В предыдущем году конференция была отменена перед самым началом, потому что в связи с катастрофой на Уолл-стрит в Европе начался политический и финансовый кризис. Ведущий банк Австрии, „Кредитанштальт“, в мае 1931 года стал первой пострадавшей крупной организацией.». «Смешение языков между взрослыми и ребенком», изрядно разбавленное выражение взглядов Ференци, учило аналитиков прислушиваться к пациентам и детям. В связи с этим снова поднимался вопрос сексуального совращения малолетних. Ференци противопоставлял «языки» страсти взрослых и детскую невинность. Он уже был готов отказаться от концепции детской сексуальности.

До того как представить статью на конференции, Ференци настоял, чтобы Фрейд выслушал его в более тесной обстановке. 30 августа 1932 года он приехал на Берггассе, 19, со своей женой, Гизеллой. «От него веяло ледяным холодом», – говорил Фрейд Анне.

Ференци тут же начал читать, что, видимо, длилось не меньше получаса. Фрейд (и Брилл, который был в то время в Вене и присоединился к ним уже после прихода Ференци) слушал молча. Замечание Ференци о том, что «даже дети респектабельных и благородных пуританских семей оказываются жертвами настоящего изнасилования гораздо чаще, чем кто-либо отваживался предположить», было очень похоже на заявления Фрейда, сделанные в ту пору, когда он был еще никому неизвестным врачом.

Те ранние работы Фрейда по совращению содержали сомнительные доказательства. В работе Ференци реальных свидетельств не приводилось вообще. Он приводит конкретный пример лишь один раз, упоминая «учителя», который недавно рассказал Ференци о «пяти семьях из приличного общества, где гувернантка жила в регулярной половой связи с мальчиками от девяти до одиннадцати лет».

Неизвестно, пытался ли Фрейд его отговорить. Когда супруги Ференци ушли, он рассказал Брилли один анекдот о старом еврее, который обещает польскому барону, что через три года научит его собаку говорить. «Почему бы нет? – говорит он другу. – Через три года умрет либо барон, либо собака, либо я сам». Фатализм был лучшей защитой Фрейда. Рассказывая Анне, как он был шокирован, он говорил, что Ференци выражался о детских

травмах практически теми же словами, которые он использовал тридцать пять лет назад. Он говорил Эйтингону, что статья глупа и несовершенна, хоть и безвредна.

Это не означало, что не стоит пытаться отговорить Ференци от представления статьи на конференции. Но Ференци был слишком важной фигурой, чтобы его можно было заставить замолчать: именно он основал международную ассоциацию, к съезду которой собирался обращаться. Статью приняли холодно – так же, как когда-то рассказ Фрейда о детском совращении приняли венские психиатры. Сам Фрейд при этом не присутствовал. Он уже много лет не посещал публичных собраний. Позже, как редактор «Международного журнала», Джонс исключил эту статью из издания.

Проблема Ференци была решена болезнью. Он уже плохо чувствовал себя во время Висбаденского съезда. Он страдал от злокачественного малокровия, которое в то время было необратимым заболеванием, и умер в мае 1933 года.

В письме Джонсу вскоре после этого Фрейд писал, что «вместе с Ференци уходит часть старой эпохи», которая сменится новой, «когда уйду я... Судьба, решимость, вот и все». Затем Фрейд описывает состояние Ференци:

Его уже давно не было с нами и в действительности даже с самим собой. Теперь легче понять медленный процесс разрушения, жертвой которого он стал. В последние два года он выразился органически в виде злокачественного малокровия... В последние недели жизни... с ужасной последовательностью развилась умственная дегенерация в виде паранойи. Центральное место занимало убеждение, что я недостаточно его люблю... Его технические инновации были связаны с этим, потому что он хотел показать мне, с какой любовью нужно относиться к пациентам, чтобы помочь им... Но давайте хранить этот грустный конец в тайне.

Психическая неустойчивость была известным побочным эффектом малокровия в поздней стадии. Но паранойя была болезнью предателя, и Фрейд, оставив двусмысленности в своем письме, которые получатель мог истолковать по своему усмотрению, сумел представить Ференци как человека психически неустойчивого уже много лет. Знакомый метод.

Джонс проигнорировал приказ ничего не говорить – едва ли Фрейд мог на это рассчитывать. Он должным образом улучшил историю. Когда он написал биографию Фрейда, мир узнал о «демонах, таившихся» в душе Ференци, который годами с ними боролся, пока не был побежден и не стал жертвой психоза. Это искажение истины стало общепринятым мнением. Конечно, Ференци был идеалистом, стариком и невротиком, которого стоило лечить, но если это называть сумасшествием, то среди аналитиков он был не одинок.

Что касается движения, идеи Ференци были забыты, поскольку они были не только оскорбительными, но и непрактичными. Тот Фрейд, который всегда был готов помочь наиболее интересным пациентам и проводил с ними бесчисленные часы, на полу ли или где-либо еще, едва ли положил бы в основу терапевтического метода такое расточительное использование времени. Нельзя было отказаться и от авторитета аналитика в методике Фрейда, потому что авторитет и дисциплина играли важнейшую роль в его терапии.

Сорок лет спустя психоанализ стал изменяться. Начали придавать больше значения матерям (в отличие от Фрейда). Акцент начал смещаться с детских фантазий на окружение ребенка. Это было, по крайней мере, отдаленно связано с методами Ференци. Структура анализа перестала быть такой неприкосновенной, и люди заговорили о «терапевтическом союзе», как когда-то Ференци говорил об «эмпатии». Даже детское совращение бурно вернулось с начала восьмидесятых годов, когда появилась масса преувеличений, как бы уравнивающая преуменьшения в прошлом. Такого мира Фрейду было бы не понять.

Глава 30. «Еврей-фанатик»

Летом 1930 года Амалия Фрейд, матриарх, как обычно, отдыхала на горном курорте

Бад-Ишль. Она была знаменитостью, пусть и небольшой, в этом городке минеральных источников и врачей, который часто посещала австрийская королевская фамилия (и Паппенгеймы). Старая имперская вилла теперь стала туристической достопримечательностью. День рождения Амалии, 18 августа, совпадал с днем рождения покойного императора Франца Иосифа, и в 1930 году, когда ей исполнилось девяносто пять, она увидела свою фотографию в газете и пожаловалась: «Я тут выгляжу так, словно мне сто лет». Ее здоровье ухудшалось. У Амалии из кровных родственников было семеро детей, четырнадцать внуков и девятнадцать правнуков. Дольфи, которая всегда была с ней рядом, говорят, в 1930 году (когда ей было шестьдесят восемь) сказала: «К сожалению, я не замужем». Амалия упрекнула ее: «Разве можно так говорить молодым девушкам?»

Фрейд отдыхал возле Грундльзее, неподалеку, и в августе три раза его отвозили к ней в гости на машине. Третий визит, на ее день рождения, был их последней встречей. Она страдала от боли и была одурманена лекарствами. Коллега Фрейда, Поль Федерн, привез ее в Вену, где она умерла. На похороны в сентябре вместо Фрейда пришла Анна. После этого он писал Джонсу, что чувствует только освобождение от страха, что мог бы умереть до нее, и удовлетворение, что она «освободилась» после такой долгой жизни. «Более, – признался он, – никакого горя», и выразил скепсис по поводу горя, выказанного его братом Александром, «который на десять лет моложе меня». Александр жил богато и был похож на раввина в своей широкополой шляпе и с седой бородой, а также очень сильно напоминал Якоба.

Здоровье самого Фрейда постепенно ухудшалось. В октябре 1930 года он перенес пневмонию. Протез, «это чудовище», постоянно приходилось подправлять, а раз-два в году вырезали или прижигали подозрительную ткань. Фрейд проклинал мучения, которые доставляет ему это устройство, но утверждал, что в остальном его здоровье не так уж плохо.

В европейской политике сгущались новые тучи. На выборах в Германии в сентябре 1930 года национал-социалисты Гитлера получили больше ста мест в Рейхстаге и их партия заняла второе место. Люди по-прежнему спрашивали: «А кто такой этот Гитлер?» Возможно, он был всего лишь перевоплощением венского мэра Люгера, который прославится на день и тут же будет забыт. На Берггассе, 19, похоже, по этому поводу не слишком волновались. Политические прогнозы были мрачными уже много лет подряд, но как-то им удавалось выжить. Фрейд потихоньку жил дальше, как и все остальные. В 1931 году он думал о том, что ему нужна летняя резиденция в городе – в пригороде он подыскал подходящий дом с садом, – и о возникающих разногласиях с Ференци.

Если бы позволило здоровье, он бы посетил город, где родился – раньше Фрейбург, теперь Пршибор, находившийся в стране, созданной в конце первой мировой войны, Чехословакии. Одну улицу города называли Фрейдова в его честь, а на дом кузнеца повесили табличку «В 1996 году газета „Иерусалим пост“ сообщала, что теперь в этом здании находится массажный салон. Заголовок звучал так: „Место рождения Фрейда предлагает другой вид терапии“.». На этом событии вместо него присутствовала Анна, одетая в шубу и берет, с печальным видом, и прочитала небольшой толпе его слова о счастливом детстве во Фрейбурге.

Теперь зритель, а не участник, он «почти» видел Чарли Чаплина на улицах Вены. Но Чаплин очень спешил. «Он неизменно играет только себя, каким он был в своей мрачной молодости», – писал Фрейд Макс Шиллеру, мужу Иветт Жильбер, и не мог удержаться, чтобы не добавить, что весь репертуар ролей мадам Иветт, от проституток до бесхитростных девушек, несомненно, берет начало в фантазиях ее ранней молодости, – только вот «я знаю, что анализ без желания пациента вызывает антагонизм».

Он позировал без особого терпения молодому скульптору Оскару Немону, которого привел к нему Федерн, «обычно на редкость неспособный открывать непризнанных гениев». Немон был «сухопарым художником с козлиной бородкой» и «восточнославянским евреем», что явно не свидетельствовало в его пользу. Он сделал «из глины – как Господь Бог» голову, которая, как Фрейд вынужден был признать, оказалась «удивительно похожей». Служанка

Фрейда пожаловалась, что он выглядит слишком злым. «Но я и есть злой, – отвечал Фрейд. – Я зол на человечество».

Уверенность в будущем пропала. После «Кредитанштальта» лопнули другие банки, издательские дела оказались под угрозой, хотя все обошлось. Гитлер, которому запретили въезд в Австрию, тайком проник в Вену в сентябре 1931 года, потому что хотел побывать на кладбище «Двадцатитрехлетняя племянница, с которой у Гитлера была романтическая связь, Гели Раубаль, выстрелила себе в сердце в его мюнхенской квартире 18 сентября. У нее были родственники в Вене, и поэтому тело похоронили там. Гитлер, глубоко огорченный (то ли из-за любви, то ли из страха, что это помешает ему в политике), отважился пересечь границу в своем „Мерседесе“ с машиной охранников позади и отправился в Вену, где положил цветы на ее могилу на центральном кладбище. После этого он приказал водителю проехать мимо Оперного театра на Рингштрассе.». В Вене он сказал местному нацисту, называвшему себя «гауляйтером» города, Альфреду Фрауэнфельду, что не позже 1933 года он завоюет власть в Германии.

30 января 1933 года Фрейд записал в дневнике: «Гитлер – рейхсканцлер», под неправильной датой – 29-го. Национал-социалисты все еще не имели права управлять страной, но президент Германии, престарелый фон Хинденбург (который сказал. «Я уже одной ногой стою в могиле»), наконец дал себя убедить, что только «этот парень Гитлер», которого он презирал, может навести порядок в стране, охваченной политическим хаосом, и сделал его канцлером, главой правительства.

Выборы, последние в Германии правления Гитлера, были проведены в начале марта, и национал-социалисты стали правящей партией. 23 марта Рейхстаг принял акт, дающий Гитлеру диктаторскую власть, и начался переворот против социалистов, евреев и воспоминаний о поражении в 1918 году. Историк Уильям Шайрер писал: «Гитлер уничтожал прошлое со всеми его неудачами и разочарованиями».

Избиения, убийства и аресты стали в Германии обычным делом. В витринах были выставлены фотографии Гитлера, на каждом столбе развевалась его красно-черная свастика. Штурмовики трубили в свои горны, куда бы ни направлялись, даже если просто на сборы старой одежды. В мае власти сожгли книги на символических кострах в Берлине и других университетских городах. Профессора произносили под указку министерства пропаганды патриотические речи, в то время как студенты жгли костры и скандировали обвинения. Работы Фрейда были преданы огню за их «унижающее душу преувеличение инстинктивной жизни». Он оказался в компании, в частности, Томаса Манна, Альберта Эйнштейна, Эптона Синклера, Эмиля Золя, Марселя Пруста и Гавелока Эллиса.

В огонь попали и материалы, украденные из института сексуальной науки Магнуса Хиршфельда. Сам Хиршфельд, как еврей и гомосексуалист, стал удобной мишенью для национал-социалистов, осудивших «декадентство» старого Берлина. Впрочем, некоторые из гомосексуальных пациентов, истории болезни которых хранились в этом здании, как говорят, были нацистами. Это объясняет, почему институтом занялись так скоро. Сам Хиршфельд бежал еще до начала террора.

Многие евреи вскоре последовали его примеру. Вначале спастись было легко. Эрнст и Оливер Фрейды с семьями жили в Берлине. Оливер, невезучий сын, в 1933 году потерял работу. Сначала он отправился в Вену, потом во Францию и наконец в Америку. Эрнст, более сильный по характеру, уехал из страны в качестве архитектора. Ему помогло принять решение то, что он узнал, будто одного из его сыновей в школе называют «Фрейд-еврей». Возможно, речь шла о Клеменсе, которому в то время было девять лет. Он говорил дедушке: «Для меня все было бы по-другому, если бы я был англичанином». И вот он им стал.

Немногие понимали, что на самом деле происходит. Фрейд говорил об Австрии оптимистически. Он считал, что страна движется к правой диктатуре, но доверял Лиге Наций, которая никогда не позволит законного преследования евреев. «Кроме того, – рассуждал он в письме Джонсу, – австрийцы не склонны к немецкой жестокости». Фрейд был прав насчет диктатуры, насчет же всего остального ошибался.

Вероятно, он не был таким оптимистом, как хотел казаться. «Мир превращается в огромную тюрьму», – писал он Марии Бонапарт. К его возмущению, уважаемый австрийский журналист, Людвиг Бауэр, с которым он беседовал в конце 1933 года, написал статью, где Фрейд выглядел беспомощным стариком, трясущимся от страха и постоянно повторяющим: «Вы думаете, они выгонят меня, вы думаете, они заберут мои книги?» Это был сфабрикованный образ. В ответ на статью Фрейду пришло письмо от швейцарского психиатра, предлагавшего ему безопасное убежище в «Бургхельцли» в Цюрихе, если это поможет ему справиться с депрессией. Это была старая больница Юнга. Без такого утешения Фрейд вполне мог обойтись.

Как ожидалось, австрийский канцлер, Энгельберт Дольфус, упразднил парламент. Демократия окончательно погибла в феврале 1934 года, когда социал-демократы и горстка коммунистов объявили о забастовке, которая превратилась в четыре дня гражданской войны в Вене. Современные дома Карл-Маркс-Хофа, построенные социалистами для рабочих семей, стали крепостью. Эти здания все еще стоят вдоль главной дороги в северном пригороде, недалеко от Бригиттенау, где в мужском общежитии жил Гитлер. Женщины бросали из окон на солдат горящие уголья. Правительство Дольфуса ответило артиллерийским огнем и убило тысячу человек «Ким Филби, который впоследствии стал агентом британской спецслужбы и собирал информацию для русских, говорят, в тот февраль был в Вене и из-за увиденного вступил в коммунистическую партию.». Фрейд писал американской поэтессе Хильде Дулитл (Х. Д.), которая была его пациенткой в 1933 году:

Без сомнения, бунтовщики принадлежали к лучшей части населения, хотя их успех был бы очень кратковременным и привел бы к военному вторжению в страну. Кроме того, они были большевиками, а я не вижу спасения в коммунизме. Так что мы не могли симпатизировать ни одной из враждующих сторон.

В Австрию и так почти началось вторжение. Усилилась активность доморожденных нацистов. В мае начались террористические взрывы: на вокзалах, электростанциях, в церквях. Насосную в Ишле тоже взорвали. В правительственных учреждениях использовали бомбы со зловонным газом. Обстановка ухудшалась, и было неизвестно, как отреагирует на это Италия. У итальянцев был свой собственный диктатор, Муссолини, который с подозрением относился к Гитлеру и считал, что Австрия находится в ведении Италии. Они встретились в Италии 14 июня. Фрейд писал Джонсу два дня спустя со своего летнего курорта под Каленбергом, где было красиво, но «жизнью наслаждаться не получается. Фундамент расшатывается». Возможно, в этот же момент «интриган М. в Венеции продает нас королю воров Г.». Но Гитлер заверил Муссолини, что Австрия останется независимой.

Это не спасло Дольфуса, который был убит в своем кабинете 25 июля. Заговорщики действовали недостаточно быстро, и то, что планировалось как нацистское восстание, было подавлено правительством, которое даже повесило некоторых организаторов. Все еще чувствуя себя неуверенно за пределами своей страны, Гитлер отступил, и Австрия начала превращаться в нацистскую страну постепенно. Долгожданный аншлюс пришлось отложить. Венские евреи все еще могли надеяться и ничего не предпринимать.

В Германии было уже небезопасно. Несколько десятков тамошних психоаналитиков начали уезжать при первой возможности. Карен Хорни, которая не была еврейкой, и Ганс Закс, еврей, оба получили приглашение работать в Америке еще до прихода Гитлера к власти. Елена и Феликс Дойч отправились в Америку 1934 года; Макс Эйтингон – в Палестину в 1935 году, несколько месяцев спустя после введения «Нюрнбергских законов», которые поставили евреев вне закона, лишив их немецкого гражданства и запретив брак или сексуальные связи между евреями и арийцами. Фрейдиистская диаспора распространилась и на Австралию с Южной Америкой, хотя США всегда наиболее привлекали психоаналитиков.

Джонс в Лондоне все еще мечтал о будущем психоанализа и эти события воспринимал без энтузиазма. В письме Эйтингону, до того как тот эмигрировал, Джонс писал, что «склочные жители Центральной Европы, похоже, сохраняют свои привычки и в других странах» и делают все возможное, чтобы «заразить» их.

Как большинство британцев, он с недоверием относился к иммигрантам. Врачи испытывали особое подозрение, равно как и немногочисленные лондонские аналитики, которые боялись появления новых конкурентов. «Мы не можем создавать пациентов», – писал Джонс. В то же время он нашел работу в больницах для некоторых немецких аналитиков, которые приехали в Англию в 1933 году. К концу года приезжих стало уже шестеро – первые из многих. Но Англия – это не Америка. Как однажды Джонс рассказывал Анне без всякого смущения, «здесь существуют сильные предрассудки против людей, говорящих с иностранным акцентом».

Аналитики, которые оставались в Германии, могли продолжать практику, если подчинялись требованиям нацистов. Евреи среди них не приветствовались, а позже исключались (в конце концов из всей медицины и юриспруденции), но психотерапия, пусть не в том виде, в каком представлял ее Фрейд, продолжалась под официальным покровительством и даже процветала. Такая любопытная ситуация возникла потому, что врачом, ставшим ведущей фигурой немецкого психоанализа, был психиатр и психоаналитик – последователь Адлера, М. Х. Геринг, кузеном которого был фельдмаршал Герман Геринг. Под таким покровительством менее высокопоставленный Геринг мог считать себя руководителем нацистского психоанализа, направленного на создание «немецкого искусства исцеления душ» – эту страшную фразу он использовал в своих выступлениях.

Классический фрейдистский анализ был неприемлем как наука о сексуальных извращениях. Эдипов комплекс был заменен на комплекс семьи. Фрейда провозгласили предателем человечества (Дарвин тоже вошел в их число), который ниспровергал высшие качества светложкожих народов. Юнга, арийца, все еще работавшего у своего озера в Цюрихе, считали подходящим человеком для нового порядка М. Х. Геринга, и в 1930-х годах Юнг позволил нацистам воспользоваться своим авторитетом. Возможно, он намеренно старался подняться на ступеньку выше за счет Фрейда. Если Юнг и не был антисемитом, он был агрессивным проарийцем: для Европы времен Гитлера разделить эти понятия было достаточно сложно. Впоследствии он говорил: «Что ж, я оступился».

Реакцией Фрейда на нацизм стало стремление подчеркнуть свою принадлежность к евреям, которая была далеко не однозначной. Он был атеистом и избегал еврейских ритуалов. Он участвовал в еврейских свадьбах только против своей воли. Ни одному из его троих сыновей, по всей видимости, не было сделано обрезание. Но Фрейд не мог игнорировать свое происхождение, да он этого и не хотел. Эрнест Джонс в своем некрологе писал, что достижения Фрейда были бы невозможны без его национальных особенностей, среди них «особенной национальной проницательности» и «скептического отношения к иллюзиям и обману». Более сложные приемы, использованные, например, Сандером Л. Гилменом, показывают, как Фрейд и евреи в целом определяют себя в соответствии с тем, что неевреи говорят об их внешности, сексуальности и характере, часто выражаясь враждебно и неприлично.

Что именно означала для Фрейда принадлежность к евреям, он, по его словам, не мог объяснить. В 1935 году он говорил корреспонденту: «Я всегда сохранял верность своему народу и никогда не притворялся не тем, что я есть: евреем из Моравии, родители которого родом из Австрийской Галиции». Даже это простое заявление содержит некоторую характеристику. Галиция раньше была провинцией Австро-Венгерской империи, так что добавлять к ней «Австрийская» было не нужно. Но это выражение делало Галицию как бы ближе и цивилизованнее. Сама Галиция олицетворяла восточные дикие места, из которых на запад устремлялись потоки неевропейских крестьян, вызывая антагонизм, приносивший вред тем, кто уже прижился на западе. Хитрые евреи, с ненавистью высмеиваемые в нацистской литературе, были сродни фигурам, от которых когда-то стремился удалиться Фрейд, когда

для него, как и для тысяч других евреев, идеалом был немецкий образ жизни.

Времена менялись, и Фрейд менялся вместе с ними. На свой семьдесят пятый день рождения в 1931 году он ответил на поздравление от главного раввина Вены, что, к своему удивлению, обнаружил, что «где-то в душе, в потайном уголке, я – еврей-фанатик». Возможно, это было чем-то вроде того романтического чувства, о котором он девять лет назад говорил Ференци, – «тайных желаниях», которые он в себе находит, «возможно, доставшихся мне от предков». Но он продолжает выражаться неясно. Гилмен говорит, что «Фрейд всю свою жизнь заново определял для себя сущность еврея».

В ответ на новую волну антисемитизма Фрейд отгородился от современного мира и написал еще одну историю-фантазию, уже последнюю. Это была книга о Моисее, где с помощью психологии Фрейд размышляет о происхождении еврейского народа. Другими словами, сочиняет. Эта идея была описана в письме 1934 года Арнольду Цвейгу, писателю, который уехал из Германии в Палестину. Столкнувшись с «новыми преследованиями», писал Фрейд, он снова задался вопросом, «почему евреи стали тем, что они есть, и чем они вызывают эту неутолимую ненависть». Книга, начатая в 1933 году и написанная в течение следующих четырех лет, изначально носила название «Человек Моисей. Исторический роман», но перед публикацией оно было изменено на «Моисей и единобожие».

В книге было мало утешительных выводов. Во-первых, она представляла новую историю евреев. Согласно этой версии, Моисей был египетским священником благородного происхождения, который вывел рабов-семитов из рабства, заставив их принять свою монотеистическую веру в абстрактного невидимого Бога, который требовал высоких моральных стандартов поведения. Это был «избранный народ», потому что его избрал Моисей. Евреи подвергались обрезанию, поскольку он хотел, чтобы они отличались от других. Кроме того, обрезание было египетским обычаем, и этот аргумент был для Фрейда основным.

Устав от строгости Моисея и, предположительно, его высоких моральных стандартов, последователи убили его. Они смешались с другими племенами и приобрели от них веру в «варварского бога вулканов и пустынь», Яхве, живущего на горе Синай. Вместе они стали евреями, молящимися грозному богу-вулкану. Библейский Моисей начинался с другого образа – местного мелкого священника, с которым позже объединился образ «настоящего» Моисея из Египта. Подавленные воспоминания об убитом Моисее и его религии сохранялись в памяти народа, передаваясь, как воспоминания в «Тотеме и табу», согласно процессу наследуемой вины, в который Фрейд все еще верил. Тени прошлого превратили бога-вулкана в первоначальное божество, того, кто верил в правду и справедливость и требовал обрезания. Моисей восторжествовал.

Фрейда интересовала не вера как таковая, а лишь ее происхождение – историческая школа «Тотема и табу» – и то, почему религия евреев делает их непохожими на остальных. Именно Моисей, по Фрейду, создал евреев тем, что дал им религию, согласно которой они стали избранным народом, духовно негибким, превосходящим остальных. Среди объяснений, которые Фрейд нашел для антисемитизма, было то, что евреи сами настаивают на своей индивидуальности, а также бессознательный страх неевреев перед кастрацией, который вызывается еврейским обычаем обрезания. Этот увечающий обычай был широко распространен среди неевреев среднего класса в англосаксонских странах того века, что, впрочем, несколько не избавило их от предрассудков (как саркастически добавил Джонс в рецензии на «Моисея»).

Конечно, Фрейд видел в себе черты современного Моисея. Он был не уверен в своих национальных чувствах и искал утешения в переписывании истории и исследовании своего собственного бессознательного. Он говорил, что Моисей преследовал его долгие годы, словно «неизгнанный призрак».

Австрия постепенно склонялась к фашизму. В 1933 году, в начале нацистского режима в Германии, Анна Фрейд писала Джонсу «Иногда меня удивляет, что в такое время, как сейчас, наступают весна и лето, как будто ничего не случилось».

Записи в дневнике Фрейда, всегда очень краткие, рассказывают, как шла его замкнутая жизнь: «Принцесса», «Марте 74 г.», «Кровь из носа». Майкл Молнар из Музея Фрейда, который сделал комментарии ко всем этим записям, отмечает, что запись сразу перед «кровью из носа», сделанной 27 октября 1936 года, датирована 24 октября и звучит так «День рождения Флиса» Это единственный раз за все десять лет ведения дневника, когда Фрейд вспоминает об этой дате. «Флис» и «кровь из носа», возможно, связаны, потому что именно его операция на носу Эммы Экштейн в 1895 году чуть не убила ее из-за открывшегося кровотечения.

Должны ли мы поверить, что у Фрейда текла кровь из носа во вторник оттого, что он думал в субботу о Вильгельме Флисе, или же он сделал запись о Флисе, потому что бессознательно ощущал проблему с носом, которая три дня спустя выразилась в кровотечении? Нельзя назвать это невероятным – по крайней мере, не исключено, что это считал возможным Фрейд. Когда-то он думал, что у Экштейн кровотечение из-за любви к нему.

Смерть Берты Паппенгейм в марте 1936 года не отмечена в дневнике. Ей было семьдесят семь – всего на три года моложе Фрейда. Та молодая женщина, которую лечил Брейер и описывал Фрейду с таким серьезным результатом, провела всю жизнь в социальной работе. В ее случае были тайны, которых не разгадал ни Брейер, ни кто-либо еще.

Какова бы ни была правда, Берта изменилась, стала реформатором. «Если в следующей жизни есть справедливость, – писала она в 1922 году, – женщины будут издавать законы, а мужчины рожать детей». Ничто в ее зрелые годы не говорило о том, что она была Анной О., которую Берта так удачно подчинила себе и превратилась в строгую филантропку и писательницу.

В молодости Фрейд, несомненно, был бы очень рад узнать о ее снах. Она вела дневник всю жизнь, а в пожилом возрасте все еще записывала некоторые сны из-за неугасаемого интереса к самой себе...

Я путешествовала после ужина с компаньонкой, которая немного напоминала мою мать. Она держала в руках кнут, завернутый в оберточную бумагу, чтобы «мужчины знали, кто я такая». Вокзал, когда мы добрались до Ровно, был освещен длинными струями газа, которые пахли серой.

«Наверное, они думают, что мы дуры», – сказала моя компаньонка. Мы видели, как русский преступник в помятом костюме сажает в поезд двух молодых женщин. У них были маленькие головы, как картофелины. Мужчина дал им перевязанную шпагатом пачку рублей и сказал, что, когда они приедут в Буэнос-Айрес, они смогут стать танцовщицами, или компаньонками богатых дам, или кем захотят. Мы закричали: «Обманищик!» и «Торговец белыми рабами!» – так громко, как только могли, но никто нас не слышал.

Поскольку в Ровно часто совершались похищения, было необходимо найти начальника полиции. Я шла вниз по грязной улице – теперь одна – и приблизилась к железным воротам с шипами наверху. Мальчик, который подметал в канаве, сказал: «Вы можете войти».

За воротами открылся парк, и я увидела здание, которое тут же узнала. Я очень испугалась. С озера снялись две дикie утки с голубым оперением, и я подумала теперь мне придется снова пройти через все это.

Мет завела внутрь медсестра, и я слышала, как шепчутся люди. Это был санаторий в Кройцлингене. Доктор Брейер ушел всего час назад. Он бросил меня – я чувствовала это в своей лобковой кости – так же, как когда увидела кровавые простыни после смерти папы, так же, как во время верховой езды в Кобленце, когда мужчина с прямой спиной в конюшне громко высказался о моей «ничего фигурке» и я отвернулась с отвращением, но эти слова продолжали звучать у меня в голове, «ничего фигурка, ничего фигурка, ничего фигурка».

Надзиратель держал шприц для подкожных инъекций. Я хотела сказать ему, чтобы он не глумился, я взрослая женщина, которая делает добрые дела и пишет книги. Каждый раз, когда я открывала рот, я заходила в кашлю, как было тогда, когда я ухаживала за папой. Кашель означал: «Послушай, уважаемый, я руководила приютом для сирот, я основала лигу женщин. Я спасла сотни девушек от продажи в проститутки».

Было важно, чтобы он понял, что я еду выступить на съезде в Берлине с докладом о том, что евреи должны жить вместе с национал-социалистами. Я приказала ему убрать свой морфий, и они прикрыли мое лицо тканью, чтобы сдержать кашель. Я кричала им, что я не та Анна из статей, которые они постоянно публиковали, глупая маленькая фрейлейн, которую они лечили разговорами, и это все равно не помогло. Мы все знали, в чем была их проблема – они были мужчинами. Брейер думал, что все знает. Так же думал и этот наглый друг, с которым я никогда не была знакома, этот Фрейд, который потом писал обо мне так, будто знал меня. Никто из них и близко не подошел к Анне. Она играла с ними в женские игры.

Потом игла вошла в тело с хлопком, и я увидела мелькание голубых перьев над озером.

Я проснулась на рассвете в спальном вагоне с несильной головной болью, которая практически прошла к тому времени, как мы приехали в Берлин.

Глава 31. Исход

Самые разные организации доживали последние дни. «Факел», который перестал издаваться в феврале 1936 года, напоследок еще раз бросил камень в сторону психоанализа. Аналитики, заявил Карл Краус в последнем номере, подстерегают своих жертв у гостиниц на Рингштрассе. Некоторые, добавил он, «среди них самые ничтожные», уже уехали в Америку, «чтобы устроиться там, где есть деньги» – возможно, намек на Виттельса, который уже процветал в Нью-Йорке.

Французская журналистка в том же году ездила в Вену, чтобы написать юмористический рассказ о том, что Фрейд считает себя и свою науку удобной мишенью. Назвавшись мадам Дюбуа и притворившись, что боится собак, она воспользовалась Полем Федерном в качестве посредника.

Федерн, который принял ее (как она намекнула) только потому, что она утверждала, будто «отвратительно богата», отличался «раввиноподобным носом, какие можно увидеть только на антисемитских карикатурах». Он взял с нее деньги и устроил встречу с Фрейдом, с которым она увиделась в «красивом доме, свежеевыкрашенном, с орехово-коричневыми ставнями, сияющими на солнце», – доме, который он снимал на тенистой дороге в Гринцинг, ведущей в «Бельвию» и на Химмельштрассе Федерн тоже был там.

Выглядевший, по утверждению журналистки, скорее на шестьдесят, чем на восемьдесят, Фрейд был в «щегольском сером костюме, как жиголо, но это не выглядело смешным, потому что в том, как он ходил и двигался, было очень много молодой энергии». Его руки тоже были молодыми, «красноватыми и тяжелыми, но без морщин и без этих пятен, которые обычно покрывают руки стариков». Она заметила у него под подбородком «большой комок», который двигался, когда он говорил, и предположила, что это из-за «серьезного заболевания гортани», от которого его чудом спасли с помощью операции. Насколько он пострадал, она не заметила. Она увидела только рот, «полный золота как у старого каннибала, только что побывавшего у американского дантиста».

Настоящая пациентка, возможно, была бы преисполнена благоговения или, по крайней мере, внимания, но мадам Дюбуа откинулась назад и просто развлекалась.

«Почему вы настаиваете, чтобы я лечил вас? – спросил он ее по-английски. – Лечение психоанализом очень долгое. Оно займет не меньше года, а может, больше, и за это время я могу умереть. Тогда что вы будете делать? Убьете себя? У вас никогда не появляется желания покончить с собой? Или появляется?»

С ее точки зрения, он был карикатурой, смешным старым евреем с золотыми зубами,

который пользуется людской легковёрностью. Возможно, на этом этапе жизни он уже стал карикатурой. Его творческие годы закончились, мир все еще пытался понять его теории, а Вена, которая была его лабораторией, постепенно исчезала.

Когда мадам Дюбуа упомянула, что собаки ей раньше нравились, и согласилась, что под «раньше» имела в виду «до брака», «два пророка обменялись взглядами, полными скромного торжества людей, которые никогда не ошибаются».

– Что я вам говорил? – сказал Фрейд.

– Совершенно верно, герр профессор.

– Это классический случай.

– И я так подумал, герр профессор.

Теперь, когда появилась тема секса, в первом приближении план лечения был составлен. Старик даже согласился ее анализировать.

Фрейд поднялся. Он протянул мне руку, я подала ему конверт. Его жест казался скорее дружеским, чем профессиональным. Но конверт он взял.

К делу не относилось, что ему вполне могли быть нужны деньги: для Марты и Минны, для вдов семьи и старых дев, для издательства (центральный магазин которого в Лейпциге только что был захвачен гестапо), для Анны и на будущее.

Что касается физических страданий Фрейда, почти все рассказчики сходятся на том, что чем меньше подробностей об этом будет знать общественность, тем лучше. Ближе к концу 1936 года, по некоторым сведениям, он мучается со своим ртом и временно теряет терпение выносить эти страдания. К его приемному кабинету примыкала маленькая операционная с зубоврачебным креслом, где его обследовали каждое утро. В одну субботу профессор Пихлер выжигал ему подозрительную язву на щеке под местной анестезией, когда Фрейд воскликнул: «Я больше так не могу». Пихлер завершил операцию. Тот больше не жаловался. Хирург просто отмечает «Пациент сначала не чувствует боли, но к концу говорит, что больше не может вынести. Реальной причины нет».

Пять дней спустя в письме Марии Бонапарт Фрейд пишет, что после этого у него начались такие боли, что во время анализа – похоже, работу ничто не могло остановить – ему каждые полчаса нужна была новая бутылка с горячей водой, чтобы прикладывать к лицу.

Походя он сообщил принцессе, что исследует превратности судьбы бывшего короля Англии, Эдуарда VIII, который за неделю до того отказался от престола, чтобы жениться на разведенной американке Уоллис Симпсон. «Что происходит с королем?» – спрашивает он и выносит окончательный диагноз:

Я думаю, он бедный человек, не интеллектualan, не особенно умен, возможно, латентный гомосексуалист, который нашел в этой женщине друга, обрел с ней потенцию и, следовательно, не может жить без нее.

Бонапарт собиралась приобрести письма Флису. Она рассказала Фрейду в канун Нового года, что ей предложил их за двенадцать тысяч франков берлинский торговец, купивший их у госпожи Флис. Они были предназначены, по его словам, для национальной библиотеки Пруссии, пока нацисты не сожгли книги Фрейда и он не попал в черный список авторов.

Он ответил, что эти письма были очень личными и его бы очень смутило, если бы они попали в чужие руки. «Наша переписка была самой интимной, какую только можно себе представить. Я не хочу, чтобы они стали известны последующим поколениям». В разговоре он однажды рассказал ей шутку. Вопрос как приготовить куропатку? Ответ сначала закопайте ее в землю. Через неделю достаньте из земли. – А что потом? – Потом выбросьте.

Возможно, она позволит ему выплатить половину? Там содержатся «все догадки и ложные пути, связанные с рождением анализа». Но принцесса была непреклонна. Чем больше он хотел уничтожить эти письма, тем более ценными историческими документами они представлялись. Одним из условий ее покупки, сказала она, было то, что она никогда не продаст материал «прямо или косвенно» семье Фрейда, чтобы они не уничтожили его. Она говорила, что, возможно, поместит бумаги в национальную библиотеку – например, Женевы

– с запретом доступа в течение века после его смерти. В конце концов она зачитала ему избранные места и оставила все в сейфе Ротшильда в Вене.

Германия продолжала демонстрировать самым пугающим образом, во что превратится Австрия, если – или когда – наступит аншлюс. Уже были организованы концентрационные лагеря. Их пока считали не средством массового уничтожения, а скорее насильственным способом, которым расправлялись с политическими заключенными. Неявные упоминания о них в письмах к Арнольду Цвейгу позволяют предположить, что Фрейд знал обо всем. Целью создания таких лагерей было то, чтобы люди знали, что есть Дахау и Бухенвальд, и страшились этого.

В Австрии местные нацисты, финансируемые Берлином, произносили речи и устраивали демонстрации. Канцлер, Курт фон Шушниг, который заменил убитого Дольфуса, вел политику умиротворения и старался не делать ничего, что бы не понравилось Германии. «Наша политическая ситуация, похоже, становится все мрачнее», – писал Фрейд Джонсу в марте 1937 года. «Вторжение нацистов, скорее всего, невозможно будет сдержать. Последствия этого сокрушительны и для анализа». Он часто думал о турецкой осаде 1683 года, когда у ворот Вены был другой враг. Тогда освободительная армия пришла через Каленберг. Теперь спасения было ждать неоткуда, во всяком случае, не от Великобритании, и «если наш город падет, прусские варвары затопят Европу». Он сказал, что хотел бы жить в Англии, как Эрнст.

Пьер Жане, который той весной был в Вене, хотел зайти к Фрейду. Ему было семьдесят семь лет. Несомненно, он хотел обменяться приветствиями и забыть о прошлых разногласиях. Но Фрейд был категорически против. Если бы они встретились, сказал он Бонапарт, Фрейду пришлось бы упрекнуть Жане за то, что тот «несправедливо вел себя по отношению к психоанализу и ко мне лично и никогда не исправил сделанного». Фрейд рассказал о старой обиде, когда французы начали распространять клевету, что Фрейд украл его идеи, Жане не пытался их остановить. Фрейд отказался искать вежливые оправдания своему отказу. «Честность – единственно возможный выход. Грубость вполне оправданна».

Его память об отступниках тоже ничуть не притупилась. Альфред Адлер, который летом 1937 года приехал в Шотландию, чтобы читать лекции, скончался на улице в Абердине от инфаркта. Вскоре после этого в письме Цвейгу, который с грустью писал о его смерти, Фрейд ответил:

Не понимаю вашей симпатии к Адлеру. Для еврейского мальчишки из венского пригорода смерть в Абердине – неслыханная карьера сама по себе и подтверждение того, сколь многого он добился. Мир воистину щедро вознаградил его за то, что он противоречил психоанализу.

Насколько известно, у Фрейда с Адлером не было личных тренировок. Но тот отважился выдвигать собственные теории. Когда Эрнст Фрейд в 1970 году редактировал переписку Фрейда и Цвейга, он без комментариев удалил этот абзац, делая услугу Адлеру или, что более вероятно, своему отцу.

К 1938 году немцы были готовы напасть на Австрию, Гитлер пригласил к себе на дружескую беседу австрийского канцлера, и Шушниг тайно пересек границу в Берхтесгаден, где 12 февраля и произошла встреча – ровно четыре года спустя после штурма Карл-Маркс-Хофа в Вене. К концу дня под давлением Гитлера он подписал бумаги, отдающие Австрию в его власть.

Последовали недели пропаганды и растущей неуверенности. Анна писала Джонсу 20 февраля: «Мы не поддерживаем панику, охватившую остальных. Все еще рано точно определить, что происходит». Только 9 марта Шушниг объявил о проведении всенародного плебисцита, в котором австрийский народ должен проголосовать за или против независимой Австрии. Его собирались провести через четыре дня, в воскресенье, 13 марта.

Гитлер был в ярости – или делал вид. Плебисцит дал ему повод начать вторжение. В пятницу утром немецкие войска пересекли границу у Зальцбурга. По Австрии все еще разъезжали агитационные фургоны, призывавшие граждан голосовать «за» в воскресенье.

Листовки с тем же призывом падали на Вену с воздуха. Шушнинг послал отчаянное сообщение в Лондон, но, как знал Фрейд (и большинство людей), Британия не намеревалась ничего делать. Шушнинг подал в отставку, и венские национал-социалисты захватили правительственные здания и улицы.

Фрейда уже посетил американский дипломат, поверенный в делах в Вене, – это означало, что американцы собираются его защищать. Немногие могли рассчитывать на подобную помощь. В тот вечер в пятницу, 11 марта, Вильгельм Штекель, бывший коллега Фрейда, оставил все свое имущество – дом, одежду, книги – и отправился на Западный вокзал, где сел на девятичасовой поезд в Цюрих, вырвавшись на свободу.

В восемь утра в субботу, 12 марта, немецкие войска начали продвигаться по Австрии, не встречая сопротивления. Одна вооруженная дивизия пользовалась указаниями путеводителя Бедекера и останавливалась для пополнения запасов горючего у заправочных станций. Когда войска начали заполнять Вену, толпы людей, говорят, сначала молчали, но, возможно, это было придумано уже впоследствии. Вскоре они уже приветствовали немцев и помогали делать облавы на евреев. Венским нацистам не приходилось учиться у немецких жестокости.

Некоторых евреев заставили работать с ведрами и щетками, стирать антинацистские лозунги и убирать тротуары к приезду Гитлера в понедельник. Серж Панкеев, который уже давно работал в страховой компании и тихо жил со своей женой Терезой, отметил, что в первый день нового порядка работа в конторе началась с пения национального гимна Германии.

Вечернее субботнее издание «Нойе фрайе прессе» содержало официальное сообщение об аншлюсе. Фрейд смял газету в руке. В дневнике он записал: «Finis Austriae» («Конец Австрии»). После этого он перестал принимать пациентов.

На следующий день на Берггассе, 19, в последний раз произошло заседание психоаналитического общества. Фрейд сделал красивый театральный жест и сказал всем участникам, что они должны последовать примеру раввина Йоханана бен Заккаи, который бежал из Иерусалима после того, как римляне разрушили храм, и основал религиозную школу на новом месте. Члены комитета согласились, что общество нужно будет восстановить в любом месте, где окажется Фрейд. Оно оставалось в спячке, пока он жил, но после войны снова начало свою работу в Вене.

Эрнест Джонс и Мария Бонапарт поспешили в Вену. Джонс полетел туда через Прагу 15 марта, в тот день, когда американский поверенный отправил телеграмму в Вашингтон со словами: «Боюсь, что Фрейд, несмотря на возраст и болезнь, в опасности». Это сообщение, скорее всего, было показано президенту, Франклину Рузвельту, и с тех пор американцы вели себя так, чтобы нацисты видели, что за ними наблюдают. Среди охранников был Уильям Буллитт, соавтор Фрейда, теперь американский посол во Франции. Англичане в этом плане ничего не предпринимали, хотя самостоятельные действия Джонса поддерживались.

«Министерство иностранных дел относилось к гитлеровской Германии спокойно. В его документации есть выдержка из дебата в палате общин от 12 апреля 1938 года, где содержатся слова одного члена парламента, Оливера Локер-Лэмпсона: „Мы все еще содрогаемся от потрясения, вызванного недавним насилием над Австрией“. Рядом приписано рукой какого-то чиновника: „Разве?“»

До приезда Джонса в дом к Фрейду заявила банда штурмовиков с целью грабежа. Их удовлетворила сумма размером в триста фунтов – такие деньги предусмотрительный житель Центральной Европы держал при себе на всякий случай. Они не заинтересовались самим Фрейдом, хотя на другого пожилого господина Фрейда, по некоторым данным, напали на улице по ошибке. Через несколько домов, на Берггассе, 7, где располагалось издательство, новые бандиты ненадолго арестовали Мартина Фрейда. В это время появился Джонс, которого тоже час продержали под арестом.

Со временем то, что происходило в городе, превратилось в смутные воспоминания очевидцев – случайные события глазами случайных свидетелей. Кто-то видел, как старых

евреев согнали в Пратер, заставили раздеться догола и ползать на четвереньках. Еврейская девочка Ли Закс и ее брат видели, как троих евреев заставили стать на колени и мыть тротуар возле Южного вокзала под присмотром группы штурмовиков. Один из них расстегнул брюки и помочился прямо в лицо одному из евреев. Потом они стали пинать и бить всех троих.

По словам Джонса, Фрейд все еще не хотел уезжать из Вены, и его нужно было в этом убеждать. Более вероятно, что сейчас он уже был не против уехать, если немцы его отпустят – до того как получить разрешение, от евреев требовались большие денежные формальности – и кто-то его примет.

Все оставшиеся сомнения исчезли, когда неделю спустя нацисты вернулись на Берггассе, 19, на этот раз в виде гестапо, что внушало еще большую тревогу. Анну забрали на допрос. Бонапарт, которая была в Вене после того, как Джонс вернулся в Лондон, как раз находилась в доме и старалась вести себя так, чтобы ее тоже арестовали, но гестаповцы не хотели возиться с принцессами. Анну держали до вечера и лишь потом отпустили (возможно, после вмешательства американцев). Она вернулась домой, к смятым родителям. Врач Фрейда, Шур, еще до того снабдил Мартина и Анну смертельными дозами веронала на случай, если их будут пытаться. Фрейду об этом не сказали.

Америка была слишком далеко. Джонс занялся переговорами с высшими кругами Лондона, добиваясь признания профессора приемлемым иммигрантом. Позднее он писал, что устроил иммиграцию для Фрейда. На самом деле невозможно представить, чтобы британцы отказались принять Фрейда. Месяц спустя, в конце апреля, отдел паспортного контроля министерства иностранных дел издал четкие инструкции иностранным посольствам о выдаче иммигрантских виз. «Выдающиеся лица, т. е. имеющие международную репутацию в области науки, медицины, исследований или искусства», могут быть приняты без обращения в Лондон, и в выдаче виз людям такой категории нельзя отказывать без консультации с Лондоном. Фрейд попадал в эту категорию автоматически.

Джонс просто ускорил процесс и помог перебраться в Британию не только Фрейду, но и его окружению, а также некоторым другим аналитикам «Джонс мог решать, кого брать, а кого нет. Ганс Лямпл, бывший ухажер Анны, и его жена, которые переехали в 1933 году из Берлина в Вену, тоже хотели отправиться в Лондон. Но они не входили в его список, сказал он Анне, потому что против них было неизвестное „мнение“. Вместо этого они поехали в Амстердам.». Министр внутренних дел, сэр Сэмюэл Хоар, увлекался коньками и был членом того же клуба конькобежцев, что и Джонс, поэтому они были знакомы. Джонс обратился к нему через известного физика, который был президентом Королевского общества, и Хоар обещал дать разрешение на работу Фрейду, его семье и друзьям. В начале апреля, когда первые поезда с политическими пленниками уже отправлялись из Вены в лагеря, Анна изучала карты Лондона.

Среди менее удачливых евреев среднего класса спрос на визы как в Америку, так и в Великобританию значительно превышал предложение. Британским чиновникам паспортных отделов было приказано с подозрением относиться к гостям страны, которые могут оказаться беженцами. Любого похожего на еврея нужно было «осторожно расспрашивать». Многие профессии были нежелательными – в тридцатых годах слишком многие уже потеряли работу. Англия не нуждалась в розничных продавцах, владельцах мелких магазинов и «неизвестных музыкантах». Не нужны были и рядовые юристы, врачи, дантисты. Медицинский истеблишмент выступал против врачей-чужаков, которые, как считалось, не понимают британского образа жизни.

Домашняя прислуга – в домах среднего класса она все еще часто использовалась – могла въехать в страну достаточно легко, потому что эти люди выполняли работу, которая считалась британцами неприятной. Тысячи евреек получили разрешение переехать в Англию из Австрии. Бухгалтера и учителя назывались слугами, чтобы получить визы. Колонки частных объявлений в «Таймс» ежедневно печатали:

Молодая девушка из Вены (еврейка) хорошо готовит, ищет место няни или горничной.

Две портнихи высшего класса (неарийского происхождения) ищут работу.

Венский доктор философии, 24 года, еврей, ищет место учителя, компаньона для джентльмена или личного секретаря.

Многие из тех, кто не мог уехать, – а также некоторые уехавшие, кто не смог приспособиться к новой жизни, – кончали жизнь самоубийством. В Вене это приобрело масштабы эпидемии. Макс Шур передал Фрейду слова Анны: «Не лучше ли нам всем убить себя?» «Зачем? – сказал Фрейд. – Потому что они бы этого хотели?».

Тереза Панкеева с годами стала интровертом и недовольной жизнью женщиной. У нее с мужем было достаточно средств для жизни. Бывший миллионер получал скромный заработок, а Тереза, немка, имела небольшое наследство. После аншлюса у них не было особых причин для опасений, потому что ни один, ни другой не были евреями. Но однажды она сказала ему: «Знаешь, что мы сделаем? Мы включим газ». Он начал увещевать ее, но потом решил, что разумнее не обращать внимания на эти слова.

Однажды ночью была гроза и тяжелый флаг со свастики, который висел на каждом здании (в том числе на доме 19 по Берггассе) начал биться об окно их квартиры на верхнем этаже. Госпожа Панкеева сказала, что боится, как бы он не разбил стекло. На следующий день, 31 марта, ее муж, как обычно, отправился на работу. Когда он вернулся, кухня была заполнена газом, а его жена сидела за столом мертвая. Перед тем она забрала деньги из банка и оставила их Панкееву на столе; кроме того, она привязала флаг. Охваченный горем, Волчий Человек отправился на Берггассе в надежде встретиться с Фрейдом. Но служанка сказала: «Он болен. Он не может вас принять».

Готовился отъезд Фрейдов из Вены. У профессора было немного золотых слитков – или монет, – что тоже характеризовало его как предусмотрительного европейца. Бонапарт организовала провоз его золота через границу в дипломатическом портфеле греческого посольства. Она помогла Фрейду и Анне разобрать бумаги и выбрать то, что можно уничтожить. Они просмотрели архивы венского общества и выслали протоколы первых заседаний в Нью-Йорк. Часть библиотеки Фрейда была продана. Молодой фотограф Эдмунд Энгельман запечатлел квартиру на снимке, не пользуясь вспышкой, чтобы не привлекать внимания. Кроме того, он сделал фотографию для нового паспорта. Фрейд не мог уехать, пока его имущество не оценено и не уплачен налог на выезд из страны. Без этого даже сам президент Рузвельт не добился бы, чтобы его отпустили.

Из-за этой задержки часть сопровождающих уехала раньше, чем сам Фрейд. В списке кроме него было пятнадцать имен: Марта, Минна, Анна, Мартин с женой Эсти (и двумя детьми), внук Фрейда Эрнст Хальберштадт, дочь Матильда с мужем. Макс Шур с женой (и тоже с двумя детьми) и домашняя работница Фрейдов. Минна уехала 5 мая; Мартин -14 мая, а до него – его жена и дети; Матильда с мужем отправились 24 мая. Фрейд писал Минне, которая уже была в Лондоне, в безопасности, что их все еще задерживает налог на выезд. «Мы стоим в дверях, как человек, который хочет выйти из комнаты, но обнаруживает, что его пиджак прищемило».

25 мая Фрейд узнал, что налог, двадцать пять процентов номинального имущества, составил 31 329 рейхсмарок, которые нужно было заплатить 21 июня. Поскольку его банковские счета уже были конфискованы, а фонды в Голландии нелегальны, он не смог бы найти эту сумму в Вене. За него 4824 доллара заплатила Мария Бонапарт, и позже он возвратил ей долг. Этой весной она оказала еще одну услугу – если не самому Фрейду, то истории психологии: изъяла переписку с Флисом из сейфа Ротшильда, теперь принадлежавшего гестапо, и отвезла письма во Францию.

Фрейд был свободен. Он должен был подписать документ, в котором говорилось, что власти обошлись с ним «со всем уважением и вниманием, положенным моей научной репутации». Джонс пишет в своей биографии, что Фрейд спросил, можно ли что-нибудь добавить, и дописал ироничное предложение: «Я могу сердечно порекомендовать гестапо любому», но Джонсу рассказал об этом Мартин, и эта история не более чем вымысел. Указанный документ был впоследствии обнаружен, и на нем стоит только подпись Фрейда.

Возможно, он сказал сыну, что хотел бы такое написать.

Он собирался ехать вместе с Мартой, Анной, врачом, который должен был заменить Шура в последний момент, потому что тот заболел, служанкой и собакой чау-чау по кличке Лан. Четыре сестры Фрейда жили в Вене и никуда не поехали. Пятая, Анна, богатая вдова Эли, была в безопасности в Нью-Йорке. В Вене были три вдовы – Роза, Митци и Паула – и незамужняя Дольфи. Джонс писал, что Фрейд и его брат Александр оставили на их содержание сто шестьдесят тысяч австрийских шиллингов, или восемь тысяч фунтов. Неизвестно, как Фрейд смог оставить такую сумму, не привлекая к себе внимания и не увеличив свой налог на выезд.

В письме, которое Фрейд писал Бонапарт из Лондона в том же году, говорилось: «Мы не в силах обеспечивать их здесь, в Англии». Он предполагал, что деньги, которые он им оставил, «возможно, уже конфискованы и обязательно будут потеряны, если они уедут». Он добавил, что думал о том, чтобы устроить их на французской Ривьере: «Но будет ли это возможно?» Четыре старые женщины, которые наверняка не хотели уезжать из привычных мест, не считались большим приоритетом. Лагерь смерти тогда еще не было.

Фрейд в последний раз попрощался с ними. В 15. 25 в субботу, 4 июня, он вместе с остальными сел в «Восточный экспресс» на Западном вокзале. Их сопровождал член дипломатической миссии США в Вене. В предрассветные часы воскресенья, проехав двенадцать часов по Австрии и Германии, поезд достиг границы в Келе. Немецкая таможня ими не заинтересовалась, и они пересекли мост через Рейн в Страсбург, оказавшись во Франции и на свободе. Принцесса и Уильям Буллитт встретили поезд на вокзале в Париже, и Фрейды остановились в доме Бонапарт. Она передала Фрейду чек на его золото, которое ждало его в Лондоне.

Вечером они отправились в Кале, а оттуда на ночном пароме в Англию. Во время путешествия Фрейду снилось, что он высаживается в бухте Певенси, где в 1066 году вышел на берег Вильгельм Завоеватель. Эту историю рассказал тоже Джонс, что вызывает некоторые подозрения. Впрочем, могучий завоеватель, все еще мечтающий о новых победах, больше похож на Фрейда. Слабый беглец с тростью, седой бородой, в очках, слишком тяжелых для его лица, – это всего лишь прикрытие. В посмертном стихотворении Одена много правды:

*Он совсем не был умен: он просто сказал
Несчастному Настоящему повторять Прошлого
Как стихотворение, пока раньше
Или позже оно не запнется на строчке, где
Когда– то давно начались обвинения...
Пусть он часто ошибался и иногда доходил до абсурда,
Для нас он уже не просто человек,
А целое общественное мнение,
Согласно которому мы управляем своими такими разными жизнями...*

На Духов день, в праздник, он прибыл в Дувр. Поезд Фрейда ехал на север, а люди уезжали из Лондона на южное побережье. За двадцать лет до того, в Духов день 1918 года, Лондон перенес последний воздушный налет первой мировой войны, когда вверх по Темзе летели немецкие «готы» и «гиганты». В 1938 году шла гражданская война в Испании, а на следующее утро в газетах появились сообщения о «неизвестных бомбардировщиках» над Пиренеями.

Матильда и Мартин встречали Фрейда на вокзале Виктория вместе с Джонсом и его женой. Временным домом Фрейда в пригороде Сент-Джонс-Вуд, который он описывал Эйтингону, стал дом к северу от Регентского парка, на Элсворти-роуд, выбранный и обставленный Эрнстом. «Очарование нового места... вызывает желание закричать 'Хайль Гитлер!'» Рядом находился Примроуз-Хилл, который напоминал Фрейду о Гринцинге. Он

рассказал Эйтингону о триумфе, который почувствовал, когда освободился, смешанном «слишком обильно» с горем, потому что «я всегда очень любил тюрьму, из которой меня выпустили». Теперь, когда Фрейд оставил Вену навсегда, он наконец понял, что это его дом.

Брату Александру, который уехал в Швейцарию (они приехали в Великобританию только осенью и вскоре после этого отправились в Канаду), он писал 22 июня:

Эта Англия – вскоре ты сам увидишь, – несмотря на все, что кажется чуждым, странным и сложным, а этого здесь вполне хватает, – благословенная, счастливая страна, населенная добрыми и гостеприимными людьми. По крайней мере, такое впечатление я получил после первых недель. Нас приняли очень радушно. Нас принесло на крыльях массового психоза (я не мог не прибегнуть к поэтической метафоре). Через три дня почтальон исправно приносил письма по адресу «Доктор Фрейд, Лондон» или «Напротив Регентского парка», а таксист, который привез Анну домой, воскликнул, увидев номер дома: «О, это же дом доктора Фрейда!» Газеты сделали нас известными. Нас засыпают цветами, а от конфет и фруктов у нас вполне могло бы начаться серьезное несварение желудка.

Популярные газеты, вероятно, не попадали на его стол перед завтраком. Он заметил бы в них следы того же самого антисемитизма, который процветал по другую сторону Канала, но в более мягкой, англицизированной форме, скорее социальной, чем политической. За три дня до того, как Фрейд написал брату, «Санди экспресс», в то время солидная газета, исповедовавшая ценности среднего класса, выражалась так:

Наблюдается большой приток иностранных евреев в Великобританию. Они переполняют страну. Они пытаются в больших количествах устроиться на медицинскую работу... Что самое худшее, многие из них представляются психоаналитиками... [Психоаналитик] часто получает над пациентом власть, которой пользуется, если он не совсем порядочный человек.

В брошюре, выпущенной британскими евреями, чувствуется нервная атмосфера, с которой сталкивались иммигранты. Им советовали выучить английский и правильное произношение, чтобы не выделяться, а также не критиковать правительство или британский образ жизни. «Лучше говорите на английском с запинками, чем на беглом немецком, и не говорите громко. Не читайте на людях немецких газет».

Фрейд был огражден от всего этого. Он продолжал работать, завел несколько пациентов, немного писал. Последняя часть «Моисея и единобожия» была завершена в июле, и Фрейд устроил ее издание. Первые части уже появились, но он ожидал наибольшей отрицательной реакции от последней, заключения, как, впрочем, и произошло. Приходили посетители, некоторые из них были знаменитостями: Г. Дж. Уэллс, Сальвадор Дали (который привел с собой жену), посланцы от Королевского общества (избравшего его иностранным членом) со своей «хартией», чтобы Фрейд подписал ее. Из Манчестера приехал Сэм Фрейд.

Недалеко от Сент-Джонс-Вуд, в Мэсфилд-гарденз в Хемпстеде, рядом с Финчли-роуд, было найдено постоянное жилье. Это был отдельный дом, построенный после войны. Эрнст сменил там всю обстановку и подготовил его к заселению осенью. Марта перебралась туда 27 сентября. Фрейд – который в том же месяце подвергся радикальной операции в лондонской клинике – присоединился к ней три дня спустя.

Это была неделя мюнхенского кризиса, когда Германия, поглотив Австрию, вот-вот готова была завоевать следующую страну к востоку, Чехословакию. Коллеги убеждали британского премьер-министра, Невилла Чемберлена, продемонстрировать силу. В лондонских парках стали копать траншеи, чтобы использовать их как укрытия во время воздушных налетов. Выкатили все противовоздушные орудия страны – сорок четыре единицы. Флот был приведен в боевую готовность.

Но Чемберлен оставался миротворцем, говоря британскому народу по радио: «Как ужасно, нелепо и невероятно, что мы строим убежища и примеряем противогазы из-за ссоры в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем». Он поехал на переговоры с

Гитлером в Мюнхен и вернулся с триумфом («Я думаю, нас ждет мирное время»), как показано в сотнях телевизионных документальных фильмов, человек, похожий на управляющего банка, машущий какой-то бумагой. Фрейд записал в дневнике: «Мир». Шесть месяцев спустя немцы захватили Чехословакию и настроение в Великобритании наконец изменилось.

К этому времени, в марте 1939 года, опухоль Фрейда стала активной, метастазирующей и не поддающейся операции. Кроме того, он страдал от сердечной недостаточности. В конце июля он отказался от практики. Кроме боли и общей слабости разлагающаяся кость издавала неприятный запах, который отпугивал его собаку. В щеке появилась гангренозная полость, и его кровать пришлось защищать от мух противомоскитной сеткой. Такой жуткий конец жизни он встретил с явным хладнокровием. Анна ухаживала за ним, вставая каждую ночь по несколько раз, чтобы опрыскать его рот обезболивающим средством. Макс Шур, который удачно добрался до Англии, проводил у Фрейда почти все время. Обсуждая Гитлера и вероятное будущее, Шур спросил Фрейда, считает ли он, что эта война будет последней. «Для меня – последней», – ответил Фрейд. Его имя было включено в «особый список» гестапо, куда входили люди, которых нужно было найти в первую очередь после завоевания Британии.

1 сентября Гитлер вторгся в Польшу, а два дня спустя, утром в воскресенье, Чемберлен сообщил Великобритании, что «теперь мы воюем с Германией». Кровать Фрейда передвинули в более безопасную часть дома, когда вскоре после речи Чемберлена завывли первые сирены воздушного налета. Это была ложная тревога.

21 сентября, во вторник, Фрейд взял Шура за руку и сказал: «Мой дорогой Шур, вы, конечно же, помните нашу первую беседу. Тогда вы пообещали не оставить меня, когда придет мое время. Теперь это превратилось в сплошную пытку и больше не имеет смысла». Шур сказал, что все понимает. «Спасибо», – ответил Фрейд. – Поговорите с Анной и, если она не возражает, покончите с этим делом».

За сорок лет до того в одном из своих полных риторики писем к Флису он спрашивал: «К чему пришел человек, как ничтожно должно быть влияние религии науки, которая должна была занять место старой религии, если человек уже не отваживается решить, когда очередь того или другого умереть?»

Поговорив с Анной, Шур сделал ему инъекцию большой дозы морфия и повторил ее, возможно, дважды, в течение следующих тридцати шести часов. Фактически это была эвтаназия. Шур посоветовался с юристом, до того как написать отчет об этом эпизоде.

Фрейд впал в кому и умер в три часа ночи в субботу, 23 сентября 1939 года. Ему было восемьдесят три, и он прожил больше, чем предсказывали все его магические числа. Это был Йом Киппур, еврейский День искупления – совпадение, которое он мог бы проанализировать и счесть чем-то большим, чем совпадение, – если бы имел эту возможность.

Глава 32. Послесловие

Поколение Фрейда отнеслось к нему с должным уважением. Анна, которая осталась представительницей отца на земле, была почитаемым хранителем его памяти, а также бумаг в доме на Мэсфилд-гарденз. Она сама была терапевтом, но жила в тени Фрейда и не хотела ничего иного. Люди старались ничем не обидеть «мисс Фрейд».

Дом был хранилищем прошлого. Весь оставшийся после Фрейда антиквариат и его книги хранились там. Тетя Минна умерла во время войны, но Марта, старшая сестра, пережила ее. Это была тихая старая женщина с устоявшимися привычками, которая всегда ходила на Финчли-роуд за продуктами, как прежде делала это в Вене. Когда она умерла в 1951 году, ей было девяносто лет.

В то время Анне было чуть больше пятидесяти, она была занятым и энергичным человеком. Она стремилась сохранить и сберечь достояние отца, что не очень помогало тем, кто хотел беспристрастно оценить его жизнь, но такая верность вызывала восхищение – он

был смыслом ее жизни. В доме на Мэсфилд-гарденз постоянно бывали люди, явившиеся по делам психоанализа, но они ощущали, будто попадают в другую страну. Джеффри Мэссон, который впервые побывал там в шестидесятых годах, был

поражен неким зловонием, ощутимым запахом плесени. Было очень темно и почти совершенно тихо. Как только я вошел, меня словно придавило. Кругом были памятки из прошлого.

Известный британский аналитик побывал там во время своего обучения:

Они как будто продолжали жить в Вене. Старая служанка предложила мне бутерброд без мяса, как в прежние тяжелые времена. Они одевались все так же. Анна была в длинном черном платье – часть другого мира. Во время анализа мне снились ноги Анны Фрейд. Мой аналитик сказал «Вы единственный мужчина, который их видел»

Для Анны, как и для большинства психоаналитиков, жизнь Зигмунда Фрейда была достоянием, нуждающимся в охране. Когда в 1945 году закончилась вторая мировая война, начали появляться зловещие признаки возрождения всеобщего интереса к личности Зигмунда Фрейда. В 1946 году в Америке вышла его биография, в следующем году – еще одна, проникательное произведение журналистки Хелен Уокер Пьюнер. Обе книги привели круг Фрейда в смятение. Необходимы были официальные версии жизни Фрейда.

Первая появилась в виде собрания писем, которые Фрейд писал Вильгельму Флису, пророку биоритмов и носовых рефлексов. Все двести восемьдесят четыре письма пролежали во время войны в датском посольстве в Париже, куда принцесса Мария Бонапарт отвезла их из Вены. В мае 1946 года она привезла переписку в Лондон, чтобы Анна с ней ознакомилась.

Анна не хотела, чтобы письма были опубликованы, как и ее брат Мартин. Бонапарт была противоположного мнения. Она умела убеждать людей и заслуживала внимания как человек, который спас переписку; кроме того, если Фрейды этим бы не заинтересовались, она могла бы найти письмам другого владельца. Стараясь предусмотреть юридические тонкости и представить людям настоящего Фрейда, тем самым сделав книги других авторов излишними, Анна решила, что письма нужно опубликовать. Но сначала их необходимо было подвергнуть цензуре.

В период с 1946 по 1949 год письма редактировал бывший венский аналитик Эрнест Крис. Один из любимых учеников Фрейда в тридцатых годах, во время войны он переселился в Нью-Йорк и каждое лето посещал Лондон, где с удовольствием работал рядом с Анной. Они были очень близки: анализ проходил все время, пока они занимались письмами.

Началось сокращение истинного образа Фрейда, хотя в то время люди еще могли увидеть разницу. Книгу должны были назвать «Происхождение психоанализа», но весь материал об интересах отца, который Анна с Мартином сочли слишком неприглядным, был исключен. Сюда вошел и абзац о женском обрезании, и мрачные подробности «совращений», и то, что Фрейд испытывал сексуальное желание. Вырезали и эпизод с Эммой Экштейн, женщиной, которая, как Фрейд предполагал, чуть не умерла от кровотечения из-за любви к нему. Немецкоязычная версия с большим введением, написанным Крисом, появилась первой, в 1950 году, а за ней в 1954 году последовало англоязычное издание. Крис говорил Анне, что его совесть чиста, в книге есть замечание, где он говорит, что редактура осуществлялась по принципу «опущения или сокращения [всего], что не соответствовало бы профессиональной или личной совести» – достаточно размытая фраза, которую можно применить к любому случаю. Фактически, Крис с Анной исключили из переписки большую часть того, что в то время беспокоило Фрейда. Психоанализ принял то, что ему дали – даже эта выхолощенная версия содержала неслыханные откровения, – но был благодарен хотя бы за это.

Задолго до выхода в свет «Происхождения психоанализа» Анна и ее советчики находились в тяжких раздумьях по поводу биографии. Американский издатель попросил Джонса написать ее в 1946 году, но тот сначала колебался (или делал вид), поскольку ему было шестьдесят семь и у него было слабое здоровье. Анна предпочла бы, чтобы это сделал Крис, говорили еще об одном кандидате из старой Вены, Зигфриде Бернфельде, одном из

призрачных женихов Анны в двадцатых годах, который теперь жил в Сан-Франциско. Бернфельд собрал большой биографический материал о ранних годах деятельности Фрейда. Возможно, его умение находить информацию говорило не в его пользу. Его идея создать доступный архив Фрейда позже была отклонена в целях скромности и сокрытия некоторых фактов. Бернфельд опередил свое время, задавая биографические вопросы, которыми больше не интересовался никто. В 1947 году он опубликовал статью, которая утверждала, что «Покрывающие воспоминания» Фрейда автобиографичны. Именно эти изыскания вызвали такую любознательность у Питера Суэйлза тридцать лет спустя.

Бернфельд не стал официальным биографом, равно как и Крис. Однако Джонс решил, что все-таки сделает это. Что бы Анна ни думала относительно его хитрости, он был слишком заметной фигурой и работал вместе с Фрейдом слишком много лет, чтобы получить отказ.

К 1950 году Джонс принялся за работу над первым томом биографии, которая заняла три тома. Любезный Бернфельд снабдил его информацией. Самым важным материалом стала переписка Фрейда, которую семья передала Джонсу не без опасений. В дом Джонса в Суссексе, где он жил спокойной жизнью почти без работы с женой и парой слуг, были отвезены полные сундуки бумаг. Письма Зигмунда и Марты в период помолвки сначала оставили. Некоторые родственники хотели их уничтожить. Только Эрнст Фрейд, который теперь работал в Британии архитектором, похоже, был на стороне Джонса. В конце концов Анна отдала ему две тысячи писем, которыми обменялись Зигмунд и Марта, и Джонс поклялся, что не покажет их «ни одной живой душе», если не считать госпожи Джонс, которая их переводила. Он чуть не пропал под тяжестью этого и других материалов. К тому времени как он закончил первый том, был уже конец 1952 года и ему было семьдесят четыре года.

Поскольку это была официальная биография, за Джонсом присматривали родственники, особенно Анна. Его стиль в основном живой, подход к Фрейду прямой и редко угоднический. Но тем не менее Джонс превозносил своего учителя, который сделал его жизнь такой, какая она есть, опустил некоторые факты и изменил другие. Он очень скромно воспользовался письмами Флису, очень вскользь упомянул о Фрейде и кокаине (этот вопрос беспокоил Анну), о его собственных неврозах – в общем, дал не критическую версию его жизни. Анна, которая не была уверена в результате, вздохнула с облегчением, прочитав черновики Джонса.

Биография Джонса, его последняя услуга Фрейду, остается монументальной работой. Третий том вышел в 1957 году. Вскоре после этого у Джонса обнаружили рак. Как и другие люди из раннего окружения Фрейда, Джонс обладал своими странностями, но в отличие от них он всегда хранил верность учителю. На смертном одре он с беспокойством обнаружил, что во сне слышит хоры, распевające гимны, словно религия безуспешно старается перетянуть на свою сторону старого рационалиста. Он решил положить конец своим страданиям, как это сделал Фрейд, и в феврале 1958 года завершил свою жизнь посредством лекарств.

Желание сохранить бумаги Фрейда и отогнать от них любопытных исследователей привело к созданию архива. Бумаги необходимо было держать под замком. Фрейда нужно было защищать от унижений, когда его методы публично применяли бы к нему самому. Это не сочеталось с внутренней целью психоанализа – найти истину за фасадом, – но хорошо подходило к авторитарной личности Фрейда. Доктор Курт Айсслер, ведущий нью-йоркский аналитик, взял на себя создание этой коллекции и присмотр за ней. Еще один беженец из гитлеровской Вены, Айсслер во время войны переписывался с Анной и подружился с ней. К 1950 году, когда он и другие члены Нью-Йоркского психоаналитического общества решили, что в Америке нужно создать фрейдовский архив, она выказала свою поддержку.

Никто не замечал Зигфрида Бернфельда, который мечтал, как он намекал в письмах к Айсслеру, создать архив в виде лаборатории, открытой для исследователей. Анна пришла от этой идеи в ужас. Она предпочла закрытый фонд, где материалы использовались бы «с

большой осторожностью». К моменту смерти Бернфельда в 1953 году были легально созданы архивы Зигмунда Фрейда и Айсслер занялся поиском писем и других бумаг, а также начал программу по записи на пленку интервью со стареющими аналитиками и пациентами.

Отдельно были опубликованы не совсем надежные издания избранных писем. Некоторые редактировал Эрнст Фрейд, который исключал все, что он и Анна считали неприличным. В 1961 году вышел сборник разных писем, в 1965-м – писем Карлу Абрахаму, в 1970-м – Арнольду Цвейгу. В то время Эрнсту принадлежали права на материалы его отца. Фрейд оставил авторские права пятерым внукам – они до сих пор получают за это деньги, – а Эрнст управлял организацией «Зигмунд Фрейд копирайтс», которая была учреждена в 1946 году для решения вопросов по авторским правам Фрейда. У Анны не было непосредственного контроля над материалом, но она была изыскательницей воли отца и с ней всегда советовались. Маловероятно, что брат поступал бы против ее воли.

Первые документы, с которыми обошлись должным образом, были письма Юнгу. Они были опубликованы вместе с письмами Юнга Фрейду под редакцией Уильяма Макгира 1974 года после многолетних переговоров с обеими семьями. Анна Фрейд изо всех сил старалась вмешаться. Например, она не хотела, чтобы сохранились упоминания о Штекеле как о «свинье», о Мортоне Принсе как о «невежественном осле» или чтобы говорилось хоть что-нибудь о связи Юнга с Сабиной Шпильрейн. К тому времени, однако, вопрос об авторских правах – которые увеличили доходы внуков Фрейда, дав им право на перепечатку текстов Фрейда, – был поставлен на профессиональную основу. Эрнст умер в 1970 году. Макгир отказывался от предложений Анны Фрейд, и «Зигмунд Фрейд копирайтс» разрешили выпуск несокращенного издания.

Архив Айсслера продолжал расти. Весь материал хранился в библиотеке конгресса, и доступ к нему был ограничен. Часто эти ограничения были удивительно неоправданными. Зачастую встречались запреты на двадцать, тридцать, пятьдесят лет. Некоторые документы должны были держать под замком два века, до двадцать второго столетия. Пациентов Фрейда и их живущих потомков, как утверждалось, нужно было защитить (хотя сам Фрейд часто не соблюдал конфиденциальности). Кроме того, интервьюируемые ничего бы не сказали, если бы знали, что их взгляды обнародуют. В этих ограничениях был какой-то смысл, но они накладывались без должных соображений, огульным образом. Когда Эрнест Джонс в своей биографии раскрыл тайну Анны О., то есть Берты Паппенгейм, небо не упало на землю. Этого не произошло и тогда, когда Генри Элленбергер назвал Эмми фон Н. Фанни Мозер в 1977 году.

В связи с некоторыми интервью Айсслера возникали нелепые ситуации. Наложив запрет на длительные беседы с Вильгельмом Райхом в 1952 году, он с ужасом обнаружил, что копии пленок, оставшиеся у Райха, были использованы для книги всего пятнадцать лет спустя. Жена Мартина Фрейда, проживавшая отдельно от него, спокойно сплетничала с Полом Роазеном и дала ему прочитать копию своего интервью, которое, как она с удивлением узнала от Роазена, было закрыто для доступа в библиотеке конгресса до 2053 года.

Волчий Человек, которого Айсслер обнаружил в Вене и много лет подряд интервьюировал, стал еще одним разочарованием. Панкеев попал во «вражеские руки», когда предприимчивая журналистка из Лондона, Карин Обхольцер, самостоятельно обнаружила его в 1973 году и убедила поговорить с ней. Айсслер не смог остановить ее, и в конце концов Панкеев продал ей свои права на историю, то есть сорок часов интервью, записанных ею. По договору ничего не должно было публиковаться до его смерти. В то время ему было восемьдесят шесть. Книга Карин Обхольцер появилась в 1980 году, год спустя после его смерти, и продемонстрировала интересный скептицизм со стороны самого знаменитого пациента Фрейда. Интервью Айсслера с ним до сих пор пылятся в библиотеке конгресса.

Самым значительным ходом Айсслера было то, что ему удалось убедить Анну Фрейд написать завещание на бумаги Фрейда на Мэсфилд-гарденз. Она умерла в 1982 году и в

конце концов из Нью-Йорка приехал человек, чтобы проследить за исполнением условий ее завещания. К тому времени дом стал Музеем Фрейда, где были выставлены его вещи – кушетка, статуэтки, библиотека, – и бумаги не хотели отдавать. Фотокопировальные машины работали долгие часы, но большое количество материала так и не скопировали. Недовольство британцами, которые меньше суежились вокруг ее отца, возможно, объясняет, почему Анна поддалась на уговоры Айслера.

Бумаги Джонса принадлежат Британскому психоаналитическому обществу и доступны исследователям, хотя по крайней мере один раз из них кое-что изымали. В 1972 году в библиотеку приехала Анна Фрейд в сопровождении психоаналитика доктора Масуда Хана, любителя поспорить, который в то время отвечал за архив общества. Они изъяли бумаги, которые, по словам Анны, принадлежат семье, среди них – материалы, относящиеся к Эмме Экштейн. Предположительно, они тоже давно оказались в Америке.

Интересные события незадолго до смерти Анны подорвали авторитет Айслера и его архива. В семидесятых годах он подружился с Джеффри Мэссоном, в то время молодым американским психоаналитиком, который к тому же был профессором санскрита в Торонто. Впечатленный талантами Мэссона, Айслер решил сделать из него своего преемника.

Айслеру, очевидно, был нужен протеже, не слишком отягощенный прошлым и обожествленным образом Фрейда. Возможно, он пострадал от колючей проволоки фрейдистов больше, чем показывал это, и имел зуб на их ограничения. Поэтому он решил удивить их активистом, стремящимся к раскрытию тайн.

До разговора с Айслером по поводу этого назначения, когда тот пригласил его стать директором «Зигмунд Фрейд копирайтс», Мэссон познакомился с Анной Фрейд и, с одобрения Айслера, стал вести себя как дома на Мэсфилд-гарденз, в этом «огромном сундуке сокровищ», где он добыл много бумаг. Мэссон вызвал ее беспокойство тем, что предложил издать без цензуры переписку с Флисом (это стало его навязчивой идеей), но в конце концов Анна согласилась даже на это.

Формально предложение стать преемником Айслера Мэссон получил в октябре 1980 года, а к 1981 году он уже знакомился с засекреченными материалами библиотеки конгресса и планировал открыть к ним доступ. Айслер, хоть это ему и не нравилось, сказал, что Мэссон может поступать так, как хочет.

Однако в последний момент Мэссон дискредитировал себя в глазах Айслера и психоаналитического истеблишмента. Он уверился (во многом благодаря материалам из архивов Айслера), что Фрейд предал себя и человечество, отказавшись от своей собственной «теории соращения» о крупномасштабном соращении малолетних и заменив ее теорией о детских фантазиях, ставшей эдиповым комплексом. Летом 1981 года на психоаналитическом собрании в Новой Англии он сказал, что Фрейд совершил «колоссальную ошибку», сочтя реальность фантазией. «Нью-Йорк таймс» узнала о его ереси и в результате – поскольку психоанализ без Эдипа очень похож на христианство без воскрешения – последовала огласка, гнев, увольнение и судебные разбирательства. Мэссон невинно заявляет, что не скрывал от Айслера своих взглядов и был шокирован его реакцией.

Попытка прекратить его абсолютно не сокращенное издание переписки с Флисом, которую он перевел и отредактировал, не удалась, потому что с издательством уже был заключен контракт. Некоторые аналитики все еще делают вид, что это издание не существует, потому что терпеть не могут Мэссона. Некоторые радикалы раздражаются тем, что он зря, по их словам, потакал своим желаниям и болтал направо и налево до тех пор, пока не открыл все архивы. Сам Мэссон давно отказался от психоанализа как безнадёжного направления и двинулся дальше.

Айслер, печальная фигура, ушел на пенсию после дела с Мэссоном, а при новом директоре архивы стали доступнее, чем раньше. Впрочем, только фантазер стал бы предполагать, что все печати будут взломаны в этом тысячелетии.

Психоанализ все это время развивался и изменялся. Это стала менее четко очерченная дисциплина, чем та, которую предложил миру Фрейд. Никто не может обвинить психоаналитиков в консерватизме. Первоначальная концепция инстинктивных желаний Фрейда стала менее жесткой. Даже эдипов комплекс не играет теперь такой большой роли, потому что сейчас внимание обращают не только на события детства, но и на взрослую жизнь и взаимоотношения. Бессознательное человека у некоторых аналитиков стало творением общества, а не закрытым внутренним миром. Школа «связей объекта», которая занимается в основном взаимоотношениями пациента с другими людьми, сделала многое для гуманизации психоанализа, хотя сам термин «связи объекта» не совсем уж гуманистичен. Восприятие Фрейдом людей вообще и маленьких детей в частности как существ, которые подобно животным борются за простые удовольствия с враждебной средой, сменилось точкой зрения, что мы начинаем жизнь уже приспособленными к своему окружению.

Манера проведения анализа тоже изменилась. Пациентов теперь чаще приглашают к сотрудничеству, а не заставляют думать, что они подчиняются доктору. Некоторые аналитики отказались от кушетки и проводят анализ сидя лицом к лицу с пациентом. Другие считают старое положение более подходящим для того, чтобы избавиться от отвлекающих моментов и стимулировать свободные ассоциации. Регулярные сеансы четыре или пять раз в неделю в течение месяцев или лет остаются для некоторых психоаналитиков идеалом, но классический анализ уже долгое время находится в упадке. Поль Федерн, друг Фрейда, еще в 1972 году писал, что психоанализ в США стал «популярным и обычно неправильно понимаемым методом лечения эмоционально нездоровых людей». Появились методы ускоренного лечения конкретных проблем. Психоанализ начинает превращаться в менее конкретную «психотерапию», которая, в свою очередь, становится вездесущими «консультациями психолога», где психология часто неотличима от здравого смысла. В общей сложности психоаналитическое сообщество растворило чистую доктрину Фрейда и получило более легкий в употреблении набор убеждений, которые (как они надеются) сложнее критиковать, потому что они менее конкретны.

Для некоторых практикующих врачей психоанализ все еще остается жесткой и неизменной дисциплиной. Иногда они выражаются строже, чем сам Фрейд, по крайней мере, Фрейд на начальном этапе работы, когда он по ходу менял свою систему. Доктор А. – терапевт, который верит во фрейдовский психоанализ. У него нет времени на многочисленные методы современной терапии для конкретных случаев, «так нужно делать, если умер ваш отец или ваша собака». Фрейдистская терапия – это нечто другое.

Не помогает делу, – утверждает А., – если позволить сложиться социальным отношениям между доктором и пациентом. Он никогда не встает, когда заходит пациент, не приветствует его. Если кто-то не приходит на сеанс, он сидит и терпеливо ждет. Те, кто задает прямые вопросы, не получают прямых ответов. Люди должны находить свои собственные решения. В конце концов, это их бессознательное, а не его. «Эдипову ситуацию нельзя разрешить, но ее можно признать, и если мы признаем ее, наша жизнь станет интереснее, чем в противном случае».

Сам Фрейд для А. – это Эдип, человек, который стремился разгадать загадки жизни, реалист, который «всегда говорил, что будет оклеветан, поскольку видел нас такими, какие мы есть, а не только такими, какими мы должны быть». Когда перед вами жизненная проблема, – говорит А., – важно найти способ выполнить «благородное дело» осознания самого себя.

Возможно, он прав. Проблема неспециалиста в отношении к психоанализу – это то, что в теории, несомненно, есть правда, но нет единой абсолютной истины, на которую претендовал Фрейд-пророк, или, как предпочитает выражаться А., «абсолютной истины, которую, по мнению некоторых людей, Фрейд утверждал, что нашел».

Смелые заявления психоаналитиков – как основателя психоанализа, так и его последователей – постепенно теряют свою силу. Когда после первой мировой войны Фрейд получил всемирное признание, верить в «бессознательное» значило принимать предложенную им версию. Во второй половине двадцатого века психология нашла альтернативы, которые не зависят от жестоких механизмов подавления и конфликтов Фрейда. Его решение загадки не оказалось защищенным от времени, как и решения всех остальных людей. Его памятник – поиск этого решения.

Место, где стоял «Бельвю», пансион под Каленбергом, а теперь висит мемориальная доска в память о нем 1895 года, все еще привлекает путешественников. В летний день там так и хочется устроить пикник. Однажды Фрейд отправился туда с Эрнестом Джонсом, и они обедали на террасе перед зданием, у северо-восточного угла. Именно там, – сказал профессор Джонсу, – и произошло «великое событие». Можно попытаться определить точное место, но едва ли это уже имеет значение. На том месте, где Фрейд спал и видел сны, остались только воздух, ветви деревьев да несколько птиц.